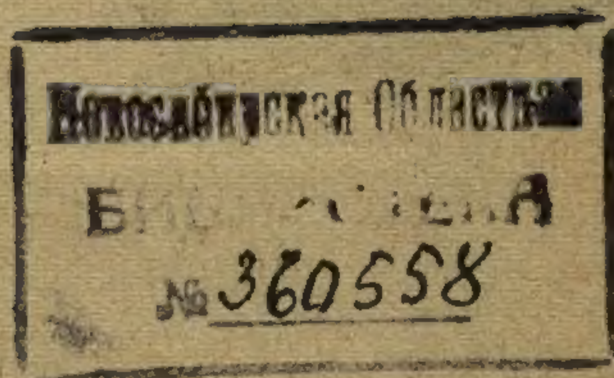

АЛТАЙ-БУЧАЙ

НГОНБ Новосибирск
Liber
149980

Владимир! Это очень хорошая книга. Большое спасибо тебе за неё.

Кувшинова Валентина Ивановна.

B

Н. У. УЛАГАШЕВ
О Р Д Е Н
ТАГЫНГАН-КАЙЧЫ

АЛТАЙ-БУЧАЙ

ОЙРОТ АЛБАТЫНЫН' ЧЁРЧЁК-КУУЧЫНДАРЫ

А. КОПТЕЛОВТЫН'
редакциязыла

ОГИЗ — ОБЛАСТЬТЫН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВОЗЫ
НОВОСИБИРСК — 1941

Н. У. УЛАГАШЕВ
СКАЗИТЕЛЬ-
ОРДЕНОНОСЕЦ

АЛТАЙ-БУЧАЙ

ОЙРОТСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Под редакцией
А. КОПТЕЛОВА

ОГИЗ—ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК—1941

Н. У. УЛАГАШЁВ И ОЙРОТСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

I

17 марта 1861 года в долине Сары-Кокши у охотника Улагаша из племени Туба родился мальчик. Отец обрадовался сыну и, взяв ружье, отправился в лес. По дороге он напевал:

Черного соболя убью —
Сына в шкурку заверну.
Жирного марала свалю —
Сыну шашлык зажарю.

Это были слова из любимой народной героической поэмы, и он повторял их без конца.

Той порой в юрте старухи-родственницы смазали тело ребенка конским салом и положили к груди матери.

— Теперь морозов не будет бояться! Вырастет здоровым, сильным!..

Отец вернулся с тушей косули, и родственницы завернули новорожденного в звериную шкуру.

Стали ждать первого гостя.

У коновязи остановился знакомый русский охотник. Улагаш, предупрежденный лаем собаки, вышел встретить гостя, принял повод его коня.

— Ты приехал в хороший день! — воскликнул он. — Имя парнишке дашь!

Они вошли в юрту. Улагаш усадил гостя на шкуру кабарги на мужской половине жилья, подогрел араку[1] над костром и налил в деревянную чашку вровень с краями.

— Всю зиму берег: парнишку ждал!

[1] Арака — самогонка из молока.

Охотник принял чашку, сделал легкий поклон и сказал:

— Назовите Николаем. Хорошее имя!.. У меня тоже есть сын Николай.

Гостя благодарили.

Мать несколько дней твердила незнакомое имя:

— Мукулай... Микулай...

На следующую осень, ожидая суровую зиму, Улагаш вырыл в юрте, возле самого очага довольно глубокую яму. Жена постелила в нее сухой травы — ойнот, которая в те годы заменяла беднякам матрацы и портянки. На ночь детей укладывали в яму и закрывали звериными шкурами.

Зима была морозной, и в юрте застыла земля.

Вскоре на детей навалился «худой огонь». Они умирали один за другим.

— Злой Эрлик унес... Чем его задобрить? — спрашивала Бачак своего мужа.

Улагаш молчал. Про себя он повторял самые грозные ругательства по адресу подземного бога. Это были слова из народного эпоса, и Улагаш не боялся, — не он ругает Эрлика, а богатырь, которого он вспомнил ко времени.

Богатырь в единоборстве победил злого бога и взял с него клятву никогда не делать людям ничего плохого. Почему же Эрлик не унимается?

Из всех детей Улагаша выжил один Николай. Видно, правду сказали старухи, что младший сын вырастет здоровым и сильным. Вот и среди богатырей так же: младший сын всегда сильнее и мудрее всех!

Семилетним мальчиком Николай уже помогал отцу в домашней работе. У них было пять лошадей и пять коров. Они сеяли по полдесятине ячменя. Но от своего хозяйства семья не могла прокормиться, и в летнее время Улагаш нанимался к баям косить сено, заготовлять дрова. Осенью он уезжал в кедрачи бить орехи. А по первому снегу отправлялся в глубь лесов на охоту. Это было его любимое занятие, и он решил с детства приучить сына к охотничьему промыслу. Когда мальчику исполнилось девять лет, отец сделал ему новые лыжи, подбил их шкурками с ног коня. Николай пошел за отцом по лесистым падям и хребтам. За спиной у мальчика, как у настоящего охотника, покачивалось ружье. Но Николай был так мал, что прикладом бороздил снег. Знакомые охотники, дойдя до его лыжни, добродушно смеялись:

— Здесь прошел большой охотник Николай, — всех белок выбьет, нам не оставит!..

Охотник из Николая вышел хороший. Белок он бил только в глаз, чтобы шкурки не портить.

Охотничье становье Улагаша было под старым кедром, опустившим косматые ветки до самой земли. Рядом с кедром на всю ночь разводили костер. Вечерами отец пел о богатырях. Мальчик восторгался их победами над иноземными захватчиками — ханами и зайсанами, завидовал их вечному лету, которое наступало, как только кончалась победоносная война. По ночам мальчику снилась золотая кукушка, прилетевшая оттуда, где — вечное лето. Уговорить бы эту кукушку навсегда остаться здесь! Может быть, от ее кукованья растаял бы снег... Разве поймать ее!.. Но кукушка улетала. А крылья ее долго были видны на небе, как два полумесяца

На промысел выходили перед рассветом. Николай частенько останавливался в сонном лесу и подолгу смотрел на небо, усыпанное звездами, среди них он отыскивал коней тех богатырей, о которых отец пел минувшим вечером. Особенно ему нравилось созвездие трех маралух (Орион). Охотник убил зверей одной стрелой. Вон он, оставив коня, подходит к ним... Выбежали бы сейчас так три козла, Николай убил бы их одной пулей!..

В пятнадцать лет Николай приобрел славу первого охотника в долине Сары-Кокши. Возвращаясь на стан по глубокому снегу, он нередко, кроме нескольких десятков шкурок белки, нес по две—три косули. Он был высокий, широкоплечий, обладал густым мощным голосом. Руки у него были большие, цепкие, сильные. На артельных охотничьих становьях бывало так: все несут к костру хворост, а Николай целые смолевые колодины и бревна.

О нем говорили:

— Богатырем растет!.. Отцовских сказок наслушается — будет горы с места на место переставлять.

Однажды во время кедрового промысла на стан Улагаша пришел бродячий кайчи[1] Кобак Тадыжеков. Его спросили, где он гостил последние недели, почему его давно не было видно в родных местах.

— Лежал: спину заживлял...

И он рассказал, что дней двадцать тому назад его вызвали к зайсану Тобокову в село Карасук.

— Отказывается платить!.. — крикнул сборщик податей и толкнул Тадыжекова к ногам князька, сидевшего на коврах. — На колени, подлый!..

— Отказывается? — переспросил зайсан, выбивая о носок сапога пепел из трубки; заметил в руках Тадыжекова самодельный

[1] Кайчи — певец.

топшур[1], поднял глаза и воскликнул с нескрываемым злорадством:

— О-о, да это тот самый, который про богатых поет нехорошее!

— Он самый.

— Сколько за ним?

— Три рубля.

— За каждый рубль — по десять плетей, — распорядился зайсан и зазвенел кисетом, украшенным золотыми подвесками. — За худые песни прибавите...

Тадыжеков оборвал свой рассказ и попросил табаку.

— Ну и как сейчас? Не поешь? — спросил отец.

— Песню убить нельзя, — ответил кайчи. — Они все умрут, а песня останется. И я умру — песня будет жить.

Николай широко открытыми глазами смотрел на знаменитого кайчи. Отец не раз говорил:

Слово старика в мешок прячь,
Слово умного в карман клади,
Слово мудрого за пазуху заткни.

И Николай каждое слово кайчи клал себе на сердце, туда, где, по словам стариков, у человека находится ум.

Выждав, когда все на минуту смолкли, он попросил спеть про кого-либо из сильнейших богатырей.

Сказитель согласился; настраивая топшур, сказал:

— Спою то, что слышал от твоего дедушки. Хороший был кайчи!

И Тадыжеков запел о богатыре Курман-Тойчи, освободившем народ, плененный Кюн-каном.

Струны топшура то нежно звенели, то рокотали, как буря над лесом. Густой, гортанный голос сказителя напоминал изменчивое журчанье горной речки. Веселый речитатив вдруг уступал место протяжному пению, легкая ирония — острому сарказму или гневному вскрику.

Несколько раз добавляли дров в костер. Старались сделать это бесшумно, чтобы не помешать певцу. Никто ни разу не взглянул на звездное небо.

Над лесом занялась оранжевая заря. Закричали кедровки на вершинах деревьев. Пора бы на промысел, но кайчи продолжал свою песню. И его слушали, забыв обо всем.

Знаменитый сказитель прожил на становье три дня и спел несколько увлекательных богатырских сказаний. На четвертый день он стал собираться в путь. Его долго уговаривали. Ведь он своими сказаниями услаждал слух горных духов, которые платили за это, сгоняя к охотникам зверей со всей округи. Но кайчи сказал:

---

[1] Топшур — двухструнный музыкальный инструмент.

— Пойду к другому огню. В тайге сейчас много людей. Ждут меня.

В его суму положили сыр и вяленое медвежье мясо.

— Приходи еще. Мы тебе добудем выдру: сошьешь себе шапку лучше, чем у богатыря.

— Прийду, — пообещал сказитель и пошагал по старой козлиной тропе. — На Синей горе вился дымок. Мой путь — к тому костру.

Николаю хотелось бросить все и вместе со сказителем отправиться в бесконечное путешествие по становьям шишкобоев и охотников.

В долине Сары-Кокши жил еще один знаменитый сказитель — Кыдыр Отлыков из сеока[1] юс. Людей этой кости не любили в долине Сары-Кокши. Особенно не любил их сеок кюзен, к которому принадлежал Николай. Временами между людьми этих сеоков вспыхивала вражда. Юстеров называли хулиганами и ворами. Улагаш говорил своему сыну:

— Где живут юстеры, там всегда сороки и вороны клюют кровь.

И объяснял свои слова нелепой легендой, которую породила междуродовая неприязнь. По этой легенде, юстеров всегда должно быть сто человек. Так и сеок назывался — сотня (юс). Если родится сто первый, то сородичи его убивают, как лишнего человека.

В семье Улагаша не могли спокойно слышать имени кого-либо из юстеров. Но Николая очень интересовали героические сказки, которые пел юстер Кыдыр Отлыков, и однажды юноша тайком от родителей ушел в юрту талантливого кайчи. Сказитель долго отказывался петь человеку кости кюзен, но под конец согласился. Он спел ему про богатыря Кан-Сулутая, который в жестоком единоборстве победил злого подземного бога Эрлика.

На следующий вечер Николай снова пришел в юрту сказителя, и Кыдыр спел ему поэмы «Бадай-Гора» и «Кан-Кеглен и Кан-Юнюты».

Узнав, куда ходит сын, Улагаш пришел в ярость.

— Ты знаешь, что он — юстер? — спросил отец сына.

— Но... он поет очень хорошие сказанья! За это зайсан драл его плетью... Кыдыр поет лучше всех людей нашей кости! — сказал сын и стал убеждать отца, что Кыдыр — лучший человек в долине, что все худые рассказы о юстерах — выдумка злых людей.

---

[1] Сеок — род, кость.

Так древние народные сказания подружили людей двух сеоков, враждовавших между собою.

В деревне Паспаул жил слепой сказитель, бобыль Сабак Боченов. Он кормился тем, что приносили ему люди, приходившие слушать богатырские сказания.

В свободные от работы вечера Николай приезжал в Паспаул и до утра оставался в избе слепого певца. Кайчи спел ему «Акбий», «Алтын-Билек», «Тарлан-Коо» и много других народных поэм.

Слушая его, Николай заучивал запевки, концовки, диалоги, «крылатые слова», которыми так богаты ойротские народные поэмы; заучивал все то, что А. Н. Афанасьев называл «сказочной обрядностью» и что позднее было названо «сказочным каноном».

Однажды в кружке родственников и знакомых, собравшихся в юрту Улагаша, зашел разговор о любимых богатырях. Один из гостей высказал сожаление, что нет среди них кайчи. Тогда из-за спин пожилых людей раздался голос юноши:

— Можно мне спеть...

Гости удивились, — такой молодой и решается петь героическую поэму.

— Я уже пять лет пою про богатырей, — сказал Николай. — Ребятам пою. В лесу.

Он взял топшур, ударил по струнам и запел низким, густым, мощным голосом, как самый искусный сказитель. Гости позабыли про трубки, про недопитую араку в чашках. Они вслушивались в каждое слово из любимой поэмы об Алтай-Бучае.

Когда Николай запел о девушке Темене-Коо, которую конь примчал с неба, чтобы она оживила богатырского сына, разрезанного на куски, на щеках женщин блеснули слезы.

Много часов без отдыха пел юный сказитель, никто не кашлянул, не перебил его.

С тех пор пошла по горам добрая слава о новом кайчи. За 20—30 километров стали приезжать люди к Улагашеву, чтобы послушать его сына. Издалека приходили охотники на то становье, где ночевал молодой сказитель.

Летом Николай собирал на скалах сухие листья бадана. Теперь баданом дубят кожи, а раньше в русских деревнях Алтая его употребляли вместо чая. Зимой Улагашев повез продавать бадан в Старо-Бардинский район. В селе Елей остановился у одного знакомого. Целый день ходил по селу. А вечером, вернувшись на квартиру, увидел там старика с топшуром.

— Прикочевал к нам из-под города Кузнецка, — сказал хозяин. — Этого старика там все знают.

Это был бобыль Яемат, известный профессиональный кайчи. Вспоминая о нем, Улагашев называет его большим мастером сказок, былин и песен. Яемат был не только исполнителем старых народных поэм и песен, но и слагал новые лирические песни.

Вечером изба, где остановился Яемат, наполнилась слушателями. Они пришли с подарками: один принес мясо, другой — сыр, третий — толкан, четвертый — лисьих лапок на шапку. Всю ночь слушали искусного кайчи и разошлись только на рассвете, когда надо было гнать скот на водопой.

Улагашев прожил в Елее трое суток. Три ночи он слушал старика, стараясь запомнить каждое слово. Особенно пленили Улагашева поэмы «Алып-Манаш» и «Имей-Алтын и Шимей-Алтын» и сказка «Сын-Ару». Во всех трех произведениях было много лирических песен, столь глубоко западавших в душу, что их хотелось повторять и повторять бесконечно. Выехав за село, Улагашев запел так громко, как мог. Густой бас его долго звенел в морозной тишине. Охотник, возвращавшийся домой на лыжах, повернул к дороге и, разглаживая усы кулаком, спросил:

— Много привезли кабак-араки[1]? Я успею захватить?

Николай пел всю дорогу. Это была проверка голоса и памяти.

Особенно ему нравился тот эпизод, где Алып-Манаш пишет письмо на крыле гуся и поет ему песню. Хорошо бы все эти песни написать на крыльях птиц. Птицы разлетелись бы по всему Алтаю, и все охотники стали бы петь то, что поет сейчас он, Николай Улагашев. Но для этого надо быть грамотным. А в долине Сары-Кокши нет ни одного алтайца, который бы умел читать книги и на бумаге оставлять след своей мысли, как горностай оставляет след на свежем снегу. Хорошо богатырям с их «книгами мудрости»!..

Дома отец спросил, много ли сын привез денег, а Николай ответил ему:

— Я вернулся богатым человеком! — И рассказал о песнях Яемата.

Отец покачал головой.

— Бай Барабош не принимает песни в уплату долга. И зайсан в подать не засчитывает.

— Мы все еще не расплатились с ними? Я потороплю счастливый день придти к нашему очагу.

— Гора Белуха высока, ее вершину рукой не достанешь, — сказал отец. — Так и счастье для бедняка — сколько ни тянись к нему, никогда не дотянешься.

— А богатыри его у себя в тороках возят! У них, что в го-

---

[1] Кабак-арака — водка.

лове, то и в руке. Воевать поедет — назад не оглянется: ни жене, ни невесте не отговорить...

— Ты поменьше думай о них, — посоветовал отец. — Много сказок будешь знать — лентяем станешь.

— Не-ет, — упрямо возразил сын. — Богатыри мне помогают работать! На охоту пойду — вспомню, как богатырь охотился — и силы прибавится, и глаз станет острее. Скот пасу — богатырь передо мной. Вот еще про такого бы узнать, который ячмень сеял!... Есть такой богатырь?

— Не слышал.

— Я думаю — есть. Алтайцы ячмень маленько сеют. А кто их научил? Богатырь! — Николай огорченно взмахнул трубкой. — Эх, Яемата не спросил, он, наверно, знает, как звать того богатыря...

По юртам сары-кокшинских кочевников ходила трахома. Шаманы не могли остановить ее. В юртах было грязно и дымно. Люди никогда не умывались, боясь навлечь на стойбище страшные беды. Мыла не знали. Слова «полотенце» не было в их лексиконе. Ничто не препятствовало распространению трахомы. Заболел и Николай Улагашев. Эта беда пришла, когда ему было шестнадцать лет. По утрам он с трудом открывал глаза. Боль была острой и, казалось, что за веки его насыпали золы. Горы, лес, небо — все закрыла густая пелена, подобная морозному туману.

Николаю посоветовали съездить на «глазной ключ». Он поехал с твердым решением жить там до полного выздоровления. Но прожил только один день. Когда он склонился над ключом, чтобы промыть глаза, ему показалось, что на дне сидит огромная лягушка, и он сердито спросил:

— Почему лягушку не выбросите?

— Какую лягушку?! — вскрикнул хозяин ключа и взял Николая за рукав. — Уезжай сейчас же. Раз тебе померещилась лягушка — вода тебе пользы не окажет.

Николай набрал воды в бочонок и уехал. Дома он по нескольку раз в день промывал глаза этой водой, а когда опорожнил бочонок, ему посоветовали съездить в Улалу, к русскому попу.

Поп указал ему на икону Пантелеймона-целителя и заверил:

— Сей святый от всех недугов избавляет!..

Он обмакнул гусиное перо в лампадку, горевшую перед иконой, и помазал глаза «деревянным маслом».

Домой Улагашев вернулся со страшной болью. Всю ночь не мог заснуть. А утром обнаружил, что туман в его глазах спустился; сказал жене:

— Слово попа такое же ненадежное, как слово шамана. Вот если бы найти мне «живую траву»!.. Но где ее взять? Где она растет? Кони богатырей знают ее. Но я не богатырь и у меня нет такого коня...

Тяжелая болезнь свалила в постель одного из сыновей Николая Улагашевича. Жена настаивала на приглашении шамана, но Улагашев долго не сдавался.

— Разве ты не знаешь, что слова шаманов, как дым? — спросил он жену. — Ветер дунет — от дыма следа не останется. Шаман скажет родным больного: через три дня выздоровеет. А больной через два дня умирает.

— Позовем Тайинчи — он самый сильный шаман, — продолжала настаивать жена.

Сын метался в бреду. Тело его было горячо, как головешка, только-что вынутая из костра, и Николай Улагашевич сдался.

Тайинчи приехал, выпил чашку араки, поколотил в бубен, спел несколько путаных песен и сказал, что Эрлик просит жертву. Привели коня, переломили ему хребет, разодрали его, и шаман, подняв шкуру на березовую жердь, сказал:

— Эрлик стал добрым: огонь из тела парня возьмет обратно.

Через несколько дней сына похоронили. Николай Улагашевич послал жену за Тайинчи и просил ее не говорить о смерти мальчика. Шаман явился с бубном. Услышав звон бубенчиков и железных подвесок, которыми была богата шуба Тайинчи, Николай Улагашевич закричал:

— Обманул твой Эрлик. Обманул!

— Надо было принести в жертву еще одного коня: добрые люди так делают, — сказал шаман без тени смущения.

— Еще коня захотел?! — вскричал Улагашев. — Правду люди говорят: скот болеет — собака жиреет, человек болеет — шаман жиреет.

— За такие слова Эрлик тебе голову свернет.

Улагашев схватил головешку и бросил ее в шамана, но тот успел увернуться, хотел выбежать из юрты, да хозяйская собака, встав на порог, преградила ему путь. Улагашев вскочил, смял Тайинчи и начал наносить ему один удар за другим.

— Эрлик, говоришь, меня возьмет? Пусть попробует. Я его вот так, да вот так. За бороду и головой о камень... Самый маленький богатырь побивает твоего Эрлика!..

Когда избитый шаман выполз из юрты, Улагашев опустился к костру, молча выкурил две трубки, потом сказал жене:

— Богатырь Козын-Эркеш был на части разрублен. Жена, про-

стая женщина, оживила его. А твой сильный шаман с его Эрликом не могли вылечить ребенка.

Жена махала на мужа рукой и шопотом повторяла заклинания. Николай Улагашевич сказал ей сурово:

— Больше ни один шаман не опоганит моего очага!

С того дня кайчи еще крепче полюбил те народные поэмы, в которых богатыри вступают в единоборство с богами и ниспровергают их. Строки, посвященные этой борьбе, он стал петь с особой силой и гневом.

Недалеко от своей юрты Улагашев нашел гладкоствольный молодой кедр, срубил его, высушил на солнце и сделал топшур; натянул две струны из конского волоса. Спел песню, прославляющую новый музыкальный инструмент. Улагашев становился профессиональным сказителем. Люди часто приезжали на его стойбище послушать героические сказания, и ему не приходилось скучать. Но, когда упал первый иней и горы стали золотистыми и багряными, Николая потянуло в лес. Он попросил жену заседлать коней и поехал с нею на кедровый промысел. Жена подводила его к дереву с богатым урожаем, он быстро взбирался к его вершине и начинал сбивать шишки, полные ореха. Однажды, оборвавшись с высокого кедра, он упал на землю и наколол глаз. А через год совершенно лишился и второго глаза. Случилось это в сенокос. Один из богатых соседей, выкосив свою траву, начал косить участок Улагашева. В это время Николай приехал на луг и потребовал покинуть его участок. Но сосед не хотел и слышать об этом. Схватив плеть, он напал на Николая и выхлестнул ему глаз.

Чтобы вернуть свой участок и наказать захватчика, Улагашев обратился в суд, но судья сказал ему:

— Твой сосед — крещеный человек, некрещеному нельзя с ним судиться...

У Николая оставалось единственное средство борьбы — меткое, острое и разящее слово, строки из народных поэм, и он назвал соседа одним из Семи Обжор, о которых поется в нескольких сказаниях, и стал сравнивать его со злобным баем Айбычы из поэмы «Малчи-Мерген». Тот бай набросился с плетью на пастуха, избил его и приказал переломить ему ноги. Но пастух нашел «живую траву», которая

Умершим жизнь возвращает,
Потасший огонь зажигает,
Глаза потерявшим зрение возвращает,
Безногим ноги дает.

С той травы кости пастуха срослись. Стал он

В шесть раз сильнее прежнего,
В десять раз статнее прежнего.

Пастух Малчи-Мерген расправился с баем, истязавшим его.

Народная поэма о пастухе поддерживала у Николая мечты о «живой траве». Был бы хоть один глаз целым, может когда-нибудь и нашел бы эту чудодейственную траву.

Голубые хребты, серебристые снежные вершины, зеленые леса с россыпями цветов — все залила вечная тьма. Даже о той туманной пелене, которая два года назад была перед глазами, теперь вспоминал Николай, как о большой утрате. Жизнь его была тяжела и горька. Пригоршни ячменя и кусок сыру ему стоили большого напряженного труда. Он работал с поводырем. Когда выходил косить траву, то давал сыну колокольчик. Мальчик шел по соседнему прокосу, а Николай Улагашевич, прислушиваясь к звону, рядом вел новый прокос.

Осенями он попрежнему отправлялся на кедровый промысел. Сбивать шишки ему теперь приходилось ощупью.

Но тяжелая жизнь не заронила уныния в сердце кайчи. Он попрежнему пел добрые, жизнерадостные поэмы о богатырях, утверждающих на земле счастливую жизнь без баев и князьков. Вся творческая деятельность Н. У. Улагашева ярко подтверждает слова А. М. Горького о том, что «фольклору совершенно чужд пессимизм», хотя «творцы фольклора жили тяжело и мучительно-рабский труд их был обессмыслен эксплоататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна».

Баи и зайсаны всячески старались унизить кайчи, слава о котором прошла по всей тайге и достигла берегов Катуни и Бии. Однажды в долину Сары-Кокши приехал зайсан Сапрок со своей свитой, состоящей из самых богатых баев. Все они были пьяны. Зайсан потребовал к себе Улагашева.

— Пусть поет самое хорошее. Скворцы своим пением славят тайгу, слепые старики — славят старших.

Но Улагашев ответил зайсану:

— Мои песни горьки.

— Пой и такие. Посмотрим, что за яд в них.

— Не могу петь, — у меня грыжа.

Зайсан рассвирепел.

— Не будешь петь — в проводники возьмем. Заставим дорогу показывать.

Николай Улагашевич молча сел на коня. Конь вышел на тропу

впереди всех всадников. Кайчи повернул голову и крикнул во весь голос:

— Слепые не могут обходиться без поводырей. Но, если слепого берут в поводыри, значит есть люди слепее слепых.

Зайсан зарычал медведем. Приближенные его поскакали к Улагашеву. Удары плетей по шубе были гулки, как удары по бубну.

Дома Николай Улагашевич вспомнил Кобака и усмехнулся.

— Теперь я стал настоящим кайчи!

Жена не поняла его, и он добавил:

— Того кайчи, который поет, как скворец, зайсан драть не будет.

Улагашев верил в могущество человека, в силу слова. С особым волнением и приподнятостью он пел те эпизоды, где — с присущим эпосу смелым гиперболизмом — изображалось воздействие песни на все окружающее. Когда Малчи-Мерген пел свои песни, то

На сухих деревьях листья выростали,
На твердой земле цветы распускались.

Когда Алып-Манаш, связанный цепями, лежа в яме, запел песню, — дикие звери,

Детенышей своих побросав,
К яме сбежались,
Чтобы песню послушать.
Быстрокрылые птицы,
Гнезда свои позабыв,
К яме прилетели —
Песню слушают.

Вот так же слетались к Н. У. Улагашеву кочевники всех окрестных долин.

— Скучно стало, на сердце тяжело, — приехали про богатырей послушать, — говорили они.

Если муж уезжал в сторону долины Сары-Кокши и не возвращался домой в течение четырех—пяти дней, жена не беспокоилась о нем, говорила:

— К Улагашеву заехал: сказки слушает.

Баи, зайсаны и чиновники всячески старались согнуть гордую шею свободолюбивой песни, как набатом сзывавшей народ на борьбу с угнетателями. Но им не удалось заставить песню замолчать. Грозный призыв ее несся от одного пастушьего стойбища к другому, от костра зверолова к костру шишкобоя, от становья лесорубов к ночлегу плотовщиков. В этой песне голос Н. У. Улагашева был одним из самых громких.

Ни болезни, ни крайняя бедность, ни издевательство баев и зайсанов не сломили талантливого сказителя. Его поддерживала

та любовь, которой народ окружал его. Это помогло ему сквозь черные тучи байско-кулацкого насилия, сквозь дикие бури межнациональной и родовой вражды, разжигаемой баями, торговцами, попами и чиновниками, бережно пронести, как любимое дитя, прекрасное народное искусство.

Вешними водами отгремела гражданская война. Партия и советская власть начали социалистическое преобразование Ойротии

Сыновья рассказывали Н. У. Улагашеву о том новом, что они видели вокруг себя и что помогали строить, и старик отвечал им эпизодами из народных поэм.

Услышав о Чуйском тракте, проложенном через хребты, леса и скалы, он говорил с мягкой улыбкой на крупном мужественном лице:

— Наверно, дорога лучше, чем та, которую проложил богатырь Кёзюйке? Богатырь пустил стрелу из лука, и стрела развалила тайгу надвое, — дорога готова! Тракт построили, как стрелу пустили! Быстро!

Рассказали ему о мостах через горные реки Бию и Катунь, и он вспомнил Сартакпая:

— Богатырь Сартакпай строил мост через Катунь, но не мог справиться с рекой. А теперь победили ее!

Услышал старик гул самолета, расспросил о нем, и опять припомнил богатыря:

— Ескюзек летал на крыльях живой птицы. Железная птица, наверно, сильнее и выносливее?

Орошение полей напоминало ему богатыря Сартакпая, который пальцем чертил по земле, чтобы проложить каналы и вывести воду в сухие степи.

Еще глубже раскрылись для Н. У. Улагашева древние народные поэмы. Через них он увидел осуществление вековой мечты трудящихся. По-иному зазвучали слова о вечном лете, о богатыре, которому неизвестна старость. Имя этого богатыря — народ.

Внучата сказителя принесли в дом «книги мудрости», по вечерам читали старику. Из этих книг он узнал о жизни Ленина, о жизни Сталина. Слово этих богатырей было самым могущественным на земле. Его хотелось вложить в песню, а красок нехватало, нехватало голоса. Но новые песни зрели в душе старого кайчи. Был канун Октябрьской годовщины. Старик сидел на своей кровати и беззвучно, долго шевелил губами. Потом он взял топшур и, обращаясь к его помощи, запел:

> Из корня могучего кедра не в[illegible]
> Тебя сделали, звонкий топшур!

В день радости, в день Октября,
Заиграй, мой певучий топшур!
Из крепкого дерева, что на скалах растет,
Тебя сделали, звучный топшур!
Народ мой ликует, народ мой поет,
Так весело пой же и ты, мой топшур![1]

С тех пор Н. У. Улагашев сложил несколько новых песен.

В 1934 году Н. У. Улагашев со всей семьей вступил в колхоз «Чолмон Алтая»[2]. В колхозе нашлась для него хорошая работа: он плел шлеи и узды. За этой работой он мог с утра до вечера петь свои любимые песни, сказывать былины и сказки. Он слагал песни о новой жизни:

Дружный труд нам богатство принес
В колхозном своем единенье.
Вырос наш малочисленный скот.
Табуны — точно реки в разливе.
И страдавший когда-то народ
Зажил жизнью богатой, счастливой.

В слушателях у кайчи никогда не было недостатка. Если взрослые были заняты на работе в колхозе, старика окружали дети. Прослушав две—три сказки, ребята бежали в лес и возвращались оттуда то с корнями кандыка, то с луковицами саранки, то с сочными стеблями борщевника. Они угощали старого кайчи и просили рассказать им, отчего у коровы копыта раздвоенные, почему у кабарги на боках белые пятна, а у барсука на лбу лысина. И старик на все их вопросы отвечал народными сказками.

Древние народные поэмы в устах советских сказителей зазвучали по-новому. Они вступили во вторую молодость. На месте мечты и призыва народ увидел торжество победы. И любовь народа к своим поэтическим произведениям стала еще пламеннее.

Это не могло не привести в бешенство врагов народа, буржуазных националистов. Пробравшись на некоторые руководящие посты в Ойротии, они, наряду с другими своими подлыми делами, пытались сдавить горло народной песне.

Один из врагов народа имел наглость в печати заявить, что древние народные поэмы «потеряли всякий интерес и значение для современной Ойротии» и что публикация этих произведений «ведет только к бесполезной трате бумаги, к ненужному засорению мозгов этим «утильсырьем».

Замаскировавшиеся враги говорили старикам:

— Нельзя петь сказки про богатырей: советская власть запрещает.

---

[1] Перевод Б. Каирского.

[2] «Звезда Алтая».

Когда об этом сказали Н. У. Улагашеву, он ответил:

— Не поверю. Мы поем на пользу народа.

И он продолжал петь.

Летом 1936 года в долину Сары-Кокши приехал ойротский писатель П. В. Кучияк с московской фольклористкой Анной Гарф. Они нашли Н. У. Улагашева на ферме. Старик сидел под старой лиственницей и плел узды из сыромятной кожи.

— Колхоз дал хорошую работу для моих рук! — сказал он. — На всех лошадях — узды моей работы!

Узнав, что гости приехали записывать сказки, старик оживился:

— А у нас тут болтали: нельзя петь про богатырей. Я говорил: не правда это. Так и вышло. Москва понимает, что надо народу.

Для начала он рассказал гостям несколько маленьких сказок — про воробья, про мальчика Ырасту, который победил самого знаменитого шамана и заставил дрожать хана с ханшей. Потом кайчи запел любимую героическую поэму о богатыре Алып-Манаше.

Об Н. У. Улагашеве узнали в Москве. В списках членов Союза советских писателей появилось новое имя. Оно стояло рядом с именами других талантливых сказочников, сказителей и народных певцов нашей страны.

В январе 1939 года лучшие писатели и поэты, сказители и сказочники нашей родины были награждены орденами.

В колхоз «Чолмон Алтая» пришла телеграмма. Ее привез сын Н. У. Улагашева, работавший почтальоном-кольцевиком. Он подал ее отцу и сказал, что правительство наградило кайчи орденом «Знак почета». Старик ощупал бумажку и попросил прочесть текст телеграммы. Потом еще и еще раз. Он вслушивался в каждое слово. Лицо его посветлело и седые усы не могли скрыть радостной улыбки.

— Я всегда говорил: народ любит богатырей. А власть ценит то, что любит народ, — сказал кайчи взволнованным голосом.

Один за другим входили соседи-колхозники в избу кайчи. Придерживаясь обычая, начинали разговор с традиционного вопроса:

— Какие новости у вас?

— Нет новостей, — по привычке отвечал старик и, в свою очередь, справлялся о новостях. Но вскоре ему надоел этот пустой обмен застывшими фразами и даже показался обидным, и он стал отвечать:

— Есть новости! Сын прочтет вам.

К вечеру изба была полна гостей. Старика попросили спеть что-нибудь, но он покрутил головой.

— Сегодня я устал. Пусть вам внучата прочитают сказку. У них в книжках есть очень интересные. Русские сказки, а напечатаны по-алтайски.

Внучата читали долго, сменяя друг друга.

Кайчи сказал:

— Я раньше в Улале слышал русские сказки. Но не такие интересные. Наверно, сказитель — большой мастер.

Это были сказки А. С. Пушкина.

Весной 1939 года Николай Улагашевич приехал в Москву. В Кремль он входил, когда часы на Спасской башне играли Интернационал. Старик шел получать орден.

О том радостном часе он рассказывает с глубоким волнением:

«— Прошли мы с провожатым четыре двери. В каждой комнате меня спрашивали: «товарищ Улагашев?» Я отвечал: «Да». Наконец, мой провожатый сказал:

— Товарищ Калинин идет.

Я, по привычке, сложившейся в старое время, снял шапку и сунул ее себе подмышку. Товарищ Калинин подошел ко мне, пожал руку. У него рука твердая, сильная, пожимает крепко. Я тоже крепко пожал его руку. Он взял мою шапку и надел мне на голову. Вручил мне орден; спросил, как я ехал в Москву, не устал ли в дороге. Потом он спросил — сколько я знаю сказок. Я ответил:

— Все петь — года на два хватит. Не меньше.

Нашу беседу переводил московский переводчик. Языки он знал очень хорошо, и нам разговаривать было легко. Я рассказал, что в некоторых ойротских сказках говорится про злого бога Эрлика и доброго бога Ульгеня, про ханов и зайсанов. После этого я спросил, можно ли рассказывать такие сказки. И товарищ Калинин ответил мне:

— Все надо рассказать и все записать. Из сказок мы многое узнаем о той прежней жизни, когда народ, живя под властью ханов, верил в богов. Теперь все, что в прошлом сложил народ о своей жизни, надо записать, напечатать и вернуть народу, молодому поколению.

Я сказал:

— Мне нужен мастер, который бы записал все, что я знаю.

На это товарищ Калинин ответил:

— Мастера тебе дадим. Пропой и расскажи ему все».

Вернувшись из Москвы, Николай Улагашевич поселился в городе Ойрот-Тура, в большом деревянном доме. В комнате его одна за другой появлялись вещи, незнакомые ему ранее — стол, стулья, диван. Когда ему принесли настольную электрическую лампу, он долго ощупывал ее, потом спросил:

— А куда керосин наливать?

Комсомолец, принесший лампу, заговорил об электричестве. Старик улыбнулся и перебил его:

— Это тот свет, который поймал Сартакпай в грозовой туче.

И он рассказал о богатыре, победителе молнии, ойротском Прометее.

Радио приносило Н. У. Улагашеву вести со всех концов земли. Однажды он, указывая трубкой на репродуктор, сказал своим родным:

— Богатырский голос! В Москве говорят — на Алтае слышно. По ночам играют московские часы. Я проходил под ними...

Он приподнял голову и спросил громким голосом, полным радости и торжества:

— Помните, я вам пел про богатырей? Голос их на годовом пути слышен! Вот теперь богатыри со всем народом разговаривают! Как все это появилось?

Он умолк на минуту, а потом густой бас его всколыхнул тишину:

По голубой дороге бежит
Машина на золотых ногах.
Мудрый, великий Ленин
Послал ее к нам на Алтай.

Кайчи качнул большой седой головой, как бы подтверждая последние два стиха своей песни, и продолжал еще громче и радостней:

В небе птица летит
С блестящими стальными крыльями.
Мудрый, великий Сталин
Послал ее к нам на Алтай.

Старик слагал стих за стихом и пел до тех пор, пока не услышал, что в комнату ворвалась вторая песня. Он смолк на полуслове и прислушался. Кто-то мощным голосом пел одну из его самых любимых песен. Ни шума, ни треска не было слышно и в первую минуту Николай Улагашевич подумал, что какой-то незнакомый певец неслышно вошел в его квартиру. Откуда такой, не знающий ни обычаев, ни приличия? Даже не поздоровался, ничего не сказал о себе... Закончит песню, надо будет сказать, что не хорошо перебивать старших...

Но в песне все было так знакомо, что старик насторожился,

вслушиваясь в каждое слово. А внучка Уренчи подвинула к нему репродуктор и сказала:

— Когда ты пел по радио — все выходило вот так же! Это, наверно, пришло эхо твоего голоса.

Николай Улагашевич взмахнул руками и хлопнул по коленкам; громко воскликнул и, улыбаясь, сообщил родным:

— В радио мне говорили, что машинка запишет мою песню! Я думал шутят: машинка не человек...

— Твой голос тоже слышно на расстояние годового пути богатырского коня! — сказала сноха.

— Оттого это, что богатыри ожили. Помните, я пел вам про Кёзюйке и Баян? Давно-давно они камнями стали. Ак-Кобек тоже камнем стал. Козын-Эркеш и Байым-Сур в скалы превратились. Богатырям ханы мешали, баи мешали. Силы у богатырей нехватало, вот они и ушли в камень. — Старик набил трубку табаком, запалил ее и, сделав две затяжки, продолжал. — Народ стал помогать богатырям, и богатыри ожили, сделали все, о чем в песнях пелось, в сказках рассказывалось...

Жизнь старого кайчи пошла по-иному. К нему стали приходить языковеды, составители словарей, писатели, переводчики из национального издательства. Разговаривая с ним, они уточняли значение отдельных слов, подбирали синонимы, запоминали яркие народные речения. Он явился для них профессором ойротского языка.

Приходили к нему и актеры молодого национального театра. Они исполняли в его комнате сцены из пьес о жизни ойротов и, прислушиваясь к его замечаниям, проверяли свои интонации, уточняли произношение отдельных слов. Николай Улагашевич не оставался перед ними в долгу. Он пел им песни, сказывал былины и сказки. Это обогащало молодых актеров, помогало им найти все необходимое для яркого и правдивого создания образов героев пьесы и способствовало их творческим поискам в развитии ойротского национального искусства.

Н. У. Улагашев почувствовал себя необходимым и высоко-полезным человеком нового общества. Перед слепым кайчи открылся мир, большая радостная жизнь. И для него взошло новое солнце — искусство социализма.

Каждый день к Николаю Улагашевичу приходил ойротский писатель и поэт Павел Кучияк, знаток и исполнитель народного эпоса. Разговор их затягивался до позднего вечера. Они рассказывали друг другу народные сказки, пели былины, вспоминали родственные сюжеты и близкие варианты.

Однажды, прослушав в исполнении П. В. Кучияка народную поэму «Алтын-Тууди», в которой девушка-богатырша ведет борьбу с силачами ханов и даже с самим злым богом Эрликом и всех побеждает, Николай Улагашевич спросил:

— А почему девушка не вышла замуж? Так нельзя. Так не должна заканчиваться поэма. Без свадьбы дело нигде не обходится.

И он пообещал поэту:

— Я найду жениха для твоей Алтын-Тууди. Хорошего богатыря найду! Мы ее выдадим замуж.

Николай Улагашевич не только простой исполнитель и интерпретатор эпоса, но и творец его. В исполняемых им былинах нередко встречаются эпизоды, неизвестные другим сказителям Ойротии.

П. В. Кучияк всегда приходил к Н. У. Улагашеву с бумагой и карандашами. Всякий раз он уносил от него десятки листов, покрытых строками народных поэм.

В лице П. В. Кучияка Николай Улагашевич нашел того «мастера», о котором он разговаривал с М. И. Калининым.

Вскоре к сказителю пришел второй «мастер». Это был Н. Г. Куранаков, переводчик, редактор художественной литературы ойротского национального издательства.

«Мастера» составили и выпустили в свет первую книгу сказителя — «Алып-Манаш». Теперь эту книгу можно встретить у пастухов Усть-Канского аймака и у охотников Улаганской тайги, у шишкобоев в лесах Чойского аймака и у плотовщиков на верхнем плесе Бии. На книжных полках и в переметных сумах она нашла место рядом с теми «книгами мудрости», которые дали народу богатыри советской земли.

Сменяя друг друга, несколько месяцев работали «мастера», но не записали и четвертой доли того, что знает, поет и рассказывает Николай Улагашевич. Репертуар его так велик, что одни народные поэмы (былины) составят не менее трех больших томов. К этому нужно добавить несколько десятков сказок, песен и сказов. Николай Улагашевич был близок к истине, когда он говорил, что для исполнения всего его репертуара потребуется два года. Это — сказитель, равного которому давно не знал Алтай.

II

Богатейший ойротский героический эпос привлекает внимание исследователей в течение восьми десятков лет. Первые записи были сделаны академиком В. В. Радловым, опубликовавшим ойротские тексты в оригиналах. С начала восьмидесятых годов

прошлого столетия и до самой революции над сбором алтайского фольклора много и плодотворно работал Г. Н. Потанин. Но большинство его записей является не точным переводом на русский язык, а пересказом, порой кратким изложением содержания. Лучшим из всех сборников, составленных им и вышедших под его редакцией, является «Аносский сборник», изданный в 1915 году. Это была первая книга переводов алтайского эпоса, но переводы в ней сугубо прозаические, даже похожие на подстрочник. Они не дают читателю никакого представления о ритмике и поэтических особенностях оригинала. Литературные, поэтические переводы ойротского эпоса стали появляться в печати лишь в течение последних семи лет. В эти годы русский читатель впервые увидел, что ойротский эпос — ценнейшие изумрудины в фольклоре народов Востока, и почувствовал все его поэтическое богатство и глубину мысли.

Собиратели и исследователи ойротского эпоса до революции во время своих поездок по Алтаю останавливались в юртах богатых кочевников, в домах баев и зайсанов. У них исследователи справлялись об адресах сказочников, сказителей и певцов. Хозяева называли им тех исполнителей фольклора, которых они хорошо знали, которые не раз пели и сказывали народные произведения в кругу богатых и власть имущих. А чаще всего баи и зайсаны посылали за такими сказителями и потом брали на себя роль переводчиков. Таким образом, исследователи зачастую получали доступ только к тем произведениям, которые прошли известную байскую «цензуру». А заветный народный эпос, исполнявшийся на пастушьих стоянках и у охотничьих костров, оставался не записанным. Он стал известен только после революции.

Исследуя монгольский и алтайский фольклор, Б. Я. Владимирцев в 1923 году пришел к заключению, что героический эпос монгольских и тюркских народов угасает. Он писал: «...все труднее и труднее теперь найти... певца героических сказаний у алтайских теленгитов...»

Мы можем смело сказать, что на Алтае героический эпос широко бытует. Среди исполнителей его встречаются не только старики, но и юноши и девушки. Так в Улаганском аймаке известен пятнадцатилетний сказитель, ученик 5-го класса Язаров.

Любовь к эпосу поддерживается тем, что народ в окружающей жизни видит то, о чем мечтали предки, слагая и исполняя эпические произведения.

В годы сталинских пятилеток народное творчество в СССР достигло небывалого расцвета. Полное торжество сталинской дружбы народов сделало фольклор всех народностей нашей родины достоянием всей страны. Давид Сасунский, Кер-оглы, Джангар с

его славной плеядой богатырей стали нам, русским, так же близки, как Илья Муромец и другие витязи древней Руси. Их любовно приняли и башкиры, и узбеки, и белоруссы, и народ Коми, и все другие. Музыкальные произведения, написанные на основе народного эпоса грузин, азербайджанцев, бурят-монголов, казахов, мощно прозвучали со сцены Большого театра в Москве и духовно еще более обогатили всю нашу многонациональную дружную семью.

Замечательные песни, поэмы, сказания, легенды и сказки, сложенные трудовым народом, помогают миллионам трудящихся яснее и глубже понять прошлое нашей страны и служат укреплению культурной связи между братскими республиками и национальными областями.

В. И. Ленин очень интересовался русским былинным эпосом и дал ему замечательную оценку. «Когда однажды, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — речь зашла об устном поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему просмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он. — Я бегло просмотрел вот эти книги, но вижу, что нехватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».[1]

Упрек Владимира Ильича, адресованный исследователям былинного эпоса, вспоминается особенно остро, когда мы знакомимся с эпосом тюркских народов Сибири и, в частности, с эпосом ойротов. Еще почти ничего не сказано об отражении в этом эпосе чаяний народа, его мечты. Эта интереснейшая тема ждет своего исследователя.

О некоторых основных особенностях и основных мотивах ойротского героического эпоса, обращаясь, главным образом, к текстам Н. У. Улагашева, необходимо сказать здесь, чтобы перед читателем яснее встал творческий облик этого замечательного сказителя.

Как всякий народный эпос, ойротские героические поэмы глубоко патриотичны.

Богатыри, могучие, храбрые, беззаветно преданные своему народу и безгранично любимые им, стоят на страже родной земли.

Они любят труд — охоту, рыбную ловлю, пастьбу скота.

---

[1] Цитирую по статье Ю. Соколова в XI томе «Литературной энциклопедии», стр. 787.

Они ни на кого не нападают, ни с кем не затевают войны. В поэме «Кокин-Эркей» говорится:

Богатыри, как братья, живут,
На войну с черной думой они не идут,
К себе они не пускают врага;
Мирная жизнь им дорога.

Враги не осмеливаются напасть на богатырей, потому что

Богатырская сила их всем ясна,
Их громкая слава везде слышна.

В поэме «Ак-Тойчи» повествуется о двух богатырях, которые ни с кем «войну не затевали», но, если враги нарушали мирную жизнь народа, то богатыри

Всех зачинщиков войны
Разили крепкой рукой.

Тот же мотив мы находим в поэме «Имей-Алтын и Шимей-Алтын», еще не переведенной на русский язык, и во многих других поэмах ойротского народа.

Юноша-богатырь Очи-Бала не хотел воевать. Но пока он ездил к Саныс-кану, чтобы узнать о судьбе своих братьев, которые отправились с жалобой на него, на мирный народ напал Тельбен-Кара-кан. Вернувшись в родную долину, братья увидели:

Свет луны, солнца свет затемняют
Тучи жадных сорок и ворон,
Что над трупами вьются...
Людская
Кровь до пояса...
Конская кровь
До седла глубиной на долинах!..

Тогда богатырь Очи-Бала приходит в ярость и все свои силы отдает борьбе за освобождение народа, уведенного в плен иноземными захватчиками. Он вступает в бой с несметным войском хана.

Пролетит один раз и уложит
Пятьдесят тысяч!
А в другой конец —
Шестьдесят тысяч сразу уложит.

Узнав о том, что какой-то хан пленил и поработил народ, богатырь, обычно, забывает обо всем, кроме предстоящей битвы.

Богатырь всегда готов к бою за родную землю. Сабля его наточена, копье его — остро, колчан его — полон стрел. Сбруя боевого коня всегда в полном порядке.

Богатырь никогда не отступает и ему незнакома робость перед угрожающей опасностью. Он храбро вступает в битву с врагом, силы которого, на первый взгляд, в тысячи раз превосходят силы богатыря. И победа всегда — на стороне богатыря, потому

что он шел в бой за правое дело, защищал народ, породивший его.

Иногда врагам удается путем коварства умертвить богатыря. Так Караты-кан отравляет своего зятя Козын-Эркеша ядом, смешанным с аракой. Ханы Аранай и Шаранай разрубают на части Алтай-Бучая, преданного и отравленного изменницей-женой. Но боевые кони, верные друзья богатырей, достают «живую траву» и возвращают жизнь славным воинам. Богатыри снова вступают в бой и уничтожают врагов.

Народ наделил богатырей всеми своими лучшими качествами, — храбростью, силой, честностью и железной преданностью своему долгу.

Часто мы видим богатыря пользующимся помощью простых людей, которые любят его и в грозный час оберегают от напасти.

Слепой старик вручает богатырю Кан-Толо гусиное яйцо и говорит:

Смерть приблизится — это яйцо
Ты достань и съешь половину...

Через некоторое время Кан-Толо вступил в бой с войском Дьес-Кара. Девять лет продолжалась битва, и силы Кан-Толо начали ослабевать. Тут он вспомнил о подарке старика, достал гусиное яйцо и съел. Это сразу прибавило богатырю сил, и он разбил вражеское войско.

Ак-Тойчи в битве с Одус-Башту-Ок-Дьыланом пользуется помощью девушек. В самую решительную минуту, когда бронзовые подошвы богатыря

От горячего дыхания врага,
Как масло, растаяли —

семь девушек принесли холодную воду и облили его ноги. Этого оказалось недостаточно, и девушки стали подкладывать ему под ноги ледяные плиты.

Вскоре богатырь вспомнил о кожаном чекмене, подарке брата. Надев этот чекмень, он приобрел новые силы. Все это помогло ему продержаться, пока не пришел на помощь брат.

Большинство ойротских богатырей не только бессмертны, но и вечно молоды. В них олицетворен трудовой народ. Наиболее ярким примером этого олицетворения является самый любимый богатырь ойротов — Алтай-Бучай. Об этом свидетельствует первая часть его имени, являющаяся древним именем народа.[1]

---

[1] До революции ойроты были известны под именем алтайцев. Сами себя они называют — алтай-кижи, что означает — алтайский человек.

В образе Алтай-Бучая мы находим типичные черты ойрота, кочевника, хорошего скотовода и отличного зверолова. Алтай-Бучай несет в себе все лучшие качества своего народа. Он вольнолюбив, кристально честен, храбр и непоколебим в бою. Он один мешал Аранаю и Шаранаю покорить и поработить весь Алтай. Перед ним трепетали злые и коварные ханы, в течение шести веков не дававшие покоя народам горной страны. И вот Алтай-Бучай вышел на поле битвы. Перед тем, как поднять свой меч, он сказал врагам:

Мирно живущих людей
Со стойбищ вы угоняли!..
Жеребенка, от матки отняв,
Жалобно ржать заставляли;
Ребенка, от матери отлучив,
Слезы лить заставляли!..
За все теперь отвечайте!...

Разбив вражье войско и уничтожив ханов, Алтай-Бучай встретился с их отцом, дряхлым стариком. Увидев богатыря, старик решил, что его жизни пришел конец.

Но Алтай-Бучай говорит ему:

Старых людей я крови не лью,
Врагов убиваю в равном бою.
До последнего вздоха в груди
В своем аиле, старик, сиди.

В этом виден глубокий гуманизм, свойственный многим богатырям ойротского народа и широко известный по героическому эпосу других народов. Сопротивление сломлено, враг уничтожен, и богатырь опускает меч в ножны. Ему не знакома бесцельная, слепая месть. Он не трогает людей, не опасных для его дела. Правда, иногда, разгорячившись в бою, богатырь начинает рубить ни в чем неповинное войско, тогда вмешивается конь. Он схватывает своего богатыря зубами, несет к морю и погружает в воду до тех пор, пока вода вокруг не перестанет кипеть.

Богатыри ведут свои тяжелые и жестокие битвы во имя освобождения порабощенного народа, во имя счастливой вольной жизни скотоводов и звероловов.

Алып-Манаш говорит освобожденному им народу:

Теперь вы свободны.
На свои луга скот свой гоните.

В других сказаниях богатырь, уничтожив господство ханов, предоставляет народу право выбора — остаться на старых стойбищах или итти с ним. И народ всегда идет за богатырем, своим освободителем.

После битвы, решившей исход борьбы, Алтай-Бучай обратился к народу с речью:

От ханов я вам помог избавиться —
Свою судьбу изберете сами!

И народ решил избрать его своим вождем, головой, как сказано в алтайском тексте.

Когда богатырь Курман-Тойчи[1] уничтожил Кюн-кана и поехал в родную долину, он увидел, что за ним движется народ, многочисленный, как лес в тайге.

В стороны богатырь посмотрит —
Краев не видно,
Назад оглянется —
Конца не видно.

Это двигались люди, дождавшиеся освобождения из ханского плена. Они шли в родной Алтай, где долгое время леса и травы не слышали человеческого голоса. И вот теперь снова

В каждой долине —
Голубые дымки костров,
На склоне каждой горы —
Многочисленные стада.
Сердце Алтая
Счастьем наполнилось,
Глаза народа
Радостью полны.

Богатырь собрал народ на веселый пир.

Комысчелары там
На комысах играли.
Шоорчилары
На дудках насвистывали.
Икиличилеры
Смычкам покою не давали.
Топшуристы, струнами звеня,
Про богатырей пели.
Молодые женщины
В своем кругу веселились.
Молодые парни
Коней в бега пускали.

Веселье было такое, что

В небе солнце смеялось,
Луна над горами плясала.

Народным торжеством заканчиваются все героические поэмы. Между прочим, вторая часть имени Курман-Тойчи[2] и Ак-Тойчи

---

[1] Эта поэма еще не переведена на русский язык.

[2] В феодальный период на месте слова «тойчи», надо полагать, было монгольское «тайджи» или китайское «тайши». И то, и другое означало титул феодала. Н. Н. Поппе пишет: «Тайши... происходили от тех феодалов, которые после изгнания их из Китая были вынуждены переселиться в степи Монголии» («Халха-Монгольский героический эпос», стр. 28). В дальнейшем, в связи с общей демократизацией эпоса, ойротские сказители видоизменили имя богатыря и придали его имени иной смысл.

означает — устроитель пиршества. Освободившиеся из ханского плена прославляют богатырей:

В муках рабства мы жили,
Ты освободил нас, Курман-Тойчи!
В родной Алтай, где вечно солнце сияет,
Ты привел нас, Курман-Тойчи!

На земле утверждается мирная, спокойная жизнь. Богатырь стоит на страже своего народа:

Война, блестя мечами,
Никогда к нему не заходит;
Горе, по-волчьи воя,
Никогда к нему не показывается.

Боевой патриотизм роднит ойротский эпос с замечательным калмыцким эпосом «Джангар».

Народ очень любовно относится к образам своих богатырей. Любимый богатырь всегда изображается с большой долей поэтизации и идеализации, давая богатырям имена пастухов и охотников (Малчи-Мерген—Зоркий Пастух, Анчи-Мерген—Меткий Стрелок, Охотник), сказители одевают их в серебряные и золотые кольчуги, в бобровые шапки и рукавицы, украшенные жемчугом. Подошвы у богатырей — бронзовые, коновязи — медные и даже золотые. Жилище богатыря почти всегда называется белым (белый здесь в смысле — чистый) или золотым дворцом, хотя все внутреннее убранство такого дворца остается точной копией юрты кочевника. Когда богатыри переселяются из одной долины в другую или из края в край, как в поэме «Кёзюйке и Баян», они, подобно самым обычным кочевникам, разбирают свой дворец и увозят с собой. Здесь мы имеем дело с явной идеализацией жилища богатыря.

Когда за именем богатыря следует слово «кан» — это далеко не всегда означает, что он действительно является ханом. Говоря о русском фольклоре и критикуя представителей «исторической школы», академик Ю. М. Соколов писал, что, когда «в былинном эпосе герои называются князьями, боярами, богатыми гостями», когда в русских сказках «герои именуются царями и царевичами, королями и королевичами», когда «в крестьянском свадебном обряде и величальных песнях жених и невеста величаются князем и княгиней», то это — не что иное, как «приемы поэтизации и идеализации».[1]

То же самое и в алтайском эпосе. Когда в поэме «Кёзюйке

[1] Ю. М. Соколов. «Русский фольклор», Москва, 1938 г., стр. 94.

и Баян» отца героя называют кан'ом (по ойротской транскрипции — каан) — это совсем не значит, что он ханского рода. Доказательств этому немало. Главным из них является то, что Ак-кан был охотником. И на охоту он выезжал без свиты, как это делали действительные ханы; выезжал один, как самый простой человек. Второе доказательство: Караты-кан опасался, что после смерти Ак-кана сын его Кёзюйке обеднеет, и потому увез свою дочь, невесту Кёзюйке, в дальние края.

В казахском варианте этой поэмы мы видим на месте Караты-кана и Ак-кана не ханов, а баев Карабая и Сарыбая. При этом нужно сказать, что создателей поэмы интересовало не происхождение героев, а человеческие характеры. В данном случае авторы поэмы выходили за рамки национальной ограниченности и выражали то, что являлось общечеловеческим на определенной ступени развития. Не случайно безыменные создатели героических поэм, кочевавшие в степях Казахстана и горах Алтая, разрабатывали ту же тему, что и великий английский драматург Вильям Шекспир в трагедии о Ромео и Джульетте.

Однажды к Н. У. Улагашеву пришел в гости русский писатель. Сказитель налил чарочку, подал ему и сказал:

— С таким кан-кижи нельзя не выпить!

Он употребил слово «кан» в смысле — уважаемый человек, большой работник. В этом же смысле иногда употребляется и слово «бай». В эпосе, записанном от Н. У. Улагашева, слово «бай» часто относится к неодушевленным предметам и животным. Тополь, богатый листвою, сказитель называет — бай-терек. В поэме «Алтай-Бучай» первый конь богатыря носит имя Бай-Чоокыр. Здесь слово «бай» употреблено даже не в смысле «богатый» шерстью или гривой, оно свидетельствует лишь об идеализации и поэтизации коня. В русских сказках этому соответствует «Царь зверей», «Царь-Птица» и т. д.

В ойротском эпосе мы находим непреклонную, упорную и победоносную борьбу богатырей, как представителей трудового народа, выражающих его лучшие чаяния и надежды, с жестокими феодалами.

Поэтому феодалы Алтая и Монголии и рассматривали сказителей, исполнявших заветный народный эпос, как своих врагов. На Алтае таких непокорных кайчи, отказывавшихся подвергать эпос «байской цензуре» и прославлять феодалов, истязали плетьми, а в Монголии в прошлые века даже сжигали на кострах.[1]

Свидетельства принадлежности персонажей поэм к тому или иному лагерю следует искать не в слове «кан», а в делах и по-

---

[1] Г. Санжеев. «Джангар» и монгольский эпос». «Литературная газета», 8 сентября 1940 г.

ступках богатыря и в существе его имени. Герои эпоса, в образах которых были воплощены лучшие надежды трудового народа, получили от народа опоэтизированные имена: Ак-Тойчи — Белый (чистый) устроитель пиршеств, Кан-Толо—Полнокровный, Козын-Эркеш — Миленький, Кокин-Эркей — Милый, Алып-Манаш—Великан.

Враги богатырей, а следовательно и враги народа, всегда носят скверные имена. Сказитель не боится в самом начале произведения раскрыть свои карты. Он одним упоминанием имени отрицательного персонажа вызывает у слушателя неприязненное, отвратное отношение к нему. Вот некоторые из таких имен: Боро-Телтей — Серый Толстяк, Саныс-кан — Лиственничная Смола, Дьети-Деек — Семь Обжор. Последнее имя стало нарицательным и ругательным. Его применяли к торговцам, а теперь под словом «деек» часто подразумевают иностранных капиталистов.

Русский народ в своих сказках остро и уничтожающе высмеял помещика, жестокого, жадного, кичливого барина.

Не менее остро ойротский народ высмеял в эпосе своих феодалов. В поэме «Ескюс-Уул» рассказывается о трех сыновьях бая Саныскана, которые — один за другим — приезжают к жене охотника Ескюс-Уула красавице Алтын-Туулай, чтобы завладеть ею. Старшему сыну бая Алтын-Туулай сказала, посмеиваясь над ним, что если он намерен ночевать у нее, то пусть закроет дымоход юрты. Байский сын провозился на юрте всю ночь, но дымохода закрыть так и не сумел. На следующий день приехал средний сын бая. Алтын-Туулай сказала, чтобы он закрыл дверь на крючок. Но это оказалось непосильным для человека, не привыкшего к труду. Младший сын бая, тоже изнеженный и ни к чему не приспособленный, не мог в течение ночи закрыть чайник покрышкой.

Мотивы классовой борьбы присущи многим поэмам ойротского героического эпоса. Юноша Ескюс-Уул ушел от бая, жестоко эксплоатировавшего его, и встал на путь борьбы с ним. Богатырь Анчи-Мерген сообщает о себе:

В раннем детстве я стал рабом,
Жил я у бая, ходил за скотом.
Тяжкая доля мне стала невмочь,
От злобного бая бежал я прочь.

— Теперь я окреп, возмужал... — говорит он в заключение и отправляется со своим другом в поход против врагов.

Богатырь Малчи-Мерген[1] ведет продолжительную борьбу со

[1] Поэма «Малчи-Мерген» на русском языке еще не опубликована.

своим богатым и коварным тестем и его шестью зятьями-баями. Борьба богатыря оканчивается полной победой.

В эпосе не мало строк, посвященных тяжелому положению трудового народа, эксплоатируемого баями, феодалами. В «Кан-Толо» есть упоминание о том, что Тельбен-Кара-кан сек народ колючим шиповником. Бай Санискан истязал непокорных пастухов розгами и плетьми. У бая Айбычи из поэмы «Малчи-Мерген» было сто сорок пастухов. Он заставлял их работать без отдыха днем и ночью. Пастухи ходили полуголые и босые. Ноги их были изранены камнем. Однажды самый смелый из пастухов Малчи-Мерген обратился к хозяину с требованием выдать сапоги. Бай рассвирепел, хлестнул пастуха плетью и приказал слугам переломить ему ноги.

Имена баев Семи Обжор, о которых говорилось выше, заставляют меня остановиться на образе семиглавого Дельбегена-людоеда. Обычно его рисуют, как правую руку и ближайшего помощника баев и ханов. С этим чудовищем-людоедом читатель не раз встретится в сборнике Н. У. Улагашева. В поэме «Ак-кан», еще не переведенной на русский язык, повествуется о том, как на Алтай надвигался Дельбеген и на своем пути пожирал всех людей и весь скот.

Ак-кан спрятал своих детей в пещеру, а сам с женой и войском решил принять бой. Дельбеген проглотил всех. Остались только дети в пещере, мальчик и девочка. Через некоторое время мальчик стал богатырем, вступил в бой с Дельбегеном и уничтожил его. Тут же он распорол живот людоеда, и оттуда вышел отец с матерью, вышли все люди, проглоченные чудовищем.

Этот мотив нередко встречается в ойротском эпосе. Иногда чудовище носит имя не Дельбегена, а Алмыса, одного из злых духов. Но существо от этого не меняется: и Дельбеген, и Алмыс — олицетворение феодалов, порабощавших народ.

Кроме самого Дельбегена, сын Ак-кана уничтожил его жену и двух сыновей. После этого богатырь торжественно объявил:

— Дельбегенский род уничтожен!

В поэме «Кокин-Эркей» богатырь после своей победы говорит:

Погиб кровавый подземный хан,
Разрушено ханство и ханский стан.

В подлиннике сказано еще яснее — «разрушено господство хана».

Освободив людей, богатырь обычно расселяет их по самым лучшим долинам.

Очи-Бала, уезжая на войну, дает братьям наказ:

— Пусть живет весь народ наш богато!..

Речь идет о народе, который только что был освобожден из-под байского ярма.

Жизнь измученного народа была тяжела и безрадостна. Даже праздники превращались в горе, в излишние тяготы. Во время первой своей поездки богатырь Кокин-Эркей догнал караван из двухсот верблюдов. Люди везли мясо и араку. Они объяснили богатырю:

Нами владеющий, Боро-Телтей
Дочери свадьбу справляет своей.
На свадьбу все мы должны итти,
Дары дорогие ему везти.
Сказал богатырь: вот так всегда,
Хану веселье — народу беда.

В одной, еще неопубликованной, поэме так описывается празднество при баях и ханах:

Богатые люди самые жирные куски ели,
Рабы сухожилия глодали.

Настоящее празднество, народное торжество начинается только тогда, когда богатырь, одержав победу над эксплоататором, объявляет, что отныне народ свободен от цепей рабства.

В том торжестве — все равны. Все едят из одного котла. Все пьют из одного ташаура. Все вместе играют. И песни у всех—одни.

А. М. Горький в докладе на Всесоюзном съезде советских писателей говорил:

«...чем более мощным и властным становился рабовладелец,—тем выше в небеса поднимались боги, а в массе явилось богоборчество, воплощенное в образе Прометея, эстонского Калеви и других героев, которые видели в боге враждебного им владыку владык».

Мотивы богоборчества очень сильны в ойротском народном эпосе.

Шаманы в течение многих веков запугивали народ злыми и добрыми богами.

Они говорили народу:

— Эрлик берет детей, родители которых забывают приносить ему жертву не менее двух раз в год. Он — грозный, могущественный.

Как бы отвечая шаманам, народ в своем эпосе силу и могущество, смелость и мудрость отдает не богам, а человеку. В мире нет ничего, что богатырю было бы не по плечу.

Среди героев, созданных устным творчеством русского народа, видное место занимает веселый Петрушка, побеждающий «попа, полицейского, чорта и даже смерть» (А. М. Горький. Доклад на съезде писателей). В ойротском фольклоре есть мальчик-весельчак Ырасту (Счастливый), родной брат Петрушки. Ырасту произошел от горы и озера. Был он величиной с козленка. Но победил хана с ханшей и посрамил «великого шамана Телдекпея».

Ойротский народ сложил дерзкую поэму о борьбе охотника с богами.[1] Шаман был обижен тем, что охотник Катан-Коо, возвращаясь с промысла с полными вьюками шкурок и мяса, никогда не делится с ним богатой добычей, и он пошел с жалобой сначала к злому богу Эрлику, потом к доброму богу Ульгеню. Злой бог, чтобы поддержать престиж шамана, послал на охотника шесть голодных ворон, семь прожорливых волков, злую бабушку с медным носом и, наконец, своего сына. Мудрый и сильный охотник победил всех. Тогда вышел на бой сам Эрлик и тоже потерпел поражение. В дело ввязался добрый бог Ульгень и вызвал охотника на суд. На суде мудрый Катан-Коо не только оправдался, но и посрамил всех своих врагов из подземного мира.

А после суда охотник расправился с последним врагом — с шаманом.

Деление богов на добрых и злых в ойротской мифологии весьма условно. Как правило, добрый бог не делает ничего доброго для людей. Когда дочь Бурхан-кана помогла оживить мальчика Эркемела, то бог прогнал ее с неба, говоря, что она, помогая людям, запоганилась от них.

На поверку все добрые боги оказываются коварнее и кровожаднее злого Эрлика, пьющего человеческую кровь. Есть у небесного бога сын Чахар-Саян (Г. Н. Потанин. «Очерки Сев.-Зап. Монголии», т. IV, стр. 370). Однажды этот божий сынок спустился на землю, чтобы убить богатыря Демичи-Ерена, жена которого ему очень понравилась. Умертвив богатыря, Чахар-Саян увидел, что дочка покойного еще красивее своей матери. Тогда он, нисколько не смущаясь, решил взять в жены обеих.

Богатырям и их женам приходится вести борьбу против всех богов, добрых и злых. И, в конечном счете, победа всегда оказывается на стороне человека. Сила, могущество и мудрость человека великолепно показаны в поэме «Козын-Эркеш». Богатырь лежит разрубленный на части. Байым-Сур пытается оживить его.

---

[1] Поэма «Могучий богатырь Катан-Коо», записанная Ч. Чунижековым в долине Куюм, на русском языке еще не опубликована.

Для этого она привезла целебной воды, наломала чистого можжевельника, собрала на Алтае шестьдесят лекарств. Но ничто не помогло. Видя это, «Ульгень-бог дверь в небе открыл» и, злорадствуя, объявил женщине, что все ее старания напрасны, что муж «смерти заслуживает». В ту же минуту из-под земли вылез злой бог Эрлик и, поглаживая бороду, сказал, что Козын-Эркеш никогда ему не приносил жертвы и потому оживить его никому не удастся. Смелая женщина сердито ответила жестоким и неумным богам:

Козын-Эркеша я сама излечу,
Помощи вашей не спрашиваю.

Добрый бог поспешил захлопнуть двери неба, злой юркнул в свое подземелье. А Байым-Сур продолжала искать «живую траву» и целебную воду. В конце концов, ей удается вернуть жизнь своему мужу.

Многие богатыри, подобно смелому Ак-Тойчи, спускаются в подземелье и вступают в единоборство с Эрликом. В конце долгой и суровой битвы они вытаскивают его на «белый свет» и берут клятву в том, что он никогда не будет вылазить на поверхность земли и не будет замышлять ничего плохого против людей. Богатыри заставляют его лизать их мечи и нюхать концы их копий. После всего этого они совершают самое унизительное для него — ставят ему на лоб свое тавро так же, как ставят его на холки своих коней, пасущихся в табунах. Тем самым, «всемогущий бог» приравнивается к паршивому жеребенку, которым хозяин распоряжается, как ему вздумается.

Подземный мир в описании ойротских сказителей является точной копией стойбища кочевника-феодала, а в образе бога Эрлика не трудно узнать хана. По многим фольклорным текстам, Эрлик живет в юрте, только юрта у него железная, богатая. Эрлик, когда ему нехватает человеческой крови, занимается выгонкой араки. Он нападает на беззащитные племена, грабит народ и уводит в плен, чаще всего — девушек. Богатыри вынуждены ехать к нему и вступать в бой, чтобы освободить пленный народ.

Во время борьбы богатырей с ханами, баями и зайсанами, Эрлик всегда на стороне последних. Он всячески старается им помочь, но при этом действует как самый последний трус — подставляет ногу, из-за камня дергает за полу и т. д.

В поэме Н. У. Улагашева «Ескюс-Уул» мы встречаем интересную модернизацию злого бога, который появляется уже не в образе феодала, а в образе начальника, чиновника с серебряными медалями на груди. В тексте так и говорится, что Эрлик имеет семьдесят чинов.

Ф. Энгельс писал:

«Каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни...»[1]

Ойротские боги созданы по образу и подобию ханов и зайсанов, господствовавших над народом в течение многих веков.

Выражая мечту народа об уничтожении господства феодалов, ойротский фольклор ниспровергает и богов, являющихся помощниками и заступниками поработителей.

Моральный облик ойротских богатырей, как и богатырей других народов, высок и чист. Не зря некоторым из них даны имена самых ярких звезд.

Богатырь всегда верен своему слову, своему долгу.

Когда Кёзюйке предупреждают об опасности поездки, он отвечает вопросом:

— Если ехать нужно, так зачем же бояться смерти. Лучше погибнуть в схватке, чем имя свое опозорить.

Жена Ерке-Мондура уговаривает мужа не ходить к чудовищу Кара-Куле за клыками, которые просил его добыть тесть. Богатырь отвечает:

— Раз пообещал, нельзя не идти.

Богатырь Алып-Манаш, узнав, что Ак-кан пролил много крови народа, а кости богатырей сложил горой, решает:

Покуда не сражу Ак-кана...

. . . .

За самую вкусную пищу не сяду,
С милой женой ласков не буду.

Ни отец, ни мать, ни сестра, ни жена не могут отговорить его от поездки. Чтобы не волновать родных, он говорит, что едет за дочерью Ак-кана, красавицей Эрке-Каракчи, и отправляется выполнить долг, который он сам перед собой поставил.

Похож на него и богатырь Ак-Тойчи. Он сам себе говорит:

Семь плененных красавиц
Я освободить обещал.
Покуда слово не сдержу —
На родной Алтай не возвращусь.

Богатыри Козын-Эркеш и Бачикай-Кара клянутся друг другу в вечной дружбе, и эта дружба, как дружба Кокин-Эркея с Анчи-Мергеном и многих других богатырей, остается нерушимой. Часто такая дружба впоследствии скрепляется узами родства. Исключением из этого правила является Ак-Кобен в «Алып-Мана-

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», изд. 1933 г., стр. 229.

ше» и Кодыр-Уул в «Козын-Эркеше». Но эти персонажи задуманы создателями поэм, как отрицательные, и клятва верности для Ак-Кобена и Кодыр-Уула являлась лишь способом маскировки.

Отправляясь на поиски сестры, Кокин-Эркей забывает обо всем. Он даже не смотрит на красавиц-невест, которых высватал для него конь. Богатырь скачет день и ночь без отдыха. У него одна цель, одна мысль — поскорее найти родную сестру и выручить ее из беды.

Часто богатырь в трудном деле заменяет своих близких. Братья юноши Очи-Бала своими неосторожными поступками вызвали войну. Они были вынуждены отправиться в поход против Тельбен-Кара-кана, но Очи-Бала, не надеясь на их силу и ловкость, поспешил отправить их домой и сам поехал на битву с ханом-грабителем.

Большой любовью окружены невесты и жены богатырей. Образы жен глубоко опоэтизированы. Свое отношение к этим образам сказители подчеркивают, прежде всего, именами, которые они дают женщинам: Кюмюжек Ару—Чистая Жемчужина, Алтын-Тана—Золотая Пуговица, Торко-Чачак — Шелковая Кисточка, Алтын-Судур — Золотая Книга, Темене-Коо—Красавица-Игла, Эрдине—Драгоценность и т. д.

В одной поэме, еще не переведенной на русский язык, говорится, что жена богатыря знала сто языков и была мудрой советчицей для своего мужа.

Жены богатырей всегда отличаются исключительной красотой и статностью. Лицо жены богатыря краше полной луны, ярче жаркого солнца. Чтобы еще больше подчеркнуть красоту женщины, кайчи изображают мужчин такими, что они при встрече с красавицей теряют дар речи и забывают о всех своих неотложных делах.

В тяжелые века бесправия и порабощения женщины, искалеченной жуткими, варварскими обычаями феодализма, развивался ойротский эпос. Но, несмотря на это, мы очень редко встречаем в фольклоре робкую и забитую женщину, подобную девушке Сын-Ару. Наоборот, мы находим смелую, сильную женщину, во всем равную мужу, а иногда и превосходящую его своим проникновенным умом (Алтын-Туулай, Алтын-Чачак и др.).

По свидетельству греков, в первом тысячелетии до нашей эры у кочевых племен Средней Азии «женщины пользовались большой свободой и даже предводительствовали на войне» («История СССР». Под редакцией проф. А. М. Панкратовой, том I, стр. 13).

Подобные мотивы встречаются в нескольких ойротских герои-

ческих поэмах. Так Байым-Сур во время битвы мужа с вражеским войском вооружается ножницами и, врезавшись в гущу всадников, состригает их головы.

Девушка-богатырь Алтын-Тууди из одноименной поэмы, записанной П. В. Кучияком от его дедушки Шонкора Шунекова, вступает в бой с Эрликом и побеждает его.

Алтын-Туулай, мудрая и смелая женщина, заменяет своего мужа в опасном путешествии в подземный мир.

Девушка Баян помогает своему жениху победить врагов. Она вырывает с корнями тополь и, размахивая им, побивает вражеское войско. Это — подвиг, превосходящий многие подвиги богатырей.

Такие эпизоды, надо полагать, восходят к тому далекому прошлому, о котором свидетельствуют греки.

В жестокие века феодализма эти эпизоды поддерживались в эпосе мечтой трудового народа о равенстве между мужчиной и женщиной.

Невесты и жены ойротских богатырей, за исключением одной Эрбен-Чечен, жены Алтай-Бучая, всегда преданы жениху, мужу, семье до конца своей жизни.

Девушка Баян предпочитает смерть разлуке со своим возлюбленным.

Байым-Сур в поэме «Козын-Эркеш» говорит:

Или с ним вместе умру,
Или счастье с ним разделю,
Козын-Эркеша, друга своего,
Ни на кого не променяю.

Этим словам она остается верна. Она уничтожает Кодыр-Уула, который убил ее мужа, чтобы завладеть ею. Пользуясь ее временным вдовством, добрый бог предлагает ей в мужья своего младшего сына, злой бог настаивает, чтобы она стала его снохой. Байым-Сур отвергает притязания богов и с помощью трав и целебной воды воскрешает своего мужа.

В одном из вариантов этой поэмы Байым-Сур говорит:

— Моя жизнь кончается вместе с жизнью Козын-Эркеша.

С этими словами она берет нож и вонзает себе в сердце.

В наиболее трудном, трагическом положении из всех женщин ойротского эпоса оказывается Кюмюжек-Ару. Ей привозят человеческие кости и выдают их за кости ее мужа. Пользуясь родовыми обычаями, свекор принуждает ее выйти замуж за изменника Ак-Кобена, обрекшего ее мужа на мучительную смерть. Она не решается нарушить родовой обычай, позволяющий свекру распорядиться ею по своему усмотрению, не противится свадьбе, но во время пиршества поет:

Шелковые косы мои
Поневоле я дала расчесать,

. . . .

Жениха постылого
Сама я не искала.

. . . .

Шестирядная мягкая постель
Алып-Манашу надлежать будет.

Жены богатырей отличаются большим трудолюбием. Многие из них — искусные рукодельницы, мастерицы.

Нам остается поговорить еще об обаятельном образе коня, без участия которого не проходит ни одно, даже самое незначительное, событие в жизни богатыря. Кони многих богатырей носят собственные имена. О конях говорят с уважением, называют их: Кайчи — Певец, Эрдине — Драгоценность и т. д. Поэтизация образа коня наиболее ярко выражена в превращении его в самую красивую звезду — Чолмон (зарница).

Имени богатыря всегда предшествует сообщение о масти коня, на котором он ездит. Происхождение этого простое: когда на горизонте показывался всадник, то его узнавали, прежде всего, по коню. Богатырь и его конь не отделимы друг от друга, они — друзья на всю жизнь. Богатырь силен только тогда, когда он на коне или возле коня. В поэме «Ак-Тойчи» подземный хан старается заполучить к себе богатырского коня, чтобы уничтожить его и, тем самым, обессилить богатыря. Так было и в жизни: просторы Северной и Средней Азии не знали воина без коня.

В богатырском сказании «Алтын-Мизе»[1] («Аносский сборник») вороная кобылица, пасущаяся в горах, одним соском воспитывает своего жеребенка, другим мальчика Алтын-Мизе. Конь становится молочным братом богатырю.

Конь рождается в один день со своим будущим седоком и на высоких хребтах ожидает, когда тот придет за ним. Он дает себя поймать только после того, как богатырь называет свое имя.

Нередко конь приносит богатырю боевую одежду и доспехи, приносит «книгу мудрости», предсказывающую все походы, бои, важнейшие события в жизни.

Когда богатырь, спешившись, вступает в поединок с врагом, конь богатыря ведет битву с вражеским конем.

В случае ранения богатыря или смерти его на поле боя, конь отправляется на поиски «живой травы» и целебной воды, чтобы вернуть жизнь своему другу.

---

[1] Это сказание есть в репертуаре Н. У. Улагашева, но его вариант еще не опубликован.

Конь заинтересован в счастье своего седока. В поэме «Кокин-Эркей» конь делает все для того, чтобы устроить семейную жизнь богатыря,—он сватает ему самых лучших невест.

Богатырь платит коню такой же преданностью и уважением. Когда Ак-Тойчи берет с побежденного бога Эрлика клятву не делать ничего плохого людям, он заставляет его поклясться не оскорблять коня худым словом.

В одном из сказаний («Аносский сборник», стр. 187) богатырь на вопрос — умрет ли он в борьбе — получил на листке тополя ответ, что если он не ослушается коня, то никогда не умрет.

Ак-Тойчи говорит своему коню, мудрому и вещему, как кони всех ойротских богатырей:

Ум и находчивость — у тебя,
Сила и меткость — у меня.

В своих предсказаниях и советах богатырю конь никогда не ошибается. Он настолько умен, что ему удается одурачить бога. В нескольких сказаниях конь, превратившись в дочь злого бога, проникает к нему в жилище, выпрашивает ящик с душами семи божьих сыновей и уничтожает их.

В былинах Н. У. Улагашева конь еще умнее. В «Курман-Тойчи» он побил копытами легендарных птиц Кан-Кередэ за то, что они продались хану-поработителю. Птицы хотели поймать для хана самого резвого коня на Алтае. Этот конь был предназначен для богатыря, впоследствии победившего хана и освободившего плененный народ.

Во всех известных нам ойротских героических поэмах конь умирает одновременно со своим богатырем. В поэме «Алтай-Бучай» конь говорит:

Если Алтай-Бучай не воскреснет —
И мне моя жизнь не нужна.

Здесь сказалась идеализация древнего обычая погребать вместе с умершим коня, на котором он ездил. Этот варварский обычай был широко распространен на Алтае и в некоторых долинах сохранился до самой революции. Так в долине Куюма в 1915 г. один алтаец завещал, чтобы его любимый конь был погребен вместе с ним, и родственники выполнили это завещание.

Для обозначения основных жанров фольклора у ойротов есть два слова — кожон и чорчок. Первым обозначают короткие песни, вторым — сказки и народные героические поэмы. На первый взгляд ойроты, как будто, не видят разницы между маленькой прозаической сказкой о животных и большим героическим сказанием, сложенным в стихах. Для тех и других у них суще-

ствует одно слово «чорчок». Вероятно, поэтому долгое время в русских переводах ойротские героические поэмы называли сказками. Я в своих прежних статьях, следуя традиции, установленной Г. Н. Потаниным, говорил о них тоже, как о сказках, забывая при этом, что Потанин располагал не полным поэтическим текстом народных произведений, а только кратким прозаическим изложением их. Да и сам Потанин не всегда и не все из ойротского и казахского фольклора называл сказками. Одни тексты он относил к сказаниям, о других («Козы-Корпеш и Баян-Сулу») иногда говорил, как об эпосе.

Первый исследователь ойротского и казахского фольклора академик В. В. Радлов называл героические поэмы песнями.

При более близком знакомстве с ойротским фольклором не трудно заметить, что сами ойроты проводят ясную грань между жанром сказки и жанром народной героической поэмы. Сказки сказывают, а поэмы исполняют под аккомпанемент топшура особым гортанным пением — «кай». Отсюда исполнитель поэмы — певец — получил название — «кайчи». Сказочников же называют — «чорчокчи».

И по форме, и по своему существу ойротские героические поэмы, воспевающие подвиги богатырей, приближаются к нашим русским былинам.

При изучении текстов тех и других мы находим не мало точек соприкосновения, близких мотивов и совпадений отдельных эпизодов. Академик Ю. М. Соколов в учебнике «Русский фольклор» писал:

«Знакомясь с поэтическими богатствами ближнего Востока, русские ученые не могли... не обратить внимания на порою поразительное сходство тюркских и монгольских сказаний с русскими сказками и былинами».

Казахи называют свои эпические народные произведения, такие как «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», поэмами и былинами. «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» мы находим на Алтае под названиями «Кёзюйке и Баян», «Козын-Эркеш» и «Албаты-Билек». Вообще в эпосе казахов и ойротов много родственного.

Итак перед нами не сказки, а былинный народный эпос. К сказкам я отношу только один текст из всей книги — это «Сын-Ару».

Большой интерес представляет вопрос о времени возникновения ойротского героического эпоса. Но ответить на него очень трудно, потому что история ойротского народа мало изучена. Одно несомненно, что зарождение эпоса восходит к глубокой

древности, к мифам, возникшим еще в период родового общества.

Богатыри ойротского эпоса пишут свои послания на крыльях птиц. В этом выражена мечта человека о голубиной почте. А голубь, как почтовая птица, впервые был применен на Востоке около двух тысяч лет тому назад. Голубиная почта в глубокой древности была известна китайцам, с которыми тюркские народы близко соприкасались и вели многочисленные войны.

В самом эпосе есть упоминания о времени, прошедшем со дня тех событий, о которых поет сказитель. Так в поэме «Козын-Эркеш» мы находим:

> Много с тех пор воды утекло,
> Десять веков прошло...

В поэме «Алтай-Бучай»:

> Десять веков он сказкою сказывается,
> Тридцать веков песней поется.

Но это не что иное, как числительные образы, при помощи которых сказители подчеркивают древность зарождения былин. Никто из них при исполнении той или иной поэмы не вел и не мог вести счет годам ее существования.

Исторических же материалов, которые могут быть использованы для выяснения этого вопроса, крайне мало. Но имеющиеся материалы все же дают основание говорить о том, что ойротский эпос окончательно сложился в то же время, что и родственный ему калмыцкий «Джангар», то-есть после распада Монгольского государства и в период создания «Ойратского союза» (1430 г.).

Н. Н. Поппе, исследуя эпос ойратов, халха-монголов и бурят-монголов, пришел к заключению, что халха-монгольский героический эпос сложился в период феодальных войн, т. е. «в XIV—XVII столетии» («Халха-монгольский героический эпос», стр. 51).

Следы феодальных распрей и войн нередко встречаются и в ойротском героическом эпосе.

В основу многих эпизодов эпоса, вероятно, положены известные исторические события, факты жизни. Один из таких фактов мы находим в былине «Когутэй», сюжет которой известен не только ойротам, но и монголам. В былине повествуется о том, как шесть богатых зятьев Караты-кана сговорились убить ненавистного им свояка Кускун-Кара-Матыра, которого тесть очень не любил за его бедность. Для осуществления своего коварного замысла они выкопали яму глубиною в семьдесят саженей, на дне ее укрепили пику и стрелы, а сверху закрыли кошмой. Когда все было готово, они пригласили свояка в гости и усадили на кошму. Кускун-Кара-Матыр упал в яму и напоролся на пику и стрелы. Этому эпизоду соответствуют два события, случившие-

ся в Монголии в середине XV века. В 1453 году хан Тайсун был убит его тестем Цабданом. После его смерти объявил себя ханом брат покойного — Акбарджи. Но ханствовать ему пришлось не долго: «он был коварным образом убит вместе со своей свитой на пиру у Эсэна. Обстоятельства этого убийства рисуются следующим образом. В большом шатре была вырыта яма, накрытая сверху кошмою. При входе хана в шатер все присутствующие подняли притворные крики радости, а затем хан вместе со свитой был убит и брошен в яму» (Н. Н. Поппе. «Халха-монгольский героический эпос», стр. 33).

Эти события могли послужить творцам былины основой для приведенного выше эпизода.

В поэме «Ескюс-Уул» между баем Санысканом и его пастухом происходит конфликт на том основании, что пастух во время пастьбы скота занимался охотой. За это бай наказывает пастуха розгами, говоря:

Моих табунов хорошо не пасешь!
Ты вздумал охотою промышлять!

Пастух продолжает охотиться. За ним следят дозорные и доносят баю. Мне кажется, что слова бая о плохом наблюдении за стадами следует считать позднейшим напластованием, что в древности бай давал иное объяснение своему истязанию пастуха. В самом деле, за что рассердился бай на пастуха? Ескюс-Уул не потерял ни одной коровы, ни одной овцы. Значит, пас стада хорошо. К тому же, он, охотясь, добывал для себя пищу и не обращался к баю за продуктами. Следовательно, он был самым выгодным пастухом. И все-таки бай наказал его розгами. За что? Ответ на это следует искать в монголо-ойратских законах (1640 г.), во время создания которых население Алтая было подчинено монгольским ойратам. Одна из статей этого закона запрещала простым людям охотиться на землях князей. Санысқан отдает приказания, значит он был не только баем, но и начальником; имел свои охотничьи угодья.

С этими мотивами мы встречаемся и в других ойротских народных произведениях. В сказке «Серый воробышек» («Сиб. Огни» № 5—6, 1933 г., стр. 71) бай Байбарак обрушивается на собаку, бедняка, возвращающуюся с удачной охоты:

— Кто разрешил тебе моих зверей уничтожать?

Он убивает собаку, а добычу ее берет себе.

В монгольской былине «Богдо нойон Джанграй хан», возникновение которой Н. Н. Поппе относит к XIV—XVII веку, место собаки-охотника занимает «плохонький мальчишка». Хан набрасывается на него за то, что он на ханских землях охотится без разрешения.

В Алтайской былине «Темир-Санаа» ханы Еки-Деек грозно кричат на мальчика Темир-Санаа и его сестру Торко-Чачак:

Зверей наших убивать
У кого разрешения спрашивали?

Их отец Айачи жил на земле ханов Еки-Деек и не обладал правом охоты. Ханы обещали ему предоставить это право, но в виде платы требовали себе его дочь Торко-Чачак.

В поэме «Могучий богатырь Катан-Коо», еще не опубликованной на русском языке, шаман обращается к богам с жалобой на охотника. Он говорит, что этот охотник может перебить на Алтае всех зверей. Боги приходят в ярость и решают всячески пакостить охотнику, а когда это им не удается — вызывают его на суд.

Думается, что в далеком прошлом на месте богов стояли родовые князьки, феодалы, владевшие охотничьими угодьями, а на месте шамана — их дозорные. Таких дозорных бая мы встречаем в поэме «Ескюс-Уул». В других поэмах, еще не опубликованных ни на ойротском, ни на русском языках, дозорные названы «выслежками» бая или хана.

Все сказанное выше подтверждает, что сюжеты ойротских былин и некоторых сказок окончательно сложились в тот же период, что и халха-монгольский эпос и калмыцкий «Джангар». Сложились они на основе исторических событий с одной стороны и древних мифов с другой. Н. Н. Поппе применительно к халха-монгольскому эпосу говорит следующее: «...эпические произведения... частично... явились лишь переработкою более древних произведений, восходящих еще к периоду родового общества, произведений, рисующих нам борьбу героя с мифическим существом мангусом (в ойротском эпосе многоголовому чудовищу мангусу соответствует многоголовый Дельбеген. — А. К.), борьбу за обладание женой противника, т. е. носящую примитивный характер межродовых столкновений в родовом обществе».[1] Мотивы борьбы за обладание женой противника ойротскому эпосу тоже известны. Особенно ярко они проявились в былине «Алтын-Мизе», записанной от Н. У. Улагашева, но пока еще не опубликованной.

Кроме отзвуков родового общества, ойротский эпос несет на себе многочисленные напластования близких к нам веков и десятилетий, в том числе и напластования советского периода.

Академик Б. Я. Владимирцев в предисловии к своей книге «Монголо-ойратский героический эпос» писал:

---

[1] «Халха-монгольский героический эпос», стр. 58.

«...по понятиям современных ойратов, как-либо искажать эпопею — большой грех, за который можно понести кару от гениев-хранителей и от самих богатырей, которых воспевают в той или другой эпопее».

В 1935 году ойротский кайчи Сыгыр Мамаков пел в гостях у знакомых героическую поэму «Кан-Буутай». В одну ночь он не смог ее закончить, а утром должен был уезжать домой.

— Придется дома закончить, — сказал он. — Неоконченной бросать нельзя — богатырь рассердится.

На Алтае даже сложились легенды о сказителях, которые пропускали отдельные эпизоды героических поэм. Рассказывают, что в девяностых годах прошлого столетия в Шебалинском аймаке жил известный кайчи Чийлик. Однажды он приехал в гости к своим родственникам. Слух о нем быстро облетел всю долину. Собрались слушатели, стали просить сказителя спеть поэму. Чийлик долго отказывался.

— Летом про богатырей не поют, — говорил он, улыбаясь.— Все букашки, все травы придут слушать, бабочки прилетят...

Но собравшиеся слушать его были настойчивы, и Чийлик уступил. Запел поэму «Алтай-Бучай». Он начинал петь, когда солнце скрывалось за горы и обрывал поэму, когда женщинам надо было на восходе солнца итти доить коров. Поэма заняла несколько ночей.

Закончив поэму, Чийлик направился домой. По дороге он почувствовал усталость. На перевале Кодяты (Александровский перевал) он расседлал коня, бросил на землю потник и лег отдохнуть. Едва он успел закрыть глаза, как увидел самого Алтай-Бучая.

— Ты про мою жизнь пел? — спросил богатырь, склонившись над сказителем.

— Да, я пел... — ответил Чийлик.

— А почему ты не пропел народу о том, как я боролся с одним нагим богатырем? Я тогда семьдесят семь железных гор растоптал и в золу превратил, семьдесят морей досуха вытоптал. Почему это место пропустил?

— Забыл, — ответил Чийлик и от страха проснулся, быстро заседлал коня и поспешил домой.

У своего аила он не мог даже привязать коня к коновязи. Едва успел рассказать жене о своей ошибке и о гневе Алтай-Бучая, как почувствовал себя очень плохо.

— Умираю, — сказал он и упал к очагу мертвым.

Эта легенда получила настолько широкое распространение, что Н. У. Улагашев даже в 1940 г. долгое время отказывался петь «Алтай-Бучая» для записи.

Есть вторая легенда.

В 1919 году талантливый сказитель Деенек в урочище Ашкайанту, Шебалинского аймака, пел героические поэмы в течение семи ночей. Под конец он с ужасом вспомнил:

— Ох, знаете, когда я про Кан-Декпея пел, в трех местах пропуски сделал!

Он набрал в рот чаю, но проглотить не мог. Вышел из аила. Неподалеку стояла кудрявая береза. Деенек едва дошел до этой березы, упал к ее подножью вниз лицом и умер.

— Слух о смерти Деенека прошел по всему Алтаю, — вспоминают сказители. После этого все кайчи стали петь особые концовки поэм. Одна из таких концовок, записанная П. В. Кучияком, была опубликована в предисловии к сборнику «Алтайские сказки» (Новосибирск, 1937 г.) и в журнале «Сибирские Огни» (№ 4—5, 1940 г.).

В репертуаре Н. Улаташева тоже есть концовки. Так, закончив поэму об Алып-Манаше, он поет:

Ни одного слова я не убавил,
Ни одного слова не выдумал.
Что от народа я слышал,
То и вам рассказал.

Но все это, конечно, не соответствует действительности и поется только для «успокоения богатыря». В действительности же алтайский эпос, подобно эпосу других народов, очень богат вариантами одних и тех же поэм. Каждый кайчи в известном смысле импровизатор.

Профессор Н. П. Андреев писал о сказках:

«В... живой жизни, в ...постоянных изменениях сказочного материала и заключается интерес новых сборников сказок: новая сказка часто та же, и вместе с тем всегда не та, что прежняя».[1]

На вопрос Н. У. Улагашеву, что же он вносит своего в тексты, сказитель ответил вопросом:

— Как можно прибавлять? Что слышал от людей, то и пою.

Это—скромность талантливого кайчи. Многочисленные примеры, как приведенные в примечаниях к поэмам настоящего сборника, так и встречающиеся в еще не опубликованных текстах, свидетельствуют, что Н. У. Улагашев не только исполняет народные сказания, но и по-своему интерпретирует их. Его тексты «Алтай-Бучай», «Ескюс-Уул» и «Ак-Тойчи» гораздо ярче, художественно-полноценнее вариантов этих произведений, опубликованных в свое время Г. Н. Потаниным и Н. Я. Никифоровым.

---

[1] Предисловие к книге М. Красноженовой «Сказки Красноярского края», 1937 г.

Две особенности отличают тексты Н. У. Улагашева от прежних публикаций. Первая — лирические песни в героических поэмах и таких бытовых сказках, как «Сын-Ару». Это совершенно уникальное явление в ойротском эпосе. Ни от одного сказителя не было записано ничего похожего. В лучшем случае мы имели дело лишь с кратким пересказом песни, но не с песней. Н. У. Улагашев особо подчеркнул любовь ойротского народа к песне: в его репертуаре есть сказание о мальчике, который начал петь еще в утробе матери,[1] с песней родился и в жизни не расставался с нею.

Вторая особенность — классовые характеристики персонажей и социальная направленность всего эпоса. Там, где у других сказителей отрицательные персонажи выступают только в роли личных врагов богатыря, у Н. У. Улагашева мы находим врагов народа, поработителей, завоевателей, эксплоататоров. В вариантах Н. У. Улагашева всегда сильнее звучат мотивы освобождения плененного народа, чем в ранее известных вариантах. Говоря об этом, мы имеем в виду дореволюционные публикации Г. Н. Потанина, Н. Я. Никифорова и других, записывавших, видимо, не те варианты, которые у народа были заветными, а те, которые прошли известную байскую «цензуру». Но при изучении текстов Н. У. Улагашева следует учитывать, что они, несомненно, несут на себе напластования советского времени.

Академик В. В. Радлов писал об исполнении эпических поэм кара-киргизскими певцами:

«Всякий опытный певец поет по вдохновению, так что он не в состоянии опеть одно и то же два раза, не изменяя формы изложения. Но не следует думать, что импровизация есть постоянное сочетание новых стихов. Импровизирующий певец поступает не иначе, как и импровизатор-музыкант, который соединяет только знакомые ему пассажи, переходы и музыкальные фразы по минутному вдохновению в одну целую картину, выражающую его внутреннее настроение, и таким образом составляет новое из затвердившегося в нем старого. Так же поступает и певец эпических песен».[2]

Б. Я. Владимирцев говорил о сказителях ойратах, живущих в Северной Монголии:

«Одну и ту же героическую эпопею опытный певец может пропеть в одну ночь и в три—четыре ночи»...

Все это может быть отнесено и к ойротским кайчи. У

[1] По старым вариантам этот мальчик в утробе матери не пел, а только разговаривал.

[2] Цитирую по книге М. Азадовского «Литература и фольклор», 1938 г., стр. 205.

Н. У. [illegible]
[illegible] от предыдущего. При этом состояние здоровья и настроение кайчи имеет огромное значение. Одно и то же произведение он исполняет то в стихах, то в прозе.

Н. У. Улагашев уже тридцать лет (с тех пор, как у него появилась грыжа) не поет, как другие кайчи, а сказывает поэмы. Он поет только песни, встречающиеся по ходу действия, и поет без [illegible] на строфике и ритмике поэм. Но этот вопрос требует особого исследования.

Ритмика Н. У. Улагашева отличается от ритмики текстов, опубликованных в сборниках «Алтайские сказки» и «Темир-Санаа». Если там количество слогов в стихе колебалось от четырех—пяти до тринадцати — четырнадцати, то у Н. У. Улагашева — только от семи до двенадцати. Одиннадцати- и двенадцатисложный стих у него встречается очень редко, преобладает в одних поэмах — семи-восьмисложный, в других — девяти-десятисложный.

Рифма не постоянная, глагольная. Она строго обязательна только в «канонических строках», имеющих характер пословицы, [illegible] дятся страницы белого стиха и даже прозы.

Это характерно не только для ойротского эпоса, но и для монгольского и калмыцкого.

Об исполнении героических эпопей монгольскими ойратами Б. Я. Владимирцев писал следующее:

«...вне мелодии трудно и говорить об эпическом сложении ойратов. Настоящий стих выявляется только при пении...» («Монголо-ойратский героический эпос». 1923 г., стр. 39).

Такое же значение мелодия имеет и на Алтае. И это создает дополнительные трудности для установления размера и ритмики былин при переводе на русский язык.

До сих пор ойротский эпос переводили белым стихом или ритмической прозой. Это, понятно, не давало читателю полного поэтического представления о подлиннике. В этой книге читатель найдет, наряду с переводами, ритмически не отличающимися от предшествующих сборников, первые рифмованные переводы. Что удалось и что не удалось переводчикам — скажет читатель.

На наш взгляд, в этой книге переводчики, уже имеющие некоторое, хотя и неглубокое, знакомство с жизнью ойротов, допустили меньше ошибок в деталях, чем в текстах предыдущих сборников. Так в новых переводах Эрлик уже не подменяется Сатаной, а кожаный ташаур берестяным туясом. Нет и «золотого девятирядного трона». Но еще ни один из переводчиков не сумел

[illegible] налу, что на месте трона — горка из девяти свернутых кошем- [illegible] хан. Это, к сожалению, далеко не единичный пример.

Переводы, предлагаемые вниманию читателя в этом сборнике, посвященном восьмидесятилетию талантливейшего сказителя [illegible] ротского народа, возрожденного Октябрьской социалистической революцией. Они помогут русскому читателю понять, как велика творческая заслуга сказителя-орденоносца Н. У. Улагашева. Верится, что они будут способствовать дальнейшему культурному [illegible] и Щорс, как сталинские соколы Чкалов и Громов, как герои Хасана, Халхин-гола и Карельского перешейка.

А. Коптелов.

АЛТАЙ-БУЧАЙ

Водою кипящею белого моря
Жажду свою утоляя,
У островершинной белой горы
Зверей для пищи себе стреляя,
Алтай-Бучай богатырь жил.
В народе взятая им жена —
Эрбен-Чечен[1] с ним жила,
Вскормленная им дочь —
Дваран-Чечен[2] у него была.
И еще богатырь имел
Сына по имени Эркемел.[3]
Сам богатырь был славным анчи,[4]
Зря в аиле своем не сидел,
С добрым луком и колчаном стрел
Он на охоте дни проводил.
Конь Бай-Чоокыр[5] под седлом ходил,
Когда на охоту ездил анчи.
Коня Кайчи-Дьерена[6] седлал,
Когда пасти стада уезжал.

Если на бой кто его вызывал,
Коня Камчи-Дьерена[7] седлал.
Два серых тайгыла[8] у охотника были,
С ним на охоту всегда ходили.
Два серых сокола[9] у охотника были,
Они стерегли дымоход на аиле.

**
*

Однажды Алтай-Бучай
На охоту ехать собрался,
Коня Бай-Чоокыра он заседлал,
С лучшей пищей сумину взял,
К седлу своему привязал.
Свой богатырский наряд надел,
На долгие годы в отъезд собрался.
Лук самый лучший и много стрел
На тридцать лет охоты он взял.
Когда прощания час настал,
Дваран-Чечен богатырь сказал:
— Когда меня дома не будет, гляди;
На хребет белоснежной горы не ходи,
В воде целебной белого моря
Ноги не вздумай помыть.
Дочери так наказав,
С Эрбен-Чечен попрощался,
На Бай-Чоокыра вскочил,
Серым тайгылам свистнув,
К родному Алтаю направился,
Тихой рысью поехал.
Белая пыль над землей поднялась,
Белым туманом даль повилась.
Там, где стоял он, — остался след,
Куда направился—следа нет...

**
*

Как далеко уехал Алтай-Бучай —
Словами не передать.
Тридцать коротких лет пролетели,
Шестьдесят долгих лет прошли —
На охоту уехавший богатырь
На стойбище не вернулся.
Однажды Эрбен-Чечен

Шитков

Дочери говорит:
— Не пойму я, Дваран-Чечен,
Отец твой сказал зачем:
«На белую гору не подымайся...»?
На белую гору, дочка, сходи,
С белой вершины вокруг погляди,
Что увидишь—мне расскажи.
Так сказав, из золотого ларца
Шестиугольное зеркало[10] она достала,
Волшебной силой оно обладало —
Поверхность зеркала золотая
В себе отражала земли Алтая...
Зеркало дочери подала.
На бело-соловом коне
Дваран-Чечен поскакала.
На вершине белой горы
В волшебное зеркало поглядела,
Весь Алтай открывается взору —
Леса, облака и дальние горы,
Вдали у подножья двух гор
Две реки голубые слились,
Бесчисленные там пасутся стада,
Бесчисленный расселился народ.
Видно там хан богатый живет.
Дваран-Чечен домой поскакала,
О виденном матери рассказала.
Узнав о хане, Эрбен-Чечен
По аилу забегала, заметалась,
Про себя думает:
«Видно Алтай-Бучая хан не боится,
Если рядом решил поселиться?
Надо к нему отправить гонца...»
Дочери говорит:
— Отец твой на тридцать уехал лет,[11]
Шестьдесят пролетело, его все нет.
Домой не вернется, видно, отец,
Где-то ему наступил конец...
Как будем жить без него вдвоем?..
Стадам без хозяина трудно быть,
Вдовою без мужа мне трудно жить.
Кто сироту тебя замуж возьмет.
К хану, за Белый Алтай поезжай,[12]
Письмо мое ему передай.
Пусть под защиту он нас возьмет!..

На белой бумаге Эрбен-Чечен
Золотой водой письмо написала.
На бело-соловом коне
С письмом на белой бумаге
Дваран-Чечен в Алтай поскакала,
Как птица со стойбища поднялась,
Белой птицей в горах исчезла...

***

Многие реки перелетела,
Многие горы перевалила
Красавица Дваран-Чечен.
К стойбищу хана приехала,
У белого дворца остановилась.
Возле дворца, не сходя с седла,
Хану послание подала
И тотчас назад ускакала...
У хана два сына было —
Аранай и Шаранай[13] их звали.
Письмо они прочитали,
Сказать нельзя, как обрадовались,
Перед отцом хвастаются:
— Единственный враг наш—Алтай-Бучай
На Камчи-Дьерене ездящий,
Видать, исчез навсегда!
Без хозяина бродят его стада,
Жена его без мужа теперь,
У дочери отца нет.
Будет нашим теперь весь свет.[14]
Будем отныне с братом мы
Всесильными и богатыми!
Старый хан сыновьям говорит:
— На рыжем коне ездящий
Алтай-Бучай умереть не мог.
Чтобы покраснеть—крови у него нет,
Со стоном умереть—души нет:
Бессмертен Алтай-Бучай.
В больших пальцах Алтай-Бучая
Его могущество заключено![15]
В ногах Эркемела маленького
Сила будущая таится!...
Не рано ли, сыновья, радуетесь?..
Пока не увидите сами

Смерти его своими глазами,
Чужому слову не верьте!
Аранай с Шаранаем отца не слушали,
На резвых коней вскочили,
За красавицей Дваран-Чечен погнались,
На стойбище Алтай-Бучая приехали.
Супруга Эрбен-Чечен
С дочкой Дваран-Чечен
Ханов встречать вышли.
Шелковые шубы у них блестят,
Золотые кисти над шапками вьются.
Поводья у ханов женщины приняли,
За правые руки с братьями поздоровались,
За руки ханов в дворец повели.
Ханов за стол золотой усадили.
Угощают ханов сладкой едой.
Веселье у них началось.
— Если Алтай-Бучай и живой,
Лучше ему не являться домой, —
Стрел, постреляться с ним—у нас хватит,[16]
Сил, побороться с ним—у нас хватит.
Весь Алтай покорили мы,
Семьдесят ханов убили мы!..
Так Аранай с Шаранаем хвалились,
Кровью глаза у них налились,
Языки совсем развязались...
Долго им пировать не пришлось, —
Земля под ногами вдруг закачалась,
Вершины деревьев к земле пригнулись,
Быстрые реки из берегов вышли.
— Алтай-Бучай едет! —
Эрбен-Чечен закричала.
Ханам совет дает:
— В углу за большую сумину спрячьтесь,
Пока в аил не войдет, не показывайтесь!...
В углу за суминой спрятались братья,
Эрбен-Чечен и Дваран-Чечен
Богатые платья скинули,
В простые оделись платья.
Навстречу Алтай-Бучаю выходят,
Алтай-Бучай приближается.
Спина Бай-Чоокыра под кладью выгнулась,[17]
Тайгылы серые
По шестьдесят маралов в зубах несут,

От Бай-Чоокыра не отстают.
Алтай-Бучай к коновязи подскакал,
Туши зверей с Бай-Чоокыра снял,
Черных соболей из пазухи достает,
Жене Эрбен-Чечен подает:
— Нарядную шубу сшей!—говорит.
Эрбен-Чечен ему отвечает:
— Милый муж мой Алтай-Бучай,
Сил я лишилась о вас скучая,
Вот, наконец, я вас увидала,
Словно луна предо мной засияла! —
Так Эрбен-Чечен говорит.
Мужа к столу она повела,
Сладкую пищу на стол подала,
Араки хмельной ташаур подала,
Алтай-Бучай едою насытился,
Всю араку выпил.[18]
Кровь забродила в теле,
Слова быстрее посыпались.
— Если есть арака,
Еще на стол подавай! —
Супруге крикнул Алтай-Бучай.
Эрбен-Чечен убежала из-за стола,
Яд в ташаур с аракой налила,
Мужу с поклоном его подала.
Алтай-Бучай, ташаур приняв,
Одним глотком его осушил.
Железа каленого стал красней.
— Есть ли еще арака?—спросил.
— Сам загляни за большую сумину! —
Эрбен-Чечен отвечает ему.
Алтай-Бучай, шатаясь, встает,
В углу за суминой рукою шарит.
Аранай с Шаранаем оттуда встали,
На богатыря накинулись,
Бороться с богатырем схватились.
Алтай-Бучай, от яда сгорая,
Силу с каждым мигом теряя,
С болью жене крикнул:
— Супруга моя Эрбен-Чечен,
В народе тебя я взял,
С тобою жизнь до смерти связал,
Верить тебе до смерти хотел...
Врагов моих помоги одолеть!..

Эрбен-Чечен, ничего не ответив,
Сгорая от радости, побежала
Туда, где, как раз, кобылица рожала,
Скользкий послед роженицы взяла,
Под ноги мужу его постелила.
Алтай-Бучай поскользнулся,
Упал и подняться не смог, —
Аранай с Шаранаем к земле придавили.
Алтай-Бучай с тоскою сказал:
— Супруга моя Эрбен-Чечен,
Дочь родная Дваран-Чечен,
Видно вы смерти моей хотите!
Последнюю просьбу мою выслушайте.
Двух серых тайгылов моих не губите
Двух серых соколов не губите,
Трех драгоценных моих коней
В чужие руки не отдавайте.
Любимцам моим—коням,
Острокогтистым моим тайгылам,
Серокрылым моим летунам
Полную волю дайте, —
Так завещаю вам!
Но злая Эрбен-Чечен,
Черно-стальные ножницы[19] взяв,
В грудь Алтай-Бучаю вонзила их,
Насквозь его сердце проткнула.
Из сердца Алтай-Бучая
Кровь вихревым фонтаном брызнула.
Аранай с Шаранаем—ханы,
Кровью руки свои омывая,
Алтай-Бучая могучее тело
По мелким суставам разъяли.
Маленького Эркемела
Возле отца убили,
По суставам разъяли тело.
Два больших пальца Алтай-Бучая взяли,
Обе ноги Эркемела взяли,
На двух лошадей их навьючили.
Богатства Алтай-Бучая,
Плоды его долголетней охоты
На лошадей навьючили,
Белый скот Алтай-Бучая
С пастбищ собрали.
Один Бай-Чоокыр, драгоценный конь,

От ханов спастись успел,[20]
Повод железный свой перегрыз,
С тоскливым ржаньем в горах скрылся.
Сев на красавцев его коней —
Кайчи-Дьерена, Камчи-Дьерена,
Белый скот ханы погнали,
Богатства в свой дворец повезли.
Как победители на конях сидели,
Дорога была им мягче постели.
Ехали ханы и громко пели,
Двух женщин-изменниц
Эрбен-Чечен и Дваран-Чечен
Игрой развлекали,
Словно сороки, хвалились, лгали:
— На всей земле, на свете белом
Нет еще силы, чтоб нас одолела!..
В это время конь Бай-Чоокыр,
В марала черного обратясь,
Стороной караван обогнал,
Впереди на дорогу выбежал.
Марала черного, шестирогого,
Впереди ханы увидели,
Двух серых тайгылов с цепей спустили.
— Марала ловите!—им приказали.
Долго тайгылов с добычею ждали,
Тайгылы своих следов не оставили,
Вместе с маралом черным исчезли.
Дальше ханы поехали...
А в это время тайгылы серые,
В красных лисиц превратившись,
Стороной караван обогнали,
Впереди на дорогу выбежали.
Аранай с Шаранаем, лисиц увидев,
Двух серых соколов с рук пустили,
Красных лисиц изловить приказали.
Соколы в синее небо взмыли,
За синей тучей их крылья скрылись.
Кайчи-Дьерен, быстроногий конь,
Под Аранаем шедший, упал,[21]
Синие внутренности из него выпали,
Глаза его закатились.
— С лягушкой стыдно такого сравнить,
А еще богатырским конем звался!..
Половину пути не успел пройти,

Уже запалился, —
С позором тут подыхай!..
Так два хана коня ругали,
Седло с Кайчи-Дьерена сорвали.
На своем коне Аранай поехал.
Немного ханы проехали,
Камчи-Дьерен, драгоценный конь,
Под Шаранаем шедший, свалился
С переломленною спиной, не поднялся.
Над Камчи-Дьереном ханы смеялись.
На своего коня Шаранай пересел.
Немного ханы проехали,
Град в пути их застиг.[22]
Вместе с градом и камни валятся,
По головам двух ханов бьют.
Большие пальцы Алтай-Бучая,
Ноги юного Эркемела
Ханы быстро с коней стащили,
Из них шалаш устроили тут.
И в нем от смерти нашли приют.
Два сокола серых вдруг с неба спустились.
Ханы разинуть ртов не успели,
Большие пальцы Алтай-Бучая
Серые соколы в высь унесли.
Два серых тайгыла вдруг появились,
Ноги юного Эркемела[23] схватили,
Ханы глазами моргнуть не успели,
Тайгылы в тайге скрылись...
Еле живые ханы на стойбище возвратились,
Награбленное привезли.
К старому хану, отцу своему,
Себя расхваливая, пришли,
К народу с криками вышли:
— Бессмертным считался Алтай-Бучай,
А теперь его черви точат.
Прославленным богатырем был,
А теперь его тело лягушки и змеи сосут.
Вся земля отныне—в наших руках.
Ниже земли нам кланяйтесь!
Последнего врага победили мы!
Все счастье людское—у нас в руках!..
Так Аранай с Шаранаем хвалились.
Народы им до земли поклонились,
Землю целуя, ханов упрашивали:

— Плетью не бейте[24] народа нашего,
Безвинных людей не губите!..
Старый хан сыновьям сказал:
— Не рано ли, сыновья, расхвастались?
Отмщенья за ваши поступки ждите!..
Братья-ханы отца не слушали.
Старший брат Аранай
На Эрбен-Чечен женится,
Младший брат Шаранай
Дваран-Чечен в жены берет...
Десять лет они свадьбы справляли,
Без конца пировали —
Игры и песни не утихали.
Что скоро им плохо будет —
Глупые ханы не знали,
В веселье дни проводили.

***

Когда на охоту Алтай-Бучай ездил —
Конь Бай-Чоокыр под седлом ходил.
Коня Кайчи-Дьерена седлал он, когда
Надо было пасти стада.
Если на бой кто его вызывал —
Коня Камчи-Дьерена седлал...
Имел он также двух серых тайгылов,
Двух соколов серокрылых.
От братьев-ханов на волю вырвавшись,
Три коня, тайгылы и соколы
На родную землю вернулись.
У мертвых тел хозяев сошлись.
Алтая-Бучая мертвое тело,
Тело сына его Эркемела
От хищных птиц и мух стерегли.
Кайчи-Дьерен рыжегривый
Друзьям такие слова говорит:
— Чтоб тело Алтай-Бучая сжечь,
Сюда Аранай с Шаранаем приедут.
Чтоб тело Алтай-Бучая сберечь —
Надо его увезти скорей
Туда, куда нет для ханов путей.
Шумак-тайга на Алтае есть.
Туда и надо тело увезть...
Кайчи-Дьерен и Камчи-Дьерен

Между собой посоветовались,
Черными беркутами обернулись,
Тела хозяев на крыльях подняли,
Три перевала перелетели,
В Шумак-тайге опустились.
В такое место тела запрятали,
Что и во сне кто увидит вряд ли.
Такое место в тайге отыскали,
Что мудрый умом проникнет едва ли...
Возле тел все друзья собрались,
Қамчи-Дьерен друзьям говорит:
Два серые сокола—вы,
Два серых тайгыла—вы,
И вы, Бай-Чоокыр и Қайчи-Дьерен,
Тела хозяев постерегите!..
А я поверхность Алтая обегаю,
Весь белый свет обойду —
Может, живую воду найду!..[25]
Так сказав, Қамчи-Дьерен
Через три горы прыгнул.
Там, где стоял он, — остался след.
Куда направился—следа нет.
Қак ветер он полетел,
Қак вихрь над землей помчался.

* *
*

Старый хан сыновей торопил,
Аранаясь и Шараная упрашивал:
— Тело Алтай-Бучая огню предайте
Или большой беды ожидайте...
Скорей, сыновья, езжайте!
Аранай с Шаранаем отца послушались,
В путь, наконец, отправились.
Супруг своих для веселья взяли,
В дороге разные игры играли.
В пути им весело было.
На стойбище Алтай-Бучая
Ханы с женами прискакали,
На стойбище не нашли аила.
Тéла богатыря не нашли.
Вокруг его владений объехали,
Ни одного следа не нашли.
— Алтай-Бучая мертвое тело

Без нашей помощи сгнить успело! —
Так Аранай с Шаранаем сказали,
Коней своих домой повернули,
Дома старому хану соврали:
— Тело Алтай-Бучая сожгли,
Пепел смешали с пылью земли!..
С этого дня Аранай с Шаранаем,
Предела злости своей не зная,
Непокоренных еще — покоряли,
Неразоренных еще — разоряли,
С женою и дочерью Алтай-Бучая
Жили весело, без печали.

**
*

Конь Камчи-Дьерен белогривый
Воду, жизнь возвращающую,
По всему Алтаю искал,
Поверхность всей земли облетел,
Живой воды не нашел.
К жилищу Мать-Земли[26] поскакал,
Как вихрь, помчался.
От бега Камчи-Дьерена
Скалы дробятся, камни поют,
Темные леса гнутся,
Быстрые реки вскипают,
Горы дорогу ему уступают.
Сколько в пути он был —
Словами не передать.
К Мать-Земле прибежал,
Гриву свою по земле расстелил,
Мать-Земле поклонился,
Звонко заржал,
Такие слова сказал:
— На родном Алтае мирно живя,
Алтай-Бучай богатырь
Народу отцом и товарищем был.
Алтай-Бучая богатыря
Аранай с Шаранаем убили...
Мудрый выход мне укажи,
Как его воскресить, скажи,
Старая Мать-Земля...[27]
Мать-Земля Камчи-Дьерена выслушала,
Три лица ее омрачились,

Три слезинки из глаз выкатились.
Слезы свои Мать-Земля вытерла,
Камчи-Дьерену ответила:
— Бессмертным Алтай-Бучай был рожден,
Среди живущих богатырей
Непобедимым был он, —
Как умереть он мог?
Там, где сходятся семь дорог,
Лису красно-рыжую
С семидесятисаженным хвостом увидишь,
Низко ей поклонись,
Восхваленья ей произнеси,
Помочь тебе попроси, —
Мать-Земля послала, — скажи,
Стрелу мою лисе покажи... —
Так Мать-Земля говорила,
Камчи-Дьерену
Стрелу семигранную подала,
На прощание поцеловала.
Как сокол Камчи-Дьерен полетел,
Быстрее чем мысль помчался.
Быстрее слова сказанного летел,
Как ветер в короткий срок
Достиг слиянья семи дорог.
Лису красно-рыжую
С хвостом семидесятисаженным
Издалека заметил.
Как вихрь подлетел,
Гриву свою по земле расстелил,
Кланяясь низко, лису хвалил,
Помочь в беде попросил...
— Кто дорогу тебе указал? —
Лиса красно-рыжая закричала.
— Мать-Земля мне путь указала,
Стрелу семигранную мне дала,
Чтоб подтвержденьем была стрела, —
Камчи-Дьерен лисе отвечает.
Лиса красно-рыжая говорит:
— Если Мать-Земля просила,
Нельзя мне просьбы ее не выполнить.
Надо лечь немножко поспать,
Вещий сон хочу увидать...
Камчи-Дьерен перед лисою
Пышный свой хвост на земле расстелил,

Лису на него прилечь пригласил.
— Какая постель из хвоста коня!..
Хвост твой, конь, жестковат для меня,
Лучше я на своем посплю...—
Лиса Камчи-Дьерену сказала,
На пышный свой хвост, свернувшись, легла.
Недолго лиса спала,
Встряхнувшись, встала,
Камчи-Дьерену сказала:
— Хороший я сон увидела,
Успех тебе обещающий!..
Дальше теперь иди,
Сойдутся девять дорог впереди,
На слияньи девяти дорог
Девяностодевятиугольный
С девяноста девятью дымоходами
Дворец земляной стоит.
В дворце, из черной земли построенном,
Девятиголовый Дельбеген проживает.
На теле его черном
Красно-бурая родинка есть
Величиной с овечку двухлетнюю.
Если сумеешь ты родинку взять —
Алтай-Бучай будет жить опять.
Если родинку не возьмешь —
Гибель свою найдешь...
Камчи-Дьерен, лису выслушав,
Нельзя передать, как обрадовался:
— Если Алтай-Бучай не воскреснет,
И мне моя жизнь не нужна.
Смерть за хозяина не страшна!
Дельбегена девятиголового не боюсь,
Пока до него не дойду—не остановлюсь.
Спасибо тебе, лиса, за совет,
На верный меня ты направила след!.. —
Так Камчи-Дьерен сказал,
Как вихрь над землею взвился,
Как стрела меж туч полетел,
Много быстрых рек переплыл,
Многие горы перевалил,
К слиянию девяти дорог прибежал,
Девяностодевятиугольный
С девяноста девятью дымоходами
Дворец земляной увидел.

Камчи-Дьерен белогривый
Серой птичкою обернулся,
На один из девяноста девяти дымоходов
На крыше дворца уселся.
Внутрь дворца поглядел и видит:
Девятиголовый Дельбеген
Посредине дворца сидит.
На шее у Дельбегена
Красно-бурая бородавка,
Величиною с овцу, торчит.
Девятиголовый Дельбеген
Из дворца земляного вышел,
Девять голов его покачиваются,
Девять бород его развеваются.
На дно неба великан поглядел,
На крыше дворца птичку заметил.
— Откуда такая серая птичка
На моей земле появилась? —
Дельбеген, рассердившись, крикнул.
Лук и стрелу взять
Во дворец вернулся.
В это время Камчи-Дьерен
В земляного червя превратился,
На землю сполз,
В верхнем слое земли спрятался.
Девятиголовый Дельбеген
Из дворца вышел,
Тетиву натянул,
Стрелу в небо нацелил.
— Куда серая птичка девалась?—спрашивает.
Все девять голов вскинув,
Глазами небо обшаривает.
В это время Камчи-Дьерен
Из-под земли выполз,
Из червяка в коня превратился,
Могучим своим копытом
В грудь Дельбегена лягнул.
Высокой черной горой
Дельбеген девятиголовый на землю упал,
Печень и сердце его омертвели.
Камчи-Дьерен на него налетел,
Зубами в бурую родинку впился,
С корнями ее вырвал...
В конский волос сам превратясь,

Под своды неба поднялся,
Как стрела, облака пронзая, летел.
На середине пути
К ногам Мать-Земли опустился,
Все, как было, ей рассказал...
— Благословляю тебя, храбрец!..
К Алтай-Бучаю скорей лети,
Верней лекарства нигде не найти.
Алтай-Бучая оно воскресит!..
Чтоб Эркемела к жизни вернуть,
Тебе предстоит еще дальний путь,
Другое лекарство надо искать... —
Так Мать-Земля коню говорила,
Шелково-черным платком
Шею его повязала,
В губы поцеловала...
Ветроподобный Камчи-Дьерен
Вмиг до Шумак-тайги долетел,
С друзьями весело поздоровался.
Останки Алтай-Бучая
Сустав к суставу сложил,
Красно-бурой родинкой Дельбегена
Все суставы помазал,
Платком черно-шелковым вытер,
Остатки родинки Дельбегена
На язык богатырю положил.
Алтай-Бучай богатырь встал,
Громко, радостно рассмеялся.
— Долго ли спал я?—спросил.
Богатырское тело расправил,
Кругом оглянулся,
Долиноподобную грудь погладил,
Долиноподобные ладони размял.
Подобно зарницам взгляд его засиял.
Трех коней он сладко расцеловал,
Двух серых тайгылов по шерсти погладил,
Двух соколов на плечо посадил,
Камчи-Дьерена, коня боевого,
Золотым седлом оседлал.
В одежду свою богатырскую,
В доспехи свои боевые,
Друзьями его сохраненные,
Алтай-Бучай нарядился.
— К Аранаю и Шаранаю поеду!—сказал,

На Камчи-Дьерена хотел садиться.
— Друг наш Алтай-Бучай,
На меня не сердись,
На Кайчи-Дьерена лучше садись,
На нем к Аранаю и Шаранаю езжай
У меня есть другое дело:
Для юного Эркемела
Хочу живую воду найти,
К жизни его вернуть!..—
Так Камчи-Дьерен сказал.
Алтай-Бучай согласие дал,
На волю коня пустил,
На Кайчи-Дьерене поехал.
Подобно вихрю он поскакал,
Весь Алтай содрогнулся,
Высокие горы пополам раскололись,
Черные леса пополам согнулись,
Черные тучи на землю спустились,
Пыль на небо с земли поднялась.
Там, где стоял он, — копыта след.
Куда направился—следа нет...

***

Аранай с Шаранаем беду почуяли,
Чтобы Алтай-Бучая встретить,
Бесчисленные войска вооружили,
Богатырей собрали,
Чтобы к стойбищу богатыря не пустить, —
Навстречу ему поскакали.
До черно-стальной горы добрались,
Костры распалив, отдыхать легли,
Алтай-Бучая ждать стали.
На расстоянии года езды
Громоподобный голос услышали,
На месячном расстоянии коня увидели.
На Кайчи-Дьерене ездящий,
Алтай-Бучай мчится,
Словно бесчисленные войска идут —
Столько места он занимает.
Как будто топот сотни коней,
Как будто крики ста богатырей,
Топот Кайчи-Дьерена слышится,
Голос Алтай-Бучая разносится.

К черно-стальной горе
Алтай-Бучай подскакал.
Войска Араная и Шараная[28]
Тысячи стрел пустили,
Подобно граду копья посыпались...
У солнца глаза закрылись,
У луны глаза потемнели.
Алтай-Бучай невредимый скачет:
От шерсти Кайчи-Дьерена,
Не поражая, стрелы отскакивают.
Вокруг Алтай-Бучая
Стрелы, как листья осенние, вьются,
Как бабочки на ветру порхают.
Ни одна Алтай-Бучая не тронула.
Черно-стальную гору
Копыта Кайчи-Дьерена
Как пень гнилой растоптали,
Черно-стальной саблей
Ее богатырь на куски разнес.
Под осколками черно-стальной горы
Войска Араная и Шараная легли.
Остатки их богатырь огнем уничтожил.
За воротники ханов схватил.
За плечи богатыря ханы взялись,
Копья в сердце его вонзали,
Саблями шею его рубили —
Алтай-Бучай невредим!
Как бабки ханов в руки он взял,
Друг о друга ханов ударил,
Тела их в одно тело слились,
В одного богатыря превратились.
Богатырь с Алтай-Бучаем схватился.
Семь лет их борьба длится,
Ничто на землю не валится!
Девять лет их бой продолжается —
Никто на землю не падает!
Эрбен-Чечен и Дваран-Чечен
На место боя явились.
Под ноги Алтай-Бучаю
Кобылий послед они подстилают.
Под ноги богатырю Аранай-Шаранаю
Шишки сосновые подсыпают.
Негневающийся Алтай-Бучай,
Нельзя передать, как разгневался,

Горьким ядом голос его наполнился.
Алтай-Бучай закричал:
— Однажды ядом меня напоив,
Меня убить помогали вы!
Эркемела юного погубив,
Видно, о чести совсем забыли!..
Когда вы голодными были —
Я зверей для вас убивал,
Чтобы нарядными вы ходили —
Я соболей для вас добывал.
Зачем же снова хотите конца
Для мужа и для отца?
Черно-сафьяновым своим сапогом
С девятирядной подошвой бронзовой
Алтай-Бучай разгневанный
Черных изменниц пнул,
Словно ветер с земли их смахнул,
За шесть гор они улетели.
Кровь у него разгорелась в теле,
Мясо горячим стало,
Силы и мужества прибыло.
Брови крутые выгнулись,
Кровью глаза налились.
Богатыря Аранай-Шараная
Алтай-Бучай подхватил,
В синее небо поднял,
В белую тучу головой воткнул.
Три раза так подымал —
Силу рук своих пробовал,
С размаху вниз опустил,
До седьмого слоя земли
Тело Аранай-Шараная воткнулось...
— Мирную жизнь мою
Зачем вы прервать хотели?
Бабьим словам поверив,
Зачем вы меня разорили?
Разве сказал вам отец родной,
Что есть какой-либо долг за мной?..
Разве вам мать говорила хоть раз,
Что я обидел чем-нибудь вас?..
Долгие шесть веков
Алтаю покоя вы не давали,[29]
Мирно живущих людей
Со стойбищ вы угоняли!..

Жеребенка, от матки отняв,
Жалобно ржать заставляли,
Ребенка, с матерью разлучив,
Слезы лить заставляли!..
За все теперь отвечайте! —
Так Алтай-Бучай говорил,
Черно-стальною саблей
Грудь Аранай-Шараная пронзил,
Черная кровь из сердец их хлынула.
Алтай-Бучай от горы
Ледяную скалу оторвал,
Ханские трупы скалой завалил.
На коня Кайчи-Дьерена вскочил,
К дворцу Араная и Шараная подъехал.
К дворцу весь ханский народ созвал,
Такие слова народу сказал:
— Властвовавшие шесть веков,
Вас обижавшие шесть веков,
Жившие весело тунеядцы,
В горе повергшие вас злодеи —
Аранай с Шаранаем ханы
От моей руки навсегда погибли!..
Из своей среды старшего изберите,
На землях ли ханов живите,
На свои ли стойбища возвращайтесь —
Нет отныне насилья над вами!
От ханов я вам помог избавиться —
Свою судьбу изберете сами!
Так сказав, богатырь
Кайчи-Дьерена назад повернул,
На свое стойбище ехать хотел.
Старый отец Араная и Шараная
С головою белее зайца,
Подобно чорго,[30] согнувшийся,
Алтай-Бучаю кланяясь, говорит:
— Глупых моих сыновей
Араная и Шараная
Я не раз поучал —
Они меня не послушали!..
С Алтай-Бучаем бессмертным
Не воевать их упрашивал —
Они надо мной посмеялись...
Теперь меня, их отца,
Наверное убивать будешь —

Воля твоя.
Если в живых оставишь —
Воля твоя,
Немного мне, старику, житья!..
Алтай-Бучай коня придержал,
В глаза старику глубоко заглянул
И так сказал:
— Старых людей я крови не лью,
Врагов убиваю в равном бою.
До последнего вздоха в груди
В своем аиле, старик, сиди!..

**
*

Алтай-Бучай уехать хотел,
Эрбен-Чечен и Дваран-Чечен
За стремя его ухватились.
— Какую смерть вы принять желаете? —
Алтай-Бучай у изменниц спросил...
— Хочу вернуться к тебе в аил, —
Эрбен-Чечен со слезами сказала.
— Дочь свою, отец, пощади! —
Дваран-Чечен, рыдая, сказала.
Сердце Алтай-Бучая не дрогнуло,
Гнев его не смягчился.
— Сами во всем виноваты!—сказал,
Плеть из девяти бычьих шкур
В правую руку взял,
Изменниц с размаху ударил —
В пыль они превратились,
Как легкий туман рассеялись.
Ехать дальше хотел,
Народ многочисленный на пути встал,
Алтай-Бучая упрашивает:
— Прославленный наш богатырь,
Головой нашей будь,
Нас на этих землях не оставляй,
На свой Алтай укажи нам путь!..
Алтай-Бучай отказываться не стал,
Черно-стальную саблю выхватив,
Такие слова народу сказал:
— По прямо прочерченному пути
Будете днем и ночью итти,
Поперек прочерченная черта

Для отдыха вам укажет места, —
Вслед за мною идите!..
Так сказав, богатырь
Вихрем вперед помчался;
Черно-стальною саблей
По черной земле бороздя, поехал.
Народ голов поднять не успел,
Алтай-Бучай за горами скрылся.

**
*

Пока могучий Алтай-Бучай
С ханами воевал,
Конь—красавец Камчи-Дьерен
Для юного Эркемела
Живую воду искал.
Лунный Алтай кругом обежал,
Всю поверхность земли облетел,
Живой воды не нашел.
К Мать-Земле опять обратился.
Старая Мать-Земля
Такой совет Камчи-Дьерену дала:
— Бурхан-кан[31], на небе живущий,
Красавицу дочь имеет.
Чтоб Эркемела юного воскресить,
Надо на землю ее привезти.
Камчи-Дьерен, об этом услышав,
Быстрокрылым соколом обернулся,
Под своды неба взлетел.
На стойбище Бурхан-кана поднялся
И там узнал:
Единственная дочь Бурхан-кана
Красавица Темене-Коо
За сына Юлкер-кана[32] просватана.
Молодая дочь Юлкер-кана
Девица Юлгерчи[33]
В каждое полнолуние
На вороном иноходце
В гости к невесте ездит.
С Темене-Коо веселятся,
На вороном иноходце катаются.
Камчи-Дьерен, об этом узнав,
В девушку превратился.
Такие, как у Юлгерчи,

Косы волнистые у нее.
Такой, как у Юлгерчи,
Сладостный смех у нее.
Подобны молниям, глаза ее.
Ростом она Юлгерчи равна.
В платье, такое как у Юлгерчи,
Камчи-Дьерен нарядился,
На вороном иноходце
С песней к дворцу Бурхан-кана подъехал,
На комысе заиграл.
Красавица Темене-Коо
Навстречу вышла, спросила:
— Раньше срока полной луны
Почему, Юлгерчи, приехала?
Камчи-Дьерен отвечает:
— Когда не вижу, невестка, тебя,
Не нахожу половины себя,
Так с тобою сроднилась я,
Жить без тебя не могу и дня!..
На вороном иноходце
Девицы по небу катаются.
Бурхан-кан с супругой
Из солнцем сияющего дворца вышли,
На девушек любовались,
Вороного коня расхваливали.
Вдруг девица Юлгерчи
У них на глазах, как туман, рассеялась,
Вороной иноходец исчез.
Камчи-Дьерен, две горы перепрыгнув,
На землю, как сокол, упал.
Бурхан-кан не знает,
Что дочь единственную потерял.
Когда уже солнце скрылось,
Бурхан-кан опомнился,
По бедрам себя ударил,
Вместе с супругой заплакал —
Догнать похитителя силы нет.
До крови себя по голове бил,
На синем ковре сидел,
Любимую дочь оплакивал.
Там, где стоял вороной иноходец, —
Остался след,
Куда направился—следа нет.

**
*

Камчи-Дьерен белогривый
Как сокол на землю упал,
Темене-Коо на Алтай привез,
К телу юного Эркемела примчал
И тут хозяина увидал.
На Кайчи-Дьерене ездящий,
Алтай-Бучай богатырь
В десять раз красивее стал,
Сила богатыря удвоилась,
Глаза, подобно зарницам, сияют,
Щеки его, как цветы маральника, розовы,
Лицо богатырское весело.
Алтай-Бучай богатырь,
Красавицу Темене-Коо увидев,
Навстречу ей поскакал.
С Камчи-Дьерена девицу,
Под руки взяв, снимает.
— Я куда же приехала?—Темене-Коо
спрашивает,
Глаза ее слезами наполнились.
— Конь, на котором вы ехали,
Камчи-Дьереном зовется,
Мое имя Алтай-Бучай.
Большая на сердце у нас печаль,
Надежду на вашу помощь
Словами не передать...
Юного Эркемела
Злые руки убили,
Невинного погубили.
В землю его зарыть —
Руки мои не подымаются,
Сердце не позволяет.
Эркемела воскресить не поможете ли?..
Для этого вас пригласили.
Не бойтесь и не печальтесь,
Большого счастья для вас хотим! —
Так Алтай-Бучай говорил,
Руку красавицы нежно гладил.
— Если так, как сказали вы,
В сердце моем печали нет!
Знала бы—раньше могла приехать! —
Темене-Коо бодро ответила.
Суставы изрубленного Эркемела

На свои места положила в тело,
Нежно рукою своей погладила,
Шелковый белый платок достала,
Тело мальчика им покрыла,
Белым молоком на него покропила.
Суставы юного Эркемела
Мигом срослись,
Жилы кровью алой наполнились.
Юный Эркемел с земли поднялся,
На родной Алтай поглядев, засмеялся.
— Мать моя, Темене-Коо,
Потухший огонь вы во мне зажгли,
Жизнь умершему мне вернули,
Родной матерью будьте мне! —
Так Эркемел звонко сказал,
На колени перед Темене-Коо встал,
Ниже земли поклонился.
— Прощайте, мои родные!—Темене-Коо сказала,
И вмиг девицы не стало —
На небо она улетела.
Алтай-Бучай с Эркемелом печалились,
«Видно, совсем от нас улетела»—думали,
Под своды неба глядели.
Немного времени протекло —
Темене-Коо на землю вернулась,
Глаза ее слезами полны.
Плача, Темене-Коо рассказала:
— Отец мой Бурхан-кан сказал:
«На поганом месте ты побывала,
Плохому богатырю помогала...
Всех ханов уничтожающий,
Алтай-Бучай мне не кланяется,
Алтайских зверей убивающий,
Алтай-Бучай жертвы мне не приносит,
А ты ему помогала,
Вечно с ним и живи теперь,
Моя для тебя закрыта дверь.[34]
По небесной дороге моей
Отныне ходить не смей!..»
Так Бурхан-кан, отец мой, сказал,
Меня, проклиная, с неба прогнал...
Куда мне теперь деваться? —
Так Темене-Коо говорила,

На Алтай-Бучая нежно глядела.
— Не плачь, красавица Темене-Коо,
Слова отца твоего горьки,
Но, может, сердце его отмякнет,
Хоть он и выгнал из дому тебя,
Посмотрим, что завтра скажет...
Если сердце твое не против —
Один мы костер с тобой разожжем,
Одну постель с тобою разделим,
Наши жизни соединим.
Будем жить под кровом одним,
Будет в жизни один у нас путь,
Матерью ты Эркемелу будь,
Вечной подругой мне будь!..
Что дальше нас ждет, увидим! —
Так Алтай-Бучай говорил,
Руку Темене-Коо целовал,
Белый шелковый платок вынув,
Слезы красавицы осушил.
Темене-Коо ответила:
— Солнце мое, огонь мой!
Слова твои золота ярче,
Глаза твои солнца жарче!
Руку мою прижимаю к твоей,
Сердцем моим ты вечно владей!..
Слезы радости она пролила,
Правую руку богатырю подала,
Жизни их соединились.
На Бай-Чоокыра Алтай-Бучай
Темене-Коо посадил,
На Кайчи-Дьерена Эркемел сел,
На Камчи-Дьерена крылатого
Сам богатырь вскочил.
На старое стойбище
Рысью они поехали.
Два серых тайгыла
Рядом с конями бегут,
Два серых сокола
По своду неба летят.
Богатырь с женою и сыном
С веселыми песнями ехали,
На звонких комысах играли
Так, что деревья вокруг плясали...

***

Много ли, мало ли ехали,
На старое стойбище прилетели.
С земли Араная и Шараная пришедший,
Алтай-Бучая старшим избравший,
Народ на земле его расселился.
Кору с деревьев снимая,
Люди аилы себе построили,
Кобылиц подоив,
Из молока их кумыс приготовили,
Коров подоив,
Из молока их чегень заквасили.
Алтай-Бучаю богатырю
Шестиугольный аил построили,
Белоснежной кошмой покрыли.
Бронзовую коновязь,
До белых туч достающую,
Возле аила его поставили.
Весельем Алтай-Бучая встретили,
В честь его новые песни сложили.
С тех дней до нашей поры
Песни эти не умолкают.
Могучий Алтай-Бучай
Из народной памяти не уходит.
Десять веков он сказкою сказывается,
Тридцать веков он песней поется.
Так в народе о нем поют:
«Крылатый Камчи-Дьерен
Пусть никогда не старится,
Народом любимый Алтай-Бучай
Пусть вечно живым останется!».

АЛЫП-МАНАШ

На славном Алтае,
Где вечно зеленеющий
Лес растет,
Где, звуками песен туч достигая,
Разные птицы поют;
У подножья девяти одинаковых гор,
На берегу многоводного озера
С шестью голубыми заливами,
В одно время
С небом и землей
Появившийся,
Вместе с первым лесом и травой
Выросший,
От старости
Белее лебедя ставший,
На чубаром коне ездящий,[1]
Байбарак[2] богатырь жил.
Между глаз у него
Стада овец с тридцатью баранами
Могли пастись.

Между плеч у него
Табуны лошадей с тридцатью жеребцами
Гулять могли.
Зубы его желты, как медь,
Глаза ярче звезд,
Брови темнее тайги,
Косичка до самых колен
Доставала.
Из народа взятая,
Супруга его Эрмен-Чечен
В молодости своей
Красавицей была.
Глаза ее огнем пылали,
Голос нежнее комыса[3] звенел.
Рукодельем занимаясь,
К очагу она легко садилась.
Чего бы только ни сшила,
Все аккуратностью отличалось,
Шва не было видно.
Двух детей они воспитали:
Дочь Эрке-Коо,[4]
Чтобы замуж выдать;
Красавца-сына,
Чтобы наследника иметь.
Глаза девушки зарницами сияли,
Брови радугой гнулись.
Красавец сын их
Силачом родился.
Назвали его
Алып-Манаш[5] богатырь,
На бело-сером коне ездящий.
Покраснеть—крови ему не дано,
Умереть—души у него нет.
Нос его на сопку похож,
Брови на северный лес,[6]
Глаза на огонь костра.
Плечи его тверды,
Ноги его слабости не знают.
Родители заранее
Кюмюжек-Ару[7] красавицу,
Дочь Кыргыз-кана,[8]
В невесты ему выбрали,
На ней его женили.
Волосы ее

Мягче шелка.
На цветок маральника[9]
Она похожа.

***

Однажды Алып-Манаш богатырь
Книгу мудрости достал,
Перелистывать начал.
Захотелось ему узнать:
Что на Алтае
Есть примечательного,
Кто из ханов,
На земле живущих,
Самым сильным считается.
При свете луны и солнца
Он прочел:
«Там, где небо с землею сходятся,
Проживает злой Ак-кан,[10]
На бело-чалом коне ездящий.
У него в жилах крови нет,
Умереть—он души не имеет.
Шестьдесят ханов он подчинил,
Над семьюдесятью ханами
Победу одержал.
Дочь—Эрке-Каракчи[11]—у него растет.
Замуж он
Ни за кого дочь не отдает.
Шестьдесят силачей
Свататься ездили —
Обратно не вернулись.
Семьдесят богатырей
Со сватовством обращались —
Назад следов нет.
Видно, злобный Ак-кан
Всех женихов погубил.
Никто на земле силы такой не имеет,
Чтобы Ак-кана победить».
Узнав это, Алып-Манаш богатырь
Взад-вперед стал ходить.
С Кюмюжек-Ару, супругой своей,
Неохотно и гневно разговор вел.
Лицо его потемнело,
Брови нахмурились,

Глаза покраснели,
Алып-Манаш богатырь думал:
«Покуда не сражу Ак-кана,
Народную кровь проливающего,
Из богатырских костей
Горы кладущего,
Сильнейших богатырей губящего, —
За самую вкусную пищу не сяду,
С милой женой ласков не буду».[12]
Алып-Манаш богатырь
В путь собираться стал.
Отец и мать, сестра красавица,
Супруга Кюмюжек-Ару
Богатыря расспрашивают:
— Могучий Алып-Манаш,
На бело-сером коне ездящий,[13]
Почему за пищу ты не садишься?
Почему на мягком ковре ты не спишь?
Почему в печали ты по стойбищу ходишь?
Алып-Манаш богатырь,
Правую руку подняв,
Гневно крикнул:
— Там, где небо с землею сходится,
Злой Ак-кан живет.
Дочь его Эрке-Каракчи —
Первая красавица.
Человеческого лица
Никогда она не видела.
Мужская рука
Красоты ее
Никогда не касалась.
Мой очаг
Вместе с ее очагом разожжен,[14]
Моя постель
Вместе с ее постелью постлана.
Пока не увижу Эрке-Каракчи —
Голову на подушку не положу,
Крепко не засну.
Услышав это, Эрмен-Чечен,
Правой рукой косы свои погладив,
На правое колено опустилась;
Уговаривая сына, запела:
«Чтобы народ наш
Вечно тебя прославлял,

Мы жену тебе выбрали
Из доброго рода.
Чтобы сердце твое
Никогда не печалилось,
Мы жену тебе выбрали
Из первых красавиц.
Чтобы мог ты гордиться
Своею женою,
Мы выбрали ее
Из первых умниц.
Совет матери,
Богатырь, выслушай —
Чести своей
В народе не теряй:
Солнечную красоту
Кюмюжек-Ару
Недобрым желаньем
Своим не черни».

— Милые родители,
Вскормившие меня,
Добрая моя сестра,
За подол шубы меня не держите,
На дороге моей не стойте!
Коню, стоящему у коновязи,
Быстроты своей не показать.
Богатырю, в аиле[15] сидящему,
Силой своей не прославиться.
Бело-серого коня не жалейте,
Обо мне не горюйте.
Правые руки дайте —
Попрощаемся.
Правые щеки подставьте —
Поцелуемся.
Простившись с родными,
Алып-Манаш богатырь
На бело-серого коня сел,
В путь тронулся.
Но едва успел немного проехать —
Кюмюжек-Ару его догнала,
За поводья ухватилась,
Стала упрашивать,
Чтобы никуда он не ездил.
Алып-Манаш жену оттолкнул,

Быстро, следа не оставляя,
Вдаль поскакал.

**
*

Бело-серого коня не выстаивая,
Сам не отдыхая,
Алып-Манаш богатырь
День и ночь ехал.
От натуги конь
То вспухал,
То, словно сыромятный ремень,
Вытягивался.
Много морей они пересекли,
Много хребтов перевалили.
Месяца пролетали,
Годы проходили,
А конца дороги не видно.
Темносиняя река встретилась.
Волны ее, перекатываясь,
Пеной в берег бьют.
Ширину реки
На крылатом коне не перелететь,
На семивесельной лодке не переплыть.
Богатырь по берегу шагает,
Переправу ищет.
Перевернутую берестяную лодку[16]
На берегу увидел.
Высотой она
На утес похожа,
Длину лодки
В день на коне не объедешь.
Богатырь к лодке приблизился,
Черенком плетки ее перевернул.
В оборванной шубе,
Белый, как лебедь,
Старик-перевозчик из-под лодки
вылез.
Зубы его желты, как медь,
Глаза тусклы, как омут.
Слов не находя, перевозчик
С минуту молча
На богатыря смотрел.
Затем тяжело вздохнув,

Такие слова сказал:
— Родители твои, Алып-Манаш.
На первой красавице,
На умнице из умниц
Тебя женили.
Почему ты хмур?
Чего еще ищешь?
Ничего на это не ответив,
Алып-Манаш с коня соскочил,
Лодочника попросил:
— Добрый старик,
На ту сторону
Меня перевези.
Тоскливо поглядев, перевозчик
Богатыря с конем
В лодку посадил,
От берега отплывать стал.
Когда на середину реки выплыли,
По морщинистому лицу лодочника
Ручейками слезы потекли.
Это увидев, богатырь спросил:
— Старый человек, о чем плачешь?
Ничего не скрывая,
Обо всем мне скажи.
Какое горе у тебя завелось?
Может, я из беды тебя выручу?
— Я правду всем говорил
И тебе, богатырь, скажу:
Близкую смерть твою оплакиваю.
Голова моя бела, как лебедь,
Зубы мои желты, как медь.
На берегу этой реки
Долго я жил.
Богатырей таких, как ты,
С глазами искрящимися,
Немало я на лодке перевез.
Но ни один из них не вернулся.
Все они на том берегу погибли.
Следы их травой заросли.
Видно, и тебя
Такая же участь ждет.
Пока перевозчик так говорил,
Лодка к берегу пристала.
Алып-Манаш богатырь

Боевой колчан открыл,
Медную девятигранную стрелу достал,
Лодочнику подал:
— Эту стрелу возьми,
Бережно ее храни.
По виду ее
О жизни моей узнавать будешь.
Если я умру
Или сильно стану страдать —
Стрела ржавчиной покроется.
Если победу одержу —
Эта стрела
Будет солнцем блестеть.
С перевозчиком попрощавшись,
Алып-Манаш богатырь
На бело-серого коня сел,
Торопливой рысцой поехал.
Топот бело-серого коня
Топоту ста лошадей
Подобен был.
Песня Алып-Манаша
Громче ста голосов звенела.
Ястребом богатырь летел.
Восход солнца
Закатом ему казался.[17]
Закат луны
Он за восход принимал.
Под копытами бело-серого коня,
Когда он низиной бежал, —
Кипящие озера возникали,
Когда по горам летел, —
Горы в ровную степь превращались
Когда Алып-Манаш богатырь
К земле Ак-кана стал приближаться,
Бело-серый конь остановился.
Правое ухо он в небо уставил,
Левым ухом
Землю слушать стал.[18]
Богатырь спросил:
— Друг мой!
Почему ты дальше не бежишь?
Может,
Приближение смерти почуял
Или победу мою

Над врагом предвидишь?
Бело-серый конь
Такой ответ дал:
— Следа нам
В обратную сторону не рассыпать.
Только на пути сюда
След наш навеки останется.
На земле Ак-кана
Не умирающие — мы должны умереть.
Кроме этого,
Я ничего не знаю.
Ничего другого тебе не скажу.
Бело-серый конь, голову опустив,
Удила грызть принялся.
Алып-Манаш огнем вспыхнул,
Черные его глаза
Красными стали.
Лоб нахмурился:
— Недальновидный конь!
В утробе у тебя
Зеленая трава тлеет,
Шерсть на тебе
Клочками висит, —
Ты ли можешь узнать:
Где мне суждено умереть,
Где победой прославиться!
Алып-Манаш поводья натянул,
Бело-серому коню
Золотыми удилами
До самых ушей
Рот разорвал.
Богатырской плеткой,
Из десяти бычьих шкур сплетенной,
Коня стегнул,
Мясо на холках
До кости рассек.
Бело-серый конь богатырский
Сквозь густые облака
Быстрее молнии полетел.
«Погоди, Алып-Манаш, —
Думал резвый конь, —
Раны у меня на холках зарасти не успеют,
Как слова мои сбудутся».
На землю Ак-кана вступив,

Алып-Манаш богатырь
От усталости
В седле стал засыпать.
Глаза его смыкались,
Голова тяжелой становилась.
Очнувшись, он
С боевого коня соскочил,
Широкий потник раскинул.
Седло, двум холмам подобное,
Под голову положил.
Во весь рост растянувшись,
Крепко заснул.
Бело-серый конь
По зеленой траве покатался,
Белых цветов пощипал,
В звезду превратился,[19]
На свод неба поднялся,
Горько плакать стал.
Слезы его
Дождем на землю падали.

***

Однажды пастухи Ак-кана,
На бело-чалом коне ездящего,
На пастбище скот пригнали.
В долине, возле синих гор,
Где всегда стада паслись,
Продолговатый черный холм увидели.
На одном конце
Того холма
Две золотых скалы стоят.[20]
Между этих скал
Черная сопка виднеется.
Из черной сопки буря бьет,
С корнем деревья выдирает,
Валежник перевертывает,
Камни в толкан[21] превращает.
От этой бури
Горы обваливаются,
Реки из берегов выходят,
Хребты гор, как ремень, вытягиваются.
Это увидев, ханские пастухи,
Скот побросав,

Усталость забыв,
Обратно побежали.
Ханского дворца достигнув,[22]
Все за скобу схватились.
Дверь отворив,
На колени стали,
Кану доложили:
— Великий кан! Беда случилась.
В долине, где скот пасется,
Черный холм появился.
Из того холма ветер подул,
Злая буря поднялась.
Это услышав, Ак-кан
С богатого ковра поднялся,
Белую саблю
Правой рукой взял,
Подобно туче загремел,
Подобно железу зазвенел.
— О том, чего я сам не знаю,
Как вы могли узнать?
Зачем мне лжете?
Злой хан одним ударом
Трем пастухам головы смахнул.
Когда над головой четвертого пастуха
Саблю занес —
Своего верного слуги,
Семиглавого Дельбегена[23]
Голос услышал:
— Чем всем пастухам головы рубить,
Лучше позволь мне
Долину осмотреть.
Может, правду пастухи говорят.
Чтобы взмах сабли
Даром не пропал,
Ак-кан злобный
Четвертому пастуху голову срубил,
Дельбегену ответил:
— Поскорее в долину съезди,
Слова пастухов проверь!
Семиглавый Дельбеген-людоед
Из ханского дворца выбежал,
Топор, полумесяцу подобный, схватил,
Десять вязанок розг
За пояс заткнул,

На синем быке
В долину помчался.
Когда пастбища достигать стал,
В лицо ему
Обломки деревьев и камней полетели.
Оплывина[24] его подхватила,
За собой понесла.
От страха
Синий бык громко замычал.
Дельбеген, испуганно крикнув,
Сознания лишился.
Очнувшись, увидел,
Что в пропасти, лесом обросшей,
Он лежит.
Но оглядеться не успел —
Буря его подхватила,
Через десять гор,
Через сто озер
Перебросила.
Три дня синий бык не мог подняться,
Дельбеген-людоед
Не мог опомниться.
На четвертый день
Дельбеген силы набрался,
На синего быка сел,
Ко дворцу Ак-кана тронулся.
У синего быка
Весь зад в назьме был,
А грудь слюной облита.
Едва седока он вез.
У Дельбегена-людоеда
Все четырнадцать глаз
От страха выпучились,
Все семь косичек расплелись.
С семи своих голов
Шапки он потерял.
По его лицу сопли и слюни
Потоками бежали.
Ко дворцу Ак-кана подъехав,
В течение трех дней
Он слова сказать не мог,
Только глухо мычал.
На четвертый день
Кое-как вымолвил:

— Много лет я на земле прожил,
Никогда так не пугался,
Чуда такого не знал!
Видно, к какому-то богатырю
В нос я попал.
В ту пору богатырь чихнул,
Как порывом бури,
Через десять гор,
Через сто озер
Меня перебросил.
От испуга я чуть не умер.
Слова пастухов правдой были.
Великий хан! На твою землю
Беда пришла.
Это услышав, Ак-кан,
Точно скала, потускнел,
Темнее земли стал;
Из дворца выбежав,
Гневно крикнул:
— Шестьдесят одинаковых
Моих силачей,
Семьдесят непобедимых богатырей,
Многочисленные,
Темному лесу подобные,
Войска мои, —
Скорее ко мне собирайтесь!
Голос хана услышав,
Богатыри, силачи,
Многочисленные войска
Ко дворцу сбежались.
Ак-кан злобный,
Все силы собрав,
За собою в долину повел.
Немного проехав, они
Около синих гор,
В белой долине
Черную сопку увидели.
По знаку Ак-кана
Многочисленные войска,
Все богатыри и алыпы
Острые стрелы свои
В черную сопку выпустили.
Так без отдыха
День и ночь они стреляли.

Стрелы их
Возле черной сопки
Высокой горой легли.
Когда хан Ак-кан
И все войска его
Приблизились к черному холму,
То сильно удивились:
Стрелы, ими выпущенные,
О богатырские доспехи Алып-Манаша,
Будто трава, смялись.[25]
Ак-кан злобный
Подобно туче загремел,
Подобно стали зазвенел:
— Могучие мои воины,
Стальными саблями
Шею ему, как волос, перережьте,
Шестисаженными мечами
Грудь пронзите.
Это сказав, Ак-кан
Острую саблю из черной стали
Правой рукой взял,
По шее Алып-Манаша рубанул.
Черная сабля
На десять частей разлетелась.
Алып-Манаш богатырь,
Не шевелясь, спать продолжал.
Все ханские войска,
Силачи и богатыри
По удару нанесли —
Сабли их сломались.
Пробовали мечами колоть —
В крючья мечи согнулись.
Хан Ак-кан злобный
Еще один совет дал:
— Девяностосаженную яму выройте,
Богатыря в нее спустите.
Силачи и богатыри,
Многочисленные войска
Совет хана принялись выполнять.
В девять долгих дней
Девяностосаженную яму вырыли,
Сонного Алып-Манаша
В нее столкнули.
Но подседельное покрывало,

На широкую степь похожее,
На поверхности осталось.
Лунновидное седло
Золотой скалой на месте лежало.
С семьюдесятью двумя тетивами
Железный лук,
Шестидесятисаженный меч
Новыми горами в долине высились.
Сам Ак-кан злобный
И все войска его,
Силачи и богатыри,
Как ни старались,
Доспехов Алып-Манаша
Поднять не могли.
С потрясенными сердцами,
С унылыми лицами
Домой уехали.
На свою тень озираясь,
Каждый думал:
«С невиданным богатырем
Пришлось нам встретиться.
Плохо всем нам будет,
Когда он проснется».

**
*

Алып-Манаш богатырь
Девять месяцев
Непробудно спал.
Проснувшись, увидел,
Что лежит он
В глубокой пропасти,
Дерном накрытый.
Ноги и руки его в девяти местах
Железной цепью связаны.
Сил у богатыря нехватило,
Чтобы цепи разорвать,
Из пропасти вырваться.
В горе он запел:

«Если бы родных я послушался,
В этой яме теперь бы не лежал.
Бело-серый конь мой
Всю правду мне предсказывал.

Жалею, что его ругал,
Жалею, что его бил.
Отец мой, Байбарак богатырь,
Мать моя, Эрмен-Чечен,
Супруга моя, Кюмюжек-Ару,
Сестра моя, Эрке-Коо,
В горе меня услышьте,
Руки ко мне протяните!
Хвост свой, бело-серый конь,
В яму ко мне спусти!
Где ты, Алтай мой,
Вечно зеленый?
Где вы, милые птицы?
Почему вы теперь не поете?»

Песня Алып-Манаша
По Алтаю эхом пронеслась.
Услышав песню богатыря,
С раздвоенными копытами звери
Сильно опечалились.
Детенышей своих побросав,
К яме они сбежались,
Песню слушают.
Быстрокрылые птицы,
Гнезда свои позабыв,
К яме прилетели —
Песню слушают.
Звери и птицы,
Слезы проливая,
Алып-Манаша жалея,
Вокруг ямы кружатся.
Месяца пролетали,
Годы проходили.
Птицы и звери не в силах были
Из девяностосаженной ямы
Богатыря выручить.
Однажды высоко над землей
Гуси стаей летели.
Песню богатыря услышав,
Крылья свои раскинув,
На землю они опустились,
Около ямы ходить стали.
Чтобы богатырю помощь оказать,
Одного гуся к нему столкнули.

Алып-Манаш богатырь
В руки его взял,
Серебристые перья ему погладил.
Широкие крылья расправив,
На одном из них
Указательным пальцем
Начал писать:[26]

«Милый дружок мой,
Громогласная птица-гусь!
Плавая по воде,
Ты не тонешь;
Выйдя из воды,
Сухим бываешь.
Письмо, на твоем крыле написанное,
Моим родителям унеси.
Слова, мною сказанные,
Моей матери передай.
Сестре моей Эрке-Коо,
Что вместе со мной росла,
От меня поклон унеси.
Подруге моей, из народа взятой,
Кюмюжек-Ару красавице,
Чьи волосы мягче шелка,
От Алып-Манаша богатыря
Пламенный, как солнце,
Привет передай.
Обо мне всем так скажи,
Что в глубокой яме я лежу,
По рукам, по ногам
В девяти местах цепью связан.
Белое лицо мое[27]
От сильных мук потемнело.
Огненные глаза мои
От страданий тусклыми стали.
Милый друг мой,
Громогласная птица-гусь!
Когда ты по воде плывешь —
Легко покачиваешься.
Когда вылезешь из воды —
Ровной походкой ходишь.
До свидания, дружок мой!»

Алып-Манаш богатырь
Друга из ямы выпустил.

Быстролетный белый гусь
Вокруг девяностосаженной ямы
Девять раз пролетел,
С Алып-Манашем богатырем
Попрощался.
Махая широкими крыльями,
В сторону стойбища Байбарака богатыря
Быстрее стрелы пустился.

**
*

Однажды Эрке-Коо
Два кожаных мешка взяла,
Из аила по воду пошла.
На берегу немного постояла,
К целебной реке спустилась.
Когда черпать воду стала,
Отплывающего от берега,
Серебряными перьями блестящего,
Гуся увидела.
Поймать его
Не успела.
Мешки бросив,
В аил отца вернулась.
Торопливо дверь отворив,
Промолвила:
— Милый отец мой!
На быстрой реке, среди белой пены,
Гусь серебристый плавает.
До сих пор в наших краях
Такой птицы
Я не видывала.
Чтобы узнать,
Откуда она прилетела, —
Надо ее изловить.
Это услышав, старый Байбарак
Аил оставил,
Быстрее молодого к реке побежал,
В берестяную лодку сел,
За гусем погнался.
Поймав птицу,
В аил вернулся.
Всей семьей гуся разглядывать принялись.
На широком крыле

Письмо Алып-Манаша увидели,
Все стали читать.
Точно дождь,
Слезы у всех закапали.
— Подобный тигру, конь мой
Прежнюю силу свою потерял.
Я, Байбарак богатырь,
Богатырскую мощь утратил.
Если бы конь мой был моложе,
Если бы сам я стариком не был,
Тогда бы я
Дальнего пути не испугался,
Хан Ак-кан злобный
Меня бы не устрашил.
Никогда, видно, мне
Бело-серого коня не погладить.
Алып-Манаша, милого сына,
Никогда не увидеть. —
Старый богатырь так сказал;
Выхода не видя,
Тяжело вздохнул.
— Когда спокойно и мирно
С Алып-Манашем мы жили,
Он тогда
С богатырем Ак-Кобеном[28] дружил,
Как родного брата
Его любил.
Нельзя ли нам
Богатыря Ак-Кобена
На помощь позвать? —
Сквозь слезы, слабым голосом
Кюмюжек-Ару сказала.
Старый богатырь слова снохи
Разумными нашел.
За богатырем Ак-Кобеном
Посоветовал гонца послать.
Кюмюжек-Ару красавица
Брата своего
Кан-Чурекея[29] богатыря,
На светло-рыжем коне ездящего,
На стойбище Ак-Кобена
Отправила.
Услышав весть от гонца,
Ак-Кобен богатырь

Быстрее сказанного слова
К Байбараку в аил примчался.
Кюмюжек-Ару
Ак-Кобену, в путь едущему,
Зимой не замерзающую,
Летом не портящуюся
Пищу приготовила —
На семь лет ее хватит.
Эрмен-Чечен, из груди своей
Молока надоив,
Два кусочка вкусного сыру
Состряпала.
Золотой ташаур[30]
Аракою наполнила.
— Ни капли не проливая,
Ни крошки не теряя,
Все это Алып-Манашу увези.
Если силы у тебя хватит,
Выручить его постарайся.
Вместе с ним домой приезжайте, —
Эрмен-Чечен сказала.
Когда Ак-Кобен в путь тронулся,
Все родные Алып-Манаша
Стоя провожали его.
Игрений конь богатыря
В муху превратился;
Быстрой стрелой летя,
В тумане исчез.
Где он стоял — следы остались,
Куда ускакал — следа нет.

***

Ни днем, ни ночью
Коня не расседлывая,
Нигде не отдыхая,
Ак-Кобен богатырь
К широкой реке подъехал.
Седой перевозчик
На другой берег реки
Богатыря вместе с конем
На лодке перевез.
От той реки Ак-Кобен
Быстрее прежнего помчался.

Вот он
К девяностосаженной яме
Приближаться стал.
Алып-Манаша увидев,
Насмешливо свистнул,
Злобно крикнул:
— Родителям своим привет посылая,
Почему ты Ак-Кобена забыл?
Сестре своей Эрке-Коо,
Супруге своей Кюмюжек-Ару
Посылая поклоны,
Почему ты обо мне не вспомнил?
Голос друга услышав,
Алып-Манаш богатырь
Ослабевшие руки поднял,
Из глубины ямы закричал:
— Богатырский конь
Иногда спотыкается.
Богатырь иногда
Не обо всем помнит.
Единственную вину мою прости,
Из этой пропасти
Меня выручи!
Ак-Кобен друга не пожалел,
Высокую гору с места сорвал,
В девяностосаженной яме
Алып-Манаша богатыря
Этой горой придавил.
Два кусочка вкусного сыру
Сам съел.
Араку из золотого ташаура
Сам выпил.
От этого
Силы его удвоились,
Кости увеличились,
Лицо красоту приобрело.
На Алып-Манаша
Он стал похож.
Высохшие кости богатырей,
От руки Ак-кана погибших,
К седлу приторочил,
В обратный путь поехал.
«Кюмюжек-Ару красавица
Моей теперь будет», —

Улыбаясь, он подумал:
Вот к широкой реке,
Где белая пена кипит,
Ак-Кобен подъехал.
Перевозчика подозвав,
В берестяную лодку сел,
Переплывать реку начал.
Лодочник тусклыми глазами
Кости, к седлу приторочённые,
Внимательно оглядел,
Дрогнувшим голосом спросил:
— Глаза у тебя, богатырь, огненные,
Плечи сильные, —
Скажи мне — какого богатыря кости
К седлу ты приторочил?
— Я — друг Алып-Манаша богатыря.
Никогда в жизни
Ему не изменял.
Услышав, что он в беду попал,
Я выручать его поехал.
Но друг мой
Убитым оказался.
На рукава своей шубы упав,
Алып-Манаш на поле битвы
Навеки заснул.
Бело-серый конь его,
На гриву свою упав,
Навсегда околел, —
Ак-Кобен богатырь
Перевозчику говорил.
Словам богатыря не веря,
Вытирая слезы, лодочник
Девятигранную стрелу
Из сумины вынул,
Разглядывать стал.
Ржавчины — знака смерти —
На стреле не оказалось.
Ак-Кобен из рук старика
Стрелу вырвал,
В быструю реку бросил,
На игренего коня сел,
Домой направился.
Седой лодочник
На ногах устоять не мог,

На траву камнем упал.
Не имея силы
Слезы сдержать,
Точно малый ребенок,
Заплакал.
Затем он
Девяностосаженным неводом
Девятигранную медную стрелу
Начал вылавливать.

***

Бело-серый конь богатырский
С небесного свода спустился,
Гору, на яму положенную,
Одним ударом копыта
Далеко отбросил.
Воздух в яме освежился.
В золотую волосинку превратившись,
Бело-серый конь
Обратно на небо поднялся.
Все кругом оглядев,
Стал думать,
Как Алып-Манаша
Из ямы выручить.
Снова волосинкой на землю упал,
Твердым шагом
К яме подошел,
Свой шелковый хвост
В яму опустил.[31]
Ухватившись за хвост,
Алып-Манаш
На поверхность начал подниматься.
Но едва он до половины
Девяностосаженной ямы дотянулся —
Хвост, не выдержав тяжести, оборвался.
Богатырь на дно ямы упал.
От этого падения
Небо и земля задрожали,
Много гор развалилось,
Несколько скал рассыпалось.
Прислужники Ак-кана
Бело-серого коня,
В волосинку превратившегося,

На небе заметили,
Стрелять в него принялись,
Стрелы мимо летели,
Ни одна стрела
В коня не попала.
Прислужники Ак-кана,
Боясь к бело-серому коню приблизиться,
Назад отступили.
Так хану они доложили:
— Теперь нечего нам страшиться,
Над Алып-Манащем
Полную победу мы одержали,
Грудь богатыря
Насквозь мечами пронзили.
Бело-серый конь
На самое высокое небо поднялся,
Поверхность земли,
Горы Алтая
Взглядом окинул.
На перекрестке семи дорог
Тополь с семьюдесятью развилинами,
С многочисленными широкими ветками
Конь увидел.
Долго не думая,
По высокому небу
К тополю устремился.
Бело-серый конь
Подобно быку мычал,
Подобно медведю рычал:
У тополя силы выпрашивал.
К высокому дереву приблизившись,
На вершину его взглянул,
Удивился:
Табун лошадей
С семьюдесятью жеребцами
В ветках тополя
Может затеряться.
Семьдесят человек
Внутри тополя
Свободно могут разместиться.
Когда конь богатырский
Вплотную к тополю подбежал —
Сильно стало его
Ко сну клонить.

Незаметно для себя
Он заснул.
Песню во сне услышал:

«Чтобы бело-серому коню
Прежнюю силу свою вернуть,
Чтобы Алып-Манашу богатырю
Из пропасти выбраться, —
Целебную пену надо достать.[32]
Там, где небо и земля сошлись,
Владенья Кюлер-бия[33] лежат...
В той богатой земле,
У подножья золотых гор
Три круглых озера плещутся.
По самому малому озеру,
Ночью пламенем пылая,
Величиной с конскую голову
Золотая целебная пена плавает.
Если эту пену достать —
Погасший огонь разгорится,
Мертвый богатырь оживет».

До конца эту песню дослушав,
Бело-серый конь проснулся,
По мягкой траве покатался,
Сочных цветов пощипал,
В страну,
Где небо и земля сходятся,
Крылатой птицей полетел.
Много рек
Он перепрыгнул,
Много гор перевалил.
Так, нигде не отдыхая,
Земли Кюлер-бия богатыря,
Ездящего на светло-буром коне,
Он достиг.
На этой земле
Разноцветные травы растут,
Высокие горы,
Быстрые реки
Жемчугом сверкают.
Бело-серый конь
Голову низко склонил,
Гривой земли коснулся,

К разноцветным травам,
К горам и рекам
С такими словами обратился:
— Без хозяина я остался.
Хозяин мой Алып-Манаш,
Богатырь сильнейший,
В глубокой яме погибает.
К хану Кюлер-бию
Не со злом я прибежал.
На этой земле
Лекарство найти хочу,
У хана Кюлер-бия
Помощи попросить.
Но земли и воды,
Точно пустыня, молчали.
Бело-серому коню
Ничего они не ответили.
«В молчаливую землю
Зачем стрелу втыкать?
Непомогающего
Зачем упрашивать?»
Так про себя подумав,
Бело-серый конь
Тонкою волосинкой сделался,
На дно неба поднялся,
Землю оглядывать начал.
Появления бело-серого коня
Хан Кюлер-бий не заметил,
Светло-бурый конь не почуял,
Быстрокрылые соколы не увидели,
Злые псы не услышали,
Богатыри,
У озер на страже стоящие,
Проглядели,
Камы[34] и колдуны
Не предсказали.
Самое малое озеро,
Днем едва заметное,
Ночью огнем пылало.
Целебная пена
Золотою птицей
По озеру плавала.
Бело-серый конь с высокого неба
На малое озеро

Быстрой стрелой упал;
Золотую целебную пену проглотив,
Снова на небо поднялся.
Горящее озеро сразу потухло.
Ханские соколы
Жалобно закричали.
Злые псы дико завыли.
Светло-бурый конь
Тоскливо заржал.
Сам хан Кюлер-бий
В огорчении завопил.
Свод неба потемнел.
Ночь на землю пришла.
Богатыри Кюлер-бия
Не знали, куда стрелять.
Прославленные ханские камы
Тревожно в бубны били.
Никто не знал,
Откуда беда пришла.
Все, топчась на месте,
Между собой ругались.
Бело-серый конь,
По своду неба скользя,
К хозяину своему
Алып-Манашу торопился.

***

Ак-Кобен богатырь,
К стойбищу Байбарака приблизившись,
В седле закачался,
Громко плакать начал.
Не доезжая до коновязи,
С коня соскочил,
Еще громче
Притворно зарыдал.
Старый Байбарак богатырь,
Жена его, Эрмен-Чечен,
Дочь его, Эрке-Коо,
Сноха его, Кюмюжек-Ару
Навстречу приехавшему
Выбежали.
— Милый наш Ак-Кобен,
Что случилось?

Где чистошерстный
Бело-серый конь?
Почему Алып-Манаша богатыря
Рядом с тобой
Мы не видим?
Зачем ты горько плачешь? —
Перебивая друг друга,
Тревожно спросили.
Ак-Кобен, немного подумав,
Рассказ свой повел:
— На гриву свою упав,
Чистошерстный бело-серый конь
В бою погиб.
На рукава шубы свалившись,
Алып-Манаш богатырь
На месте битвы истлел.
Если словам моим не верите —
На кости его
Можете поглядеть:
Вот они
У седла приторочены.
Родители Алып-Манаша,
Сестра Эрке-Коо,
Супруга Кюмюжек-Ару красавица
Сильно заплакали.
Слезы их
Ручьями потекли.
Старый Байбарак богатырь,
Руки кверху подняв,
На небо поглядел,
Печально петь начал:

«Сын! От крови моей появившийся,
Плохою смертью ты умер.
Я на руки бережно тебя брал.
Я ласково тебя целовал.
Отца своего, милый сын,
Никогда больше ты не увидишь.
Если бы ты меня послушал —
Такою бы смертью не умер.
Родителей в печали оставляя,
Не заставил бы их слезы лить.
Тебя я больше не увижу,
Но в сердце у меня ты жить будешь

Слов твоих я больше не услышу,
Но облик твой никогда не забуду».

Печальный голос Байбарака услышав,
Эрмен-Чечен, мать богатыря,
Косы свои погладила;
На колени став,
Тихонько запела:

«Девять месяцев мучаясь,
В своей утробе я тебя носила.
Ты появленьем своим на свет
Сердце мое согрел.
Отца, матери не послушав,
Зачем ты в путь поехал?
Сыр, из грудного молока сделанный,
Почему ты не съел?
Из золотого ташаура
Почему араку не выпил?
Если долго придется нам жить,
Кому ласковое слово мы скажем?
Если скоро нам умереть придется.
Кто бережно нас похоронит?
Полных сил не достигнув,
В чужую землю ты уехал.
Материнское горе умножая,
Кости свои мне послал.
Последний раз, видно, я пою,
Скоро смерть за мною придет.
Если бы и вернуться тебе пришлось,
То меня ты больше не увидишь.
Милый сын! Навеки прощай!
Если будешь на земле жить,
Мать свою никогда не забывай».

Так сына оплакивая,
Мать на землю
Вниз лицом упала.
Сестра Алып-Манаша, Эрке-Коо
К матери подбежала,
С земли ее подняла,
Горько заплакав,
Песню свою запела:

«У одной матери в утробе
С тобою мы зародились.
В качалке из молодого дерева
Вместе с тобой мы качались.
Разве можно, чтоб широкую,
Подобную долине, ладонь твою
Не могла я больше пожать!
Разве можно, чтоб тебя ласкового
Не могла я больше увидеть!
В детстве, когда я уставала,
По светлой поляне бегая, —
Ты меня на руки брал,
На руках ты меня носил.
Когда я сильно печалилась,
Ты, как свет луны, меня радовал.
А сейчас, брат мой, я вижу
Кости твои, к седлу приторoченные.
Всему, что Ак-Кобен сказал,
Я сердцем поверила.
Навеки, мой брат, прощай!
Пусть кости твои не тлеют!
Обе руки тебе подаю,
Обеими руками прощаюсь.
Будто передо мной ты стоишь.
Последний раз я с тобой говорю.
У супруги твоей Кюмюжек-Ару
Слезы никогда не высохнут,
Я, сестра твоя Эрке-Коо,
Никогда тебя не забуду».

Эту песню услышав,
Кюмюжек-Ару красавица,
Правую ногу подогнув,
На траву села;
Правую косу погладив,
Голосом,
Что нежнее комыса звенит,
Петь стала:

«От разных родителей мы появились,
Но крепко друг друга любили.
В разных долинах мы рождены,
Но никогда друг друга не обижали.
А теперь, видно, тело твое

Черные вороны поклевали.
Богатырские кости твои
Кроты и мыши давно грызут.
Пусть глаза твои погасли —
Имя твое осталось со мной.
Пусть ты не дышишь —
Сердце твое осталось со мной.
Пусть руки твои неподвижны —
Я своей рукой их пожму.
Пусть сухи губы твои —
Я крепко тебя поцелую.
Очаг мой горящий
Тебя согреет.
Сердце мое живое
Тебя приласкает.
Глазами, подобными огню,
На меня ты больше не взглянешь.
Дороже золота, слов твоих
Больше я никогда не услышу.
Солнце мое, Алып-Манаш,[35]
Навеки прощай!
Друг мой, Алып-Манаш,
Навеки прощай!»

Так, обливаясь слезами,
Родные богатыря пели.
Днями и ночами горюя,
Они думали:
«Алып-Манаш богатырь
Никогда больше
К нам не вернется».
Ак-Кобен богатырь,
На игренем коне ездящий,
На свое стойбище заторопился.
Протягивая широкую ладонь,
С родными Алып-Манаша
Он попрощался.
Старый Байбарак богатырь
На прощанье ему сказал:
— Когда пропадает жеребец —
Остается у него жеребенок.
Когда умирает богатырь —
У него жена остается.[36]
Кюмюжек-Ару молодую

Одинокой, богатырь, не оставь.
Если она тебе нравится —
Жизнь свою
С ее жизнью соедини.
Эти слова солнечным лучом
В сердце Ак-Кобена проникли.
Лицо его от радости
Пламенем запылало.
«Тайное мое желание
Старик угадал.
Кюмюжек-Ару красавица
Моей теперь будет», —
Так размышляя,
Ак-Кобен куражиться начал:
— Срок мне дайте — подумаю...
На игренего коня он сел;
Направляясь к своему стойбищу,
Как стрела исчез.
Где стоял — следы остались,
Куда поехал — следа не видно.

* * *

Бело-серый конь богатырский,
Золотую целебную пену неся,
К девяностосаженной яме
Вернулся.
Тонким волоском сделавшись,
В яму спустился.
Одну половину золотой пены
Алып-Манашу дал,
Вторую половину
Сам проглотил.
От этой пены
У бело-серого коня
В шесть раз силы умножились.
В десять раз он
Статнее стал.
Раны его зажили,
Оторванный хвост
Снова вырос.
Целебную пену проглотив,
Алып-Манаш богатырь
В десять раз

Пригляднее сделался.
Силы его
В шесть раз увеличились.
В девяти местах он
Железную цепь разрывает,
На свет луны и солнца
Из темной ямы поднимается...
Подседельное покрывало,
На широкую степь похожее,
Седло, подобное скале,
На бело-серого коня положил.
С семьюдесятью двумя тетивами[37]
Железный лук взял,
Шестидесятисаженный черный меч
Правой рукой сжал.
Сев на коня,
Оглушительно свистнул,
Озлобленно крикнул:
— Губить лошадей привыкший,
Убивать богатырей повадившийся,
Совесть свою корове отдавший,
Человеческий облик утративший,
Хан Ак-кан, выходи!
Если ты меткий стрелок —
Постреляемся.
Если ты ловкий борец —
Поборемся.
Пусть сила
Нашу участь решит.
От этого крика
Вся земля дрогнула.
До шестидесяти ханов эхо донеслось,
Семьдесят ханов
В ужас пришли.
Ак-кан злобный
С богатого ковра вскочил,[38]
Стальную саблю[39]
Дрожащей рукой схватил.
Из дворца выбежав,
На бело-чалого коня торопливо сел,
Богатырей своих стал звать:
— Кровавой войны не боящиеся,
Богатыри мои,
Поскорей собирайтесь!

Темному лесу подобное, войско,
Поживее двигайся.
Ни один волк с поднятым хвостом
На землю мою не забегал.
Ни один богатырь
С обнаженным мечом
На мою землю ступить не смел.
А теперь страшная битва
Нас ждет:
Алып-Манаш ожил.
Призыв хана услышав,
Богатыри и войска
В один миг собрались.
Семиглавый Дельбеген-людоед
На синем быке примчался.
Ак-кан злобный,
Чтобы Алып-Манаша убить,
Всю эту орду
За собою повел.
Ак-кана увидев,
Алып-Манаш богатырь
Черную стальную саблю
О высокую скалу наточил,
Бобровую шапку
Поглубже надвинул,
Навстречу войску помчался.
Когда он вперед летел —
По шестьдесят тысяч голов срубал.
Войско хана,
Как трава, падало.
Когда он назад двигался —
По пятьдесят тысяч голов смахивал.
Войско хана,
Как лес, редело.
Скорее, чем могла бы вода закипеть,
Алып-Манаш богатырь
Ханское войско
Уничтожил.
Лошадиная кровь
До пояса поднялась,
Человеческая кровь
До груди поднялась.
Но битва не затихала.
Ханские богатыри

На Алып-Манаша набросились.
Оба уха плотно прижав,
Бело-серый конь богатырский
Врагов опрокидывал.
Алып-Манаш богатырь
Черной саблей
Врагов рубил.
Видя это, Ак-кан злобный,
Свирепо крикнув,
Громко свистнув,
На Алып-Манаша бросился.
Точно гора с горой,
Богатырь друг с другом сошлись,
Друг друга за воротники взяли,
Саблями один другого ударили.
Когда на твердую землю ступали —
Ноги богатырей
До лодыжек в землю уходили.
Когда на мягкой земле бились —
Ноги их по колено
В землю погружались...
Упругие камни крошились,
На твердых местах
Озера возникали.
Тучи бегущие
На землю опускались,
Пыль в небо летела,
Высокие горы обваливались,
Глубокие реки расплескивались.
Так семь лет
Богатыри бьются,
Никто из них
На землю не падает.
Девять лет сражаются,
А конца борьбы не видно.
Там, где руками берутся, —
Мясо клочьями вырывается.
Там, где ногтями впиваются, —
Кровь ложками расплескивается.
Ханские богатыри
На Алып-Манаша
Со всех сторон напирают.
Алып-Манаш пинками
Их отбрасывает.

Кого легонько заденет,
Тот через шесть гор летит.
Кого посильнее пнет,
Тот через десять гор летит.
На десятом году борьбы
Алып-Манаш богатырь
До небесного свода
Ак-кана злобного поднял,
В белых облаках зарыл,
В синих облаках спрятал,
В чистом небе им помахал...
Затем с богатырской силой
О вершину железной горы
Ударил.
Железная гора
Надвое распалась.
Хан Ак-кан
В твердую почву, как в мягкую тину,
До седьмого слоя земли
Врезался.
— Ак-кан злобный,
Лучших лошадей убивать любящий,
Ак-кан гордый,
Величайших богатырей
Губить привыкший,
Голову свою повыше подними,
Последний раз Алтаем полюбуйся,
На солнце и луну погляди!
Из конских костей
Ты белые россыпи сделал.
Из богатырских костей
На равнине горы сложил...
С дочерью своей—Эрке-Каракчи —
Сколько лошадиной крови
Вы пролили?
Сколько богатырей загубили?
Больше никогда этого не будет.
Теперь навеки ты в землю ляжешь.
Такие слова сказав, Алып-Манаш
На грудь Ак-кана
Богатырской ногой наступил,
Победителем сделался.
Хан Ак-кан злобный,
Пощады просить не привыкший,

Тут умолять стал:
— Головы моей не снимай —
Пастухом твоим буду.
Душу мою не губи —
Рабом твоим готов быть.
Твердое сердце Алып-Манаша
Не смягчилось.
Со ста сучками могучий тополь
Он пополам разодрал,
Ак-кана в расщелину засунул;
Щель рукой зажал,
Тополь, как ремень, скрутил.[40]
Бело-серого коня повернув,
Алып-Манаш богатырь
Ко дворцу хана направился.
Неподалеку от коновязи
Дельбеген семиглавый
Богатыря встретил,
Бело-серого коня
Под уздцы взять хотел.
Не допуская близко людоеда,
Алып-Манаш богатырским пальцем
Метко по сростку голов
Его щелкнул.
Все семь голов Дельбегена
В разные стороны полетели.
Тогда дочь хана, Эрке-Каракчи,
И жена его,
Золотыми бусами блестя,
К Алып-Манашу подошли.
Сурово нахмурив брови,
Алып-Манаш богатырь
Стальною саблей
Обеих женщин пополам рассек.
Кости их,
Не оставив собакам погрызть,
Кожу их,
Не оставив клочка,
Чтоб иголку продеть,
По ветру пустил.
Силачей Ак-кана,
Навстречу вышедших,
На шесть частей разрубил.
Бело-серый конь своими копытами

Мясо их в землю втоптал.
Чтобы никакого зла не оставалось,
Алып-Манаш по стойбищу Ак-кана
Годами неугасающий
Огонь пустил.
До тла ханское становище спалив,
Пленникам Ак-кана
Такие слова сказал:
— Теперь вы свободны.
На свои луга скот свой гоните,
В родные места
Семьи свои ведите.
Там земля и пища
Для всех вас найдется.
Пленников освободив,
Алып-Манаш богатырь
Весь народ Ак-кана
В правый карман положил,
Ханский скот
В левый карман ссыпал.
Бело-серого коня повернув,
На родину богатырь направился.
Родных ему
Повидать захотелось —
Отца, Байбарака богатыря,
Мать, Эрмен-Чечен,
Что молоком своим
Его вскормила.
О сестре своей Эрке-Коо
Он думает.
По супруге своей Кюмюжек-Ару
Он стосковался.
Все они дороги ему,
Сердце его к ним просится.

***

Бело-серый конь богатырский,
Как ремень вытягиваясь,
Как жила надуваясь,
Быстрее стрелы,
Легче сказанного слова,
На родину летит.
Прыгая через широкие реки,

Хвостом воды не касается.
Перемахивая через горы,
Камней копытами не касается.
Много гор он перевалил,
Много рек переехал.
На пути величайшая река встретилась,
Ширину которой
Крылатому коню не перелететь,
На многовесельной лодке не переплыть.
Белую пену переворачивая,
Точно буря, градом секущая,
Река шумит.
Алып-Манаш с коня соскочил,
Всем телом встряхнувшись,
Тас-Таракаем[41] стал.
Рваная шуба на нем появилась,
Торчащая косичка
У него выросла,
Выпуклый кадык оказался,
По губам слюни потекли.
Бело-серый конь богатырский
По земле покатался —
В малорослую клячу превратился.
Шерсть на нем клочковатой стала,
Кожа, как на дереве, сморщилась,
Ребра во все стороны выставились,
Грива и хвост перепутались.
Вместо хорошей,
Узда из прутьев тополя
На нем появилась.
Седло таловую валежину
Стало напоминать,
Токум[42] гнилым сеном сделался.
Бело-серый конь богатырский
Перестал на лошадь походить.
Таловым прутиком помахивая,
Таловым седлом поскрипывая,
Тас-Таракай к бурной реке
Торопливой рысью подъехал.
Носом сопя, Тас-Таракай
Лодочника белого, как лебедь,
Вызывать принялся.
Старый перевозчик
На голос оборванца отозвался,

С другого берега к нему приплыл.
Когда они в лодку сели
И от берега оттолкнулись,
Перевозчик загрустил,
По его морщинистому лицу
Слезы покатились.
— Какое горе у вас?
Почему вы слезы льете? —
Тас-Таракай спросил.
Лодочник слезы смахнул,
Свой рассказ начал:
— Много лет назад
Алып-Манаша богатыря
На этой лодке я перевозил.
Лицо его цветком алело,
Глаза его, как звезды, горели.
Видом своим
Он на тебя походил.
Ак-Кобен богатырь другом его был,
На моей лодке
Однажды он ехал,
О смерти Алып-Манаша
Мне сказал.
Белые кости богатыря
Его родителям вез.
Услышав это, я горько заплакал,
Девятигранную стрелу,
Алып-Манашем подаренную,
Начал рассматривать.
Ак-Кобен эту стрелу у меня выдернул,
В белопенную воду бросил.
После месячного труда
Я неводом стрелу выловил.
Ржавчины—знака смерти Алып-Манаша —
На ней не оказалось.
Сейчас она, подобно солнцу, блестит.
Если бы я костей Алып-Манаша не видел—
Не поверил бы, что он умер.
Если бы Кюмюжек-Ару замуж не выходила—
Я бы о нем сейчас не плакал.
Пока лодочник рассказ вел,
Лодка к берегу пристала.
Выйдя из лодки, перевозчик
Девятигранную стрелу вынул,

Тас-Таракаю показал.
Из тусклых глаз лодочника
Слезы ручейками бежали.
В это время оборванец,
Всем телом встряхнувшись,
Вновь Алып-Манашем стал.
Ладонь свою,
Широкому полю подобную,
Перевозчику подал.
Заморенная кляча,
По земле покатавшись,
Вновь чистошерстным бело-серым конем
стала.
Грива и хвост лошади
Пламенем начали плескаться.
Увидев это, лодочник
От радости онемел.
Молча постояв,
Разговор завел:
— Славный Алып-Манаш богатырь,
Глаза твои огнем горят,
Грудь твоя широка и сильна,
Мудростью ты наделен.
Жена твоя Кюмюжек-Ару
За богатыря Ак-Кобена
Замуж выходит.
Сегодня на стойбище отца твоего
Большой той[43] начнется.
Пока косы ей не заплели,
Пока новый чегедек[44] на нее не надели,
До стойбища доехать успеешь ли?
У бело-серого коня
Не встретится ли
Каких-нибудь препятствий?
Громко засмеявшись, Алып-Манаш
Старику так ответил:
— Пока бело-серый конь
По земле ходит,
Пока я на свете живу —
На постель из бобровых шкур
Ак-Кобен не ляжет,
Жене моей Кюмюжек-Ару
Шелковых кос не заплетут,
Той не отпразднуют.

Старый человек, до свидания!
В гости ко мне приезжай!
Будем вкусную пищу есть,
Хороший разговор будем вести.
Алып-Манаш богатырь
Вновь Тас-Таракаем сделался.
Бело-серый конь
В паршивую клячу превратился,
В родные места богатыря повез.
Алып-Манаш много ли, мало ли ехал,
Земли отца своего,
Байбарака богатыря, достиг.
На белую гору взобравшись,
Все кругом разглядывать начал:
К стойбищу Байбарака
Гости, как муравьи, спешат;
От дыхания лошадей их
Туман по долине стелется.
Неподалеку от того аила
Шурин Алып-Манаша —
Кан-Чурекей, уныло поглядывая,
Одиноко ездит.
Тас-Таракай, таловым прутиком помахивая,
Старой шубой шурша,
Слюни по лицу размазывая,
К ездящему на рыжем коне
Кан-Чурекею приблизился.
Косо глянув на оборванца,
Кан-Чурекей спросил:
— Зачем сюда,
Тас-Таракай, приехал?
— Слышал я, что нынче большой той здесь будет.
Говорят — весь народ сюда собирается.
Мне тоже на тое быть захотелось.
Но кляча моя плоха —
На лошадь не походит.
Сам я оборван —
Едва на человека похож.
Боясь к аилу приблизиться,
Здесь вот кружусь.
Так ответив, Тас-Таракай
Сам спрашивать стал:
— А почему вы не на тое?

Как вас звать? Откуда будете?
— Я—шурин Алып-Манаша.
На рыжем коне я езжу.
Имя мое Кан-Чурекей.
Этого тоя видеть я не хочу.
Здесь езжу, обдумывая,
Что мне делать.
По Алып-Манашу богатырю
Сердце мое болит.
Пойдем, если хочешь на той поглядеть,
Я к аилу тебя проведу, —
Кан-Чурекей сказал.
— Больше всего мне хочется
На Кюмюжек-Ару взглянуть.
Порог ее аила я перешагну ли?
Лицо красавицы увижу ли? —
Тас-Таракай спросил.
Как будто от страха,
Щеки его тряслись.
Рыжего коня пустив,
Кан-Чурекей крикнул:
— За мной следом быстрей гони!
Пока рысцою Кан-Чурекей ехал —
Тас-Таракай от него не отставал.
Когда Кан-Чурекей галопом поскакал —
Тас-Таракай отставать начал.
Но за бугром оставшись,
Он в муху превратился,
Быстро полетел.
Обогнав Кан-Чурекея,
На землю снизился,
Ровной рысцой поехал.
Увидев Тас-Таракая впереди,
Кан-Чурекей в удивление пришел,
Подъехал к нему,
Оглядывать его принялся,
Но ничего особенного
В Тас-Таракае не заметил.
Немного времени прошло —
На стан, где той шумел,
Они приехали.
Сквозь веселую толпу
К аилу Кюмюжек-Ару пробрались.
Кан-Чурекей золотую дверь отворил,

Сам в сторону отошел.
Тас-Таракай в открытую дверь
Взглядом своим устремился.
В аиле на дорогом ковре,
В богатую шубу одетый,[45]
Ак-Кобен сидит.
Восемь женщин
У Кюмюжек-Ару красавицы
Шелковые косы заплетают.
Увидев это, Тас-Таракай
С губ своих слюни смахнул,
Мягким голосом запел:

«Кюмюжек-Ару! Шелковые косы
Сама ли заставила ты расчесывать?
Друга, с которым жить собралась,
Сама ли ты выбрала?
Кюмюжек-Ару! Золотые волосы
Сама ли заставила ты заплетать?
Друга, которого любишь,
Сама ли ты нашла?

Эту песню услышав, Кюмюжек-Ару
Восемь женщин оттолкнула,
Сама в ответ запела:

«Шелковые косы мои
Поневоле я дала расчесать.
Жениха, с которым жить придется,
Сама я не выбирала.
Золотые волосы мои
Не по моей воле заплетают,
Жениха постылого
Сама я не искала».

Такую песню услышав, Ак-Кобен
Длинную плеть схватил,
Далеко от порога
Тас-Таракая прогнал.
Но не успел на прежнее место сесть,
Как оборванец в аил вернулся.
У порога на колени став,
Тас-Таракай снова запел:

«С шестью ручками из золотой чашки
Ак-Кобен, видно, пищу есть будет.
На шестирядной мягкой постели
Ак-Кобен, видно, будет спать.
С семью ручками из медного котла
Алып-Манашу, видно, есть не придется.
На семирядной бобровой постели
Алып-Манаш, видно, спать не будет».

На эту песню Кюмюжек-Ару
Своей песней ответила:

«Из чашки с шестью ручками
Добрых людей я стану кормить.
Шестирядная мягкая постель
Алып-Манашу будет принадлежать.
Из котла с семью ручками
Соседей своих я угощу.[16]
Семирядную бобровую постель
У Алып-Манаша никто не отнимет».

Слушая эти песни,
Ак-Кобен разозлился:
— Постой, Тас-Таракай паршивый!
Голову я тебе отрежу,
К ногам положу.
Ноги я тебе отрежу,
К голове положу!
Ак-Кобен хотел его ударить,
Но промахнулся.
Тогда за шесть долин,
За шесть гор оборванца отогнал.
Поймать он его не смог.
От стыда покраснев,
В аил вернулся.
Не успел на прежнее место сесть,
Как Тас-Таракай
У порога снова запел:

«Если бело-серый конь
К коновязи своей прибежит,
Что ты, Кюмюжек-Ару,
Делать будешь?
Если Алып-Манаш живым

В свой аил вернется,
Как ты, Кюмюжек-Ару,
На него посмотришь?»

Эту песню выслушав, Кюмюжек-Ару
Вновь женщин от себя оттолкнула,
К порогу подбежала,
Своей песней Тас-Таракаю ответила:

«Если бы бело-серый конь
Домой прибежал,
Я бы золотую шерсть
Его погладила.
Если бы Алып-Манаш
Домой вернулся,
Я поцеловала бы его
В сладкие губы».

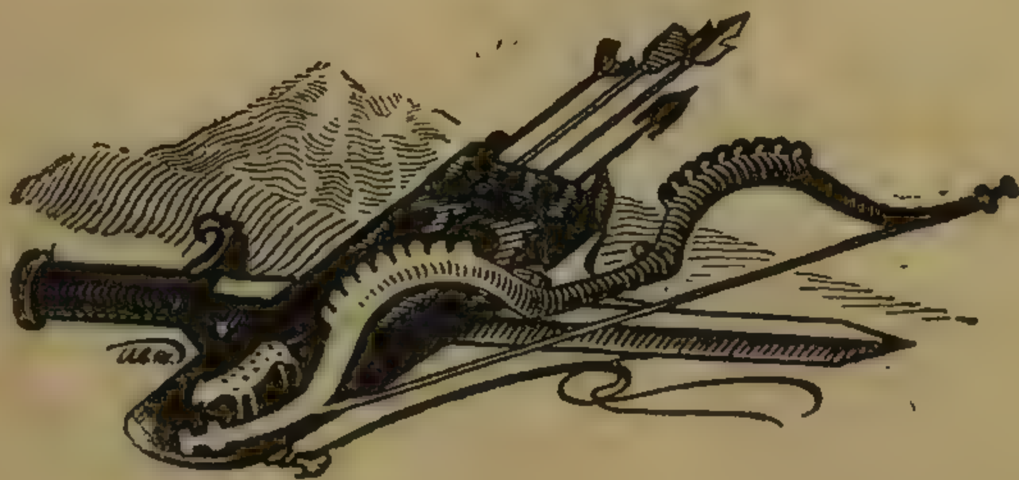
В этих песнях свою беду почуяв,
Ак-Кобен богатырь
В серого журавля превратился,
В дымоходное отверстие вылетел,
В облаках исчез.
Увидев это, Тас-Таракай
Всем телом встряхнулся,
Вновь Алып-Манашем стал.
С семьюдесятью двумя тетивами
Железный лук натянул,
Меткую стрелу в журавля выпустил.
Когда стрела на землю
Падать стала —
Вслед за ней
Журавлиные перья и пух посыпались.[47]
В это время для родных Алып-Манаша
Еще одна луна в небе засияла,
Еще одно солнце вспыхнуло.
Алып-Манаш богатырь
Из правого кармана
К рекам и лесу
На волю народ выпустил;
Из левого кармана
На сочные луга
Скот высыпал.

**
*

Ак-Кана злобного победив,
Ак-Кобена изменника уничтожив,
Алып-Манаш богатырь
Для всего народа праздник устроил.
Каким веселым тот праздник был —
Словами не передать!

**
*

Ни одного слова я не убавил,
Ни одного слова не выдумал.
Что от народа я слышал,
То и вам рассказал.

КОКИН-ЭРКЕЙ

Над рекой, чьи струи светлы и быстры,
Под мышкой ковроно-зеленой горы[1]
Жил богатырь Кокин-Эркей
С Эркин-Коо — сестрою своей.
Двух славных коней богатырь имел:
Железно-чубарый не знал узды,
Вольно гулял в горах, где хотел,
А сине-чубарый—конь для езды,
Для промысла и для домашних дел.
Кокин-Эркей добродушен был,
В земли чужие с войной не ходил;
По горным склонам когда проезжал —
Черных, как ночь, соболей убивал;
Когда вдоль быстрых рек проезжал —
Рыбу серебряную добывал.
Вернувшись, сестре говорил:—Вот бери,
Одежду шей, пищу вари.
Однажды, с охоты вернувшись в аил,
Кокин-Эркей отдохнуть решил.
Лег к очагу и спокойно спит.

Вдруг с горной вершины, где вольно гулял,
Железно-чубарый конь прискакал,
Копытом ударил, вздохнул, заржал,
А потом так говорит:
— Прославленный, смелый Кокин-Эркей!
Подходит средина жизни твоей.
С молнией схожий взор твой блестит,[2]
Жарко мужское сердце стучит.
Годы пока не ушли, нужна
Тебе, богатырь, подруга, жена.
Не спи, богатырь, довольно лежать,
Лучше поскачем невесту искать.
Коню отвечает Кокин-Эркей:
— Слов мне таких говорить не смей!
Я твой хозяин. В руках у меня
Узда и жизнь моего коня.
Слышишь, тебе ли меня учить,
Что мне делать и как мне жить?!
Ступай себе в горы щипать траву,
Гуляй, покуда не позову,
Моего покоя не тронь!
Обратно умчался гулять один
На пастбища горных ковровых долин
Железно-чубарый конь.
Попрежнему жить богатырь продолжал:
На сине-чубаром коне разъезжал,
На горных склонах соболей бил,
Рыбу в светлой воде ловил.
Однажды, пройдя утомительный путь,
Вернулся домой, прилег отдохнуть,
Вдруг топот коня, как гром, загремел,
Железным звоном в горах зазвенел.
Кокин-Эркей изумленный глядит:
Железно-чубарый опять прибежал,
Громко зафыркал, звонко заржал;
Копытами бьет он. Из-под копыт
Брызжет земля, камень летит.
Хозяину конь-красавец сказал:
— Ответь, хозяин, чего ты ждешь?
Сестру свою замуж не отдаешь,
У самого тебя где жена?
Вечно постель твоя холодна,
Нет подушки под головой...
Совсем состарился я с тобой.

Свадьбы, веселье шумят кругом,
Не слышит народ о тебе одном;
Всюду на скачках пускают коней,
Не видит никто лишь скачки моей.
Радость от жизни такой мала;
Скука такая, что жизнь не мила.
Конь-красавец заржал...
Негневающийся Кокин-Эркей
Стал от гнева тучи темней,
Коню своему сказал:
— Послушного я имею коня,
Всю жизнь он будет носить меня.
Если не любо—прочь уходи,
По нраву себе седока найди.
Говорю я последний раз:
Глупым словом тревожить не смей
Лунообразных моих ушей,
Прочь убирайся с глаз!
Железно-чубарый конь сказал:
— Лучше пускай чешуей обрасту,
Рыбой на дно опущусь,
Лучше зверем я в лес уйду,
Чем к тебе возвращусь.
След остался, где конь стоял,
А куда умчался—никто не видал.

* * *

Однажды провел Кокин-Эркей
На промысле много дней и ночей,
Наверное, месяц пошел второй,
Когда он коня повернул домой.
Что ж видит Кокин-Эркей богатырь?
Где аил стоял—там лежит пустырь.
Густо трава поросла кругом,
Тихо и пусто на месте том,
Давно остыла зола костра...
А где ж дорогая его сестра?
Сказать—умерла, где тело ее?
Сказать—ушла, где следы ее?
Слез никогда богатырь не знал,
А тут Кокин-Эркей зарыдал.
— Грудью вскормлены мы одной,
Узкую люльку делили с тобой,

Росли сиротами и ты, и я,
Где ты, родная сестра моя?
Железоподобный красавец мой,
Твой хозяин в большой беде;
Куда умчался, гуляешь где?
Вернись, беду разделить со мной! —
В горе так богатырь кричит...
Ни слова в ответ, ни звона копыт.
Скакать по горам, не жалея сил,
Кокин-Эркей за сестрой решил.
Не мешкая, в путь собираться стал:
Доспехи свои боевые достал,
В защиту от стрел и мечей в бою,
Надел боевую кольчугу свою;
В золоте тяжком, в камнях дорогих
Пару надел рукавиц боевых.
Играя копьем и мечом звеня,
На сине-чубарого сел коня.
«На земле не сыщу,—под землю спущусь,
Без милой сестры не возвращусь».
Только поводья он в руки взял —
Сине-чубарый, как вихрь, помчал.
Где конь стоял, там остался след,
Куда умчался — и следу нет.

***

Без отдыха много ночей и дней
Летит, как буря, Кокин-Эркей.
От быстрого бега, от грома копыт
До самого неба эхо летит.
Под ноги коню попадет скала —
В прах разлетится, будто зола;
На мягкой земле его следы —
Озера полные черной воды.
Эркин-Коо не видать нигде,
Кокин-Эркей напрасно зовет,
Напрасно он кличет. К нему не идет
Железно-чубарый помочь в беде.
Не раз богатырь весь Алтай обыскал,
По всей земле кругом проскакал.
Вдруг там, куда еле хватает взгляд,
Как стрелы, три быстрых коня летят.
Как сыромятной кожи ремни,

В беге вытянулись они.
Нигде не видел Кокин-Эркей,
Как ветер, быстрых таких коней.
Не успел богатырь свести ресниц —
Уж кони—мимо, быстрее птиц.
Вдруг богатырь Кокин-Эркей
От удивленья на месте встал:
В первом из тех коней
Коня своего узнал.
Кричит богатырь:—Погоди, постой,
Железно-чубарый красавец мой!
Конь даже голову не повернул,[3]
Синюю гору перемахнул.
В гневе свой лук богатырь схватил
Вслед бронзовую стрелу пустил.
Но из тугого лука стрела
Скакуна настичь не могла.
Где в гору вонзилась, там
Синяя гора—пополам.
С горечью богатырь сказал:
— Железно-чубарый меня не узнал.
Дальше едет Кокин-Эркей
В поиски за сестрой своей.
Доехал до неизвестной земли,
Чьи-то пастбища видит он,
Чье-то стойбище видит он,
Ханский дворец видит вдали.
Как ласточек стая, кругом народ;
Дыханье коней, как туман, плывет.
«Быть может, услышу я здесь скорей,
Не знают ли что о сестре моей.
Может быть, новость есть для меня»...
К дворцу богатырь направил коня.
Навстречу ему из дворцовых ворот
Человек, на хана похожий, идет.
— Если ты в гости приехал к нам —
Надо тогда коня привязать;
Если приехал ты по делам —
Надо тогда о деле сказать.
Боевым нарядом своим звеня,
Кокин-Эркей соскочил с коня.
Бросаются семьдесят ханских слуг
Повод принять у него из рук.
Шестьдесят ханских богатырей

Спешат его под руки взять скорей.
Без слуг живущий Кокин-Эркей
Не принял услуги богатырей;
Сам за повод коня он взял,
К бронзовой коновязи привязал.
Вошел во дворец. Во дворце силачи
В шелковых шубах сидят —
На богатырях золотом шубы горят —
Между собою они говорят.
Лица их горячи.
Кокин-Эркей прямо к ним идет.
Всех приветствуя, руки жмет.
Сам хан, о меч опершись рукой,
Вопрос ему задает такой:
— На звере[4] шерсть бывает всегда,
Человек имя носит всегда.
Кто ты такой, на какой Алтай,
В земли какие твой путь лежит?
Едешь зачем?—ответ нам дай...
Кокин-Эркей говорит:
— По ржанью мы узнаем коней,
По говору мы познаем людей.
Что ж, расскажу обо всем сейчас,
Кто я, откуда, зачем у вас.
Из края в край я гоню коня,
Без отдыха днем и ночью скачу,
Куда-то исчезла сестра у меня,
Родную сестру отыскать хочу.[5]
Имя мое Кокин-Эркей,
Езжу на сине-чубаром коне.
Не видел ли кто сестры моей?
В горе моем помогите мне.
Теперь ваше имя хочу я знать,
Чтоб долго потом добром вспоминать.
Хозяин так ему отвечал:
— Сестры твоей я нигде не встречал
Я хан над ханами в этой стране,
Шестьдесят ханов подвластны мне.
Я езжу на бело-чалом коне.
Так знай мое имя: я хан Ак-кан.
Съехались гости ко мне на стан,
На той[6] великий. Дочку свою
Сегодня замуж я отдаю.
Дальше Кокин-Эркей узнает:

Не первый день уже той идет.
Много славных богатырей
В бега пускали своих коней.
Тому, чей конь прибежит вперед,
Дочь свою в жены хан отдает.
Скакун неизвестный всех победил,
Лучших коней он опередил.
Кто владеет этим конем —
Никто не слышал, не знал о том.
Арканом коня не смогли поймать,
Стрелы коня не смогли нагнать.
По всем приметам Кокин-Эркей
Железно-чубарого вмиг узнал,
Сердце сжалось еще больней,
Допьяна пить араку не стал,
Досыта есть на пиру не стал,
На сине-чубарого сел скорей,
Снова в путь поскакал.
Совсем немного проехал, и вот
Навстречу ему невеста идет.
Восемь красавиц окружают ее,
Восемь песенниц провожают ее.
Всех красавиц пригожей она,
С ней может красою сравниться луна.
В глаза, не мигая, ему глядит,
Ласковым голосом говорит:
— Взор твой горит, богатырь, умом,
В сердце твоем, богатырь, огонь.
Не ты ли стал моим женихом?
Не твой ли железно-чубарый конь?
Может быть, нам делить суждено
Один очаг и ложе одно?
Женой своей меня назови,
Сердце мое на части не рви.
Правду всю мне скажи скорей...
В ответ—ни слова Кокин-Эркей.
Даже на девушку не взглянул,
Только поводья коня рванул.
Где конь стоял — там остался след,
Куда ускакал — следов там нет.

***

Не зная покоя ни ночью, ни днем,
На сине-чубаром красавце своем

Все скачет и скачет Кокин-Эркей
За Эркин-Коо, сестрою своей.
Много быстрых рек переплыл,
Гор высоких перевалил.
О сестре богатырь все пуще грустит.
Он кличет громко, звонко свистит.
Вдруг, там, куда еле хватает взгляд,
Он видит: семь быстрых коней летят.
Издали кажется: небо в пыли,
Тучи кипят у самой земли.
Богатырь не успел свести ресниц —
Уж кони—мимо, быстрее птиц.
Замерло сердце в его груди,
Глядит изумленный Кокин-Эркей:
Железно-чубарый конь впереди
Бежит, обгоняя других коней.
— Железно-чубарый красавец, стой!
Взгляни на меня, я—хозяин твой!
Конь краем глаза не поглядел,
Черную гору перелетел.
В гневе пустил богатырь стрелу,
Надвое только разбил скалу.
Семигранная медная стрела
Скакуна настичь не смогла.
«Железно-чубарый мне изменил», —
Кокин-Эркей про себя решил.
Мчится он дальше ночью и днем
На сине-чубаром красавце своем.
Достиг неизвестной чужой земли,
Ханский дворец увидел вдали.
Много ли, мало ли проскакал —
Большой караван на пути догнал.
Нарядно одетые люди идут,
На ста верблюдах мясо везут.
Поклажа на ста других нелегка:
На спинах у них в бурдюках арака.
— Куда эти все бурдюки с аракой?
Кому это мясо, на пир какой?
Люди, ведущие караван,
Так отвечают ему: — Наш хан
На полосатом коне, как барс,
Нами владеющий, Боро-Телтей[7]
Дочери свадьбу справляет своей,
На той великий призвал он нас.

На свадьбу все мы должны итти,
Дары дорогие ему везти.
Сказал богатырь: — Вот так всегда,
Хану веселье — народу беда.
Дальше он едет и, наконец,
Видит белый ханский дворец.
Вокруг большие костры горят,
Бронзовые котлы кипят.
Мясом они до краев полны,
Золотые котлы аракой полны.[8]
На полянах борьбу силачи ведут
По долинам кони в бега бегут.
Звонкие песни кругом гремят,
Веселые игры вокруг шумят.
Богатырь, боевой одеждой звеня,
У коновязи соскочил с коня.
Семьдесят ханских послушных слуг
Бросаются повод принять из рук.
Шестьдесят прислуживающих силачей
Подмышки спешат подхватить скорей.
Богатырь, не привыкший к встрече такой,
Медленно их отстранил рукой,
Сам за повод коня он взял,
К бронзовой коновязи привязал.
Вошел во дворец. Там сто силачей
Вкруг хана в шелковых шубах[9] сидят,
Сто нарядных богатырей
Вокруг в золоченых шубах сидят.
Кокин-Эркей всем руки пожал,
Боро-Телтей-хану он так сказал:
— Куда-то исчезла сестра у меня,
Родную сестру отыскать хочу;
Из края в край я гоню коня,
Без отдыха ночью и днем скачу.
Имя мое Кокин-Эркей,
Езжу на сине-чубаром коне.
Не видел ли кто сестры моей?
В горе моем помогите мне.
Кокин-Эркею хан отвечал:
— Сестры твоей нигде не встречал.
Никто из этих богатырей
Не слышал о милой сестре твоей.
Никто не знает. Может она
Ханом подземным увезена?

Дальше Кокин-Эркей узнает:
Не первый день уже той идет,
К Боро-Телтей-хану из дальней земли
Семь братьев Дьети-Деек[10] пришли
Дочь его сватать. Младший из них
Красавицы дочери ханской жених.
С ними много богатырей
В бега пускали своих коней.
Тому, чей конь прибежит вперед,
Дочь свою в жены хан отдает.
Скакун неизвестный всех победил,
Лучших коней опередил.
Кто же владеет этим конем —
Никто не слышал, не знал о том.
Арканом коня не могли поймать,
Стрелы коня не могли догнать.
По всем приметам Кокин-Эркей
Железно-чубарого вмиг узнал,
Допьяна пить араку не стал,
Досыта есть на пиру не стал,
На сине-чубарого сел скорей,
Поводья в руке зажал.
От коновязи не успел свернуть —
Невеста ему преградила путь.
Такой красоты Кокин-Эркей
Ни разу не видел в жизни своей.
Тридцать красавиц окружают ее,
Тридцать песенниц провожают ее.
В глаза ему прямо она глядит,
Голосом ласковым говорит:
— Взор твой горит, богатырь, умом,
В сердце твоем, богатырь, огонь.
Не ты ли стал моим женихом?
Не твой ли железно-чубарый конь?[11]
Правду мне всю расскажи скорей,
Яда в сердце мое не лей.
Может быть, в один день и час
Резаны пуповины у нас?
Может быть, в один день и час
Солнце, мой друг, засияло для нас?
Может, постель и очаг одни
Будут у нас. Придержи коня,
Правую руку мне протяни,
В правую щеку целуй меня.

Мужественный Кокин-Эркей
Думал в тот миг о сестре своей.
На красавицу даже глядеть не стал,
Слова ласкового не прошептал,
Только жемчужный повод рванул,
Круто коня своего повернул.
Где конь стоял — там след ясный был,
А куда ускакал — там и след простыл.

**
*

Дальше без отдыха день и ночь
Гонит коня богатырь во всю мочь.
Весь обшарил горный Алтай,
Землю изъездил из края в край.
Нигде не найдя дорогой сестры,
Поднялся на гриву черной горы,
Черно-бобровую шапку сорвал,
Бросил на землю и горько сказал:
— Грудью вскормлены мы одной,
Поровну пищу делили с тобой,
Росли сиротами и ты, и я,
Где ты, родная сестра моя?!
Если жива—где следы твои?
Если погибла—где кости твои?
Напрасно мы ищем. От скачки такой
Вконец износились копыта коня,
От горя, от долгой разлуки с тобой
Сердце измучилось у меня.
Сине-чубарый навеки уйдет,
Голову пусть на гриву кладет;
Сам я от жизни сейчас ухожу,
Голову на рукав положу! —
Не в силах сдержать набежавших слез,
От горя так богатырь закричал,
Подошву семирядную разорвал,
Желтый нож из нее достал,
Над сине-чубарым его занес.
Руку он опустить не успел —
Земля закачалась, гром загремел.
Ясное солнце сияло и, вдруг,
Темная ночь опустилась вокруг.
Все мрак тяжелый кругом застлал,
Сине-чубарый из глаз пропал.

Кокин-Эркей изумленный глядит:
Там, где сине-чубарый стоял, —
Железно-чубарый теперь стоит.
Конь-красавец хвостом махнул,
Длинной гривой своей тряхнул,
Кокин-Эркею глядя в глаза,
Так с укоризной ему сказал:
— Кокин-Эркей богатырь, ответь,
Зачем задумал ты умереть?
Зачем, не найдя дорогую сестру,
Стал ты бессилен, как лист на ветру?
Иль потому, что не видишь врага,
Жизнь тебе стала недорога?
Так слушай, правдивы мои слова,
Эркин-Коо доныне жива.
В темное царство под землю она
Ханом подземным увезена.
Имя хана Дьелбис-Сокор,[12]
Как росомаха конь у него.
Сестру твою он увез как вор.
Знай, богатырь, врага своего!
Надо скорее скакать тебе,
Дьелбис-Сокор хана побить в борьбе.
Вестью такой богатырь удивлен,
Крепко коню благодарен он;
За шею железно-чубарого взял,
В обе челюсти поцеловал,
Ласковым голосом так сказал:
— Погасший огонь мой ты вновь засветил,
Умершему мне ты жизнь возвратил.
Прости мне, красавец, мою вину,
Услугу мне окажи одну:
Давай поскачем, мой друг, с тобой
К Дьелбис-Сокор хану на смертный бой.
Ты самым быстрейшим конем слывешь,
В подземное царство меня унесешь.
Меня, мой красавец, не покидай,
Всю силу свою, не скупясь, отдай.
Железно-чубарый — ему в ответ:
— Нужды мне с тобой отправляться нет.
Хорошего ты имеешь коня,
Тебя он домчит не хуже меня.
С Дьелбис-Сокор ханом в жаркой борьбе
Богатырь на помощь найдется тебе.

Если ж с тобою случится беда,
Вспомни, хозяин, меня тогда.
Я, никогда не знавший узды,
Где бы ты ни был, услышу зов,[13]
Вмиг прилечу выручать из беды
Даже из самых далеких краев.
Не успел оглянуться Кокин-Эркей —
Конь умчался стрелы быстрей.
Где он стоял—там остался след,
А куда ускакал — следа там нет.

***

Приободрился Кокин-Эркей,
Казалось, сильней в десять раз он стал;
На сине-чубаром еще быстрей
К хану подземному поскакал.
Сине-чубарый стрелой летит,
Быстрый вихорь за ним шумит.
Торопит коня богатырь, и вот
В царство подземное видит вход.
Медный тополь у двери той
Под ветром медной звенит листвой.
Под ним богатырь неизвестный спит,
Конь бело-соловый рядом стоит.
Хвост у коня в шестьдесят саженей...
Это увидев, Кокин-Эркей
Черно-бобровую шапку свою
До глаз надвинул, готовясь в бой,
Черно-стальную саблю свою
Крепко стиснул правой рукой,
В левой руке поводья зажал,
На богатыря, как вихрь, поскакал.
Земля задрожала от грома подков,
Хлынули реки из берегов,
Небо качнулось. Из-под копыт
Твердый камень пылью летит.
Кокин-Эркей могучей рукой
Саблю поднял над головой.
Вдруг неизвестный проснулся, вскочил,
Удар занесенный остановил.
Кокин-Эркея за руку взял,
Ласковым голосом так сказал:
— Кокин-Эркей, мы с тобой не враги.

Сильный удар для врагов береги.
Эркин-Коо ты любимый брат,
Встрече с тобою я крепко рад.
Когда украли сестру твою,
Хотел я ее отстоять в бою,[14]
Но хан подземный очень силен,
Войско большое имеет он.
Один я под землю спускаться не стал,
У черных дверей я тебя поджидал.
Теперь ты явился, с тобою вдвоем
На черного хана войной пойдем.
Саблю Кокин-Эркей опустил,
Нового друга он так спросил:
— На звере шерсть бывает всегда,
Человек имя носит всегда.
Скажи мне скорее, хочу я знать,
Кто были твои отец и мать.
Новый товарищ[15] ему отвечал:
— Мать и отца я совсем не знал.
В раннем детстве я стал рабом,
Жил я у бая, ходил за скотом.
Тяжкая доля мне стала невмочь,
От злобного бая бежал я прочь,
Один по горам и лесам бродил,
Зверей добывал и птицу ловил.
Видишь, теперь я окреп, возмужал,
В горах нашел я себе коня,
Богатырем я могучим стал,
Анчи-Мергеном[16] зовут меня.
Довольный хорошим ответом таким,
Кокин-Эркей богатырь говорит:
— Анчи-Мерген, будь братом моим,
Пусть нас дружба соединит.
Сестру мою в жены себе бери...
Поцеловались богатыри.
Их кони понюхались дружно и вот
Друзьями сделались в свой черед.
Два новых друга-богатыря
В путь собирались, так говоря:
— Если погибнем, так смертью одной;
Жить если будем, так вместе с тобой.
Лезвие сабли лизали они,
Клятву друг другу дали они.
В темное царство с подлунной земли

Быстрые кони их понесли.
Где кони стояли—там след подков,
Куда ускакали—там нет следов.

**
*

Как скачут в подземном царстве друзья —
Ни видеть того, ни слышать нельзя, —
Царство подземное велико...
Подземный хан все слышал и знал,
Навстречу своих сыновей послал,
Темир-Сагыш[17] и Темир-Боко.
В подземном царстве со всех концов
Неисчислимых, как лес, бойцов
На смертный бой собрали они,
Перед собой погнали они.
Врагам навстречу они спешат,
Огнем и мечом их встретить хотят.
Друзья, увидев ханских бойцов,
Из ножен выхватили мечи;
О вечные скалы их наточив,
Рубить принялись с обоих концов.
Черны под землею, как ночи, дни,
И днем, и ночью бьются они.
Бойцов сражают за рядом ряд,
Из конских трупов холмы громоздят
Конская кровь — до потников,
Кровь людская—до поясов.
Гибнет войско за рядом ряд,
Сыновья Дьелбис-Сокор хана кричат:
— Если вправду вы силачи, —
Давайте с вами скрестим мечи;
Если хорошие вы стрелки, —
Узнаем верность вашей руки!
Вихрем навстречу они понеслись,
Схватились крепко за воротники,
Друг другу за плечи они взялись.
Вот уж семь лет, как борьба идет, —
Никто на землю не упадет;
Девять лет уж борьба кипит —
Каждый крепко еще стоит.
Где на камни ступают они —
Камни там превращают в песок,
Где на землю ступают они —

Ямы от их тяжелых сапог.
Богатыри, словно львы, сильны,
Силы у всех четверых равны.
Один упадет и другой упадет,
Первый встает и второй встает.
До неба гул их борьбы летит,
Стонет под ними земля, дрожит.
Бьются, как прежде; ничья не берет,
Вот наступает десятый год...
Кокин-Эркей тут припомнил вдруг,
Что есть железно-чубарый друг.
Громко крикнул Кокин-Эркей:
— Железно-чубарый, скачи скорей!
Оглянуться Кокин-Эркей не успел —
Железно-чубарый конь прилетел.
Чугунный ящик о трех замках
Конь-красавец держал в зубах.
Шею железно-чубарый согнул,
К ногам хозяина ящик швырнул.
Кокин-Эркей из последних сил
Железный ящик ногой разбил.
Выскочили оттуда подряд
Шесть вражеских душ в шкурах выдрят.
Кокин-Эркей тут не оплошал,
Правой ногой он выдрят прижал.[18]
Не успел богатырь убрать ноги —
На землю враз упали враги.
Как горы, рухнули их тела,
Кровь, словно озеро, натекла.
Своих хозяев не пережив,
На гривы головы положив,
Их черные кони упали враз.
Подземный хан, как лежал,—не встал,
Конь-росомаха тоже упал.
Как море, черная кровь разлилась,
Горами груда костей поднялась.
Погиб кровавый подземный хан,
Разрушено ханство и ханский стан.
Друзья, разогревшись в горячем бою,
Ищут сестру и невесту свою.
Чугунную дверь в девять слоев,
Закрытую на девять замков,
Ногой разбивает Кокин-Эркей.
Дальше видит девять дверей,

Закрытых на девять разных ключей.
Срывает их с петель Кокин-Эркей.
Сквозь девять стен пройдя до конца
Проникли они в середину дворца.
То, что увидели здесь друзья,
Простыми словами сказать нельзя.
В глухой темнице из каменных плит
Эркин-Коо на земле лежит.
Словно береза, побелела она,
Словно медь, пожелтела она.
Из бересты одежда на ней,
В собачьей чашке пища у ней.
Словно в иголочное ушко,
Свет пробивается к ней едва,
Любимая Эркин-Коо,
Замученная, еле жива.
Единственного брата узнав,
Засмеяться от радости не могла;
Силы все свои потеряв,
Тихо к брату пошла.
— Единственная сестра моя,
Солнце мое, луна моя!
Я думал, огонь наш совсем погас,
Когда с тобой разлучили нас.
Теперь я снова тебя разыскал,
Огонь нашей жизни вновь запылал.
Для счастья мы воскресли с тобой,
Радости мне не нужно другой!
Кокин-Эркей сестру обнимал,
В обе щеки ее целовал.
Радости Эркин-Коо полна.
— Брат, это ты? — шептала она.
Любимого брата сестра обняла.
Радостных слез сдержать не могла.
Потом в изумленье она глядит:
Анчи-Мерген рядом стоит.
Как передать нам счастье ее?
— Месяц мой светлый, сердце мое!
Нам с тобой разделить суждено
Один очаг и ложе одно.
В плену я одной любовью жила,
Тебя ожидала, любимый мой.
Хоть я далеко от тебя была,
Но сердце не разлучалось с тобой.

Жизнь моя счастьем теперь полна;
Греет солнце, светит луна.
Брат мой любимый ко мне пришел,
Милого друга с собой привел.
К Анчи-Мергену она подошла,
Правую руку ему подала.
Их счастье ни словом не передать,
Ни на топшуре нельзя сыграть.
Как я умею, так и пою.
Кто слушает эту песню мою,
Красивее пусть слова подберет,
Об этом сам пускай запоет,
По-своему людям передает.
А мы возвратимся в подземный стан,
Где жил кровавый Дьелбис-Сокор хан,
Который на землю с войной вылезал,
На росомахе косматой скакал,
Выбирая, лучших коней убивал,
Лучших богатырей кровь проливал.
Когда богатырь Кокин-Эркей
Встретился с милой сестрой своей,
И вместе с другом в жарком бою
Вырвал из плена сестру свою;
Когда они радостно обнялись,
Луна и солнце для них зажглись, —
Видят: со всех сторон идет,
В плену томившийся семь веков,
Солнца не видевший семь веков,
Неисчислимый, как лес, народ.
Двух отважных богатырей,
Их богатырских верных коней
Освобожденный народ окружил,
От всего сердца благодарил:
Руки сжимали радостно им;
Шапки снимая, кланялись им.
— Нам, заточенным в глуби земли,
Счастливое солнце вы вновь зажгли,
Нам, отлученным от лунной земли,
Светлую вы луну зажгли.
Пьющему кровь из живых людей,
Пьющему пот их лучших коней,
Дьелбис-Сокор хану пришел конец,[19]
Разрушен змеиный его дворец.
Три века мы будем о вас вспоминать,

Будем вам в борьбе помогать,
Четыре века песни слагать,
Богатырские подвиги воспевать.
Просим нас больше не покидать,
Навек вождями нашими стать.
С уваженьем выслушали богатыри,
Что им благодарный народ говорил.
На верность народу во все свои дни
Крепкую клятву давали они.
Народ обещали не покидать,
Всегда и везде за него стоять.
Эркин-Коо, стременами звеня,
На железно-чубарого села коня.
За шестидесятисаженный конский хвост
Множество народа взялось.
Железно-чубарый взлетел, как вихрь,
На землю, под солнце он вывез их.
Весь остальной подневольный народ
Бело-солового хвост берет.
Анчи-Мерген, как ветер, скакал.
От Эркин-Коо лишь чуть-чуть отстал.
Зато богатырь Кокин-Эркей
Немного отстал от своих друзей,
Хоть сине-чубарый не хуже конь.
На стойбище хана Дьелбис-Сокор
Кокин-Эркей разложил костер
И все, что смог, побросал в огонь.
Всех мертвых врагов своих положил,
Наследников хана не пощадил,
Чтоб никогда вредить не могли.
Потом на сине-чубарого сел,
Быстрее, чем птица лететь могла,
Быстрей, чем из лука летит стрела,
К луне и к солнцу из-под земли
Кокин-Эркей улетел.
Где под землей богатырь скакал —
Следы остались на семь веков;
Когда по земле богатырь скакал —
В теченье семидесяти веков
Не оставлял его конь следов.

**
*

Быстро на землю они поднялись,
Луна и солнце для них зажглись.

Траву душистую конь жует,
Целебную, светлую воду пьет.
Недолго Кокин-Эркей отдыхал;
Сине-чубарого вновь оседлал.
Сине-чубарый летит, как вихрь,
И вот — богатырь в местах родных.
Только не может Кокин-Эркей
Узнать родимой земли своей.
Два дворца на горе стоят
Красивые, в шестьдесят углов,
Две бронзовых коновязи блестят
Для шестидесяти скакунов.
Из плена выручённый народ
Вокруг дворцов, у реки живет.
Ни солнца не видевшие, ни луны,
Люди были худы, бледны.
Кокин-Эркей подъезжает и вот
Невольников прежних не узнает.
Их лица румянцем теперь горят,
Веселые игры кругом шумят.
С шестьюдесятью ручками котлы
Кипят на кострах, мясом полны;
Золотые и серебряные котлы
Согреваются, аракой полны.
У коновязи одной
Железно-чубарый красавец стоит,
Жемчугом сбруя на нем горит.
У коновязи другой
Бело-соловый красавец стоит,
Золотом сбруя на нем блестит.
Как только послышался стук подков —
Враз распахнулись двери дворцов.
Анчи-Мерген и Эркин-Коо
Выходят из дворца одного.
Из другого, красивые как заря,
Выходят жены богатыря.
Одна из них Ак-кана дочь,[20]
Другая Боро-Телтей хана дочь.
Золотой повод они берут,
Под руки Кокин-Эркея ведут.
Правые руки он всем пожал,
В правые щеки поцеловал,
По гриве ласково потрепал
Железно-чубарого коня,

Тихим голосом так сказал:
— Выручил ты из беды меня.
Теперь всегда, до конца моих дней,
Слушаться мудрости буду твоей,
Ты мне красивых жен достал,
Души врагов моих отыскал.
Друзьями будем навек с тобой,
Железно-чубарый красавец мой.
Веселая жизнь пошла с той поры
У жителей ковровоподобной горы.
Богатыри, как братья, живут,
На войну с черной думой они не идут,
К себе они не пускают врага;
Мирная жизнь им дорога.
Богатырская сила их всем ясна,
Их громкая слава везде слышна.
Вблизи от леса, у светлых вод
Счастливо с ними народ живет,
На пастбищах лучших пасется скот,
Кругом счастливая жизнь идет.

* * *

Все, что я от народа узнал,
В этой песне пересказал;
Все, как есть, передал сполна.
Если понравилась вам она, —
Долгие годы из уст в уста
Передавайте ее тогда.
Если плохая песня моя, —
Скажите мне, ничего не тая.

АК-ТОЙЧИ

В далеком краю лесном,
Где северные склоны гор
Луна никогда не освещает,
На крутых южных склонах
Солнечные лучи земли не согревают;
Где острые скалы
В небо уперлись;
Подмышкой у золотой горы,
Где ячмень богато растет,
В лугах цветы никогда не вянут, —
У начала шести долин,
Вблизи теплого моря
Жил богатырь Ак-Боко[1]
С женою Алтын-Топчи.[2]
Небольшие табуны его
В горах паслись,
Немногочисленным народом его
Узун-Кыдат,[3] силач, управлял.
Кости богатыря ослабели,
Годы его кончались.

Смерть придет —
Похоронить некому,
Конец наступит —
Завещание дать некому:
Детей у богатыря нет.
На стойбище его
Печаль кочевала,
Из старческих глаз
Слезы лились.
В молодости Алтын-Топчи
Ему двух мальчиков родила, —
Не успели дети на ноги встать,
Черный Эрлик-бий[4] их украл.
Воевать с богом злым
У Ак-Боко сил нехватило.
Горе свое богатырь
Прогнать не мог,
Стойбище без наследников
Оставлять не хотелось.
У жены его Алтын-Топчи
Зубы, как медь, пожелтели,
Голова, как заяц, побелела.
Хотя старой стала,
Мужа обрадовала,
Сына ему родила.
Ак-Боко богатырь
Звонко свистнул,
На весь Алтай крикнул:
— Собирайтесь, други,
На мое стойбище!
Сыну моему младшему
Лучшее имя придумайте!
Гостей к себе пригласив,
На охоту отправился,
Громко сам с собой говорил:
— Черного соболя убью —
Сыну пеленку привезу.
Жирного марала[5] свалю —
Сыну шашлык зажарю.
Голос Ак-Боко богатыря
В подземелье Эрлик-бия разбудил,
На небо к Ульгеню[6] долетел.
Эхо по всей земле прошло.
Семьдесят ханов его услышали.

**
*

В густой тайге
Ак-Боко охотился,
Соболей по выбору стрелял,
Маралов жирных бил.
Месяц прошел,
Богатырь домой направился,
С черной горой поравнялся.
Белый волк с хвостом в шестьдесят саженей
Из черного леса выбежал,
Коня легко свалил,
Самого богатыря
К земле придавил.
Не может Ак-Боко подняться,
Смерть свою ждет,
Волку тихо говорит:
— Загрызть хочешь — грызи скорее;
Съесть решил — не мучь меня.
Белый волк пасть открыл,
Острые клыки показал,
У богатыря человечьим голосом спросил:
— Если умирать сейчас не хочешь —
Что мне за душу свою ты дашь?
— Табуны пополам с тобой разделю,
Половину народа своего тебе отдам, —
Ак-Боко богатырь ответил.
Белый волк еще сильнее
К сырой земле богатыря прижал.
— Такими подарками не откупишься...
— Алтын-Топчи, жену свою, отдам, —
Ак-Боко богатырь пообещал.
— Старуха твоя не нужна мне! —
Белый волк крикнул,
Старика еще крепче придавил.
— Молочно-белого коня возьми, —
Ак-Боко еле вымолвил.
— Старую клячу не возьму! —
Белый волк рычит,
Старика душит,
У Ак-Боко богатыря
Из носа кровь течет,
На губах пена сохнет,
Смерть его рядом стоит.

— Отдашь мне единственного сына? —
Белый волк сурово спросил,
Старику передохнуть дал.
— Если такой ты жестокий,
Возьми мою радость — сына! —
Ак-Боко горько проговорил.
Белый волк на радостях
К густому лесу побежал.
Ак-Боко едва с земли поднялся,
В седло скрипучее сел,
К своему стойбищу поехал.
Алтын-Топчи навстречу вышла,
Повод коня приняла.
— Что с тобой случилось?
Скорей мне расскажи, —
Алтын-Топчи проговорила. —
Почему в глазах твоих — следы слез?
Почему на лице твоем — следы горя?
Ак-Боко с коня своего сошел,
О встрече с волком все рассказал.
— С Белым волком воевать
У нас сил нехватит, —
Ак-Боко горько проговорил,
Тяжело на землю сел.
Слова его силачи услышали,
Горе его до народа дошло —
Все враз сказали:
— На Белого волка
Мы войной пойдем;
Зверю клыкастому
Никогда не покоримся.
Возле узкой волчьей тропы
Шестьдесят кобылиц с жеребятами,
На крепкие арканы[7] привязали,
Шестьдесят женщин с детьми
Там поставили.
— Если голодным волк придет —
Кобылиц с жеребятами сожрет;
Если бешеный спустится —
На женщин и детей набросится.
Мы тогда силой всей
По Белому волку ударим, —
Так Узун-Кыдат силач сказал,
Войско в засаду увел.

Сам Узун-Кыдат силач
Позади всех встал.
Ак-Боко богатырь
Зорко за всем смотрел.
Алтын-Топчи с сыном своим
За семь крепостных стен спрятал.[8]
Одного дня не прошло,
Клыки Белого волка показались.
На шестьдесят кобылиц с жеребятами
Краем глаза волк не взглянул;
Мимо шестидесяти женщин,
Хвостом помахивая, тихо прошел,
С войском богатыря поравнялся.
Тысячи стрел в волка полетели,
Словно о камень, о бока ударились —
Острия у стрел погнулись.
По широкой волчьей спине,
Словно по ледяной вершине,
Стрелы скользнули, на землю упали.
Хвостом в шестьдесят саженей
Белый волк махнул,
Войско богатыря,
Как траву, свалил.
Узун-Кыдат навстречу вышел,
Длинное копье поднял,
В грудь Белого волка ударил.
Крепкое копье переломилось,
А золотая шерсть ча волке
От удара не помялась.
Узун-Кыдат рассвирепел,
На Белого волка бросился,
За уши схватить хотел.
Волк хвостом махнул —
Силач в три раза согнулся,
Круглым камнем покатился.
Две собаки богатыря
На Белого волка бросились.
Одним ударом хвоста
Волк собак сбил,
Самого богатыря
Лапой ударил —
Белая борода мелькнула;
Ак-Боко на землю повалился.
К семирядной каменной крепости

Белый волк подбежал,
Хвостом в шестьдесят саженей
Крепость за гору перекинул;
Ребенка зубами схватил,[9]
К своему логову помчался.
Где стоял — следы остались,
Куда убежал — следов нет.

***

Через шестьдесят хребтов
Белый волк перевалил,
Через девяносто рек
Он перепрыгнул.
В черную пещеру — дворец свой —
Ребенка внес,
В золотую люльку положил.
Сам в лес отправился,
Двух дойных маралух привел,
Малютку молоком кормить
Им строго приказал.
У двух диких маралух
Малютка молоко высосал,
Через два дня маму кликнул,
Через шесть дней отца позвал.
Из золотой люльки мальчик выпрыгнул,
По чугунному полу прошел,
Белого волка, отца своего,
За уши крепко схватил,
Над постелью приподнял.
Белый волк улыбнулся,
Из дворца стрелою вылетел.
Двух лисиц он поймал,
Приемному сыну отдал;
Пищи вкусной
Ему принес.
Двух диких маралух
На пастбище волк отпустил,
Сам опять на охоту пошел.
От пещеры — дворца своего —
Он далеко не отходил,
От злого Эрлик-бия
Мальчика охранял.
Когда в пещеру вернулся,

Двух лисиц не узнал, —
Гладкая шерсть на них
Вся измята,
Круглые глаза их
Слез полны,
Быстрые ноги их
Служить отказались.
Детских игр не выдержав,
Лисы умирать собрались.
Белый волк двух лисиц
Маральим мясом накормил,
В густой лес отвел.
Двух серых волков
В пещеру свою пригнал,
С мальчиком играть заставил,
Сам опять на охоту отправился.
Когда с богатой добычей
Он домой вернулся,
Серых волков не узнал, —
Кровавые глаза их
Сизой пленкой подернулись,
Сломанные ребра их
Из-под кожи торчали,
На ногах держаться
Силы у волков не было.
Смерть от ласк поджидая,
Они в углу дремали.
Белый волк вкусным мясом
Их досыта накормил,
Из дворца ласково проводил,
Взамен их сыну на забаву
Двух медведей пригнал,
Сам по Алтаю в обход пошел.
Подземные норы он заваливал:[10]
Эрлик-бию злому
На землю путь заграждал.
Приемного сына оберегая,
На дно неба он смотрел:
Уч-Курбустану[11] в голубой Алтай
Спуститься мешал.
Вдруг из черной пещеры
Дикий рев медведей
Бурей вырвался,
Дна неба достиг,

Всю землю всполыхнул.
Белый волк рева не узнал,
Домой поспешил.
Два медведя заласканные
Посреди пещеры валялись.
Крепкие тела их
Как дерево высохли,
Золотистая шерсть их
Прошлогодней травой стала.
Глаза у медведей закрылись,
Сухие языки вывалились.
Возле них приемный сын
Богатырем стоял.
Груди у него — как две сопки,
Щеки его — две скалы.
Глаза — больше казанов.[12]
Брови чернее темной ночи.
Мясо на костях его,
Как на березе кап, твердо.
Увидев сына богатырем,
Белый волк заулыбался,
Ласково ему сказал:
— Вскормленный мною сын,
Мужчиной взрослым ты стал!
От злых бед упасенный сын,
Настоящим богатырем ты стал!
Меня во всем слушай,
В борьбе мне помогай.
Молодой богатырь волку-отцу
Ласково ответил:
— Богатырем я родился —
На войне отступать не буду.
Что прикажете,
Все выполню.
Со злыми ханами
Как Кара-Кула[13] схвачусь.
Белый волк-отец
В голубые горы сбегал,
Молочно-белого коня
Приемному сыну привел.
Седло на резвом коне
Золотом и жемчугом украшено.
Заслышав топот коня,
Молодой богатырь из пещеры вышел.

Волк-отец ему тут сказал:
— Быстрый конь твой
Молочно-белым, драгоценным называется.
Сам ты, молодой богатырь,
Имя Ак-Тойчи[14] носить будешь.
Если вам жить суждено —
Вместе жить будете;
Умереть суждено —
Вместе умрете.
Одежду богатырскую надевай,
Доспехи военные бери.
Ак-Тойчи молодой богатырь
Черные шелковые штаны надел,
Шестьдесят пуговиц застегнул;
Шелковую узорчатую рубаху надел,
Семьдесят пуговиц застегнул.
Золотом украшенные сапоги
С девятирядными бронзовыми подошвами
На ноги натянул.
Бронзовую кольчугу надел —
Силачам не разорвать.
Золотую кольчугу надел —
Богатырям не разорвать.
Военные доспехи все надел,
Оружие в руки взял.
Белый волк, отец его,
Полный ташаур крепкой араки
К жемчужному седлу приторочил,
Приемному сыну сказал:
— В пути люди спросят:
«Куда, богатырь, поехал?»
Им всем отвечай:
«Отцу, Белому волку
С хвостом в шестьдесят саженей,
Я давно невесту высватал,
Дочь светлого Тенери-кана,[15]
Теперь за ней поехал».
Люди у тебя спросят:
«Такой сильный богатырь,
Можешь ли ты умереть?
Конец жизни своей
Где ты найдешь?»
Отвечай им спокойно:
«От руки человека я не умру, —

От мороза мне погибнуть суждено,
На своем любимом коне
В ледяную скалу превратиться суждено».
Белый волк сыну своему
Много советов дал,
Медное копье ему принес,
На прощанье сказал:
— Далеко в Алтай уедешь,
Встретишь хрустальный тополь,
Пешком его в год не обойти,
На резвом бегунце в месяц не объехать.
Ты у тополя остановись,
Из пальца кровь возьми,
Острие копья помажь;
В сторону луны копьем взмахни,
Во весь голос крикни;
В сторону солнца взмахни,
Громко свистни.
Тогда мороз на землю падет,
Все кругом застынет.
Перед тобой хрустальный тополь раскроется,
Ты внутрь войди, отдыхать ложись.
Молочно-белый конь сам знает,
Где ему от мороза укрыться.
Араку из моего ташаура
У хрустального тополя выпьешь.
Куда тебе дальше ехать —
Своим богатырским умом решишь.
Ак-Тойчи советы отца-волка выслушал,
Все выполнить пообещал.
Тут вихрь поднялся.
Где богатырь стоял — следы остались,
Куда ускакал — следов нет.

***

Крылатый молочно-белый конь
Быстрее ветра летел.
Молодой богатырь Ак-Тойчи
С веселой песней ехал.
Много времени не прошло,
Бесконечная долина открылась.
Навстречу молодому богатырю
Сто красивых женщин

В одинаковых желтых шубах
На бело-соловых конях ехали,
Поравнявшись с Ак-Тойчи,
Все враз сказали:
— Глаза твои полны огня,
Сердце твое полно ума.[16]
Кто ты, юный богатырь,
Куда ты путь держишь?
— Вскормивший меня отец —
Белый волк с хвостом в шестьдесят саженей.
Сам я — Ак-Тойчи богатырь,
Ездящий на молочно-белом коне, —
Ста красивым женщинам
Ак-Тойчи ответил.
Они богатыря
Враз спросили:
— Такой сильный молодец,
Можешь ли ты умереть?
Конец жизни своей
Где ты найдешь?
— От руки человека я не умру, —
От мороза мне погибнуть суждено;
На своем любимом коне
В ледяную скалу превратиться суждено, —
Ак-Тойчи женщинам ответил,
Повод коня дернул,
Дальше вихрем помчался.
Много времени не прошло,
Белую гору богатырь перевалил,
В синюю долину спустился,
Далеко вперед смотрел.
На ста одинаковых рыжих конях,
В одинаковых шелковых шубах
Сто силачей навстречу ему ехали.
С Ак-Тойчи они поравнялись,
Не слезая с коней, поздоровались;
Имя богатыря спросили.
На молочно-белом коне ездящий,
Ак-Тойчи богатырь удалой
Ста силачам, как ста женщинам,
О судьбе своей рассказал,
Отцовский наказ повторил.
— Отцу, Белому волку
С хвостом в шестьдесят саженей,

Я давно невесту высватал,
Дочь светлого Тенери-кана,
Теперь за ней поехал, —
Так Ак-Тойчи силачам ответил,
Путь свой продолжал.
От копыт коня пыль поднялась.
Пар от быстрого коня
Бледным туманом по земле стлался.
Много времени не прошло,
Хрустальный тополь на пути встал —
Пешком его в год не обойти,
На резвом бегунце в месяц не объехать.
Конь, бег свой убыстрив,
К чудному тополю мчался.
Богатырь, у тополя спрыгнув,
Молочно-белого коня расседлал,
Дорогую узду с него снял;
Из пальца крови добыл,
Помазал медное копье,
В сторону луны взмахнул,[17]
Во весь голос крикнул;
В сторону солнца взмахнул,
Громко свистнул.
Края неба вдруг покраснели,
Слева и справа ветер подул,
Мелким снегом все замел,
Пригнал жестокий мороз.
Молочно-белый конь
В золотошерстого медведя превратился,
Под корнями хрустального тополя
Глубокую берлогу вырыл,
Мягким мохом обложил,
От мороза укрылся.
Хрустальный тополь, двери открыв,
Богатыря к себе пустил.
Токум, подобный долине,
Ак-Тойчи в тополе раскинул,
Араку до капли выпил,
Крепко заснул.
Сколько лет сон продолжался —
Богатырь не знал;
Проснувшись, из тополя вышел,
Кругом посмотрел:
Выше леса снег пал,

Глубокие моря до дна промерзли,
Верхушки высоких деревьев
Морозом расколоты.
Ак-Тойчи богатырь
Большой костер развел,
Медную пику на огне погрел.
Не успел он взглянуть по сторонам —
От блеска медного копья
Весь снег растаял,
Земля травой оделась,
Пестрыми цветами украсилась.
В лесах птицы запели,
Звери детенышей гулять вывели.
Золотошерстый медведь
Из теплой берлоги вышел,
По зеленой траве покатался,
Конем богатырским стал.
Ак-Тойчи молодой,
Коня своего заседлав,
О пути-дороге задумался:
— Отец, Белый волк, мне сказал:
«Куда хочешь, туда отправляйся,
Судьбу свою сам решай».[18]
Пути себе не придумав,
Ак-Тойчи богатырь
Назад к отцу-волку поехал.
По дороге он увидел:
Сто одинаковых силачей
На конях своих застыли,
Каменными бабами
У проезжей дороги стояли.
Дальше богатырь проехал,
Сто одинаковых женщин увидел —
На конях своих все оледенели,
От ветра щеки их корявыми стали.
Ак-Тойчи путь свой продолжал,
Тополь с семьюдесятью стволами
Впереди себя увидел.
У подножия зеленого тополя
Молодая девушка сидит,
Слева на нее посмотришь —
Лицо ее как луна сияет,
Справа на красавицу взглянешь —
Как солнце горит.

Волосы у нее золотистые,
Брови — крутые радуги.
Подбородок задумчиво
Она рукой подперла.
Одежда на ней
Вся шелковая.
К девушке подъехав,
Ак-Тойчи богатырь спросил:
— Почему в степи одна осталась?
На моего коня садись.
В какую землю надо,
Туда тебя отвезу.
Девушка на богатыря взглянула,
Молча руку подняла.
Молочно-белый конь
Двух седоков помчал.
Где он стоял — следы остались,
Куда конь ускакал — следов нет.

**
*

Много времени не прошло,
К отцу, Белому волку
С хвостом в шестьдесят саженей,
Ак-Тойчи богатырь вернулся,
Во дворец — черную пещеру —
Молодую девушку ввел.
Отца-волка он потряс:
— От крепкого сна пробудитесь,
На красивую девушку посмотрите.
Если нравится — на ней женитесь;
Если не по душе — прямо ответьте.
Белый волк с постели встал,
Приемному сыну лапу протянул,
Поздоровался.
Руку незнакомой девушки
Крепко пожал.
Улыбаясь, сыну говорит:
— Счастье тебе дано.
Зачем мне дарить его собираешься?
Дочь Тенери-кана
Алтын-Тана[19] красавица
К тебе сама пришла —
Верным другом будет.

Дружно, счастливо живите.
На подолы шуб ваших
Пусть дети наступают.
На стойбище вашем
Пусть табуны пасутся.
Всё теперь тебе открою:
Родной отец твой — не я.
Он ездит на белом коне.
Зовут его — Ак-Боко богатырь.
Мать твоя — Алтын-Топчи.
Двух братьев твоих
Злой Эрлик-бий украл.[20]
Я тебя сюда унес,
Чтоб от злого бога уберечь.
Теперь ты возмужал,
Настоящим богатырем вырос.
Подземным богом посланных
Сто девушек-волшебниц
Ты заморозил.
Злым Эрликом посланных
Сто одинаковых силачей
Ты в ледяные скалы превратил.
Сила твоя видна.
Врагов своих победить
Ловкости у тебя хватит.
Возьми с собой Алтын-Тану,
К отцу своему отправляйся.
Если на землю твою
Война придет,
Если подземный бог
На тебя поднимется, —
Меня на помощь зови.
Ак-Тойчи от большой радости
Как луна посветлел,
Как солнце просиял.
Лапы Белого волка пожав,
Как родного отца поцеловал.
— От смерти ты меня спас,
На ноги ты меня поставил,
Пока голова моя в землю не уйдет —
Тебя нигде не забуду. —
Так Ак-Тойчи сказал,
На молочно-белого коня сел;
Алтын-Тану, невесту свою,

Впереди себя посадил;
Шелковый повод тронул,
К стойбищу отца поехал.
Где конь стоял — следы остались,
Куда ускакал — следов нет.

**
*

День и ночь молочно-белый конь
Быстрее птицы летел,
Резвее оленя мчался,
Как стрела мелькал.
Дикие вихри в горах
За ними угнаться не могли.
Народ на всадников
С удивлением смотрел,
Табуны коней
В сторону отбегали.
Шум по земле стлался,
Ак-Боко богатыря поднял.
Из дворца богатырь выбежал.
Алтын-Топчи, жена его, вышла.
Узун-Кыдат силач вышел.
Все на запад взглянули.
На простого коня непохожий,
Конь к ним скакал.
На простого мужчину непохожий,
Богатырь красавицу вез.
Ак-Боко старый на землю сел,
Горькими слезами заплакал:
— Умереть было не суждено,
Теперь я умру;
Уйти было не суждено,
Теперь я уйду.[21]
Стада и табуны мои
Этот богатырь угонит,
Самого меня
В плен возьмет.
Воевать с ним,
У меня сил нет.
Шестьдесят человек,
Повод коня его берите!
Семьдесят человек,
Под руки его подхватывайте!

Жирным мясом
Его угощайте,
Веселыми играми
Сердце смягчите, —
Ак-Боко так сказал.
Народ приготовился
Все исполнить.
Много времени не прошло,
Молочно-белый конь
У бронзовой коновязи остановился.
Ак-Тойчи богатырь
На землю спрыгнул,
Шелковый повод коня
Никому взять не дал.
Богатырского коня
Сам привязал.
Алтын-Тану красавицу
Под руку взял,
В белый дворец
С ней пошел.
Ак-Боко старик
Его под руку подхватил.
— Кости мои не ослабели,
На плечах годов немного —
Сам ходить могу,
Старческие силы беречь прошу, —
Ак-Тойчи богатырь сказал,
Почести не принял,
Невесту свою
У дверей оставил,
Сам в белый дворец
Вошел.
Алтын-Топчи, мать родная,
Ак-Боко, отец родной,
Сына не узнали;
На колени встав,
До земли поклонились.
— Старых нас
Живыми оставь, —
Богатыря просили.
Луноподобный стол придвинув,
Вкусную пищу они положили,
В чоо-чойке,[22] на звезду похожей,
Крепкую араку поднесли.

— С глазами, полными огня,
С сердцем, полным мудрости,
Откуда ты, богатырь, приехал?
Отца твоего как звать?
Матери твоей какое имя?
Если с черными думами приехал —
Прямо скажи;
С хорошими мыслями явился —
Нас порадуй, —
Ак-Боко и Алтын-Топчи
Богатыря упрашивали,
Землю возле очага
Лбами били.
— Вскормил меня Белый волк
С хвостом в шестьдесят саженей,
А родную мать свою
Я нигде найти не могу, —
Так богатырь Ак-Тойчи сказал,
Невесту свою во дворец ввел.
Старики девушку не замечали,
На богатыря смотрели.
Алтын-Топчи вскрикнула,
К сыну подбежала.
— В глаза твои смотрю —
Огонь глаз своих узнаю.
К словам твоим прислушиваюсь —
Голос Ак-Боко узнаю.
Ты — мой младший сын.
Белый волк тебя
Ребенком унес.
Старых нас не томи,
Кольчуги скорее сбрось,
Правую руку вскинь —
Подмышки тебе взгляну.
Ак-Тойчи богатырь
Военные доспехи сбросил,
Правую руку поднял —
Родинку величиной с ладонь
Отец с матерью увидели,
От большой радости
Руками всплеснули.
Ак-Тойчи богатыря
Мать в голову целовала,
Отец ноги сына гладил.

Светлее полной луны
Он им показался,
Ярче солнца
Лицо богатыря сияло.
Ак-Тойчи к отцу и матери
Алтын-Тану подвел.
Радость их
Словами не рассказать,
Счастье их
В Алтае не уместить.
Горы мяса нажарили,
Моря араки приготовили.
Ак-Тойчи богатырю
Белый дворец воздвигли.
Шестьдесят углов
У дворца того.
Внутри стены его
Лунным светом полны.
Голубым шелком
Своды украшены.
С шестьюдесятью ножками
Золотая кровать поставлена.
Из дорогих бобровых шкур
Одеяло сшито.
Перед самым дворцом
Бронзовый столб вкопан.
Шестьдесят зарубок на столбе —
Шестьдесят коней привязать можно.
Золотые волосы Алтын-Таны
Шестьдесят женщин
В две косы заплели.
В голубых долинах
Большие конские бега
Богатыри устроили.
Тридцать дней пир продолжался.
Веселым играм конца не было.
Пьяные гости
Лежа песни пели,
Сытые собаки
Лежа лаяли.
Той еще не окончился,
Молочно-белый конь драгоценный
Возле белых стен дворца
Тревожно заржал.

Коня своего услышав,
Ак-Тойчи из дворца вышел,
Озабоченно спросил:
— Крылья мои! Товарищ мой!
Что почуял ты, что узнал?
Молочно-белый конь ответил:
— Помощник Эрлик-бия злого
Темир-кан[23] подземный,
Имеющий чашку из человеческого черепа,
С землей пуповиной сросшийся,
Черного парня — Элче-Кедюкей[24]
К тебе послом отправил,
На свадьбу ханской дочери
Пригласить велел.
«Сам не сможешь приехать,
Молочно-белого коня пошли», —
Так посол скажет.
Ты сам не езди,
Меня туда не отправляй,
Ленивого коня белого,
Что во дворец воду возит,
К подземному хану пошли.
Все богатырю сказав,
Молочно-белый конь
Мухой стал,
Быстрее вихря исчез.
Ак-Тойчи ленивого коня привел,
В богатырского иноходца превратил.
Уши коня в небо упирались,
Глаза коня луну затмевали.
Седло на нем
Золотом украшено.
От молочно-белого коня
Водовозную клячу не отличить.
Много времени не прошло,
Табуны коней в горы бросились,
Народ в долине
Горькими слезами заплакал.
Ак-Тойчи из дворца не вышел,
На бронзовую коновязь не взглянул.
Черный парень, посланец хана,
Коня к столбу привязав,
В белый дворец вошел,
С богатырями трубками обменялся,

Слова такие сказал:
— Единственная дочь Темир-кана,
Эрке-Каракчи красавица
Замуж выходит.
На веселое свадебное пиршество
Сильный Темир-кан
Вас пригласить велел.
«Если сам приехать не может,
Пусть коня для бегов даст.
Ни одна шерстинка с коня не упадет,
Здоровым его в Алтай верну», —
Так Темир-кан говорил.
Ак-Тойчи на той не поехал,
Вместо молочно-белого коня
Водовозную клячу послал.
С Алтын-Таной, женой своей,
Мирно, счастливо жил;
Мяса в горах
Вдоволь добывал.
Но долго жить в покое
Им не пришлось.
Молочно-белый конь драгоценный
Диким вихрем примчался,
Богатырю сказал:
— На твоего ленивого коня
Гонец в пути сел,
Спину ему
В двух местах переломил,
Без земного коня
В подземелье хана вернулся.
Темир-кан, рассвирепев,
Второго гонца за тобой послал.
Придется тебе на ханский той
Самому отправиться.
Я возле тебя всегда буду,
Во-время совет дам,
Чем сумею — помогу.
Молочно-белый конь так сказал,
В горы вихрем умчался.
Много времени не прошло.
Землю туман застлал,
Черная туча небо закрыла,
Вершины деревьев к земле пригнулись,
В страхе скот разбежался.

Ак-Тойчи из дворца выбежал,
Готовый к бою, врага ждал.
Вот что он увидел:
На восьмирогом синем быке,[25]
Запряженном в телегу о восьмидесяти колесах,
Черной горе подобный,
Сокор-Кара[26] богатырь подъезжает.
Ак-Тойчи, увидев его,
Во дворец вошел,
Отдыхать улегся.
Сокор-Кара богатырь,
Не слезая с телеги, крикнул:
— Сын Ак-Боко, меня слушай!
Немедля, Ак-Тойчи богатырь,
Ко мне выходи!
Беда будет, если не выйдешь:
Не умирающий — ты умрешь тогда,
Не уходящий — уйдешь!
Ак-Тойчи не спеша к нему вышел,
За руку с ним поздоровался.
Узнав зачем Сокор-Кара приехал, —
Так ответил:
— На свадьбу дочери Темир-кана
Поехать мне не на ком —
Единственного своего коня
Я уже вам отдал.
— Если нет коня —
На железную телегу
Вместе со мной садись!
Ак-Тойчи не стал противиться,
Боевые доспехи надел,
Верный свой лук взял;
За едой долго не задерживаясь,
С женой, матерью и отцом
На прощанье поцеловался.
На телеге о восьмидесяти колесах
В подземное царство отправился.
Едва они стойбище миновали,
Едва до пастбищ доехали,
Ак-Тойчи богатырь железную телегу
тряхнул —
Все восемьдесят колес,
Словно уголь, рассыпались.
Сокор-Кара удивленно сказал:

— В шелковых шубах[27] силачей мы возили,
В золоченых шубах богатырей возили —
Всех телега выдерживала,
Ни одна спица не погнулась.
Разве кости твои из чугуна скованы?
Или внутренности твои свинцом налиты?
Теперь ты пешком иди,
Я на синем быке поеду!
— Нет! — Ак-Тойчи твердо сказал, —
Пешком за тобой не пойду,
Лучше домой возвращусь!
Ак-Тойчи назад повернул,
Домой уходить собрался.
— Домой тебя не пущу! —
Сокор-Кара заревел, —
На синего быка ты садись,
Я за тобой пешком пойду.
Ак-Тойчи богатырь
На восьмирогого быка садится,
Быстро своего спутника обгоняет.
Немного проехав, Ак-Тойчи
Восьмигранной медной стрелой
Восьмирогому синему быку
Сердце насквозь пронзил.
Кровь синего быка,
Словно красное озеро,
Всю долину залила.
Догнав Ак-Тойчи,
Сокор-Кара богатырь сказал:
— Хотя синий бык погиб —
Тебя никуда не отпущу,
К Темир-кану все равно доставлю.
Если пешком не можешь итти —
На спине тебя унесу!
Сокор-Кара богатырь
На спину себе
Ак-Тойчи посадил.
От большой тяжести
Ноги Сокор-Кара,
Словно острые колья,
В твердую землю воткнулись.
Тогда Ак-Тойчи богатырь
Длинным копьем своим
Сердце ему насквозь пронзил;

Грузное тело его в воздухе раскачав,
Три раза об землю ударил —
До седьмого слоя землю пробил.
К порогу дворца Темир-кана
Мертвый богатырь упал.
Ак-Тойчи обрадованный
Домой возвратился,
Со своей семьей мирно жить стал.
Но спокойная жизнь
Недолго у них продолжалась.
В виде мухи
Молочно-белый конь прилетел,
Жалобным голосом
Хозяину сказал:
— Ой, беда, Ак-Тойчи, подходит!
Грозный Темир-кан рассвирепел.
Кровью истечь — крови не имеющего,
Умереть — души не имеющего,
Калдан-Боко[28] богатыря
На лысом вороном коне
За тобой послал.
Оружие свое наготове держи,
Выход из беды придумай.
Так сказав, молочно-белый красавец
На свои пастбища улетел.
Немного времени прошло —
Гром в небе загрохотал,
Железный звон послышался,
Эхо по Алтаю разнеслось.
Деревья на землю падают,
Твердые скалы рушатся.
Это на лысом вороном коне
Калдан-Боко богатырь скачет;
Не слезая с коня, кричит:
— Вместе с конями
Ханских послов ты убил.
С луною и солнцем
Наверно сравниться хочешь?
Если подземной силы не страшишься,
С каким сердцем родился ты?
Что за богатырь такой?
Если к хану сам не поедешь —
Силой тебя увезу!
Ак-Тойчи богатырь,

На длинное копье опираясь,
Слова эти молча слушал,
На Калдан-Боко богатыря
В упор глядел.
Глаза Калдан-Боко
Кровью налились.
Нижнюю губу он
До крови прикусил,
С горьким ядом крикнул:
— Откуда ты, смельчак, появился?
Ханских приказов не слушаешь,
Сильного меня не боишься?
Что за сердце у тебя — посмотрим!
Ак-Тойчи он плетью ударил.
Сердиться не умеющий, Ак-Тойчи
Сильно рассердился;
Калдан-Боко богатыря
Вместе с лысым вороным конем
Одной рукой над землею поднял;
Размахнувшись три раза,
В сторону подземного входа,
Словно бабку, легко швырнул.
— Больше ко мне не суйся! —
Вдогонку крикнул.
Потом в черном море своем
Лицо и руки он чисто вымыл,
Душистым можжевельником
Все вокруг одымил.
«Чтоб от нечистого духа
Даже и следа не осталось», —
Про себя богатырь промолвил.
С этого дня Ак-Тойчи
Снова спокойно зажил.
На зеленых пастбищах скот пас,
Около лесов и рек народ расселял.
Недолго мирная жизнь продолжалась.
Ржанье молочно-белого красавца
Издали богатырь услышал,
Навстречу ему
Из белого дворца выбежал.
Молочно-белый сказал:
— Беда надвигается, Ак-Тойчи!
Эрлик-бий и Темир-кан,
Два подземных хана,

Так говорят:
«Пока Ак-Тойчи не убьем —
Жизнь нам не мила».
Оружие свое крепко держи,
Встретиться с ними готов будь.
Когда они нападут —
Предсказать я не в силах.
Покуда они не приехали —
За мудрым советом
К Белому волку иди.
Ак-Тойчи коня оседлал,
Боевые доспехи надел,
С милой женой и родителями
Ласково попрощался,
К стойбищу Белого волка,
Словно вихрь, полетел.
Где конь стоял—там следы остались,
Куда ускакал—следов не видно.

***

На молочно-белом красавце своем,
День и ночь без отдыха,
Ак-Тойчи богатырь скакал.
К стойбищу Белого волка
Приблизился.
Топот молочно-белого коня услышав,
Песню Ак-Тойчи узнав,
Белый волк
С хвостом в шестьдесят саженей
Из каменного дворца —
Из черной своей горы —
Навстречу выбежал.
Радостно они поздоровались,
В обе щеки поцеловались.
Ак-Тойчи богатырь
Отцу своему, Белому волку,
Все рассказал.
— Подземные ханы
Покоя мне не дают,
В дверь мою часто стучат.
Три раза меня испытывали;
Три раза моя победа была.
Сам Темир-кан теперь

На меня итти собирается.
Чтобы силу мою с ним сравнять —
Помощи твоей прошу.
Чтобы острым словом его сразить —
Мудрое слово скажи:
Белый волк ласково улыбнулся,
Грубым голосом так ответил:
— Подземные грозные ханы
Кровь из народа сосут.
Сами они крови не имеют,
Чтобы кровью истечь,
Души не имеют,
Чтоб умереть.
Четвертого гонца не дожидайся,
Подняться на землю им не давай,
Сам навстречу иди.
Если Темир-кан на землю выйдет —
На стойбище твоего отца
Сломанной иглы не оставит.
Если в подземном царстве
Беда с тобою случится —
Обо мне вспомни,
На помощь меня крикни.
Откуда услышать нельзя —
Тебя я услышу;
Откуда рукой не достать —
Тебе помогу.
Белый волк на прощанье
Приемному сыну своему
Кожаную одежду дал,[29]
Для большого сраженья
Одеваться в нее велел.
Простившись с отцом — Белым волком,
Молочно-белого красавца
Круто богатырь повернул,
Вихрем домой примчался.
Соскочив с коня, Ак-Тойчи
С женой Алтын-Таной поцеловался;
Золотые волосы ее гладя,
Так сказал:
— Если умереть нам придется —
Вместе умрем;
Если дальше жить будем —
Жизнью одной.

Меня, милая Алтын-Тана,
Важное дело ждет,
В путь отправляться надо.
Не тоскуй без меня, не печалься,
Весело, хорошо живи.
За руку богатырь с женой попрощался,
Горячо ее поцеловал,
К отцу и матери подошел.
— Под сердцем выносившая меня, мать,
В люльке качавший меня, отец!
По важному делу я отправляюсь,
По ханскому приглашению еду.
Чтобы мне удача была —
Проклятьем меня не провожайте,
Напутственные слова скажите.
С отцом и матерью поцеловавшись,
Ак-Тойчи на коня вскочил,
Как вихорь помчался.
Алтын-Топчи сказала:
— Если бы двух братьев его
Злой Эрлик у нас не украл,
Вместе бы сейчас поехали
На стойбище Эрлик-бия,
Втрое сильнее были бы.
Родные слез сдержать не могли,
Во след богатырю взглянуть хотели...
Где конь его стоял —
Следы виднелись,
А куда Ак-Тойчи ускакал —
Следов не найти.

Красавец молочно-белый
Без выстойки скачет,
Славный богатырь Ак-Тойчи
Без отдыха едет.
Золотые кольца
На сбруе звенят,
Нагрудники конские,
Как жар, горят.
Боевые доспехи,
Как гром, громыхают.
Звон бронзового щита

Издалека слышен.
От быстрого бега
Лук и стрелы поют.
Где молочно-белый конь ступит —
Озера появляются,
Вместо высоких гор —
Долины лежат.
До входа в подземное царство
Ак-Тойчи доехал,
Повод коня придержал.
С небом,
Где луна и солнце сверкают,
С Алтаем,
С горами и лесами его
Ак-Тойчи простился.
Черно-бобровую шапку свою
До ушей надвинул;
Поводья крепко держа,
В подземный мир опустился,
По темному царству поскакал.
В ушах молочно-белого красавца
Две жемчужные бусинки были.
Одна, как солнце, блестит,
Другая, как луна, сверкает —
Дорогу освещают богатырю.
Сколько раз
День ночью сменялся —
В подземном царстве
Ак-Тойчи узнать не мог.
Семирядный дворец[30] Темир-кана
Ак-Тойчи увидел.
У входа в черно-каменный дворец
Вместо коновязи
Восьмиствольный тополь стоит,
Листья железные на нем звенят.
Встречать богатыря
Никто из дворца не вышел,
Повод у него принять некому было.
Ак-Тойчи с коня сошел,
Дверь каменного дворца открыл,
Золотой порог перешагнул,
На железный порог наступил.
В высоком черном дворце
На девяти каменных коврах,[31]

Словно на троне,
Сам могучий Темир-кан
На боку лежит.
Как черные озера — глаза его,
Как серая земля — лицо его.
Грудь его
С кожаными ведрами схожа.
Большие уши его
Веялки[32] напоминают.
Жена Темир-кана рядом сидит.
На подземного хана
Ничем она не похожа —
С лунно-солнечного Алтая
Силой увезена.
Ак-Тойчи богатырь
С Темир-каном поздоровался.
— Зачем меня вызывали? —
У Темир-кана спросил.
— Считая тебя богатырем,
На свадьбу дочери тебя приглашал я.
А ты вольные думы задумал.
Гонцов моих ты убил.
Что за человек ты такой?! —
Грозный Темир-кан
Так сердито сказал,
Приехавшего гостя угощать
Жене своей повелел.
Ак-Тойчи богатырь
Грозному хану ответил:
— Если бы твой первый гонец
Моего коня не убил,
Второго твоего гонца
Я бы тогда не тронул.
Гибель коня своего
Простить я тебе не мог,
Потому к тебе не приехал:
Не обижайся, великий хан! —
Насмешливо Ак-Тойчи сказал,
Угощенье с золотого стола
Попробовать отказался.
— У вас, человеческую кровь пьющих,
Есть не буду!
Скажите мне лучше,
Где у вас той устроен,

Где у вас игры идут.
Туда я сейчас отправлюсь.
Темир-кан жене приказал
Ключи от дворцов подать;
Ак-Тойчи богатырю
Так сказал:
— Когда от меня поедешь —
На дороге тебе
Белый дворец встретится.
Дверь белого дворца открой,
Внутрь загляни.
Дальше когда поедешь —
Серебряный дворец увидишь.
У дворца того не задерживайся,
Мимо проезжай.
Дальше черно-каменный дворец будет.
К этому дворцу сворачивай,
Там веселые игры идут.
Говоря это, Темир-кан
От белого и черно-каменного дворцов
Ключи богатырю подал.
Жена Темир-кана
Тихо мужу шепнула:
— Яркий огонь в глазах у него,
Богатырский ум в сердце его.
Невиновного богатыря
Зачем погубить задумал?
У женщины в глазах
Слезы жалости заблестели.
Темир-кан брови нахмурил,
Злобно на жену зарычал:
— У-у, слушать тебя не хочу.
Ак-Тойчи, будто ничего не слышал,
Будто ничего не понял,
Быстро с места вскочил,
Из каменного дворца вышел,
На молочно-белом коне
Вихрем помчался.
Мало ли, много ли проехал —
Молочно-белый вдруг остановился.
Как вкопанный, на месте застыл.[33]
— Быстрые крылья мои,
Товарищ ты мой неразлучный!
Что ты узнал, что почуял? —

Ак-Тойчи у коня спросил.
— Смерти нашей не чую,
Радости тоже не вижу, —
Молочно-белый конь ответил. —
Слова Темир-кана лживы.
В каменный дворец
Темир-кан не на веселый пир послал
Гибель тебе Темир-кан придумал.
Выход найдем — наше счастье,
Выхода не найдем — наша гибель.
В каменном дворце
Нас испытанье ждет.
В первом белом дворце
Подземный дух сидит,
Образ женщины дух принял.
Темир-кан женщину эту
За дочь свою выдает.
В середине серебряного дворца,
С лунной землей разлученные,
Семь молодых женщин,
Не видя света, сидят.
Сказав это, молочно-белый конь
Дальше помчался.
— Ум и находчивость — у тебя,
Сила и меткость — у меня, —
Ак-Тойчи коню ответил,
Смело дальше поехал.
Мало ли, много ли проехал —
Белый дворец перед ним.
Ханским ключом не пользуясь,
Ак-Тойчи, с коня не слезая,
Черную дверь дворца
Правой рукой рванул,
Вместе с крюками выдернул.
Внутри дворца
Грязную женщину увидел.
Волосы у нее не чесаны,
Лица от грязи не различить,
Все тело ее
Черная чесотка изъела.
Не слезая с коня, Ак-Тойчи
Уродке в лицо плюнул.
Черную дверь на место поставил,
К серебряному дворцу поскакал.

«Темир-кан в серебряный дворец
Заезжать мне не велел», —
Ак-Тойчи вспомнил,
Черную дверь серебряного дворца
С петель сорвал,
В серебряный дворец вошел.
Семь красавиц-девушек
Ак-Тойчи здесь увидел.
Если справа на них посмотреть —
Как солнце они красивы,
Если слева на них взглянуть —
Словно луна они прекрасны.
Семь девушек, семь красавиц,
С подлунной земли увезенных,
У Темир-кана в неволе томились.
— Огонь в глазах твоих, богатырь,
Мудрость в сердце твоем, богатырь!
Зачем с солнечной земли
Сюда ты пришел?
Человеческсй кровью наши ханы
Жажду утоляют,
Человеческим мясом
Насыщаются.
Из черепов чашки у них.
Долго здесь не задерживайся.
Скорее на родину возвратись, —
Семь красавиц богатырю
Так в один голос сказали,
С грустью на него посмотрели.
Все, что видел и слышал,
По какому делу приехал,
Ак-Тойчи красавицам рассказал.
— В черно-каменный дворец
Сейчас я поеду.
На великий той, на веселые игры
Посмотреть хочу.
Услышав это, семь красавиц
Руками по бедрам ударили,
Косы перебирать стали.
— Разве мало тебе, богатырь,
Что белого света лишившись,
Мы здесь мучаемся?
Мы были женами богатырей
По имени Дьети Чолмон.[34]

Как утренняя звезда,
Наши мужья красивы были.
Эрлик-бий их всех погубил.
Ты, красивый и молодой,
Пока не поздно, отсюда скачи!
Из глаз красавиц
Горькие слезы брызнули.
Ак-Тойчи богатырь
Совета красавиц не послушал,
Из серебряного дворца выбежал.
Семь красавиц от него не отставали,
За полы одежды его схватили,
По земле за ним потащились.
— Не ходи, не ходи туда! —
Со слезами они упрашивали.
Ак-Тойчи от женщин вырвался,
К черно-каменному дворцу подбежал.
Дверь черно-каменного дворца
Правой ногой ударил,
В щепки разбил.
Навстречу синий волк выскочил,
На богатыря бросился.
Шею волка
Руками не охватить.
Клыки синего волка
На саженные мечи похожи,
Злобные глаза
Кровью налиты.
Ак-Тойчи богатырь
Синего волка схватил,
Пополам его разорвал,
Из дворца выбросил.
Кости волка
По суставам рассек,
В пыль превратил.
Вторую дверь дворца
Ак-Тойчи ногой вышиб.
Ало-желтый медведь
На него выскочил,
По щекам Ак-Тойчи ударил.
Не сердящийся, Ак-Тойчи
Сильно рассердился;
С ало-желтым медведем,
Как с волком, расправился,

За обе двери его вышвырнул.
Вглубь черно-каменного дворца
Дальше пошел,
Третью дверь вышиб.
Черная змея в шестьдесят саженей
На него кинулась.
Нижняя губа черной змеи
По земле волочилась,
Верхняя губа
До самого дымохода доставала.
Ак-Тойчи богатырь
Правой рукой
Верхнюю губу взял,
Левой рукой
Нижнюю губу схватил;
Шестидесятисаженную змею
Повдоль разорвал,
Через три двери выбросил.
Руки богатыря не дрогнули,
Еще сильней он разгневался,
Четвертую дверь вышиб.
Навстречу ему грозный богатырь
Барын-Боко[35] вышел.
Суставы его не гнутся.
С подземельем он пупом сросся.
Цепкими руками они схватились,
За плечи крепко взялись.
От их борьбы
Каменный дворец громом гремит,
Железный пол гнется.
Тело Ак-Тойчи разогрелось,
Кровь его заиграла.
Все силы собрав, Ак-Тойчи
Барын-Боко богатыря
Над головой поднял,
О железный пол ударил,
Пополам его разорвал,
Кости его раздробил,
Через четыре двери выбросил.
— Э-э! Веселые игры
Темир-кан для меня придумал!
Богатыри меня под руки берут,
Богатой пищей угощают.
Хороший той Темир-кан мне устроил! —

Ак-Тойчи насмешливо сказал,
Пятую дверь ногой вышиб.[36]
С клыками в шестьдесят сажен
Могучий Кара-Кула появился,
На богатыря кинулся.
От их борьбы
Каменный дворец содрогается,
Железный пол
Под ногами гнется.
Два дня они боролись —
Ничья сила не пересиливала.
На третий день Ак-Тойчи богатырь
Кара-Кулу с клыками в шестьдесят сажен
Над головой поднял,
О железный пол ударил.
От могучего Кара-Кулы
Собакам глотнуть — куска не осталось,
Иглой зацепить — шкурки не сохранилось.
Ак-Тойчи богатырь
С врагами расправился;
Посланных Эрлик-бием
Чудовищ всех победил.
Потом Ак-Тойчи богатырь
На молочно-белого коня сел,
Зубчатой плетью своей взмахнул,
По дворцу с размаха ударил —
Черно-каменный дворец
В пыль превратил.
Круто поводья рванул,
В обратный путь к Темир-кану
Со звонким свистом помчался,
С грозным криком поскакал.
— На веселой свадьбе твоей
Весело я попировал.
Теперь обратно приехал,
С тобой пировать хочу!
С лунно-солнечного Алтая приехавшего,
Гостя встречать выходи,
Молочно-белого коня моего
К коновязи привязывай! —
Не слезая с коня, Ак-Тойчи
Так насмешливо крикнул.
Темир-кан ленивый
Из двери медленно вышел.

— Откуда смелый богатырь взялся
На меня голос поднимать?!
Сам Эрлик-бий могучий
Ни разу меня не оскорбил.
Откуда, щенок, появился?
Что-то тебя не узнаю! —
Так сказав, грозный Темир-кан
Во дворец вернуться хотел.
— Длинный хвост — у коровы,
Бесстыжий лоб — у тебя!
Лучших коней убивать ты привык,
Лучших богатырей
Губить ты повадился! —
Ак-Тойчи богатырь крикнул,
За косу Темир-кана схватил,
Зубчатой ременной плетью
Спину ему рассек,
На боках Темир-кану
Мясо до костей прохватил.
Крик и стон Темир-кана
До неба достиг,
Эрлик-бию, подземному богу,
Слышен был.
Напрасно Темир-кан
У Ак-Тойчи пощады просил.
Ак-Тойчи так хана стегал,
Что от него одни кости остались.
Потом Ак-Тойчи богатырь
Восьмиствольный железный тополь
От вершины до корня расколол,
В середину железного тополя
Кости Темир-кана засунул,
Расколотый тополь
Могучей рукой соединил.
Восьмиствольный тополь снова сросся,
Кости Темир-кана,
Словно смола, растаяли,
Пищей дереву послужили.
Вдруг под ногами Ак-Тойчи
Земля закачалась,
Каменный дворец задрожал.
Жена Темир-кана из дворца вышла,
Так богатырю сказала:
— Шума этого, Ак-Тойчи, не страшись.

Это — сын мой
По имени Одус-Башту-Ок-Дьылан[37]
Сюда едет.
Если на тебя он разгневается —
Я его успокою...
Не успела ханша договорить —
Одус-Башту-Ок-Дьылан богатырь,
Как буря, налетел,
Ак-Тойчи он сразу схватил.
— Ты, собака, отца моего убил!
Силу твою сейчас испытаю,
Славу твою сейчас проверю! —
Сын Темир-кана крикнул,
Борьбу с Ак-Тойчи начал.
На девятислойной чугунной долине[38]
Богатырский бой завязался.
Жена Темир-кана,
На коленях около них стоя,
Сыну своему сказала:
— За Ак-Тойчи богатырем,
Ездящим на молочно-белом коне,
Бесчисленных гонцов
Твой отец сам посылал,
Сам обманом к себе вызвал.
Ак-Тойчи, ни в чем неповинного,
Твой отец убить хотел,
Чудовищ на него натравил.
За отца, мой сын, не заступайся,
Чистую кровь не проливай.
Одус-Башту-Ок-Дьылан богатырь
Слов матери не послушал,
Еще крепче цепкой рукой
Ак-Тойчи он схватил,
Жарким пламенем на него дышит.
Бронзовые подошвы Ак-Тойчи
От горячего дыханья врага,
Как масло, растаяли.
Семь красавиц, это увидев,
Холодную воду принесли,
Ноги Ак-Тойчи облили;
Куски толстого льда
Под ноги ему положили.
Семь красавиц вокруг суетились,
Так между собой говорили:

— Если славный богатырь Ак-Тойчи
Живым останется —
За хвост молочно-белого коня возьмемся,
На лунно-солнечный чудесный Алтай
Богатырский конь нас поднимет.
Семь черных сыновей Эрлик-бия
Вдруг появились,
Семь красавиц молодых увели.
Без помощи семи красавиц
Ак-Тойчи борьбу продолжал,
От горячего дыханья врага,
Как солома, одежда его сгорела,
Как смола, обувь растаяла.
— Подожди, ханский сын,
Одус-Башту-Ок-Дьылан богатырь!
Ладно ли тебе
С нагим человеком бороться?
Ляг на землю и отдохни,
Пока я кожаный халат надену, —
Ак-Тойчи богатырь сказал.
Ханский сын этому обрадовался,
Беды никакой не ожидая,
Отдыхать улегся.
Покуда он отдыхал —
Отцом Белым волком подаренную,
Ак-Тойчи одежду надел,
Снова с ханским сыном схватился.
Где покрепче они возьмутся —
Мясо горстями вырывают,
Где пальцем друг друга заденут —
Там ложка крови проливается.
Одежда на Ак-Тойчи
Теперь не горит,
Дыханье врага теперь не жжет.
Дня от ночи
В подземном царстве не отличить,
Сколько дней боролись они —
Сказать нельзя.
Молочно-белый конь
Вокруг ходил,
Жемчужные бусинки в его ушах,
Словно луна, блестели,
Словно солнце, сверкали.
У Ак-Тойчи богатыря

Крепкая хватка ослабела,
Чаще Ак-Тойчи
О землю опираться стал.
В беде Ак-Тойчи богатырь
Отца — Белого волка вспомнил:
«Скорей, Белый волк, выручай!» —
Ак-Тойчи про себя промолвил.
Не успел он оглянуться —
Белый волк рядом очутился.
Белый волк по земле покатался —
Могучим богатырем стал.
— Если сильный ты, богатырь, —
С неокрепшим юношей не борись.
Лучше со мной, ханский сын,
Силу свою попробуй! —
Белый волк ханскому сыну крикнул.
При этих словах у Ак-Тойчи
Богатырская сила прибавилась.
Руки его, как тиски, стали,
Ноги словно железными сделались.
— Погоди, дорогой отец мой,
Сам я с врагом управлюсь! —
Ак-Тойчи крикнул,
Ханского сына над головой поднял,
Три раза размахнувшись,
На железную долину бросил.
Железная долина в пыль превратилась.
По самую шею ханский сын
В землю увяз.
Отец — Белый волк
Куда-то сразу исчез.
Никому не покорявшийся, ханский сын
Теперь покорился,
Никого не умолявший, —
У Ак-Тойчи пощады просил:
— Конь твой
Из коней — самый лучший,
Сам ты, богатырь,
Из богатырей — самый сильнейший.
Имя твое отныне
Никогда произносить не стану,
Пути твоего
Никогда не пересеку.
На твой Алтай

Войной никогда не пойду, —
Ханский сын со слезами говорил.
Ак-Тойчи богатырь
На ногах побежденного врага
Позорную грамоту написал,
На лоб ему свое тавро поставил,
Конец копья
Нюхать ему давал,
Лезвие сабли
Заставил его лизать.
Ханский сын побежденный,
На копье и мече поклялся,
Медленно с земли встал;
Не поднимая глаз, ушел.
Ак-Тойчи богатырь
На стойбище Эрлик-бия
Вихрем помчался.
«Семь плененных красавиц
Я освободить обещал.
Покуда слово не сдержу —
На родной Алтай не возвращусь», —
Так думая, Ак-Тойчи
Коня быстрее пустил.
Мало ли, много ли проехал —
Молочно-белый конь вдруг остановился,
Неподвижно на месте застыл.
— Быстрые мои крылья,
Товарищ мой неразлучный!
Что ты узнал, что почуял? —
У коня богатырь спросил.
Так ему конь ответил:
— На стойбище Эрлик-бия
С тобой, богатырь, не поеду,
Без меня туда отправляйся.
Если в беду попадешь,
Тогда обо мне вспомни.
А сейчас, хозяин дорогой,
Из правого уха моего
Жемчужную бусинку возьми.
Она, как солнце,
Дорогу тебе осветит,
Словно огонь,
Согревать она будет.
Услышав эти слова,

Ак-Тойчи с коня соскочил,
Черное копье свое
С руки на руку бросил —
Черное копье
Молочно-белым конем стало.
На этом новом коне
Ко дворцу Эрлик-бия
Ак-Тойчи поскакал.
Мало ли, много ли проехал —
Сквозь прыгающие черные ворота проскочил,[39]
Семирядную медную дверь разрушил.
За дверью
Железный дворец Эрлик-бия
Ак-Тойчи увидел.
У самой двери дворца
Черно-стальную саблю свою
В землю воткнул.
В тополь с листьями золотыми
Сабля его превратилась.
На ветку тополя Ак-Тойчи
Жемчужную бусинку повесил.
Ярче солнца бусинка заблистала.
Сам Ак-Тойчи богатырь
В золотую кукушку превратился,
На золотой тополь сел,
Беспрестанно куковать принялся.
От крика золотой кукушки
Железная дверь,
Словно лед, растаяла.
В глубину железного дворца
Яркий свет проник.
С семью черными сыновьями,
С семью желтыми дочерьми
Эрлик-бий злобный
В глубину дворца спрятался,
В темной крепости скрылся.
Ни один из богатырей Эрлик-бия,
Никто из его слуг
Света жемчужной бусинки
Не вынес,
Голоса золотой кукушки
Не вытерпел.
Ни одного храбреца не нашлось,
Все по темным углам попрятались.

Только семь плененных красавиц
Из железного дворца выбежали.
К тополю с золотыми листьями
Красавицы подошли,
Ласково его гладить стали.
От нежного голоса золотой кукушки
Сердца у них встрепенулись;
От жаркого света жемчужной бусинки
Мученья на время забыли.
Пока они так радовались —
Золотая кукушка встряхнулась,
Ак-Тойчи богатырем стала.
Золотой тополь ветвями тряхнул,
Молочно-белым конем сделался.
Семь красавиц так обрадовались,
Словно на солнечный Алтай вернулись.
Пленницам так весело стало,
Словно к себе домой пришли.
Ак-Тойчи богатырь семь красавиц
С ладони на ладонь перебросил —
В семь огнив красавицы превратились.
В боковой карман богатырь
Огнива бережно спрятал,
На коня вскочил,
К выходу из подземного царства
Вихрем помчался.
Бегство семи красавиц заметив,
Эрлик-бий из глубины дворца вышел,
На крылатого черного быка сел,
Удочку с девятью медными крючками
В правую руку взял.
— Нераздражимого меня,
Ты раздразнил.
Не оскорбляемого —
Ты оскорбил, собака!
Из подземного царства тебя не выпущу,
Живым от меня не уйдешь! —
С громким криком Эрлик-бий
За богатырем помчался,
У прыгающих ворот
Эрлик-бий Ак-Тойчи настиг,
Удочку с девятью крючками
С напутственными словами бросил,
За крепкий пояс Ак-Тойчи

Медным крючком зацепил.
Ак-Тойчи богатырь
Черно-стальную саблю выхватил,
Медный крючок пересек,
Дальше быстрее вихря помчался.
Вдруг настоящий молочно-белый конь
Навстречу ему прискакал.
— Велика сила твоя оказывается,
Мудрости у тебя, богатырь, много.
Если могучий Эрлик-бий
Тебя победить не смог —
Значит сильнее тебя
Ни одного богатыря нет, —
Молочно-белый конь сказал.
Ак-Тойчи богатырь
На самого белого коня перескакивает,
Как ветер, дальше летит.
Могучий Эрлик-бий
На черном аркане в девяносто саженей
Петлю сделал,
Крылатого черного быка
Справа и слева ударил,
Вслед за Ак-Тойчи богатырем,
Как черный коршун, полетел.
Уже молочно-белый красавец
На солнечный Алтай выбежал,
Когда Эрлик-бий могучий,
Колдовскими словами напутствуя,
Свой черный аркан бросил.
Девяностосаженный аркан Эрлик-бия
Шею молочно-белого коня захватил.
Богатырский конь, не останавливаясь,
Крылатого черного быка
Вместе с Эрлик-бием могучим
Из подземного царства
На солнечную землю вытащил.
Ак-Тойчи богатырь с коня слез,
Длинную бороду Эрлик-бия[40]
Крепко на руку намотал.
Из девяти кустов шиповника
Розги сделал,
Эрлик-бия стегать принялся.
Стон Эрлик-бия
До неба достиг.

Крик Эрлик-бия услышав,
Белый волк прибежал,
Шестидесятисаженным хвостом
Колотить Эрлик-бия принялся.
Эрлик-бий пощады просить начал:
— Лучшего коня молочно-белого
Словом худым не оскорблю,
Ак-Тойчи богатыря могучего
Никогда преследовать не стану.
Тела моего не кромсайте,
Обратно под землю отпустите.
— Без приметы тебя не отпустим, —
Ак-Тойчи строго сказал.
Черно-стальную саблю[41]
На солнце он раскалил,
На лбу Эрлик-бия
Свой портрет выжег,
На правой ноге ему
Такие слова написал:
«Поганой своей лапой
Никогда на землю не ступай,
На солнечном Алтае
Никогда больше не показывайся».
Под этими словами Ак-Тойчи
Эрлик-бия подписаться заставил.
— Я ему свой портрет
На память тоже оставлю, —
Белый волк промолвил,
На груди Эрлик-бия горячей саблей
Голову свою выжег.
Ак-Тойчи богатырь с Белым волком
Эрлик-бия тавром отметили,
У черного крылатого быка
Восемь рогов отрезали,
В черное подземелье
Обоих бросили.
Вход в подземное царство
Черной скалой навсегда завалили.

***

Эрлик-бия победив,
Ак-Тойчи с Белым волком
Только теперь поздоровались,

Крепко друг друга поцеловали,
Радостный разговор повели.
Вдруг они замечают:
В пышном хвосте молочно-белого коня
Дочь подземного Темир-кана
Темене-Коо[42] красавица спряталась.
— На тридцать кусков изрублю! —
Ак-Тойчи крикнул,
Черно-стальную саблю выхватил.
Белый волк богатыря остановил.
— Напрасный гнев свой уйми, —
Белый волк сказал. —
Красавица эта
Не для мести сюда явилась,
Ничего нам худого не сделает.
Она не дочь Темир-кана.
С лунно-солнечного Алтая
Темир-кан грозный
Насильно ее увез.
Этими словами Белый волк
Ак-Тойчи богатыря успокоил.
Темене-Коо
Прямо и смело смотрит.
Голосом нежным,
Как звон струны,
Красавица молвила:
— Обо мне плохого не думайте,
Беды от меня не ждите.
Мягкую постель
Для вас постелить могу.
Подушку под головы
Могу я вам положить.
Так же, как вы,
Я на солнечном Алтае жила.
Подземные ханы
Насильно меня утащили,
В белом дворце меня заперли.
Шестьдесят различных мучений
В подземном царстве я вынесла.
Лед в груди своей
Ак-Тойчи расплавил,
С Темене-Коо красавицей
За руку поздоровался.
Белый волк лапу свою

Темене-Коо протянул.
— Огонь мой, солнце мое! —
Темене-Коо воскликнула,
Лапу Белого волка сжала,
Из рук своих не выпускает. —
Милый мой, тебя я узнала,
Хоть разлука наша долгой была.
Если умереть нам придется —
Вместе умрем;
Если жить будем долго —
Так одной жизнью!
Белый волк
В сторону отошел,
Из хвоста молочно-белого коня
Один волосок выдернул.
Коня в золотой сбруе
Из одного конского волоска
Белый волк сделал,
Темене-Коо красавицу
На этого коня посадил.
Ак-Тойчи богатырь
На молочно-белом коне,
Белый волк
С шестидесятисаженным хвостом,
Темене-Коо красавица
На белом коне с золотой сбруей
На стойбище Ак-Боко богатыря,
Как вихрь, полетели.
Топот коней заслышав,
Ак-Боко старый богатырь
Со старухой своей Алтын-Топчи
Навстречу на костылях вышли.
Алтын-Тана, молодая жена,
Встречать Ак-Тойчи выбежала,
Луноподобную девушку увидев,
Алтын-Тана в лице изменилась.
«Себе, видно, вторую жену привез», —
Горько она подумала.
Ак-Боко старик
Белого волка поцеловал:
— Угасший огонь наш
Ты зажег,
Умирающим нам
Ты жизнь возвратил,

Хозяин гор Белый волк!
Кланяюсь тебе, горный дух!
— Нет, я не горный дух, —
Белый волк старику ответил. —
Вскормленный тобою,
Твой старший сын я.
Когда Темир-кан,
Посланный Эрлик-бием,
В плен меня взял,
Под землю увести собирался, —
Я в золотую муху превратился,
От врагов своих улетел.
Чтобы мне отомстить, подземные ханы
Любимую мою Темене-Коо
В подземелье увели.
Я в Белого волка обратился.
Чтобы младшего брата моего
Эрлик-бий не отнял у вас —
Я брата к себе увел,
Могучим богатырем вырастил.
Снова теперь я — сын ваш,
Темене-Коо будет женой моей.
Так сказав, Белый волк
На месте встряхнулся,
Красавцем богатырем стал.
Слева на него посмотреть,
Как ясный месяц красив он,
Справа если взглянуть —
Как солнце богатырь прекрасен.
Старые отец и мать
Ничком на землю упали,
Радостных слез сдержать не могли,
Радость свою передать —
Слов подходящих не находили.
Потом старики счастливые
Двух сыновей своих
Горячо целовать принялись.

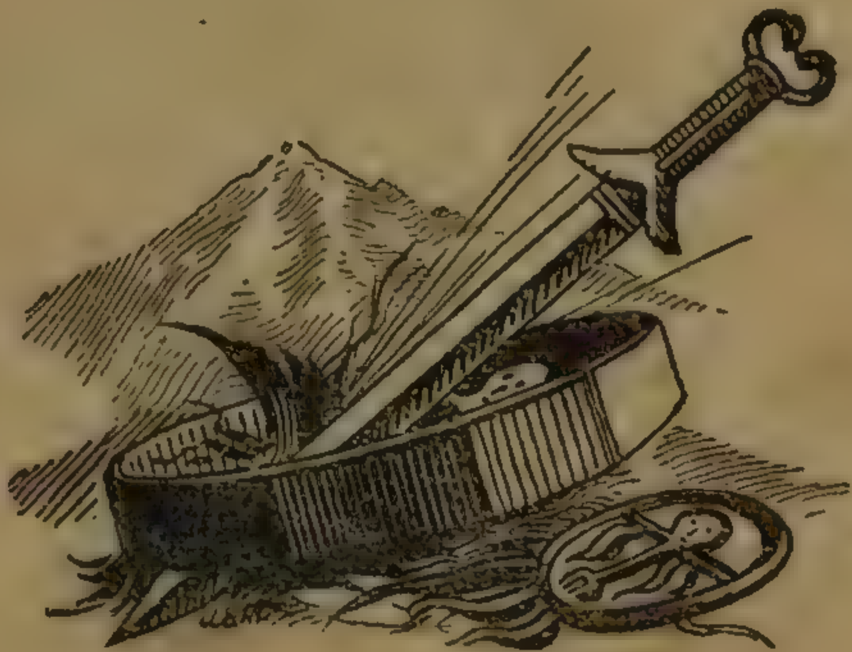
⁂

С этого дня
Такое веселье пошло,
Что рассказать о нем невозможно.
От стариков

Вот что я слышал:
Старший брат
Омок-Мерген[43] богатырь
Рядом с дворцом Ак-Тойчи
Новый дворец построил,
На Темене-Коо женился,
Три года свадьбу справлял.
Из-под земли освобожденных
Семь молодых красавиц
За богатырей замуж отдал.
Спокойной и мирной жизнью
Братья с тех пор зажили.
Волки с длинными клыками
Стада их не трогали,
Война с длинными копьями
К народу их не приходила.
Ни с кем братья-богатыри
Первыми войну не затевали,
Всех зачинщиков войны
Разили крепкой рукой.

***

К тому, что слышал я от людей,
Ничего от себя не прибавил.
Все певцы на этом слове
Сказанье кончают.
Если и я здесь окончу —
На меня вы не обижайтесь.

КОЗЫН-ЭРКЕШ

Песню свою, не спеша, запою,
Вокруг сидящие — слушайте.
О богатыре молодом расскажу,
Хорошо ли, худо ли — рассудите...
Много с тех пор воды утекло,
Десять веков прошло...
Там, где десять морей сливаются,
Старик Ак-Боко[1] жил,
Белого коня имел.
Меж девяти известковых гор
Капканы прежде он ставил,
По берегам шестидесяти рек
С луком прежде охотился.
Теперь до того стар стал,
Что кожа кости обтянула;
Конь до того стар стал,
Что стоял на ногах еле-еле.
До самой могилы у старика
Лучшего друга не было.
Чтобы словом перемолвиться —

Лучшего товарища не было,
Кроме жены-старухи.
Прошлая жизнь их длинна была,
Впереди дней немного осталось.
Около очага они,
Кряхтя и охая, сидели;
Дров и воды принести
Друг друга, старые, упрашивали.
Так дни свои коротали...

***

Погожим осенним утром
Ак-Боко однажды проснулся.
Видит: Ак-Баш, жена его,
Сверток из кошмы старой
Нежно к груди прижала,
Словно ребенка баюкает.
— Что ты, старуха, делаешь?
Совсем, знать, ума лишилась!
Зачем ты себя обманываешь?
Разве этим несчастью поможешь?
Ак-Боко изумленный,
Глазам своим старым не веря,
Жену спросил.
— Дорогой мой муж, Ак-Боко,
Котел наш теперь не остынет,
Очаг наш теперь не погаснет, —
Нам одиноким на счастье
Мальчика я родила,
Посмотри, какой он хороший!
Беги к соседям пеленки просить!
Ак-Баш старуха
Так мужу ответила.
Ак-Боко обрадованный,
Словно молодой, вскочил,
Новорожденного поцеловал;
Лук и стрелы схватив,
Из аила выбежал;
На бело-серого коня садясь,
В двери аила крикнул:
— На одежду для сына
Черную лису стрелять поеду,
На вкусный обед ему

Пожирнее марала добуду.
Бело-серого коня плеткой ударил,
Как ветер улетел.
Меж девяти известковых гор
Ак-Боко капканы расставил,
Вдоль шестидесяти рек
С метким луком проехал.
Черных соболей он добыл,
Жирного марала убил,
Серебристо-черных лисиц настрелял.
Шкуры дорогих зверей
В переметные сумины уложил,
Жирное мясо марала закоптил,
К седлу привязал,
На исходе седьмого дня
Коня к аилу направил.
На средине пути ему
Семиствольный железный тополь встретился.
Не раз Ак-Боко ночевал под ним
И теперь заночевать решил.
Коня он расседлал,
Маральего мяса поел,
Потом двухструнный топшур взял,
Слегка по струнам ударил.
Гортанную песню затянул.
Богатый птицей и зверем
Свой Алтай восхвалял он,
Воды серебристою рыбой славил,
Как память о молодости своей —
Семиствольный железный тополь
Лучшими словами воспел:
— Много раз в дождливые дни
Богатый тополь шалашом мне служил,
Если годы мои продлятся,
Не раз еще здесь буду.
В снежную ночь под ветвистым деревом,
Как в теплом аиле, заночую.
Если еще пожить придется,
Под этим корнем приют найду.
Вдруг на волосяную струну топшура
Капля упала.
Ак-Боко вверх поглядел:
Семиствольный железный тополь,
Гортанную песню слушая,

Слезами плакал.
У старого Ак-Боко
Мягкое сердце защемило.
«Близкую смерть мою
Наверно дерево оплакивает?» —
Ак-Боко так подумал,
До утра заснуть не мог.
Утром, лишь заря занялась,
Ак-Боко коня оседлал,
Днем отдыха не зная,
Ночью глаз не смыкая,
Домой спешил.
На седьмой день к аилу подъехал,
С бело-серого коня сошел,
С дорогой добычей в руках
В аил он войти хотел.
На пороге колени его дрогнули.
— Сын мой Козын-Эркеш
Ездящим на красно-буром коне
Богатырем пусть будет.
Последние слова промолвив,
Лег, чтобы никогда не вставать,
Ушел, чтобы никогда не возвращаться.
Конь бело-серый
У коновязи упал.
С тех пор Козын-Эркеш
День ото дня мужал,
Через месяц юношей стал.
Лук и стрелы отцовские взяв,
Зайцев и коз добывать стал,
Матери своей приносил.
Гости из аила не выходят,
Котел у них не остывает.
Не угасая яркий огонь горит.
Однажды Козын-Эркеш
На своем Алтае охотился.[2]
Вдруг закричал он громко,
На разные лады свистнул:
— Если я мужчиной родился,
Где конь для моей езды,
Где мои доспехи боевые?!
От громкого крика его
В небе облако закипело,
Снеговые горы закачались.

Не успел Козын-Эркеш оглянуться —
На Чодон-коне ездящий,[3]
Короткий черный меч носящий,
Бачикай-Кара богатырь,
Доспехами навьюченного,
Красно-бурого коня подвел.
— Чей этот конь — не знаю.
Если он для езды пригоден,
Отчего же на нем не ездить?
Если конь никуда не годится,
Почему его прочь не прогнать? —
Бачикай-Кара богатырь
Сердито спросил,
Козын-Эркеш богатыря
С ног до головы осмотрел.
— Ак-Боко богатыря сын не ты ли?
— Если знаете — зачем спрашивать?
Я — сын Ак-Боко — это верно, —
Козын-Эркеш ответил.
— Тогда драгоценного красавца —
Красно-бурого коня держи! —
Так Бачикай-Кара воскликнул,
Коня своего повернул,
На прощанье сказал:
— Твой отец бедняком был,
Пищу охотой добывал,
Крепко мы с ним дружили,
Вместе на Алтае охотились.
Где стоял Бачикай-Кара —
Там след остался;
Куда ускакал — следа нет.

***

Удивленный Козын-Эркеш
Наедине с конем остался.
Богатырскую одежду от седла он отвязывает,
Черно-стальные доспехи надевает,
С девятирядными бронзовыми подошвами
Черные сапоги натягивает,
Черные сафьяновые штаны надевает,
С шестьюдесятью семью кольцами
Золотым поясом опоясывается;
С изображением луны и солнца

Черно-стальной панцырь надевает,
Девяносто бронзовых пуговиц застегивает;
Шестьдесят одежд богатырских
Поверх панцыря надевает,
Пересчитывая, золотые пуговицы застегивает.
Золотое седло красно-бурого осмотрев,
Девять поколений не рвущиеся
Девять подпруг подтянул;
В богатырские доспехи нарядившись,
На красно-бурого коня сел.
Словно крылья подмышками выросли,
Словно сила во много раз выросла.[4]
Стрела его, промаха не зная,
Самых жирных зверей валила.
Богатую добычу навьючив,
Козын-Эркеш богатырь
В бедный аил к матери возвратился
Старая мать сына не узнала,
С удивленьем спросила:
— Откуда ты, богатырь, приехал?
Когда сын все ей рассказал —
Мать от радости заплакала.
— Какое счастье, сын мой!
Никогда не покидай меня больше.
Если умру — кости мои схорони,
Если жить буду — пищу мне добывай.
Ак-Баш старуха
От радости расцвела,
Всем соседям на удивленье
Как молодая ходить стала.
Козын-Эркеш богатырь
Из сумины золотого седла
Мудрую книгу достал,
Всю дальнейшую жизнь свою
Узнать захотел.
Вот что перед ним открылось:
— Козын-Эркеш юноша
Богатырем родился,
Кровью истечь — у него крови нет;
Умереть — у него души нет.
Единственная дочь Караты-кана,
На черно-буром коне ездящего,
Байым-Сур девушка — невеста его.
Ехать молодцу за ней надо.

Тогда Козын-Эркеш богатырь
Все свои боевые доспехи надел,
Все свои красивые одежды надел.
Всех соседей позвал,
К матери обратился:
— Там, где солнце и луна заходят,
На черно-буром коне ездящий,
Караты-кан живет.
Дочь его единственную
Задумал я сватать.
Решенье богатыря
Все соседи одобрили.
Только одна мать-старуха
Недовольна осталась.
— В черной бедности выросли мы,
Как же дочь хана возьмем?
Караты-кан[5] — жестокий хан,
Сватовство твое за насмешку примет.
Самого тебя хан убьет,
Жилище наше спалит.
В другом месте невесту ищи.
Среди народа, сын мой,
Неужели подруги не найдешь?
Но слов матери Козын-Эркеш
Даже краем уха не послушал,
На красно-бурого коня вскочил,
Смело вперед поскакал.
Много ли, мало ли проехал —
Черная выдра дорогу перебежала.
«Черную выдру застрелю —
Хороший невесте подарок будет».
Козын-Эркеш стрелу пустил.
Когда рысью подъехал, видит —
Пущенная стрела на земле лежит,
Черной выдры нигде не видно.
С коня нагнувшись,
Козын-Эркеш стрелу поднять хотел,
Вдруг знакомый голос услышал:
— Осторожней, дитя мое!
Как бы спина моя не сломалась.
Вместо черной выдры
Мать перед ним лежит,
Сына вернуться уговаривает.
Козын-Эркеш мать свою старую

Обратно в аил привез,
Снова в путь-дорогу отправился.
Много ли, мало ли проехал,
Из-под копыт коня
Черная лисица выскочила.
«В подарок невесте
Черную лисицу застрелю».
Козын-Эркеш стрелу пустил.
Подъехал ближе и видит:
Его стрела на земле лежит,
Черная лисица исчезла.
С коня нагнувшись,
Козын-Эркеш стрелу поднимать стал,
Снова голос матери услышал:
— Осторожней, сынок мой!
Старую спину мне не переломи.
Вместо черной лисы — мать перед ним,
Вернуться домой упрашивает.
Козын-Эркеш мать домой отвез,
Не послушав ее,
Снова в путь-дорогу отправился.
Много ли, мало ли проехал —
Барс золотошерстный
Дорогу ему перебежал.
Козын-Эркеш снова стрелу пустил,
Снова вместо барса перед ним
Старая мать оказалась.
Никогда несердившийся, Козын-Эркеш
рассердился:
— Стыда у тебя, старая, вовсе нет.
С мужем ты всю жизнь прожила,
Теперь сына от себя не отпускаешь,
Хочешь, чтобы я с тобой состарился?!
Пусть вся скотина твоя издохнет,
Пусть весь народ твой погибнет!
Козын-Эркеш матери в лицо плюнул,
Обратно к аилу ее швырнул.
Красно-бурого коня плетью ударил.
Где конь стоял — там следы остались,
Куда ускакал — следов не видно.

**
*

Ак-Баш, мать богатыря,
О железную коновязь ударилась;

Семь дней, не переставая, плакала;
Семь дней, не просыпаясь, спала.
На восьмой день она увидела:
Десять мертвых богатырей
У очага лежат,
Шестьдесят мертвых богатырей
За дверьми аила лежат.
В живых ни одного человека не осталось,
Ни одной скотины не сохранилось.
К вечеру восьмого дня
Ак-Баш вслед за сыном пошла.
Около устья семи рек,
На опушке густого леса
Черный уголь отыскала.
Молоком из груди своей
Черный уголь она смочила,
На дорогу сына бросила.
— Удаляющийся след пусть останется,
Обратного следа пусть не будет.
От руки Караты-кана умри,
Пищей черного ворона стань.
Ак-Баш, старая мать,
В густой лес, шатаясь, пошла,
Кореньями трав питаться стала,
Холодную воду стала пить.

***

Козын-Эркеш богатырь
На красно-буром коне,
Ночью сна не зная,
Днем отдыха не зная,
К земле Караты-кана скакал,
Много быстрых рек миновал,
Над вершинами леса мчался,
Горные хребты перемахивал.
Драгоценный конь красно-бурый,[6]
Молодой травы не сминая,
Легкой иноходью бежал;
Ярких цветов не ломая,
Ровной иноходью летел.
Горные хребты перепрыгивая,
Снежные вершины грудью не задевал;
Глубокие воды перебредая,

Края копыт не мочил.
На красно-буром драгоценном сидя,
Қозын-Эркеш богатырь
В большой палец губами
Словно в трубу трубил,[7]
Словно на шооре играл.
Қозули и зайцы,
Заслушавшись, вслед бежали;
Медведи и маралы,
Слушая игру, за ним шли.
Долго ли, коротко ли ехал —
Земель Қараты-кана достиг,
Сначала бесчисленный скот заметил,
Потом народ Қараты-кана увидел,
У девятиствольного тополя
Отдохнуть и поесть решил.
Красно-бурого коня своего
Отпустил сочную траву щипать,
Целебную светлую воду пить.
Белую кошму шириной в долину
Қозын-Эркеш под тополем расстелил,
Отдыхать улегся.

* *
*

Мало ли, много ли отдыхал —
Вдруг земля под ним закачалась.
Қозын-Эркеш быстро вскочил,
Кругом огляделся и видит:
Управляющий скотом Қараты-кана
В черной шелковой шубе
На черно-бархатном коне
Кодыр-Уул[8] богатырь подъезжает.
Два богатыря за руки поздоровались,
Друг друга расспрашивать стали.
— Огонь в глазах у тебя, богатырь,
Сердце у тебя мудрое, богатырь.
Откуда и куда едешь? —
Кодыр-Уул спросил.
— Отец мой Ак-Боко,
На бело-сером коне ездивший,
Всю жизнь охотником был.
Сам я Қозын-Эркеш богатырь
В путь дорогу отправился.

Если красная козуля попадется,
Я ее застрелю:
Если девушка хорошая попадется,
В жены себе возьму.
Кодыр-Уул богатырь рассказал,
Что стадами Караты-кана он управляет,
Бесчисленные табуны
Осматривать едет.
Разговор у богатырей завязался.
Жирное мясо они зажаривали,
Вдвоем весело пировали.
Долго ли, коротко ли веселились,
Кодыр-Уул сказал:
— На той земле,
Где я на черно-бархатном коне езжу,
Хорошая для тебя девушка есть,
Дочь Караты-кана красавица.
Эту девушку сам я любил.
Жестокого Караты-кана боясь,
Никому не говорил об этом.
Там, где земля и небо сходятся,
Семь братьев живут.[9]
Словно семь пальцев,
Братья друг на друга похожи;
Только по именам
Братьев отличить можно.
Вот уж семь дней прошло,
Как семь братьев к Караты-кану приехали,
Дочь Караты-кана братья сватают.
Младшему брату — Алтын-Сабару[10]
Караты-кан дочь отдать согласился.
Много ташауров араки
Хан выпил,
Много дорогих подарков взял.
Через три дня Караты-кан
Дочь свою Байым-Сур
К Алтын-Сабару богатырю
За правую руку подведет,
Шесть девичьих кос расплести,
Две косы заплести заставит.
Лицо Козын-Эркеша богатыря
Как железо раскалилось,
Большое сердце в одну пригоршню сжалось.
Нижнюю губу он закусил,

Большие ладони стиснул,
На коня вскочив, в путь собрался.
Козын-Эркеша богатыря
Рассерженного увидя,
Кодыр-Уул богатырь сказал:
— Торопливостью делу не поможешь.
Лучше в мой аил поедем,
Как нам быть — хорошенько обсудим.
В аил Кодыр-Уула богатыря
Вместе они приехали.
Золотой стол к себе придвинули,
Вкусную пищу разложили,[11]
Араку и чегень[12] пить стали.
Так весело они пировали,
Что две ночи незаметно прошло.
На утро Кодыр-Уул сказал:
— В Тас-Таракая грязного превратись,
К Караты-кану вместе поедем.
Если спросят кто такой,
Ответь, что стада пасти приехал.
Об остальном не заботься,
Я за все отвечать берусь.
Дочь Караты-кана высватать
Нам нелегко будет.
На хитрость надо пуститься,
Верное средство придумать,
Женихам состязание устроить,
Чтоб силой и ловкостью померялись.
Богатыри к коням подошли.
Конь Козын-Эркеша богатыря
По земле покатался —
Паршивым жеребенком стал;
Козын-Эркеш богатырь встряхнулся —
Грязным Тас-Таракаем сделался.
Вслед за Кодыр-Уул богатырем
Собачьей рысью поехал.
Таловый прутик посвистывает,
Таловое седло поскрипывает,
Косичка Тас-Таракая дрожит,
Кадык на горле перекатывается.
Слюну Тас-Таракай распустил,
Грязный и оборванный едет.
Мало ли, много ли ехали —
Перед белым дворцом остановились.

Около дворца
В шестидесяти местах огонь разложен,
В шестидесяти казанах мясо варится.
Как пожарище, лица людей краснеют,
Дыханье коней,
Словно серый туман, клубится.
Кипит и движется все кругом.
Баи и зайсаны в золотистых шубах
В одном кругу веселятся.
Бедняки в оборванных шубах
В другом кругу собрались.
Быстрых коней в бега пустили,
Сильных мужчин бороться заставили.
Молодые женщины песни поют,
Юноши на комысах наигрывают.
Худой, грязный Тас-Таракай
Вслед за Кодыр-Уулом идет.
Все его толкают, смеются.
На шестьдесят ладов Тас-Таракая бранят.
Кодыр-Уул богатырь
За Тас-Таракая вступился,
Собравшемуся народу так сказал:
— Баи и зайсаны почтенные!
Пастух этот моих овец пасет,
Недовольства на него не имею —
Ловко он за овцами смотрит.
Пастуха понапрасну не бейте,
Насмехаться над ним перестаньте.
Густую толпу народа они миновали,
К белому дворцу Караты-кана подъехали.
Кодыр-Уул Тас-Таракая
Прямо к хану во дворец ввел.
— Свадьба из-за тебя затянулась!
Почему ты долго задержался? —
На Кодыр-Уула богатыря
Жестокий хан набросился.
На Тас-Таракая глазом не повел.
— Не так легко, мой хан,
Косяки скота разной масти объехать.
Весь твой скот осмотрев,
На свадьбу сразу поспешил я.
Кодыр-Уул богатырь
Так Караты-кану ответив,
Араку выпил,

С народом веселиться пошел.
А Қозын-Эркеш богатырь,
Грязным Тас-Таракаем ставший,
У порога сидя,
Ко всему присматривался.
Посреди дворца
Золотистые ковры дорогие,
В девять раз согнутые,
Друг на друге лежат.
Словно на золотом троне,
Қараты-кан на них сидит,
Араку из двух чашек пьет.
Черно-шелковая шуба на нем,
Черно-мерлушковая шапка на нем...
Черные усы с бородой срослись.
На черном лице,
Словно озера — глаза его,
Над глазами черные брови сошлись.
Черные волосы,
Словно густой лес, торчат.
Дальше Тас-Таракай
Семь братьев — женихов видит.
Все семь братьев,
Словно семь пальцев, друг с другом схожи.
Как лес — густые ресницы у них,
Как горы — носы у них.
Глаза их,
Словно огонь, горят.
Золотом и серебром украшенные,
Черные кольчуги на них.
Младший брат Алтын-Сабар
Посреди братьев сидит.
Вот Қараты-кан
С девятирядного трона спустился,
Черную бороду погладил,
Окружающему народу так сказал:
— Ну, теперь Қодыр-Уул мой приехал.
Правую руку дочери моей
С правой рукой Алтын-Сабар богатыря
Соединить пора.
Шесть девичьих кос
Байым-Сур расплести придется.
Две косы заплести время пришло.
— Не спеши, мой великий хан! —

Кодыр-Уул богатырь воскликнул. —
Если праздничный день настал,
Единственную дочь замуж выдать —
Крепкую любовь жениха и невесты
Проверить надо.
Одно-два испытанья не устроить ли?
— Правда твоя,
Кодыр-Уул богатырь,
Многочисленный народ пусть посмотрит,
Как дочь моя Байым-Сур
Любовь к жениху докажет.
Какое испытание устроить,
Всему народу громко скажи. —
Так Караты-кан
Слова Кодыр-Уула одобрил.
Всему народу затея понравилась.
— Первое испытание таким будет, —
Кодыр-Уул богатырь сказал, —
Пусть Байым-Сур красавица
Курдюк трехлетнего барана возьмет,
Жир трехлетней кобылицы возьмет,
У дверей белого дворца встанет.
Все мужчины пусть
В белом дворце соберутся,
Из дворца по одному выходят.
Курдюком трехлетнего барана,
Жиром трехлетней кобылицы
Любимого человека Байым-Сур
По спине пусть ударит,
Любовь свою перед всем народом покажет.
Тогда из шестиугольного золотого дворца
Девушку Байым-Сур привели.
Такую красавицу
Гости впервые увидели,
Пораженные красотой стояли,
Глазами моргать забыли.
Трехлетнего барана курдюк,
Трехлетней кобылицы жир
Байым-Сур красавица взяла,
У порога белого дворца встала.[13]
Все мужчины, во дворце собравшиеся
По одному выходить начали.
Байым-Сур ни на кого не глядела.
В белом дворце

Совсем мало людей осталось.
— Ударь меня, Байым-Сур, —
Проходя мимо девушки,
Кодыр-Уул прошептал.
Невеста даже не оглянулась.
Вслед за Кодыр-Уулом богатырем
Семь братьев Дьети-Сабар выходят,
Одного за другим
Всех семерых Байым-Сур пропустила,
Словно ни одного из них не заметила.
Младший брат Алтын-Сабар
От удивленья весь почернел —
Байым-Сур красавица
Совсем к нему не притронулась,
Краем глаза на него не поглядела.
Из всех мужчин в белом дворце
Лишь семиглавый Дельбеген
Да слюнявый Тас-Таракай остались.
— Чего же вы тут дожидаетесь?! —
Жестокий Караты-кан закричал;
Сдвинув брови, на них поглядел.
Брови его, с черным лесом схожие,
Глаза, подобные озерам, закрыли.
Семиголовый Дельбеген
К двери потихоньку пошел.
— Выбери меня, дитя мое, —
Дельбеген девушке прошептал.
Байым-Сур краем глаза не посмотрела,
Ни слова не промолвила.
— Ты почему тут, грязный, паршивый,
сидишь?
Прочь отсюда!
Золотой дворец мой не оскверняй! —
На Тас-Таракая Караты-кан загремел.
Черные глаза его кровью налились.
От страха Тас-Таракай,
Не коснувшись земли,
Через дворцовый порог перепрыгнул
Трехлетнего барана курдюк,
Трехлетней кобылицы жир
Между лопаток в спину ему ударились.
На глазах удивленных гостей
Трехлетнего барана курдюк,
Трехлетней кобылицы жир

Тас-Таракай одним глотком проглотил.
— Моя дочь ошиблась! —
Қараты-кан закричал. —
Испытание повторить надо,
Иначе я не поверю!
Снова все мужчины
В белый дворец вошли,
Снова Байым-Сур красавица
Всех мимо себя пропустила.
Последним выходящего Тас-Таракая
Между лопаток ударила,
Поднятой руки опустить не успела,
Курдюк трехлетнего барана,
Жир трехлетней кобылицы
Тас-Таракай за один раз проглотил.
Увидев это, Қараты-кан
Сильнее прежнего разгневался,
Жарче огня распалился,
Қак гром загремел:
— Глазам своим верить не могу...
Второе испытание сам назначу![14]
По эту сторону черного моря
Пятьдесят занавесей натяните,
Дальше за ними
Пятьдесят косяков коней поставьте.
По ту сторону черного моря
Черная гора стоит.
На вершину черной горы поднявшись,
Все мужчины прыгать должны.
Қто черное море перескочит,
Пятьдесят косяков коней перепрыгнет,
Пятьдесят занавесей ногой не заденет —
Пусть мою дочь возьмет,
До самой смерти моим зятем будет.
Все собравшиеся гости,
Қараты-кана выслушали,
Все, как он говорил,
Быстро устроили.
— Первый я прыгну! —
Семиголовый Дельбеген закричал,
На синего быка сел;
Опережая всех,
На вершину черной горы заехал,
Только спрыгнуть хотел,

Вдруг с вершины горы сорвался,
О семь острых скал
Семь голов своих оборвал.
Головы в разные стороны раскатились,
Внутренности из него выпали.
Отовсюду вороны собрались
Труп Дельбегена клевать.
После Дельбегена
Семь братьев прыгнули.
Шесть старших братьев,
Черное море перескочив,
Пятьдесят табунов перескочив,
У пятидесяти занавесей земли коснулись.
Самый младший брат
Алтын-Сабар богатырь
С вершины черной горы,
Словно стрела, полетел.
Лунокрылой птицей
Черное море перелетел,
Пятьдесят табунов перелетел,
Сорок занавесей перелетел,
У сорок первой — земли коснулся.
— Дочь свою этому не отдам!
Кодыр-Уул богатырь,
На черно-бархатном коне ты прыгай,
Лучше ты дочь мою возьми! —
Гневом опьяненный, Караты-кан
Страшным голосом закричал,
Золотой посох переломил.
Кодыр-Уул богатырь от радости расцвел.
Не помнит,
Как с вершины черной горы прыгнул.
Словно птица,
Черное море перелетел,
Пятьдесят табунов перескочил,
Двадцать пять занавесей перепрыгнул...
Тогда, слов Караты-кана не дожидаясь,
Грязный Тас-Таракай
С черного хребта прыгнул.
От прыжка его вихорь зашумел,
Вершины деревьев наклонились.
Перед глазами удивленных людей
С черной горы он,
Как пуговица, мелькнул;

Черное море перелетая,
Людям ласточкой показался.
Пятьдесят табунов коней,
Как пущенная стрела, миновал;
Пятьдесят шелковых занавесей,
Словно сокол, перелетел.
Вдруг у всех на глазах
Рядом с Байым-Сур девушкой,
По красоте с луной и солнцем схожей,
Вместо грязного Тас-Таракая
Козын-Эркеш богатырь
На красно-буром коне очутился,
За правую руку девушку держит.
Никто оглянуться не успел,
Как девушку он
На коня поднял.
Где конь стоял — там следы остались,
Куда умчались — следов не видно.[15]
Стрелки, промаха не знающие,
Мимо стрелы выпустили,
Силачи, мимо не бьющие,
На этот раз промахнулись.

***

Ездящий на черно-буром коне,
Караты-кан жестокий
Обманутым остался.
Усы свои с корнем вырвал.
— Дорогие сваты мои!
Семь лет друг у друга
Крепкую араку мы пили,
Золотом и серебром обменивались.
Из земли или из воды появившись,
Злой дух беду принес,
Дочь мою единственную украл.
Жизнь моя
В ваших руках теперь,
Смерть моя
Теперь от вас зависит —
Семи богатырям
Караты-кан сказал.
Братья Дьети-Сабар
Караты-кану ответили:

— Человека, невесту украввшего,
Ты разыскать должен.
Покуда силу его не испытаем,
Никогда мы не успокоимся.
Шестьдесят силачей своих,
Самых метких стрелков своих
В разные стороны отправь.
Тас-Таракая паршивого
Пусть отыщут и приведут!
Шестьдесят метких стрелков своих,
Шестьдесят сильнейших силачей своих
Караты-кан в разные стороны отправил.
Посланные богатыри
Все земли объехали,
На хребет железной горы поднялись,
Стальную долину осматривать стали.
На дальнем краю долины
Семидесятиствольный
Железный тополь стоит,
Под железным тополем
Из еловых ветвей
Большой шалаш устроен,
Перед шалашом красно-бурый конь
На выстойке стоит.
Над костром, на одном большом вертеле
Шестьдесят маралов жарятся.
В шалаше Козын-Эркеш богатырь
С красавицей Байым-Сур сидит.
Они весело разговаривают, в шашки играют.
Увидев это, слуги Караты-кана
В обратный путь поспешили,
Жестокому хану все рассказали.
Шесть девушек-песенниц,
Шесть юношей с комысами
Хан выбрал.
Мясо шести жирных баранов,
Шесть ташауров араки лучшей
Караты-кан им дал.
На хребет железной горы велел
отправиться
Козын-Эркешу сладкую пищу отдать,
Ласковые песни пропеть,
Просить его возвратиться.
С семью братьями Дьети-Сабар

Караты-кан жестокий
Козын-Эркеша погубить задумал.
Когда Козын-Эркеш вернется,
Аракой его напоить,
Желтый яд, тридцать лет выстоявший,[10]
Незаметно в чашку ему прибавить.

* * *

Шесть красивых девушек-песенниц,
Шесть юношей с комысами
Много хребтов перевалили,
Много рек перебрели,
Днем и ночью отдыха не зная.
Наконец, до стальной долины добрались.
Веселые песни наигрывая,
Перед зеленым шатром с коней сошли.
Шесть ташауров араки,
Мясо шести баранов в золотой чаше
Козын-Эркешу подали,
Приглашение тестя передали.
— Зятю своему Караты-кан
Половину богатства отдает, —
Богатырю они сказали.
Услышав это, Козын-Эркеш
К доброму тестю своему
Через три дня обещал приехать.
— Ты огонь глаз моих,
Ты кровь сердца моего!
Черную месть отец мой задумал,
Не для добра тебя приглашает.
Слов его не слушай, мой друг,
Не езди к нему, светлый месяц мой!
На глазах Байым-Сур,
Словно озера, крупные слезы заблестели.
Козын-Эркеш богатырь
Голову ее погладил,
В обе щеки поцеловал
И сказал ей ласково:
— Единственный сын у отца,
Место смерти сам выбирать не буду;
Единственный сын у матери,
Все же я не золотой, не вечный.
Если умру —

На земле кости останутся;
Если жить буду —
Годы мои продлятся.
Что бы со мной ни случилось,
Ехать я порешил.
Байым-Сур горько заплакала,
Долго слез сдержать не могла.
— Лучше бы не приезжал ты,
Лучше бы мне тебя не видеть,
Сердце мое не ныло бы,
Лицо бы слезами не обливалось.
Если остановить тебя не могу,
Хоть совета моего послушайся.
Когда в аил тестя приедешь,
Шестьдесят силачей коня твоего примут,
Шестьдесят силачей под руки тебя возьмут,
На белый ковер посадят,
Угощать тебя примутся.
Отец и семь братьев Дьети-Сабар
Три дня с тобой пировать будут.
На четвертый день
Из черного ташаура все пить будут,
А тебе Алтын-Сабар
Из желтого ташаура нальет.
К поданной чашке
Губами не прикасайся,
В спрятанный на груди ташаур
Араку вылей.
Сквозь слезы так говоря,
Байым-Сур молодая
Из маральей кожи ташаур
Богатырю подала.
— Слов твоих не забуду,
На угощенье жадно не наброшусь, —
Козын-Эркеш сказал,
Шестислойный кожаный ташаур
Под бешмет положил.
Байым-Сур красавица
В красную ниточку превратилась;
В колечко свернувшись,
На груди богатыря спряталась.
Когда на красно-буром коне
К белому дворцу Караты-кана
Козын-Эркеш легкой рысью отправился —

Горные хребты закачались.
Немного рыси прибавил —
Реки из берегов вышли.
Днем и ночью отдыха не зная,
Ко дворцу Караты-кана прискакал.
Встречать богатыря
Столько силачей прибежало,
Что за повод рукой взяться
Места нехватило,
На рукавах Козын-Эркеша
Для рук встречающих
Места недоставало.[17]
В белый дворец
Под руки его ввели,
На мягкий ковер усадили.
— Кланяюсь тебе, сын мой! —
Черные усы и бороду гладя,
Караты-кан сказал. —
Ни один конь
С твоим крылатым не сравнится;
Ни один богатырь
С твоей силой и красотой не сравним.
Зачем, в Тас-Таракая превратившись,
Ко мне явился?
Если бы богатырем приехал —
Дочь свою сам бы тебе отдал,
Богатство свое
Пополам с тобой разделил бы.
Не чуждайся меня, сын мой,
Прошлую вину мне прости.
Лучшей пищей богатыря
Караты-кан угощать стал,
Лучшую араку
В серебряной чашке ему подносил.
Вместе с братьями Дьети-Сабар
Весело три дня пировали.
На четвертый день Козын-Эркеш
Желтый ташаур заметил.
Серебряная чашечка по кругу ходила,
Из рук в руки ее передавали.
Когда Козын-Эркеша черед подходил,
Алтын-Сабар из желтого ташаура
Ядом до краев ее наполнял;
На правом колене стоя,

Желтый яд подносил.
Қозын-Эркеш богатырь
Желтый яд незаметно
За пазуху выливал,
Қаждый раз губы кривил,
Будто арака горькой ему казалась.
Байым-Сур, красной ниточкой
На груди его затаившись,
Ташаур ему подставляла.
Қогда желтый ташаур пустеть начал —
Қараты-кан и братья Дьети-Сабар
От удивления растерялись,
Побаиваться стали.
Алтын-Сабар из желтого ташаура
Последние капли вылил.
«Если эти остатки выпить,
Пожалуй, ничего не случится»,
Так подумав, Қозын-Эркеш
Байым-Сур не послушался,
Желтый яд выпил.[18]
Немного времени прошло —
В глазах у него двоиться стало,
Разум богатыря помутился,
Дыханье пламенем вылетало.
— Если решили угощать,
Хорошенько угощайте;
Если решили поить,
Араку не жалейте! —
Қозын-Эркеш закричал,
Дверь белого дворца
Вдребезги ногой разбил,
За порогом навзничь упал.
Қараты-кан жестокий
С братьями Дьети-Сабар
Радостью, словно солнцем, согреты.
Большой чугунный пригон построив,
Қозын-Эркеша на руки кое-как подняли,
Қости у них изогнулись,
Қолени у них задрожали.
В чугунный пригон
Богатыря они бросили.
С семи хребтов лес порубив,
Чугунный пригон им обложили.
Қозын-Эркеша сжечь задумав,

Большой костер разожгли.
В это время Байым-Сур красавица
В маленькую мышку превратилась,
К коновязи незаметно подбежала.
Подпруги у всех коней
Она перегрызла,
Все ремни у стремян
Она подточила.
Потом маленькая мышка
Воды в рот набрала,
Под чугунный пригон норку прорыла,
К Козын-Эркешу пробралась.
Чугунный пригон в это время
Накаливаться стал.
Козын-Эркешу сгореть
Время пришло.
Байым-Сур целебной водой
В лицо ему брызнула.
— Ишь, как во сне я согрелся! —
Козын-Эркеш воскликнул.
Чугунный пригон разрушив,
Злой огонь погасив,
На красно-бурого коня быстро вскочил,
Как туман растаял.
Где конь стоял — следы остались,
Куда ускакал — следов нет.

***

Словно солнце лицо свое закрыло —
Так вдруг потемнело;
Словно луна лицо свое закрыла —
Темная ночь вдруг настала.
Богатыри к лошадям кинулись,
В погоню скакать хотели.
Все, кто за луку седла взялся,
Кто ногу в стремя вложил,
Враз на землю упали.
Стремена и подпруги оборвались.
Семь братьев ни с чем остались,
Караты-кану сердито сказали:
— Больше мы тебя знать не хотим.
Зачем нас понапрасну задержал?
Понапрасну коней наших замучил?

Дочь свою сам теперь ищи,
Мы домой поедем.
Подарки ханские взяв,
Семь братьев домой ускакали.
Караты-кан жестокий, в землю потупясь,
Обманутый один остался.
Куда Козын-Эркеш богатырь
На красно-буром ускакал —
Байым-Сур, подруга его, не знала,
Много дней понапрасну
Следы его разыскивала,
Ничего найти не смогла.
К Кодыр-Уулу богатырю она пришла,
В ноги ему поклонилась,
Козын-Эркеша разыскать просила:
— Живого или мертвого разыщи,
Всю жизнь тебе благодарна буду,
Коню твоему лучшей травы нарву.[19]
В своем аиле Кодыр-Уул
Дожидаться красавицу оставил;
На черно-бархатного коня сев,
По Алтаю кружить отправился.
«Много лет к заветной цели стремлюсь,
Теперь это время настало;
Байым-Сур красавицу
В жены себе возьму», —
Думая так, Кодыр-Уул
К устью семи рек приехал,
Семиствольный тополь увидел.
Под семиствольным тополем
Красно-бурый конь
На выстойке стоит,
Козын-Эркеш богатырь,
Подобный долине токум постелив,
Под тополем мирно спит.
Увидев это, Кодыр-Уул
Коня назад повернул,
К Караты-кану прискакал;
Не слезая с коня, сказал:
— Козын-Эркеша богатыря я нашел.
У семиствольного тополя конь стоит.
Козын-Эркеш под тополем мирно спит.
Убить его я задумал.
Сколько можешь, войска мне дай.

Этой вести, как солнцу,
Караты-кан обрадовался;
Как черный лес, большое войско
С Кодыр-Уулом отправил.
Днем отдыха не зная,
Ночью глаз не смыкая,
Кодыр-Уул с черным войском скакал,
Около устья семи рек,
Около семиствольного тополя
Красно-бурого коня увидел.
Под тополем попрежнему
Козын-Эркеш богатырь мирно спит.
Красно-бурый конь копытами землю бьет,
Разбудить друга не может;
Красно-бурый конь слезы льет,
Но хозяин его не просыпается.
Кодыр-Уул бесчисленное войско
На высоком хребте поставил,
В Козын-Эркеша спящего
Всем стрелы велел пустить.
За тучей пущенных стрел
Козын-Эркеш исчез.
Спящего богатыря
Густо стрелы покрыли.
Тогда Кодыр-Уул богатырь
Черно-бархатного коня в мах пустил,
К Козын-Эркешу коршуном подлетел,
Зубчатой ременной плетью[20]
Справа и слева его ударил.
— Вот тебе, вот тебе, собака! — закричал,
Правую щеку Козын-Эркешу рассек.
— Что ты говоришь, Кодыр-Уул?
Крепко, оказывается, уснул я! —
Козын-Эркеш воскликнул.
На ноги вскочил и видит:
Стрелы с желтыми наконечниками
Кругом горами лежат,
Бесчисленное войско на хребте,
Солнце закрыв, стоит.
На правой щеке Козын-Эркеш
Теплый ручей почувствовал,
На зубчатой плети Кодыр-Уула
Клочок своей кожи увидел.
— Зачем ты плетью

Щеку мне рассек?
Зачем вокруг меня
Курганы стрел набросал?
Зачем, другом моим притворяясь,
Черные мысли затаил?
Зачем войной на меня пришел? —
Козын-Эркеш грозно спросил.
Черные глаза его
Кровью налились,
Крепкие зубы его
Заскрежетали.
Кодыр-Уул богатырь
От страха застыл,
Челюсти его застучали,
Дрожащим голосом так ответил.
— Сам я на тебя худого не думал.
Это Байым-Сур, жена твоя,
С Караты-каном, тестем твоим,
Чтобы тебя убить,
Бесчисленное войско послали,
Грозного приказа
Ослушаться я не посмел;
Жестокого хана боясь,
Вместе с войском приехал...
Услышав это, Козын-Эркеш
Черно-стальной меч выхватил,
Бесчисленное войско Караты-кана,
Как траву, изрубил.
«Если Байым-Сур, подруга моя,
Смерти моей захотела,
Никогда к ней не возвращусь,
Жить больше не хочется мне», —
Козын-Эркеш так подумал,
Кодыр-Уулу сказал:
— Другом моим был ты, Кодыр-Уул.
Рассказу твоему верю.
Черным своим мечом
Голову мне отруби;
Длинным черным копьем
Сердце мое пронзи.
Обрадованный Кодыр-Уул
Черным своим мечом
Козын-Эркеша по шее ударил —
Черный меч надвое разлетелся.

На шее даже царапины не осталось.
Кодыр-Уул с черным копьем подлетел,
В грудь Козын-Эркеша ударил.
Словно по вечному льду
Черное копье скользнуло,
На груди следа не оставило.
Козын-Эркеш захохотал:
— Видно конь твой
Моему коню не под стать,[21]
Сам ты, богатырь,
Со мной сравниться не в силах.
Зачем ты послан ко мне,
Если приказ исполнить не можешь?
Пусть на богатырское имя твое
Вечный позор падет.
Раз приехал — жизнь мою забери,
Байым-Сур, подругу мою,
Тоже возьми! —
Так сказав, Козын-Эркеш богатырь
Из девятирядной бронзовой подошвы своей
С желтым черенком алмазный нож вынул.
— Кости мои, пересчитывая,
По суставам режь! —
Кодыр-Уулу он приказал,
На земле перед ним растянулся.
Кодыр-Уул обрадованный
Приказ этот выполнить поспешил,
На куски богатыря изрезал,
Красно-бурого коня
На вершину тополя подтянул.
— Байым-Сур красавица
Теперь моей женой будет! —
Кодыр-Уул сказал,
Коня своего повернул,
Днем и ночью отдыха не зная,
На землю Караты-кана полетел.
Ко дворцу Караты-кана прискакав,
С коня крикнул:
— Козын-Эркеша красную кровь
Я пролил,
Как волос, тонкую душу его
Я порвал.
Хоть все войско твое он перебил,
Зато сам он погиб.

Қараты-кан, обрадованный,
Так ответил:
— Войско побитое мне не жаль,
Рад я, что враг наш погиб.
Тебе, дорогой богатырь мой,
Дочь свою в жены отдаю.
Белый скот мой паси,
Народом моим управляй.
Говоря это, Қараты-кан
Туда-сюда прохаживался,
От радости большой
По бедрам себя хлопал.
Қодыр-Уул богатырь
На черно-бархатном коне
В аил к себе поспешил.
Байым-Сур навстречу вышла.
— В глазах твоих
Большой ум светится,
В груди твоей
Чистое сердце стучит.
Скорее мне все расскажи,
Хорошей вестью обрадуй.
— Э-э, беда, Байым-Сур,
Ласковый друг твой погиб.
Около устья семи рек
Под семиствольным тополем
Красно-бурый конь
На гриву упал,
Қозын-Эркеш богатырь
На рукав голову положил.
Оживить его никак нельзя,
Қакой-то злой богатырь
На куски его изрубил.
Байым-Сур плакать перестала,
Подумав немного, улыбнулась:
— С нынешнего дня
Жить с тобой вместе станем.
Только надо нам поскорей
Қозын-Эркеша кости закопать,
Қак бы не вздумал он
Нашей счастливой жизни мешать.
Чтоб скорее это исполнить,
Бело-игренего коня с четырьмя ушами
Поймай и мне приведи.

Кодыр-Уул обрадовался,
На черно-бархатном коне,
Словно на крыльях, улетел.
Покуда он ездил, Байым-Сур
В золотой ташаур
Целебной воды набрала,
Шестьдесят разных лекарств
В белый шелк завернула,
Золотую чашечку
В белый платок завернула,
На груди у себя спрятала.
Долго ли, коротко ли ждала —
Кодыр-Уул возвратился.
Золотом и жемчугом украшенного,
Бело-игренего коня привел.
Байым-Сур красавица
К бело-игренему коню подбежала,
Полы шелковой шубы на ней
В стороны разлетелись,
Луноподобные пуговицы засверкали,
Золотые кисточки закрутились,
Шелковые подвески затрепетали.
Бело-игренего коня
За повод она взяла,
В бронзовое стремя ногу вдела,
На седло вскочила.
К семиствольному тополю,
Что на устье семи рек стоит,
Днем и ночью не отдыхая,
Они поскакали.
Через горные хребты пронеслись,
Через реки, как стрелы, пролетели,
На устье семи рек приехали,
У тополя остановились.
Козын-Эркеша изрубленного увидели.
Байым-Сур на виду улыбалась,
В сердце же горе прятала.
Кодыр-Уулу она сказала:
— В девяносто саженей яму рой,
Чтоб врага нашего поглубже запрятать.
Быстрее работу кончай,
Чтоб скорее нам в аил твой поехать...
Слов красавицы не дослушав,
Кодыр-Уул черным мечом

Твердую землю стал рыть,
Девяностосаженную яму вырыл.
— О-о, дорогой, милый муж мой
Холодной подземной воды
Напиться хочу.
Если меня любишь,
В золотую чашечку со дна ямы
Родниковой воды мне зачерпни.[22]
Воды той выпью,
В десять раз красивее стану, —
Байым-Сур так сказала,
Золотую чашечку подала.
Кодыр-Уул богатырь
К седлу черно-бархатного коня
Длинный аркан привязал;
За другой конец взявшись,
В яму прыгнул.
Смелая Байым-Сур
Черно-стальными ножницами
Длинный аркан перерезала,
Сердце черно-бархатного коня
Черными ножницами пронзила,
В яму его столкнула,
Сверху землей забросала.
— Конец черному негодяю! —
Байым-Сур воскликнула.
К богатому тополю она подошла,
Золотой повод перерубила,
Красно-бурого коня
На землю спустила.
Красно-бурый конь
Исхудал — одна кожа, да кости;
В обоих ушах его
Вороны гнезда свили.
Красно-бурый драгоценный
Жалобно заржал,
Зеленой травы пощипал,
Целебной воды попил.
Золотая шерсть его распрямилась,
Глаза огнем засверкали.
Потом Байым-Сур красавица
К богатырю подошла,
Изрубленное тело сложила,
Целебной водой омыла,

Белым можжевельником окурила,[23]
Белым платком опахнула.
Кости богатыря соединились,
Изрубленное тело срослось,
Лицо его юной красотой,
Как месяц, заблестело,
Как солнце, засияло.
Словно живой, Козын-Эркеш
Без дыхания лежал;
Жизнь ему вернуть
Байым-Сур никак не могла.
Все шестьдесят лекарств истратила,
Всю целебную воду вылила.
Из слез ее полные озера натекли.
Плач ее по Алтаю раздавался,
До неба к Ульгеню[24] достиг,
Горькая жалоба ее
Глубоко под землю проникла,
До злого Эрлика дошла.
Ульгень-бог дверь в небе открыл,[25]
Байым-Сур красавице так сказал:
— Не плачь напрасно, девушка,
У братьев Дьети-Сабар невесту отбивший,
Козын-Эркеш смерти заслуживает.
Если б он трижды умер,
Жалеть его не надо,
Плакать понапрасну не надо.
Лучше к отцу возвратись,
Другого жениха поищи!
Ульгень-бог захохотал,
Двери неба захлопнул.
Из-под земли злой Эрлик вышел,
Широкую бороду поглаживая,
Плачущей красавице сказал:
— У небесного бога Ульгеня
Никогда Козын-Эркеш помощи не просил,
Ко мне, подземному богу,
Ни разу не обращался,[26]
Слез о нем понапрасну не лей,
К младшему сыну моему
В жены иди.
Красота твоя вечной будет,
Счастливая жизнь твоя
Никогда не кончится.

Байым-Сур красавица
Сквозь слезы так отвечала:
— Козын-Эркеша я сама излечу,
Помощи вашей не спрашиваю.
Или с ним вместе умру,
Или счастье с ним разделю.
Козын-Эркеша, друга своего,
Ни на кого не променяю!
Вдруг вдали черное облако закипело,
Черная пыль заклубилась.
Бачикай-Кара богатырь
На Чодон-коне подъехал.
— Глаз моих огонь,
Кровь моей груди,
Дорогой друг мой Козын-Эркеш,
Отчего ты погиб?
Бачикай-Кара богатырь
Быстро с коня соскочил,
Над лицом Козын-Эркеша
Белым платком помахал.
Козын-Эркеш на миг глаза приоткрыл,
Чуть с земли приподнялся,
Да опять на землю упал,
Как прежде, лежать остался.
— Козын-Эркеша оживить
Силы у меня нехватает.
Сейчас я по Алтаю поеду,
Шестьдесят разных лекарств привезу.
Бачикай-Кара на коня вскочил.
Где конь стоял — там следы остались,
Куда ускакал — следов нет.

***

Байым-Сур громче прежнего плакала,
Чем горю помочь — не знала.
Вдруг среди ночи
На бело-сером коне
Седой старик прискакал.
— Дорогой, любимый сын мой,
Что это с тобой случилось?
Отца родного послушай,
На белый свет посмотри!
Белым платком седой старик

Над лицом Козын-Эркеша помахал.
Козын-Эркеш быстро вскочил,
Но сил устоять не хватило,
Снова на землю упал.
— Проклятье матери видно сильно,
Помочь я ничем не в силах, —
Седой старик печально сказал.
Где конь его стоял — следы остались,
Куда ускакал — следов нет.

**
*

Над любимым мужем своим
Байым-Сур безутешно плачет.
Мало ли, много ли дней прошло.
Вдруг среди темной ночи
Седая старуха появилась,
На костыль опираясь,
К плачущей красавице подошла.
— Что ты, дитя, день и ночь плачешь? —
Седая старуха спросила.
— Лучший конь красно-бурый
Еле живой стоит,
Лучший богатырь Козын-Эркеш,
Лишенный жизни, лежит,
Помочь ничем не могу,
Потому день и ночь плачу, —
Байым-Сур красавица ответила,
Помощи просить стала.
Седая старуха белый платок взяла,
Над лицом богатыря махая,
Злые слова прошипела:
— Не послушался меня, щенок,
Пусть кровь из тебя течет;
Твердые кости твои
Пусть рассыплются.
Не успела оглянуться Байым-Сур —
Седая старуха исчезла.
В страхе глядит Байым-Сур:
Тело Козын-Эркеша богатыря
Снова на части распалось,
Твердые кости богатыря
Побелели.
Пуще прежнего красавица заплакала,

Кости любимого своего
Напрасно друг к дружке прикладывала.
Громкий плач ее слыша,
Разные звери собрались,
Лунокрылые птицы прилетели.
Видя горе Байым-Сур,
Слез сдержать не могли.
Звери и птицы
Вместе с нею заплакали.
Долго ли, коротко ли плакали —
Бачикай-Кара богатырь,
Короткий меч носящий,
На Чодон-коне прискакал.
Семьдесят целебных вод,
Шестьдесят разных лекарств[27]
Бачикай-Кара привез.
Байым-Сур любящая
Целебной водой Козын-Эркеша облила,
В нем живая кровь заиграла.
Словно живой, богатырь лежит.
Только глаза его не глядят,
Только сердце его не бьется.
Шестьдесят лекарств прикладывают,
Белым платком обмахивают —
Жизнь возвратить не могут.
Байым-Сур надежду потеряла,
Снова безутешно рыдает.
Вдруг красно-бурый конь
Звонко заржал,
С громким топотом подлетел,
Копытом в землю ударил.
Где земля под копытом треснула —
Алмазный нож[28] с желтой ручкой
Переломленный оказался.
Байым-Сур красавица
Алмазный нож подняла,
Целебной водой его облила,
Белым можжевельником окурила,
В белый шелковый платок завернув,
На груди его подержала...
Алмазный нож
Вновь целым стал,
Козын-Эркеш богатырь
Глаза открыл.

— Ох, как долго я спал! —
Қозын-Эркеш воскликнул,
Быстро с земли поднялся,
Кругом с удивлением посмотрел,
Қ Байым-Сур ласково обратился:
— Где твой муж Қодыр-Уул
С бархатно-черным конем своим?[29]
Байым-Сур горько зарыдала;
На правое колено встав,
Все, что было, рассказала.
Узнав обо всем, Қозын-Эркеш
Милую жену свою за руки взял,
Долго в глаза ей глядел,
В обе щеки крепко поцеловал.
На сердце у них так светло стало,
Словно рядом с луной
Вторая луна заблестела,
Словно рядом с солнцем
Второе солнце зажглось.
Радость их,
Всю ночь рассказывая, не пересказать,
Счастье их
В самой широкой долине
Не поместилось бы.
Потом Қозын-Эркеш
С Бачикай-Қара богатырём
Здороваться стал.
Правые руки
Друг другу они пожали,
В правые щеки
Друг друга поцеловали,
В вечной дружбе друг дружке поклялись.
От радости такой Қозын-Эркеш,
Қак долина, широк в плечах стал,
Қак горный хребет, высок стал,
В десять раз сильнее прежнего сделался.
Қак утренние зори,
Глаза его заблестели.
Словно алые цветы,
Щеки его зарумянились.
Красно-бурый конь драгоценный,
Қак прежде, силен и красив стал.
Там, где шесть хребтов сходятся, —
Қозын-Эркеш в засаду сел,

Бачикай-Кара богатырь
По шести логам загоном пошел.
Шестьдесят черных маралов
На Козын-Эркеша выбежали.
Тетиву железного лука
С семьюдесятью двумя заплечиками
Козын-Эркеш натянул;
Промаха не знающую,
Живую стрелу пустил.[30]
Всех шестьдесят черных маралов
Живая стрела пронзила,
Дальше помчалась, густой лес зажгла.
Красно-бурый конь красавец
Еле-еле стрелу настиг.
Когда со стрелой возвратился,
Подмышки его дрожали.
— Вот стрельба, так стрельба! —
Бачикай-Кара воскликнул. —
По такой стрельбе
Могучего богатыря узнаю!
Из маральего мяса Байым-Сур
Тридцать разных кушаний приготовила.
Из маральих шкур богатыри
Красивый шатер устроили.
Когда отдохнули и насытились,
Козын-Эркеш сказал:
— К напоившему меня желтым ядом,
Убийцу ко мне подославшему,
К тестю моему поеду;
Не повидавшись с ним, не вернусь.
На коня своего
Козын-Эркеш сел,
С Байым-Сур тепло попрощался.
— Удачно езди, мое сердце! —
Байым-Сур на прощанье крикнула,
С улыбкой, словно цветок лесной,
Со спокойным сердцем осталась.

***

Словно крылатая птица,
Красно-бурый конь летел,
Выше белого облака
Соколом мчался.

Вмиг на земле Қараты-кана
Қозын-Эркеш очутился.
С вершины черной горы
Қак гром загремел:
— Богатырей убивать привыкший,
Қоней убивать повадившийся,
Тесть мой Қараты-кан,
Встречать меня выходи,
Қоня моего привязывай!
Услышав это, Қараты-кан
Из белого дворца выбежал,
Черно-стальной меч выхватил,
О луну и солнце наточил.
Глаза его кровью налились.
На черно-буром коне
Навстречу Қозын-Эркешу полетел.
Вслед за Қараты-каном жена его — ханша
С черным копьем выбежала,
На Қозын-Эркеша устремилась.
Бесчисленное войско Қараты-кана
Войной на него идет.
Қозын-Эркеш богатырь
Трижды копьем взмахнул,
Хана с ханшей одним ударом пронзил,[31]
До седьмого слоя
В землю вдавил.
Вдруг откуда ни возьмись
Бачикай-Қара богатырь
На Чодон-коне появился,
Войско Қараты-кана
Коротким черным мечом рубить стал.
Қозын-Эркеш к нему подскакал,
За руки его удержал.
— Бачикай-Қара, друг мой!
Безвинных людей не губи,
Красную кровь даром не проливай.
— Не удерживай меня, мой друг,
Я сам остановлюсь;
Лучше взгляни направо —
Қакой-то богатырь беспощадно врагов косит.
Глянул Қозын-Эркеш и видит:
На бело-игренем коне
Байым-Сур красавица скачет,
Головы слугам Қараты-кана

Черными ножницами состригает.[32]
Козын-Эркеш быстро к ней подлетел,
Бело-игренего коня
За повод схватил,
За долгие слезы отплатить прискакавшую
Еле-еле удержал.
— С нашими врагами один справлюсь,
Воевать — дело не женское,
Лучше поскорей назад отправляйся,
Побольше вкусной пищи готовь.
Орду, с войной пришедшую,
Козын-Эркеш уничтожил,
Мирно живущий народ
В правый карман положил,
Бесчисленные стада Караты-кана
В левом кармане уместились.
Три верных друга
В обратный путь отправились.
На половине пути
Песчаная пустыня им встретилась,
Козын-Эркеш богатырь
Горсть песка взял,
Через плечо далеко бросил.
На землю Караты-кана
Песок, словно буря, налетел,
Все собою покрыл,
Ни одного следа не оставил.

***

Три друга дальше поехали,
На прежний свой стан возвратились.
В шалаше их
Огонь еще не погас,
На больших вертелах
Мясо еще не остыло.
Попировав и отдохнув вволю,
На землю Ак-Боко
Друзья отправились.
Дорогой они ловушки ставили,[33]
Стрелами зверей добывали.
Не слезая с коней,
В шашки они играли,
Весело в трубы трубили,[34]

На шоорах наигрывали.
На землю своего отца приехав,
Козын-Эркеш богатырь
Из правого кармана народ вынул,
На берегах красивых рек поселил.
Из левого кармана скот вынул,
На зеленые луга отпустил.
Потом Козын-Эркеш богатырь
Шестидесятиугольный белый дворец построил,
Бронзовую коновязь поставил.
Соседи богатырю сказали,
Что мать его год назад умерла.
Но в старом аиле
Огонь еще не погас,
Мясо в котле не остыло.
С тех пор беды все миновали.
Козын-Эркеш богатырь
Спокойно жить стал.
Война, блестя мечами,
Никогда к нему не заходила,
Горе, по-волчьи воя,
Никогда к нему не показывалось.
Чужой земли
Он не завоевывал,
Своей земли не отдавал.
Мирно и счастливо жить стал.[35]
Тут и сказка моя кончается.

КЁЗЮЙКЕ И БАЯН

Словно груди матери-земли,
Две горы возвышались;
Как два пальца одной руки,
Дружно жили два хана.
Караты-кан[1] —
У подножья черной горы,
Ак-кан —
У подножья белой горы.
Многочисленный народ их
Мирно и дружно жил
В широких долинах, меж гор,
Стада их вместе паслись.
Дожив до седых волос,
Ханы никогда не ссорились;
До глубокой старости
Ни разу не враждовали.
Делали все в согласьи,
На охоту ездили вместе,
Часто они друг у друга
Пили араку и чегень.

Хорошими неразлучными
Друзьями были они.

**
*

Однажды на том Алтае
Яркая заря разгорелась;
Золотыми лучами сверкая,
Светлое солнце взошло.
Два верных друга, два хана
Выехали вместе на охоту.
По северным склонам гор
Два раза они проехали,
Южные склоны
Пересекли несколько раз.
Вместе и порознь
Спускались они в долины —
Ни одного зверя не видели,
Ни одного следа не нашли.
Охотникам стало скучно.
Разъехавшись в разные стороны,
Все больше они удивляются:
Куда это звери ушли?!
Вдруг Ак-кан замечает
На вершине черной горы,
Похожей на крышу котла,
Черную самку марала.[2]
Стояла она, не скрываясь,
Как будто нарочно подставив
Голые свои подмышки
Для смертельной стрелы.
Лук свой, в дерево величиною,[3]
Ак-кан с плеча сдернул,
Промаха не знающую, золотую стрелу
На тетиву положил,
В сердце зверя наметился...
Нежданно черная маралуха
Человечьим голосом заговорила:
— Если, стреляя в меня,
Хочешь неудачу исправить,
Шкурой моей если хочешь
Дыры свои залатать,
Тогда стреляй без раздумья!
Не гляди, что соски мои туго

Налились молоком материнским,
Что милого маленького мараленка
В утробе своей ношу.
Жена твоя Эрке-Тана
Последние дни дохаживает,
Грудь ее тоже молоком наполнилась —
Жена твоя сына ждет.
Глаза Ак-кана расширились,
Пальцы охотника дрогнули,
Стрелу свою золотую
Мимо зверя пустил.
Круто коня повернув,
Он рысью домой поскакал.
На половине пути
Друга встретил.
Друг его Караты-кан
Без добычи домой возвращался.
Дружески они поздоровались,
В щеки поцеловались.
Все, что слышали и видели,
Друг другу пересказали.
С Караты-каном в горах
Такое же диво случилось.
Только черная маралуха
Сказала ему, что дочку
Родить собирается вскоре
Жена его Алтын-Сырга.[4]
Очень друзья удивились
Предсказаньям этим чудесным.
Расспросив обо всем друг друга,
Они порешили так:
Если будут правдивы
Чудесные предсказанья —
Они обещают навеки
Детей своих поженить.
Ничем никогда друг друга
Клянутся не обижать.
Руки пожав друг дружке,
Всадники поехали вместе.
Рысью верные кони
К дому их понесли.
Время прошло небольшое,
Их кони вспотеть не успели,
К белому дворцу Ак-кана

Подъезжают друзья,
У бронзовой коновязи
С коней торопливо слезают,
По пути ко дворцу
Друг друга спешат обогнать.
Из белого дворца в это время
Крик ребенка вырвался.
Услышав его, два друга
Весело переглянулись,
Узорчатую черную дверь
Спешат распахнуть скорее,
Враз они перешагивают
Уступчатый железный порог.
Из женской половины дворца
Навстречу Эрке-Тана выходит.
На левой руке она держит
Ребенка богатырского склада.
От материнского молока
Щеки младенца полнели.
Друзья ребенку обрадовались,
Весело обнимаются,
В щеки целуются крепко,
Руки друг дружке жмут.
Эрке-Тана, усыпив младенца,
Стол золотой придвинула,
Самыми лучшими сладостями
Угощает она.
Друзья на младенца посматривали,
Араку молча пили.
Большой ташаур
На радости быстро опорожнили.
Словно по уговору,
Из-за стола они поднялись,
Из белого дворца вышли,
Разом вскочили на коней.
К стойбищу Караты-кана
Их верные кони помчали,
Быстрее вихря летели,
Скорее ветра неслись.
В долинах с густыми травами
Ни разу не останавливались,
На лугах с сочной отавой
Коней не кормили они.
К подножью черной горы,

К черному дворцу Караты-кана
Всадники примчались.
Не успели коней привязать,
Во дворец войти не успели,
Звонкий голос ребенка
До ушей долетел.
Черные узорчатые двери
Быстро они открывают,
Круглый золотой порог
Переступают враз.
Видят они: над люлькой
Алтын-Сырга наклонилась;
Здоровый румяный младенец
В люльке лежит.
Друзьям разузнать не терпится —
Мальчик родился иль девочка.
Алтын-Сырга отвечает,
Что дочь она родила.
Предсказанью диких зверей
Друзья надивиться не могут,
Дружную беседу ведут.
Дней через шесть
Сватовство порешили устроить,
Наварить горы мяса,
Приготовить моря араки.
На веселый той
Народу собрать побольше
И лучшими именами
Младенцев своих назвать.
Даром времени не теряя,
Слов лишних не говоря,
Ласково они попрощались,
Ак-кан домой поскакал.
Жене своей Эрке-Тане
Обо всем рассказать спешил.
В тот же счастливый день
Народу своему объявил он:
— У меня бездетного
Сын-богатырь родился.
Чтобы дать ему хорошее имя,
Весь народ на той приглашаю.
Все, старые и малые, приходите,
Калеки и нищие, собирайтесь!
Молодые верхами пусть скачут,

Бедные пешком пусть идут,
Старики на санях пусть едут.[5]
Слепые с поводырями пусть шагают!
Через шесть дней —
Все к белому дворцу собирайтесь!
Мяса будет высокие горы,
Араки будет широкое море.
Кто лучшее имя сыну придумает,
Того богато награжу.
Кто плохое имя назовет,
Пощечину от меня получит.
Самых жирных баранов
Ак-кан резать велит,
Самых тучных верблюдов,
Пригибая к земле,
Колоть приказывает.
Горы мяса приготовили,
Море араки наварили.
Народ свой два друга
В одно место собрали.
Молодые и старые явились,
Маленьких детей
На руках сюда принесли.
Народ, развеселившись,
Как лес густой шумел.
Дыханье коней
Белым туманом клубилось.
Обе матери с младенцами на руках
На видном месте садятся.
Вокруг них
Певцы песни поют,
Парни на комысах играют.
Народ оин[6] ведет.
Араку все пьют,
Жирное мясо едят.
Два друга, два хана
На конях стойбище объезжают,
То и дело народу говорят:
— Кто нашим детям
Имена хорошие придумает, —
Богатый подарок получит;
Кто плохие имена назовет —
Пощечину тот получит.
Долго никто из народа

Имен произнести не решался.
Наконец, деревянный костыль заскрипел,
Столетний старик Ак-Сагал
Из народа вышел.
Старые кости его ослабели,
Лицо морщинами покрыто.
Постояв немного в смущенье,
Ак-Сагал говорит:
— Мальчик, у Ак-кана родившийся,
Могучим богатырем будет.
Силачи его
Побороть не смогут,
Остроязыкие
Оскорбить не сумеют.
Богатырем Кёзюйке
Ребенка надо назвать.
Слова Ак-Сагала
Народ в один голос одобрил,
Названное имя обоим ханам понравилось.
Дорогим подарком
Старика они наградили.
Дряхлая старуха
Из толпы к ним вышла.
Голова ее,
Как лебедь, побелела,
Косы ее
От старости тонкими стали.
Дряхлая старуха сказала:
— Следует ли бояться
На вопрос ханов ответить?
Надо ли опасаться
Имя девушки назвать?
Пусть новорожденная
Носит имя Баян.[7]
Это имя все одобрили,
Старуху богато наградили.
Два друга, два хана
В одну люльку детей уложили.
Тут веселый пир зашумел,
Большой той разгорелся.
Мясо однолетних жеребят
Все есть принялись,
Крепкую араку
Наповал пить стали.

Хвосты худых собак
От ожиренья торчком поднялись,
Пьяные люди,
На земле лежа, кричали.
Много дней подряд
Горы мяса не уменьшались,
Море араки не убывало,
Веселые игры не прекращались.
Лучшие наездники
Коней в бега пустили.
В самом разгаре скачек
Сивый конь Ак-кана
Хозяина сбросил,
Об острый камень
Голову ему расколол.
Не успели мигнуть —
Ак-кан умер.
Веселящийся народ,
Как скала, остыл.
Той нежданно прервался,
Горестно все вздохнули.
Схоронив Ак-кана,
Народ по домам разъехался.
Милая Эрке-Тана
Горькой вдовой осталась,
Маленький Кёзюйке
Жалобно в люльке плакал.
Караты-кан, домой возвратившись,
Пот рукою отер,
Плетью взмахнул,
Народу своему сказал:
— Дочь свою за Кёзюйке выдать
Ак-кану я слово дал,
Богатый калым получил.
Теперь Ак-кан умер,
Кёзюйке жалким сиротой остался.
Эрке-Тана — вдова,
Воспитать сына не сумеет.
Как дикий зверь, он расти будет,
Хороший человек из него не выйдет.
Милую дочь свою Баян
Кёзюйке в жены не отдам!
Подальше от этого стойбища
Откочевать я решил.

Скот свой скорее
С северных склонов гоните,
В дальнюю дорогу собирайтесь!
Караты-кан сурово нахмурился,
Крепкий свой стан
Он разрушил,
Обжитое стойбище разворочал.
Через горные хребты переваливая,
Через быстрые реки переправляясь,
Народ свой и стада
Караты-кан далеко погнал.[8]
Назад оглянувшись,
Караты-кан плюнул;
Вперед посмотрев, улыбнулся.

***

Время быстро текло.
Маленький сын Ак-кана
Грудь матери бросил,
На крепкие ноги встал,
Играть с ребятами начал.
Стал он хорошим охотником.
Молодое дерево расщепив,
Лыжи себе он сделал;
Толстое дерево согнув,
Лук себе смастерил.
По склонам высоких гор
Зверей и птиц он стреляет;
В море удочку забрасывая,
Вкусную рыбу удит,
Мать свою Эрке-Тану
Мальчик Кёзюйке кормит;
С охоты домой вернувшись,
С ребятами в бабки играет.
Однажды Кёзюйке
Все бабки у сверстников выиграл,
Ребята на него обиделись,
Один с насмешкой сказал:
— Если ты ханский сын,
С нами зачем играешь?
Ведь есть у тебя жена,
Почему ее не разыщешь?[9]
Неправду люди говорят,

Что у тебя богатырская сила.
Если ты богатырем родился,
Почему жену прозевал?
Услышав эти насмешки,
Кёзюйке свой выигрыш возвратил,
Сам домой побежал.
Золотую дверь белого дворца
Мальчик торопливо открыл.
Мать его Эрке-Тана
Котел с чегенем сняла,
Белую пенку — арчи[10]
С краев соскабливала.
Подойдя к матери, Кёзюйке
Поесть попросил.
В деревянную чашку
Дымящейся горячей арчи
Мать положила,
Милому сыну подала.
Кёзюйке взять отказался,
Матери так сказал:
— В чашке арчи не вкусна,
Из рук твоих покушать хочу.
Чтоб любимого сына побаловать,
Нежная мать послушалась,
Дымящейся горячей арчи
В пригоршни взяла.
Руки матери с горячей арчи
Кёзюйке крепко сжал.
Ладони матери
Арчи нестерпимо жжет,
А Кёзюйке мать не отпускает:
— Почему надо мной
Ребята смеются?
Почему говорят,
Что у меня есть жена?
Скажи, кто такая Баян?
Сыну все рассказать
Эрке-Тана пообещала.
Только тогда Кёзюйке
Руки матери отпустил.
О том, как отец его
С Караты-каном дружил,
Как в один день у них
Дочь и сын родились,

Как отцы-друзья
Поженили младенцев грудных,
Как отец Кёзюйке
На конских бегах погиб,
Как потом Караты-кан
Слову своему изменил,
С дочерью своей Баян
В дальние земли откочевал —
Все Эрке-Тана сыну
Подробно рассказала.
— Кости твои
Покуда еще не окрепли,
Взрослым богатырем
Покуда ты не сделался —
О жене твоей
Говорить я тебе не хотела.
Все, что знала, мой сын,
Я тебе рассказала.
Куда Караты-кан уехал,
Дочь свою куда он увез —
Этого я не знаю.
Внимательно выслушав,
Кёзюйке мать спросил:
— Где же конь,
На котором я ездить буду?
Где шуба,
В которую я оденусь?
— Где взять коня для езды,
Где достать шубу по плечу —
Сказать я тебе не сумею, —
Эрке-Тана сыну ответила.
— На окраине наших пастбищ,
На границе нашего Алтая
Столетний старик живет.
Кости его
От старости ослабели,
Голова его,
Как лебедь, побелела,
Лицо его,
Словно курут, пожелтело.
Среди нашего народа
Он — самый старый и мудрый.
Зовут его Ак-Сагал.
Это он тебе имя придумал.

К нему, сынок, отправляйся,
Он тебе ответит.
Два ташаура араки
Эрке-Тана сыну подала,
Баранье жирное мясо
За пазуху ему сунула.
Молодой богатырь Кёзюйке
Ласково с матерью попрощался,
В путь-дорогу отправился.
Ни разу Кёзюйке
Отдохнуть не присел,
Ни разу уснуть не прилег.
В один день Кёзюйке
Месячный путь прошел,
За месяц Кёзюйке
Годичный путь отшагал.
Много ли, мало ли прошел он —
Аил Ак-Сагала увидел.
В аил старика
Без стесненья вошел.
Скрип двери услышав,
Ак-Сагал с постели поднялся,
Около огня сел,
С гостем своим поздоровался.
Кёзюйке к огню склонился,
Трубку раскурив,
Новости расспрашивать стал.
Тусклые глаза Ак-Сагала
Плохо видели,
Но гостя своего
Старик сразу узнал:
— Ум в глазах у тебя,
В сердце у тебя огонь!
С каким вопросом, Кёзюйке,
Ко мне ты пришел?
В какие края, мальчик,
Ты путь держишь?
Ловкой рукой Кёзюйке
Ташауры свои открывает,
Столетнему Ак-Сагалу
Бережно чоочой подает:
— Младенцу мне, в колыбели
Ты милое имя дал.
Теперь сироте несчастному

Добрым дедушкой будь.
Скажи, где конь,
На котором мне ездить суждено?
Скажи, где хранится
Богатырская одежда моя?
Ак-Сагал ему отвечает:
— В один час, в один день с тобою
Родился твой конь, Кёзюйке.
Одновременно с тобой
Конь твой окреп и вырос.
Девятый год пошел,
Как он тебя поджидает.
На вершине белой горы
Кроваво-каурый конь стоит.
Если сумеешь
Кроваво-каурого изловить —
Лучшим другом твоим будет.
Этим словам Кёзюйке обрадовался,
Старого Ак-Сагала
Крепко поцеловал;
Ласково попрощавшись,
Домой к матери поспешил.
Крутые горы
Без отдыха переваливает,
Быстрые реки
Без мостов переходит.
Усталости Кёзюйке не чувствует;
Есть и пить он забыл.
Мало ли, много ли он шел —
На стойбище возвратился,
Матери своей слова Ак-Сагала передал:
На поиски друга-коня
Спешит Кёзюйке отправиться.
Белый аркан в шестьдесят саженей
На спину богатырь забросил,
Полы шубы своей
За пояс заткнул,
К белой горе пошагал.
Не успеть и глазом моргнуть —
Кёзюйке на вершину поднялся.
На вершине белой горы
Цветы никогда не вянут,
Певчие птицы,
Не переставая, поют.

На гребне белой горы
Железный тополь растет.
Под железным тополем Кёзюйке
Кроваво-каурого коня увидел.
Богатырский конь-красавец
Настороже стоит.
Золотой чумбур его
По земле волочится.
Увидев коня, Кёзюйке
Белый аркан схватил.
Размахнувшись, арканом тучи задел,
На шею коню-красавцу
Хотел он петлю набросить.
Вдруг неслыханное чудо случилось:
Кроваво-каурый конь
Засмеялся,
Человечьим голосом
Заговорил:
— Кто ты такой, богатырь,
Что меня изловить задумал?
Отца твоего
Как зовут?
Грудью вскормившая, мать
Имя какое носит?
Удивленный Кёзюйке
Аркан смотал,
Богатырскому коню-красавцу
Так ответил:
— Породивший меня отец
На бело-сером коне ездил,
Имя Ак-кана носил.
Грудью вскормившая, мать
Эрке-Таной зовется.
Доброго коня для езды
Я не имею,
Хорошей одежды
Тоже у меня нет.
Тебя, красавец, увидев,
Поймать я решил.
Эти слова услышав,
Кроваво-каурый конь
Заржал, как гром, загремел,
К удивленному Кёзюйке подбежал,
Рядом остановился и говорит:

— Шею мою понапрасну
Белым арканом не мозоль,
В один день, в один час, Кёзюйке,
Мы родились.
Пуповины у нас с тобой
Одновременно оборваны.
Днем тебе, Кёзюйке,
Верным другом буду,
Ночью тебе
Хорошим товарищем буду:
Волосяной аркан свой
Прочь отбрось,
По доброй воле
Навсегда меня забирай!
Сказав это, кроваво-каурый конь
Головой приветливо взмахнул.
На глазах Кёзюйке
Светлые слезы заблестели,
Сердце Кёзюйке
Радостью переполнилось.
Золотой чумбур он берет,
Голову коня целует,
Гриву и хвост расправляет,
Блестящую шерсть разглаживает.
Рожденный силачом, Кёзюйке
Нарадоваться не может,
Богатырского коня своего
Домой в поводу ведет.
Только успел Кёзюйке
К своей коновязи приблизиться —
Шестьдесят семь богатырей приехали,
На шести телегах
Боевые доспехи привезли.
Шестьдесят семь богатырей,
Перебивая друг друга, рассказали:
— В день твоего рожденья, Кёзюйке,
Бовые доспехи твои[11]
Изготовлены были,
Богатырское оружие твое
В этот день выковано.
Пока ты не вырос богатырем,
У подножья белой горы
Мы твои доспехи охраняли.
Услышав это, Кёзюйке

Пуще прежнего обрадовался,
Бронзовой уздой
Кроваво-каурого коня взнуздал,
Токум, широкий как поле,
На спину коню положил,
Блестящим при солнце и при луне
Дорогим седлом заседлал,
Шестьдесят нервущихся подпруг
Крепко-накрепко затянул.
В богатырскую одежду
Сам Кёзюйке оделся,
На красавце коне своем
Первый раз поехал.
Проезжая по высоким хребтам,
Горных зверей наловил;
Проезжая по берегам рек,
Дичи много он добыл.
Самых жирных оленей
По выбору он убивал,
Черно-бурых соболей
Самых дорогих стрелял.
Много ли, мало ли охотился —
Арчимаки[12] до отказа наполнил;
С богатой добычей
Домой Кёзюйке вернулся.
Мать его Эрке-Тана
Милому сыну обрадовалась,
Богатую добычу увидев,
Сына хвалила:
— Милый мой сын Кёзюйке,
Отец твой Ак-кан
Хорошим охотником был.
Но ни разу отец твой
Столько дорогих зверей не убивал,
Столько жирной дичи не привозил.
Уходящая жизнь моя,
Видно, снова ко мне вернулась;
Угасающий огонь наш
Снова ярко запылал.
Вносить добычу в аил
Силачам Эрке-Тана не дает.
Всех зверей, привезенных сыном,
С гордостью сама вносит.
Золотой стол с шестьюдесятью ножками

Эрке-Тана выдвигает,
Самые лучшие сладости
На золотой стол кладет.
В ташаур, из которого прежде
После охоты Ак-кан пил,
Эрке-Тана араку наливает.
Уставший с дороги, Кёзюйке
Коня на пастбище отпустил,
Сладкой пищей насытясь,
Отдыхать лег.
Шесть ночей Кёзюйке проспал.
На рассвете седьмого дня
Кёзюйке пробудился,
Лицо холодной водой умыл,
За золотым столом поел,
Матери так сказал:
— Ласковая, милая мама!
Сына проклинать не спеши,
Замысел сына выслушай,
В путь-дорогу благослови.
Нас Караты-кан обманул,
Клятву свою нарушил.
Вслед за ним я теперь поеду,
Подругу мою Баян
Я у него отниму.
Самое меньшее
Через шесть лет возвращусь,
Самое большее
Через девять лет возвращусь.
При этих словах
Губы матери задрожали,
Из глаз ее
Частые слезы полились.
Милому сыну
Эрке-Тана сказала:
— Тесть твой Караты-кан
Черную совесть имеет,
Смелую голову твою
Караты-кан срежет.
Лучше Караты-кана не преследуй,
Дома спокойно живи.
Не одна Баян
Хорошая девица на свете.
В лесу

Дорогого зверя встретить не трудно,
Среди народа
Хорошую девушку найти можно.
Милый мой сын, не езди!
Слезами мать залилась,
Руки ее затрепетали.
Рожденный смельчаком, Кёзюйке
Твердого решенья не изменил,
Ретивого сердца не успокоил.
Мольбу матери
Богатырь не послушал.
Узорчатую дверь дворца
Кёзюйке распахнул,
Из дворца вышел.
Всех своих силачей
Он кличет,
`тарших управителей
ех созывает,
кой наказ им дает:
Если волк
нашим стадам придет —
лка убейте;
ли враг
острыми саблями явится —
іга уничтожьте.
льным богатырям
руки не давайтесь;
ыстрым на язык —
Оскорблять себя не позволяйте.
Отважно до конца бейтесь.
Мать мою Эрке-Тану
Без защиты не оставьте.
Если враг сильнее окажется,
Только через ваши трупы
Пусть он пройдет.
Сам я по важному делу
В далекий путь отправляюсь.
Расходитесь теперь по домам,
Мирно и счастливо живите.
Серебряной уздой Кёзюйке
О коновязь брякнул,
Кроваво-каурый конь услышал,
С далекого пастбища примчался,
Кёзюйке богатырского коня заседлал,

Многочисленные подпруги затянул.
В боевые доспехи свои
Богатырь нарядился.
Черно-стальную саблю
На правую руку надел,
Лук, подобный черной сосне,
Через левое плечо перебросил.
В трудный путь собравшись,
Руку, подобную долине,
Кёзюйке матери протянул.
Эрке-Тана горько плакала,
Колени ее
От большого горя дрожали,
Ноги ее
От сильной печали подкашивались.
Провожая сына,
Эрке-Тана нежно запела:

«Кёзюйке, милый мой Кёзюйке!
Моим глазам — цветок, Кёзюйке!
Из леса, где коню не пройти,
Медведь к тебе выйдет, что сделаешь?
Из чащи, что град не пробьет,
Серый волк бросится, что сделаешь?
О, Кёзюйке, Кёзюйке,
Зрачки глаз моих, Кёзюйке!
Через лес, где змее не проползти,
Как ты пройти сумеешь?
Сквозь чащу, где мухе не пролететь,
Как ты сможешь проехать?
Кёзюйке, мой сын Кёзюйке,
Кровь моя, родной Кёзюйке!
Встретится гора без перевалов,
Как ее перевалишь?
Встретится море без переправ,
Как же ты переправишься?
О, Кёзюйке, Кёзюйке!
Милое дитя Кёзюйке!
Свирепые ханы окружат,
А ты будешь один-одинешенек;
Руками взмахнешь —
Только уши свои нащупаешь,
По сторонам поглядишь —
Тень свою лишь увидишь.

Будешь один, Кёзюйке,
Милый мой сын Кёзюйке!
С озверелыми ханами в борьбе
Погибнешь ты, мой сынок.
От горя, от горькой тоски
Без тебя я умру.
Умоляю тебя, Кёзюйке,
Останься, не езди, мой Кёзюйке!»

Голосом твердым
В ответ Кёзюйке запел:

«Ой, мама, милая мама,
Ласковая моя мама!
Если медведь на меня выйдет —
Есть у меня лук!
Если волк на меня бросится —
Есть у меня стрела!
Ой, мама, милая мама,
Диких зверей убью!
В лесу, где змее не проползти,
Боевая стрела мне поможет;
В чаще, где мухе не пролететь,
Кровавая стрела выручит.[13]
Ой мама, милая мама,
Стрелой себе путь пробью!
Высокую гору без перевала
На верном коне перевалю;
Широкое море без переправ
На кроваво-кауром перееду.
Ой, мама, милая мама,
Ничто меня не удержит!
В битве со свирепыми ханами
Твердая рука не дрогнет;
В бою с озверелыми силачами
Богатырская сила не ослабнет.
Ой, мама, милая мама,
Сын твой не знает страха!»

Рожденный смельчаком, Кёзюйке
Твердое решенье имел,
Смелое сердце не смягчил,
С матерью стал прощаться.
Обе руки матери подал,

В губы крепко поцеловал.
Потом из дворца вышел,
Со своим народом простился.
В чугунное стремя ногу вдев,
На кроваво-каурого коня
В один миг вскочил.
Круто коня повернул,
Рысью поехал.
Эрке-Тана,
Слезы озерами проливая,
Дома одна осталась.

***

Смелый богатырь Кёзюйке
Землю свою проехал,
По голой степи, что ворону не перелететь,
Как вихрь, промчался,
Через желтую пустыню, что сороке не перелететь,
Буйным ветром пролетел.
Могучий конь кроваво-каурый,
Молодую траву не топча,
Легкой иноходью бежит,
Зеленую траву не сминая,
Ходкой иноходью несется.
Боевой конь
Без остановки скачет,
Кёзюйке богатырь
Без отдыха едет.
Через много морей переправились,[14]
Через много гор перевалили.
Вдруг из черного леса,
Где нельзя ни пройти, ни проехать,
Медведь вышел,
Острые клыки оскалив,
На Кёзюйке бросился.
Кёзюйке лук с плеча сдернул,
Стрелой, промаха не знающей,
Наповал медведя убил,
Густошерстую шкуру с медведя
Одним взмахом Кёзюйке снял,
К седлу ее приторочил:
«Хорошая постель будет,

На ночлегах мне пригодится».
Много ли, мало ли проехал —
Из густого леса на него
Злой волк бросился,
Кровожадные клыки оскалил.
Кёзюйке богатырский лук
С плеча сдернул,
Кровожадного волка насквозь
Боевой стрелой прострелил,
Шкуру с него снял.
«Шкуру серого волка
В изголовье класть буду», —
Кёзюйке подумал,
Быстро дальше поскакал.
Кроваво-каурый конь-красавец,
Как сыромятный ремень, вытянулся,
Как птица, над землей распластался.
Там, где ногой конь ударит,
Камни, большие, как жернова,
Из-под копыта летят.
Немного богатырь проехал —
Снова частый лес перед ним.
Змее через лес не проползти,
Мухе сквозь него не пролететь.
Несердящийся, Кёзюйке
Сильно тут рассердился,
Не обижавшийся,
Крепко обиделся.
— Это тесть мой Караты-кан
Черную думу затаил,
Это он на пути моем
Преграды разные ставит!
Богатырский лук свой
С плеча Кёзюйке снял,
Боевой стрелой
В середину леса ударил.
Где стрела его пролетела,
Там лес на землю полег,
Широкая дорога открылась.
Кёзюйке быстрее стрелы,
Легче сказанного слова
Дальше помчался.
Много ли, мало ли он проехал —
Высокая гора без перевала,

Широкое море без переправы
Путь ему преградили.
Голая вершина черной горы
Белые тучи пронзила.
Море желтого яда перед ним
Плещется, берега обжигая.
Рожденный смельчаком, Кёзюйке
В раздумье вдоль желтого моря
Взад и вперед проехал,
С коня соскочил,[15]
Яркий огонь разжег.
На склонах черной горы,
На берегу желтого моря
Жирных маралов настрелял,
Обед себе стал он варить,
Жарить шашлык принялся.
Узду и седло с коня сняв,
Кёзюйке так сказал:
— Красавец кроваво-каурый!
Днем — крылья мои быстрые,
Ночью — верный мой друг!
Выполнишь ли мою просьбу,
Послушаешь ли моего слова?
Давно уже мы с тобой
Своих матерей покинули,
Как они дома живут —
Знать нам с тобою надо.
Побеги-ка их попроведать,
Да скорей назад возвращайся.
Покуда тебя не будет —
Через гору без перевала
Переход я поищу,
Через море без переправы
Переправу найти попытаюсь.
Кроваво-каурый конь
Умен и послушен был.
Словно вихрь, в родные края помчался.
Кёзюйке жирного мяса поел,
Из сухой дудки шоор сделал,
Токум на земле расстелив,
Отдыхать улегся.
Мирно так отдыхая,
Кёзюйке на шооре заиграл,
Красивую песню запел.

Вечно зеленый лес,
Песню Кёзюйке слушая,
Без ветра закачался,
Тихо подпевать начал.
Не пересчитать сколько певчих птиц
Отовсюду к нему слетались,
Игрой Кёзюйке заслушались.
Вдруг среди певчих птиц
Черный ворон появился,
Громко хохоча,
Над богатырем стал насмехаться:
— Маленькую горку перевалить не смог,
Лег тут и грустишь,
Какой же ты богатырь?!
Через ручеек перейти не сумел
И грустные песни поешь,
Какой же ты богатырь?!
Если в погоне за бабой
Голову свою потеряешь,
Черную кровь твою я по капле выпью.
Шею черному ворону
Кёзюйке стрелой перебил,
В море желтого яда
Черного ворона бросил.
Вместо черного ворона
Серая ворона прилетела,
Стала над Кёзюйке смеяться:
— Какой же ты богатырь?
Как дитя беспомощное лежишь.
Красавица Баян права,
Что замуж за тебя не выходит.
В речушке, как желтая нитка тонкой,
Каменистую отмель ищешь.
Через горку, в кочку величиной,
Перевалить не можешь!
На радость мне, серой вороне,
С голоду здесь пропадешь.
Мясо твое расклюю,
Из костей мозг достану!
Кёзюйке серой вороне
Голову стрелой отсек,
В желто-ядовитое море
Злобную насмешницу бросил.[16]
Снова на шооре наигрывая,

Веселую песню напевая,
Кёзюйке спокойно лежит.
Вдруг он видит невдалеке
Журавля богатырского роста.
Длинные ноги расставив,
Песню журавль слушает,
Головой под музыку качает.
Заметив это, Кёзюйке
Песню ему запел,
Расхваливать журавля принялся:

«Журавль, голосистая птица!
Сильные у тебя крылья,
Звонок у тебя голос!
Если ранним утром ты крикнешь,
Эхо твой крик повторит...
Давай станем друзьями,
За одним столом будем есть,
Одну постель
Будем с тобою делить.
Не откажись мне помочь,
Просьбу мою исполни».

Лунообразные крылья
Журавль-великан расправил,
Так богатырю ответил:
— В глазах у тебя — огонь,
В сердце у тебя — мудрость!
Кто ты, пришел откуда?
Или в пути изнемог ты,
Или в беду попал?
Говори скорее,
Чем тебе я помочь смогу,
Силы своей не пожалею,
Полечу, куда ты прикажешь.
Кёзюйке новому другу
Нежно крылья погладил,
Переправу через желтое море
Попросил его отыскать,
Перевал через черную гору
Попросил разведать.
Журавль, голосистая птица,
Даром времени не теряя,
Серыми крыльями взмахнул,

Вдоль желтого моря полетел.
Немного времени прошло —
Кёзюйке на небо глянул:
Под черными тучами,
Сильными крыльями шумя,
Летит гусь — перелетная птица.
Восхваляя серого гуся,
Кёзюйке-богатырь запел:

«Добрая птица гусь!
Неустанны крылья твои,
По воде ты как цветок плывешь,
По земле ты легче иноходца ходишь.
Вокруг Алтая облетишь —
Усталости не почувствуешь,
Вокруг земли облететь
Сил у тебя хватит.
Давай за одним столом
Будем есть, как верные друзья,
Как добрые товарищи,
Постель мы с тобой разделим.
Слова мои, серый гусь,
Будешь ли внимательно слушать?
Просьбу мою, звонкоголосая птица,
Выполнишь ли по-братски?»

Серый гусь Кёзюйке услышал,
В воздухе кружить начал.
От сильных крыльев его
Ветер повеял.
Серый гусь Кёзюйке сказал:
— Я не знал, что силач Кёзюйке
Может приуныть.
Мне говорили: сильный Кёзюйке
Желанного всегда добивается.
Если тебе сейчас трудно,
Если ты выхода не видишь —
Помочь тебе я готов.
Если друга ты не имеешь —
Готов быть другом твоим,
Просьбу твою исполню.
Скажи мне скорей, что сделать?
Куда полететь прикажешь?
Словами гуся обрадованный,

Кёзюйке ему отвечает:
— Через море желтого яда
Помоги мне найти переправу,
Через гору без перевалов
Помоги перевал найти.
Даром времени не теряя,
Серый гусь — перелетная птица —
Вдоль желтого моря полетел.
Кёзюйке богатырь
На стоянке своей остался,
Тридцать разных песен пропел,
На железном шооре
Весело играл.
Вдруг маленький дятел-красавец
Неизвестно откуда появился,
Рядом с очагом Кёзюйке
На белую березу сел,
Человечьим голосом заговорил:
— Из какого Алтая пришел ты?
Кто твой отец?[17] Скажи.
Когда в путь идут —
Цель свою заранее знают,
Когда дорогу теряют —
У встречных спрашивают.
Вижу: через желтое море
Переправы не сыщешь?
Через черные эти скалы
Не в силах перевала найти?
Кёзюйке голос дятла слышит,
Но увидеть его не может;
По сторонам глядит —
Не знает кому отвечать.
Присмотревшись зорко,
На белой березе увидел
Маленького шустрого дятла,
Ростом с кусочек курута.
Дятел головку повертывает,
Черными глазками поблескивает.
С веселой маленькой пташкой,
Словно с большой важной птицей,
Добродушный Кёзюйке заговорил,
На вопрос дятла ответил:
— Много воды утекло
С тех пор, как мой отец умер;

Больше полмесяца миновало,
Как я в дорогу отправился.
Конь у меня кроваво-каурый,
Зовут меня Кёзюйке.
Цель пути своего я знаю,
Но леса и горы
Меня в дороге задержали.
На берегу желтого моря
Вынужден я сидеть.
Теперь я узнать хотел бы,
Что ты за птица такая,
В каком краю ты живешь?[18]
Черный дятел ответил:
— Пищу я добываю
На том берегу моря,
Гнездо мое —
За этой высокой горой.
Зовут меня черным дятлом,
Отца моего зовут так же.
Из-за горы, из-за моря
Голос я твой услышал,
Песни твои послушать
Я сюда прилетел.
С березы дятел спустился,
Около очага сел.
Как песчинка рядом с горою,
Казался он рядом с Кёзюйке.
Около огня сидя,
Дружно они беседовали,
О новостях своей земли
Дятел богатырю рассказал:
— За желто-ядовитым морем,
На краю серой степи,[19]
Ездящий на вороном иноходце,
Могучий Караты-кан живет.
Сейчас на стойбище Караты-кана
Большой той начинается,
Единственную дочь свою Баян
Караты-кан замуж отдает.
Жених красавицы Баян,
Сын бая Санысканa[20]
День свадьбы назначил.
День этот вот-вот наступит...
Кёзюйке, словно обожженный,

С места вскочил,
Вплотную к дятлу подошел.
— Дятел, добрая птица!
Помощи твоей прошу.
Если просьбу исполнишь,
Никогда тебя не забуду,
Будем с тобою, дятел,
Друзьями навек.
Знать непременно хочу я,
Что сейчас происходит
За желто-ядовитым морем,
За черной высокой горой.
На стойбище Караты-кана
Слетай, как можешь скорее,
Разузнай все там хорошенько
И быстрее вернись ко мне.
Черный дятел послушался:
Полетел через желтое море,
Через неприступную гору
Легче сказанного слова,
Быстрее тонкой стрелы.
Из виду черный дятел
В одно мгновение скрылся.
Немного времени прошло —
Летит он обратно.
Быстрыми крыльями шумя,
У костра он садится,
Новости Кёзюйке рассказывает:
— На стойбище Караты-кана —
Народу, как деревьев в лесу,
Той начался,
Торжество разгорелось.
Завтра невесту Баян
Жених собирается увезти.
При этих словах
Кровь в глаза Кёзюйке бросилась.
По сильным мышцам его
Огонь пролетел.
Кругом богатырь оглядывается —
Коня дождаться не может,
Зорко вокруг он смотрит,
Посланцев дождаться не может.
Наконец, журавль появился,
Справа по берегу моря

Еле-еле журавль ползет:
Крылья в полете оголились,
Ноги в ходьбе измочалились.
— Через желто-ядовитое море
Переправы я не нашел,
Через эту черную гору
Перевала нигде не видел.
Промолвив эти слова,
Потеряв последние силы,
Журавль — громогласная птица —
На землю мертвым упал.
Слева по берегу моря
Серый гусь приплелся.
Теряя последние силы,
Серый гусь Кёзюйке сказал:
— Через море желтого яда
Переправы нигде не видел,
Через эту черную гору
Перевала нигде не нашел.
Словно от лютого мороза,
Замертво гусь повалился.
От неудачи такой
Голова Кёзюйке закружилась,
От горя места себе
Богатырь не может найти.
Мужественное сердце
Так в груди застучало,
Что едва на части не разорвалось.
Шум в горах послышался,
Стук вдалеке раздался,
Кроваво-каурый конь
К хозяину прискакал,
Копытами в землю ударил,
Около огня остановился.
— О-о, мой друг, мой хозяин! —
Кроваво-каурый конь промолвил. —
В нашей долгой поездке
Разлука тяжела!
Скот здоров на пастбищах наших.
На стойбищах все спокойно.
Мать моя,
Стоя у железного тополя,
Копытами черную землю бьет —
Копыта истерла в конец.

Твоя мать на коленях стоит,
Слезы озерами льет.
Глаза ее потускнели,
Слез она уже не может
Со щек своих вытирать:
Мозоли на ладонях вздулись.
Я кое-как
Наших матерей успокоил.
Так промолвив, кроваво-каурый конь
Горькими слезами заплакал,
Без движенья, как мертвый, стоял.
Рожденный смельчаком, Кёзюйке
Твердости сердца не теряет,
Решимость его не колеблется,
Страха богатырь не чувствует,
Коня своего не задабривает.
— Конь не золотой —
Когда-нибудь пасть должен;
Богатырю жить не вечно —
Когда-нибудь умереть должен.
Если ехать нужно,
Так зачем же бояться смерти?
Лучше погибнуть в схватке,
Чем имя свое опозорить;
Лучше в битве умереть,
Чем после трусости своей стыдиться!
Токум, шириной в долину,
Кёзюйке на коня набрасывает,
Седло, на две сопки похожее,
На спину коню кладет.
Девять подпруг нервущихся
На девять лет затягивает,
Тридцать подпруг негниющих
Застегивает на тридцать лет.
Боевые доспехи свои
Кёзюйке-богатырь берет,
Нагрудный панцырь
На грудь себе надевает,
Наплечники свои
На плечи накладывает,
Черно-бобровую шапку
До ушей нахлобучивает,
На коня в один мах садится.
Плетью с золотым черенком

Коня в то место ударил,
Куда не бивал ни разу,
Дернул поводья так,
Как никогда прежде не дергал.
Кроваво-каурый конь на дыбы встал:
Каменья в жернов величиной
Из-под копыт брызнули,
Стоящие деревья
Рухнули,
Лежащие колодины
Повернулись.
Кроваво-каурый конь
С места стоянки прыгнул.
Через желто-ядовитое море,
Берегов ногами не задевая,
Быстрей стрелы пролетел,
На пятом уступе черной горы
В один прыжок очутился,
На шестой вершинный уступ
Скорой рысью взбежал.
Вторым прыжком кроваво-каурый конь
Дна серой долины достиг.
По серой степи, что ворону не перелететь,
Диким ветром пробежал;
По желтой пустыне, что сороке не перелететь,
Вихрем промчался.
Много ли, мало ли он скакал —
Вдруг нежданно остановился,
Правое ухо до неба поднял,
Левое — к земле приложил:
Небо и землю стал слушать.
Где ногой он в землю уперся —
Такую там яму пробил,
Что тополь поместиться может,
Копытом такой след выбил,
Что богатырь в нем улечься может.
От неожиданности Кёзюйке
Через голову коня перелетел.
Встав перед кроваво-каурым конем,
Спросил его торопливо:
— Днем ты мой славный товарищ,
Ночью — друг неразлучный!
Смерть ли нашу почуял,

Узнал ли о нашем счастье?
Кроваво-каурый конь
Другу своему отвечает:
— Смерти нашей не чую,
Удачи нашей не вижу.
Над стойбищем Караты-кана
Черный туман клубится,
Весь народ там собрался
Торжественный той справлять.
В нашем теперешнем виде
Нельзя нам туда явиться.
Вид богатырский придется
Нам с тобой изменить.
Жалким Тас-Таракаем
С дрянной тальниковой трубкой
Будешь ты, Кёзюйке,
Паршивой худой лошаденкой
С закатанной грязной шерстью
Я сделаюсь, Кёзюйке.
Даром времени не теряя,
По земле они покатались:
Грязным Тас-Таракаем
Кёзюйке стал,
Паршивой лошаденкой
Кроваво-каурый конь сделался.
На стойбище Караты-кана
В таком виде они направились.
Под жалким Тас-Таракаем
Гнилое седло скрипит,
В руках его, вместо плети,
Жидкий прутик посвистывает.
Паршивая лошаденка
Едва ковыляет.
На стойбище Караты-кана
Силачи в играх разгорячились.
Лица их
Словно угли пышут,
Словно серый туман, над землей
Дыханье коней плывет.
Бесчисленный народ веселится,
Торжественный той кипит.
На жалкого Тас-Таракая
Никто не смотрит.
Незамеченным Тас-Таракай

К самой толпе подъехал,
Худую лошаденку свою
За гнилой пень привязал;
Рваную шубу подобрав,
На землю уселся,
Тальниковую трубку закурил.
Никто на Тас-Таракая
Не взглянул;
Ни одного слова
Никто ему не промолвил.
Тогда Тас-Таракай
На шооре заиграл,
Хорошие песни запел,
Сразу Тас-Таракая
Изумленные люди окружили.
Обладающие слухом — слушать пришли,
Глухие — посмотреть явились.
Конные с коней спрыгнули —
Стоя слушали,
Пешие на землю легли —
Лежа слушали.
Посланцы Караты-кана
Удивленные возвратились,
О неизвестном Тас-Таракае
Караты-кану донесли.
Караты-кан с места поднялся,
Грязного Тас-Таракая
Во дворец велел привести.
Посланцы Караты-кана
Тас-Таракая схватили,
Во дворец приволокли.
Тас-Таракай, с таловой трубкой своей.
Изумленный у очага сел.
С горы богатых ковров
Караты-кан спустился,
Кичливым голосом
Тас-Таракая спросил:
— Из какого Алтая приехал?
В какой Алтай путь держишь?
Кто ты, Тас-Таракай,
Ездящий на паршивой лошаденке?
На торжественный той приехав,
Какие песни поешь?
Зачем народ песнями смутил,

Всех силачей удивил?!
Сидя у очага, Тас-Таракай
Караты-кану ответил:
— Места рожденья своего
Я не знаю.
Я—Тас-Таракай,
Из долины в долину бродящий.
Чтобы костей поглодать —
На той я приехал, великий хан.
Утолив голод, повеселел я,
Песню напевать начал.
Слуги твои
Тотчас меня схватили,
Сюда меня приволокли.
Услышав такой ответ,
Караты-кан расхохотался,
По правому колену
Ладонью захлопал.
— Двухлетнего жеребенка
Червивому Тасу заколите,
Два ташаура араки
Тас-Таракаю налейте.
Песни свои
Пусть народу поет,
Хромых, калек исхудавших,
Слепых стариков
Пусть забавляет!
Верные слуги Караты-кана
Тас-Таракая из дворца вытащили,
Среди толпы посадили.
Самого худого жеребенка
Ему сварили,
Самой слабой аракой
Два ташаура наполнили.
Худого мяса
Тас-Таракай поел,
Слабой араки выпил;
На шооре поигрывая,
Такую песню запел:
«На стойбище Караты-кана
Большой той устроен.
Дочь свою единственную
Сыну бая Саныскана в жены

Караты-кан собрался отдать.
Сейчас веселье прервется,
Шумный той прекратится.
Мясо в котлах
До половины промерзнет.
Арака в аркытах[21]
Застынет до дна.
Воротники шелковых шуб
От холода закуржавеют,
На стан Караты-кана
Черная ворона сядет,
На той Саныскан-бая
Сорока пировать прилетит».

Этой песне Тас-Таракая
Народ удивиться не успел:
Страшный мороз[22]
Нежданно на землю спустился,
Все кругом в толстый лед заковал.
Чегень в кожаных аркытах
Насквозь промерз.
У котлов, мясом полных,
Днища от холода раскололись.
Глубокие моря
До песков промерзли,
Высокие горы
До самой средины треснули.
На стойбище Караты-кана
Смерть спустилась.
Скот, пригнанный Саныскан-баем,
Сороки и вороны исклевали.
Народ горько плакал,
Скот жалобно мычал.
— На моей земле тепло,
Туда все откочуем! —
Саныскан-бай сказал,
Гостей с собой пригласив,
На свою землю поехал.
Как только они откочевали,
Кёзюйке-богатырь снова
Тепло на землю вернул.
Белый снег вмиг растаял,
Трескучий мороз исчез.
На деревьях листья распустились,

Летние птицы защебетали.
Горячее солнце в небе
Сердца народа обрадовало.
Скот, оставшийся живым,
На пастбища вышел.
Словно зеленым шелком,
Луга травою покрылись.
Рожденный силачом, Кёзюйке
К белому дворцу подошел,
Протяжно запел:

«Когда я взгляну, милая Баян,
В глаза твои, подобные звездам?[23]
Одногодочка моя, Баян,
Когда тебя близко увижу?
Незнавшие грязи, руки свои
В грязи замараешь теперь, Баян
Насильно замуж тебя отдадут,
Милая девушка Баян.
Из ящика золотого,
Когда ты выйдешь, Баян?
Лицо прекрасное, как луна,
Когда покажешь, Баян?».

Голос любимого своего
Красавица Баян узнала,
Милому другу в ответ
Громко запела:[24]

«Милый мой Кёзюйке,
Освободи из неволи,
Черноглазый мой Кёзюйке,
Хочу быть вечно с тобою!».

Услышав эти слова,
Кёзюйке в белый дворец вошел,
С шестьюдесятью шестью замками
Золотой ящик открыл.
Радостная и счастливая
Баян к нему вышла.
Если справа на нее посмотреть —
Красотой она с солнцем схожа,
Если слева взглянуть —
Словно луна прекрасна.

На одежде ее
Золотые кисточки кружатся,
Шелковые переливаются.
Глаза Баян
Светлыми зарницами сияют.
Как цветы маральника,
Щеки ее румяны.
Правыми руками они поздоровались,
В правые щеки поцеловались.
Ярче солнца и луны
Счастье их зажглось.
Из белого дворца Караты-кана,
Взявшись за руки,
Они выбежали,
Не успели оглянуться —
Новый белый дворец
Перед ними вырос.
Шестьдесят два угла у дворца,
Шестисуставная коновязь перед ним.[25]
Кёзюйке и Баян в новом дворце
С этого дня зажили.
Котел, мясом полный,
Никогда у них не остывал,
Днем и ночью кипел,
Постель их,
Никогда не охлаждалась,
Вечно была тепла.
Молодой богатырь Кёзюйке
На кроваво-каурого коня садился,
Уезжал в лес на охоту.
Зверей он убивал
Самых жирных,
Бобров он добывал[26]
Самых черных.
Мясо убитых зверей
В тороках домой привозил.
Жена его, милая Баян,
Вкусную пищу готовила.
Такая счастливая жизнь
Продолжалась недолго.
Злой отец от Саныскан-бая вернулся,
Свата своего к себе привез.
Кругом с изумленьем глядя,
Глазам они не поверили:

Рядом со старым дворцом
Новый дворец выстроен,
Рядом со старой коновязью
Новая коновязь стоит;
Кроваво-каурый конь
К новой коновязи привязан,
Уши коня
Белые облака задевают;
Неизвестный богатырь,
Подбоченившись, рядом ходит.
У ханов в глазах потемнело.
Круглые сердца их сжались,
Крепкие кости ослабели.
Словно на большом морозе
Они вздрагивали,
Словно в огне болезни,
Руки у них затряслись.
Ханы в старый дворец
Потихоньку вошли,
О богатыре неизвестном
Караты-кан у жены спросил.
— Это Кёзюйке приехал, —
Ханша ему ответила.
Караты-кан почернел,
Заикаться начал,
Круглые глаза его
На лоб выскочили.
— Силой нам его не победить, —
Караты-кан свату говорит. —
Чтобы Кёзюйке убить,
На хитрость надо пуститься.
Решили: светлую воду
Желтым ядом заменить,
На желтом смертельном яду
Угощенье Кёзюйке приготовить.
Сделав все, как задумали,
За богатырем послали.
— Глаза твои
Блестят, как зарницы,
Стан твой горе подобен,
Могучим силачом ты родился!
От чистого сердца тебя
Караты-кан к себе приглашает:
Угощенье его отведай,

Мирно с ним поговори.
Эти слова услышав,
Кёзюйке приглашенье принял,
Дал слово в гости приехать.
В красивую одежду нарядился,
Боевые доспехи надел.
У милой подруги Баян
Глаза слезами наполнились,
Мужу она сказала:
— Отец мой Қараты-кан
Черную думу затаил,
Не для доброй встречи
Он тебя приглашает,
Черную голову твою
Мой отец погубить хочет.
В гостях у него, Кёзюйке,
Никакой пищи не пробуй.
Кёзюйке жену поцеловал,
Все, что она сказала,
Обещал не забывать.
В белый дворец Қараты-кана
Кёзюйке вошел,
Ладонь, подобную долине, протянул,
С ханами поздоровался.
На белый расшитый ковер[27]
Гостя они усадили,
Золотой стол придвинули,
Самыми дорогими сладостями
Золотые чаши наполнили.
Перед Кёзюйке поставили мясо,
Сваренное в желтом яде,
Во всех других чашах —
Мясо, сваренное в светлой воде.
Кёзюйке это увидел,
Среди веселого разговора
Друга — черного дятла
Осторожно из-за пазухи вынул,
Тихонько на стол пустил.
Никем не замеченный дятел
На золотом столе похозяйничал:
Отравленную пищу с хорошей
Местами переменил.
Ташаур черного яда
Хозяевам дятел придвинул,

Ташаур с хорошей аракой
Перед Кёзюйке поставил.
Досыта вкусной пищи
Кёзюйке-богатырь наелся,
Крепкой хорошей араки
Допьяна Кёзюйке напился.
Сидит он и посматривает,
Что с хозяевами случится.
Вместо жирного мяса,
Отравленной пищи наевшись,
Вместо хорошей араки,
Черного яда напившись,
Все сидящие за столом
С места подняться не смогли.
Лица их,
Как горящий уголь, покраснели,
Тела их,
Как железо в горне, раскалились.
Кёзюйке-богатырь
Друга дятла поцеловал,
Над врагами расхохотался:
— Что готовили для другого —
Сами то получили.
Победив врагов, Кёзюйке
К Баян поспешил.
К новому дворцу своему
Не успел приблизиться —
Оборванный дряхлый старик
На дороге его остановил.
Ни слова не сказав,
Дряхлый старик в Кёзюйке
Тонкую, как стебель пырея,
Стрелу пустил.[28]
Бедро Кёзюйке-богатыря
Тонкая стрела пронзила.
Сам дряхлый старик
Черным вороном обернулся,
Улететь хотел.
Ременной плетью своей
Кёзюйке-богатырь взмахнул,
Черного ворона рассек.
Злые чулмусы,
Помощники Караты-кана,
Из ворона выпали,

В серую золу превратились,
Во дворец улетели.
Караты-кана и Саныскан-бая
Чулмусы молоком напоили,
Отравленных злобных сватов
От смерти спасли.

Кёзюйке от раны страдал.
Все сильней нога распухала,
В сапог не стала вмещаться.
В поисках целебных трав
Кёзюйке по Алтаю поехал.
Много ли, мало ли он ездил —
Нигде целебных трав не нашел.
В долине Дюк-Дюрюк
Совсем от раны изнемог.
Тогда из-за пазухи Кёзюйке
Маленького дятла вынул,
Так ему сказал:
— Милый друг, черный дятел!
К Баян слетай.
Пусть милая жена
Лекарство скорей пришлет.
В один миг быстрый дятел
К Баян прилетел,[29]
О том, что страшная опухоль
Сердца Кёзюйке достигла,
Что в долине Дюк-Дюрюк
Умирающий богатырь лежит, —
Обо всем черный дятел
Красавице рассказал.
Любящее сердце Баян
В тревоге затрепетало,
Из глаз ее
Слезы брызнули.
Другу — черному дятлу
Баян разные лекарства дала,
Быстрей отнести просила.
Быстрее сказанного слова
Черный дятел к другу вернулся,
Страшную рану Кёзюйке
Лекарством намазал.

Боль в ноге богатыря
Сразу утихла.
Кёзюйке дятлу сказал:
— Милый мой друг, черный дятел!
Еще раз к Баян слетай.
Пусть самое сильное
Лекарство с тобой пошлет.
Хочу скорей излечиться,
Врагов наших
На честный бой вызвать спешу.
Дятел, времени не теряя,
На стойбище Қараты-кана
Вновь прилетел,
Всех людей спящими увидел.
Среди спящих женщин черный дятел
Баян отыскать не может.
Одну белолицую молодку
Дятел за Баян принял,
За пазуху к ней залез,
Будить принялся.
Белолицая молодка
Снохой Қараты-кана оказалась.
Дятел свою ошибку понял,
Да из-за пазухи выбраться не успел.
Женщина его поймала,
Қараты-кану отнесла.
— Где Кёзюйке лежит?
Расскажи мне быстро! —
Қараты-кан грозно загремел.
В ответ ему черный дятел
Только головой покачал,
Ни слова не произнес.
Злобный хан
Мучить дятла принялся;
Чтобы тайну выведать —
Стал перья выдергивать.
Но и тут черный дятел
Друга не выдал,
Ни слова не вымолвил.
Рассвирепевший хан
Железный вертел схватил,
Черного дятла насквозь проткнул,
К большому костру поднес.
Умирая на огне, черный дятел

Человечьим голосом крикнул:
— Милый мой друг Кёзюйке!
В долине Дюк-Дюрюк
У корней ста тополей
Ты лежишь.
На огне Караты-кана
Страшной смертью
Я погибаю.
Никогда меня не забывай!
С этими словами
Черный дятел умер.
Словам его
Караты-кан обрадовался,
Саныскан-бая позвал.
Вместе они черное войско
Снаряжать принялись.
Силачей к походу
Готовить стали.
— Смерти не знающего богатыря
Сейчас мы убьем! —
Злобные сваты
Друг перед другом хвалились;
Поднимая черную пыль,
В долину Дюк-Дюрюк
С грохотом помчались.
Драгоценный кроваво-каурый конь
Приближенье врагов почуял,
Другу своему Кёзюйке
Горьким голосом сказал:
— Неумирающий, теперь ты умрешь;
Неуходящий — уйдешь.
Караты-кан с Саныскан-баем
Сюда приближаются;
Подобное черному лесу,
Войско перед собою гонят.
Дыханье коней
Серым туманом клубится,
Щеки воинов
Жарким огнем пылают.
Садись на меня скорее —
От врагов ускачем!
С этими словами конь
Рядом с Кёзюйке лег,
Спину ему подставил.

Богатырь силу потерял,
На коня сесть не смог.
Кроваво-каурый конь заплакал,
Богатырю сказал:
— Друг мой Кёзюйке!
Вижу: смерть тебя свалила.
Но я врагам не дамся.
Рыбой в реку уйду,[30]
Зверем в тайгу убегу.
Так конь сказал,
Как туман растаял.
Там, где он стоял,
Только следы остались.
Вскоре в долине Дюк-Дюрюк
Большое войско показалось.
Копья всадников
Были гуще леса.
За лесом тем
Караты-кан с Саныскан-баем
Осторожно двигались.
Вот всадники остановились,
Острые стрелы в Кёзюйке
Из тугих луков пустили.
Большим холмом
Стрелы пали,
Богатыря засыпали.
«Теперь Кёзюйке погиб», —
Всадники так подумали,
Курган из стрел
Тесным кольцом окружили.
Тогда Кёзюйке-богатырь
На ноги встал[31]
Стрелы с себя стряхнул,
Черно-стальную саблю выхватил,
Справа и слева рубить принялся.
Немного времени прошло —
Все войско ханов
Тут полегло.
Кёзюйке последние силы собрал,
Караты-кана и Саныскан-бая
Одной рукой схватил,
Через две горы перебросил.
Тут черная болезнь
Кёзюйке свалила;

Сильнейший богатырь
Замертво упал.

**
*

Той порою Баян
Шестьдесят лекарств приготовила,
Много вкусной пищи взяла,
На темносером коне
К другу своему
В долину Дюк-Дюрюк поскакала.
Увидев мертвого богатыря,
Баян за сердце схватилась,
Рядом на землю упала,
Сквозь горькие рыданья
Песню запела:
«Бессмертным силачом родившийся,
Друг мой Кёзюйке погиб.
Сильный сердцем богатырь
Зеленый Алтай покинул.
Если на подлунной земле
Нам вместе жить не пришлось —
После смерти мы вместе будем.
Если на солнечной земле
В разлуке с тобою мы жили —
Пусть смерть нас соединит!»
Два дня Баян
Горькую песню пела.
Два дня она
Слезы лила.
На третий день
Нож с девятью остриями
Над своей грудью подняла,
Любящее сердце
Насквозь пронзила,[32]
Рядом с Кёзюйке упала.
Караты-кан и Саныскан-бай
Из-за двух гор вернулись,
Тела Кёзюйке и Баян увидели.
— Когда они живы были —
Мы их разлучить не могли.
И мертвые они
Друг с другом расставаться не хотят!
Упрямству их где конец?!
Так старики дивились,

Мертвых ругали.
Тело Баян они
Через две реки перенесли,
Через две горы перетащили,
В черное ущелье бросили.
В долину Дюк-Дюрюк они вернулись
Тело Кёзюйке сжечь собрались.
Там они увидели:
На месте тела Кёзюйке
Высокая скала стоит,
Рядом, где лежала Баян, —
Другая скала возвышается.
Кёзюйке-богатырь и Баян-красавица
В вечные скалы превратились,
На долгие-долгие века
Рядом встали.
— Никогда их нам не разлучить! —
Караты-кан вскрикнул,
От черной злобы,
Словно уголь, рассыпался.
— Никогда их нам не уничтожить! —
Саныскан-бай взревел,
От черной ненависти,
Словно смола, растаял.[33]

***

Много веков миновало,
Но память о вечной любви,
Память о Кёзюйке и Баян
Народ навсегда сохранил.

КАН-ТОЛО

На южной теплой стороне,
На долине средь шестидесяти гор,
На берегу целебного моря,
Ездящий на черно-мухортом коне,[1]
Катан-Кара могучий жил.
Немного скота он кормил,
Управлял немногим народом.
Жена у него умерла давно,
Были вскормлены дети — три сына.
Были годы его на исходе:
Черная голова побелела,
Кости крепкие ослабели,
Дни прошедшие удлинялись,
Приближались последние дни.
Большого начальника не боящегося,
Сына старшего звали — Узун-Кара.[2]
В огне войны назад не отступающего,
Сына среднего звали Обо-Чечен.[3]
Сыну младшему подходящее
Имя долго найти не могли.

**
*

Заболел Катан-Кара могучий.
Головы от подушки не поднимая,
Ослабевший в постели лежал.
Когда понял, что больше не встанет, —
Сына младшего пригласил он,
Чтоб предсмертное слово сказать:
— Самый младший сынок мой, родное дитя!..
Я люблю тебя жарче огня...
Тут Катан-Кара, слова не договорив,
Беспробудно уснул навеки.
Братья старшие
младшего брата
По последним отцовским словам
С той поры Очи-Бала[4] назвали,
Сообща его стали растить.
Мальчик Очи-Бала с каждым днем мужал,
Скоро стал настоящим богатырем.
Взявши лук со стрелой, на Алтае родном
Очи-Бала ходил на охоту.
Сходит к северу
и шестьдесят
Зайцев там настреляет пушистых,
Побывает на солнечной стороне —
Пятьдесят тогда зайцев приносит.
Братьям Очи-Бала весь народ
Говорил удивленно про мальчика:
— Не простой человек, видно, будет...
Редко Очи-Бала стал в аиле бывать,
В лес дремучий, в высокие горы
На охоту всё чаще ходил.
Как-то раз про себя он подумал:
«Я мужчиной родился, а где у меня
Конь, чтоб мог среди гор разъезжать я?
Где броня, чтоб надеть, меч, копье мое где?..»
Раз он видит: ведёт по долине табун
Рыжий конь — молодой, могучий.[5]
Словно ножницы, чуткие уши его
Стригут белое облако... Ярко
Днем и ночью сверкают глаза...
Из ноздрей
Пышет желтое жаркое пламя.
Грива, хвост, словно шелковые...

Ив Шитковъ

Увидав вожака табуна,
мальчик наш
Порешил изловить его,
и шесть суток
Он бежал, догоняя коня лихого.
Шесть высоких хребтов, шесть широких долин
Пробежал за конем этим быстрым.
Наконец, ухватился за шелковый хвост.
О железную гору ногами
Упершись, своротил ее!..
Но в степи
Задержал все ж коня удалого,
Взял за пышную гриву, к аилу привел.[6]
Увидав это, старшие братья
Рассердились... Нахмурили брови свои,
Губы зло закусили и строго
Сказали Очи-Бала:
— Вожака табуна, что отец не седлал,
Изловил ты, спросясь у кого?..
Поскорее
Отпусти на луга!..
Не послушался их
Очи-Бала и, правую руку
Подняв кверху, сердито вскричал:
— Мой Алтай и целебное море!
Конь вот есть, — где ж седло и токум?
Я мужчиной родился, так где же
Меч, броня, все доспехи мои?
Лучше б мне и совсем не родиться!
Лучше б мне не давался совсем
Рыжий конь этот — быстрый, чудесный!..
Не успел Очи-Бала закончить, как вдруг
Гром послышался... Задрожала
Вся большая земля... И, пока народ
Удивленно прислушивался,
предстали
Перед Очи-Бала рыжих семь коней,
Все доспехами навьюченные... Упали,
Груз тяжелый стряхнули и враз
Ускакали за дальние горы.
Стлался белый пушистый туман, и народ
Долго-долго молчал, пораженный.
— На несчастье родился нам младший брат.
Смерть и беды принес он, и надо,

Чтоб вернее избавиться от него,
К Саныс-кану[7] скорее поехать.
Пусть он сузит широкие плечи его,
Усмирит его ум непокорный... —
Так сказали два брата и, заседлав
Двух коней, к Саныс-кану поехали...

***

Мальчик Очи-Бала нарядился. Взял
Узду, золотистую, словно солнце,
Взял седло, серебристое, как луна,
Взял токум, как долина широкий,
Коня рыжего заседлал.
Туго тридцать подпруг затянул и, вложив
Ноги в бронзовые стремена,
Разъезжает в горах Алтая.
Соболей промышляет и разных зверей...
Целый месяц в горах проездил,
А когда возвратился домой —
Братьев всё еще не было...
— Где же
Задержались они? Надо ехать искать...
Так решил Очи-Бала и сразу
От аила коня повернул.
Быстрый конь полетел, словно птица.
Темной ночью без сна и без отдыха днем
По следам своих старших братьев
Едет Очи-Бала...
На средине пути
Рыжий стал вдруг
и левое ухо
К теплой черной земле повернул,
Правым ухом стал в небе слушать.
Мальчик Очи-Бала слез с коня
И припал на одно колено:
— Крылья рук моих, ног покой,
Что узнал ты, друг, что учуял?
Отвечает конь:
— Саныс-кан
Много крови народной выпил,
Съел чужого труда,
и назад от него
Путь закрыт...
— Друг мой, будь осторожен, —

Посоветовал рыжий конь
И опять полетел, как птица.
Он хвостом не касался больших морей,
Гор вершины не бил копытом.
Много-мало ли ехал так богатырь, —
Увидал табуны Саныс-кана.
И народ, им измученный, и дворец,
Что имел шестьдесят шесть углов!..
Бесстрашно
Настежь дверь распахнул
и присел к очагу.[8]
Вот с кошемного мягкого трона[9]
Встал хозяин. Дрожали колени его.
Заблестели глаза, как озера.
К Очи-Бала шагнул и спросил:
— С мудрым сердцем, сверкающими глазами,
Ты откуда приехал сюда, богатырь?
Тот ответил:
— Два старших брата
К вам поехали с жалобой...
Месяц прошел,
А они не вернулись. За ними
Я поехал. Хочу вас спросить,
Где теперь мои братья родные?..
— Были, были такие богатыри
И поехали к желтому морю
Порыбачить... Скорее туда поезжай,
На обратном пути заверните
В мой дворец.
Будем кушать из чаш золотых,
Золотыми словами беседовать будем...
Ничего не сказал богатырь молодой.
Взадпятки из дворца выходит,
Птицей к морю на рыжке летит.[10]
По дороге поймал жеребенка,[11]
А у желтого моря его
Нацепил на уздечку с крючками;
В море бросив, стал удить...[12]
Рванула из рук
Повод крепкий могучая рыба!..
Дважды чуть не стянула богатыря
Вместе с верным конем его в море.
В третий раз он, все силы собрав, потянул —
И тогда над водой показалась

Рыба кит...[13]
А на землю упав,
Плавниками свет солнца затмила.
Трепеща, разбивала хвостом золотым
Гор хребты... Со дворца Саныс-кана
Сбила крышу,
его самого
Плавником золотым оглушила...
Очи-Бала мечом в трех местах
Разрубил рыбе шею, и сразу
Из нутра ее толпами хлынул народ.[14]
Вышли старшие братья и не узнали
Очи-Бала, прошли, как чужие...
Богатырь воротился в дворец,
Изрубил Саныс-кана злодея,
Бросив в яму, тяжелой горой привалил.
Молодая жена Саныс-кана
С чашей встретила богатыря
И, кумыс подавая, сквозь слезы
Сказала:
— Богатырь молодой,
С мудрым сердцем, сверкающими глазами,
Мою голову целой оставь.
Из силачей силач благородный,
Кровь мою не пролей и за это тебе
Буду вечно слугою надежной...
«Что ж, у женщины нет вины», —
Богатырь так подумал и к братьям
Подъехал:
— Вы, старшие братья мои!..
Чтоб меня проучить, — к Саныс-кану,
Кровь народную пившему, — вы
Уезжали... Теперь не пора ли
Возвращаться домой...
Без хозяина скот,
Без вожатых народ...[15]
Я — за вами... —
Так сказал старшим братьям меньшой.
Те сейчас лишь узнали — кто спас их.
На колени упали в слезах,
В голос просили:
— Наш братец родимый!
Спотыкается лошадь в седле, —
Так и мы вот споткнулись, — прости нас!

Нас умерших ты вновь оживил,
И за это тебе мы до гроба
Будем слугами верными...
— Ну, хорошо, —
Говорит Очи-Бала, смягчившись.
— Я вину эту первую вам прощу.
Но, чтоб впредь мне не делать плохого,
Поцелуйте меча острие,
Под луною и солнцем клянитесь...
Те лизнули меча острие,
На луну и на солнце глядя,
В вечной верности поклялись...
И дворец, и все склады злодея,
Подпалил богатырь молодой.
Вблизи берега желтого моря
В подземелье дыру просверлил
Острым черным копьем,
и сбежала
Вся вода!..
А коней табуны
На Алтай родной братья погнали.
Вслед за ними на желтом коне
И жена Саныс-кана поехала.

***

Через месяц приехав домой,
Увидали три брата родные:
На лугах, где паслись табуны,
Не помята трава. Близ аилов,
Где народ жил, —
бурьяном покрылось всё.
Свет луны, солнца свет затемняют
Тучи жадных сорок и ворон,
Что над трупами вьются...
Людская
Кровь до пояса...
Конская кровь
До седла глубиной на долинах!..
Встали волосы дыбом, когда
Увидал Очи-Бала такое.
Взял он плеть, что из шкур девяти быков
Сплетена была, — плетью этой
Он ударил по черной горе и рассек

Гору надвое!..
                    После братьев
За косички схватил и сказал:
— Из-за вас, из-за вас все несчастья!
Отрублю ваши головы и к ногам
Их приставлю!..
                    Отрублю ваши ноги
И к головам положу!..
                    В это время затрясся
Весь могучий Алтай голубой.
Перед братьями рыжий отцовский
Конь предстал и сказал, заржав:
— Не губите друг-друга напрасно.
Ваши аилы завоевавший,
Вас приехавший покорить, —
Виноват Тельбен-Кара-кан,[16]
У основания неба живущий,
На рыжей лошади ездящий.
Чтоб в войне победить его, — хватит
Ваших сил...
                    Поскорей поезжайте,
Уничтожьте врага!..
                    — Мы поедем, брат,
Чтоб врага уничтожить...
                    Прости нас! —
Узун-Кара и Обо-Чечен
В голос крикнули младшему брату.
Тот смягчился и, руки разжав,
Отпустил их косички.
                    А братья
На могучих и быстрых конях
Тельбен-Кара искать помчались.

***

Очи-Бала весь пригнанный скот
Табунами на пастбища вывел.
И народ, что приехал за ним,
Поселил в самых лучших долинах.
Сам, на рыжку любимого сев,
Свой родимый Алтай объезжает...
Вдруг опять весь Алтай задрожал.
Вновь предстал перед Очи-Бала
Конь отцовский!..
                    Заржав, он сказал:

— К землям злого Тельбен-Кара-кана
Пока братья доедут твои, —
Поседеют их головы, кости
Одряхлеют...
Поэтому сам
Поскорее туда отправляйся.
Рыжего коня своего расседлай, —
Пусть пасет табуны на Алтае.
Пересядь на меня...
Богатырь молодой
С рыжки быстрого, верного друга,
Снял седло, серебристое, как луна,
Снял узду, золотистую, словно солнце,
И отцова коня заседлал.
В шестьдесят восемь пуговиц панцырь
(Черный — сажи черней!) надел.
Сапоги, что с подошвой чугунной,
И бобровую шапку надел.
Боевых девяносто доспехов
Он на оба плеча натянул.
Сел в седло и сказал провожавшим:
— Если близко, то ждите обратно
Через семь лет...
А далеко, —
Через девять лет буду дома.
Так сказал и пришпорил коня.
На высокой горе поднебесной
Рыжий конь вдруг спросил седока:
— Побрыкаться мне можно немного?
— Можно, можно, — ответил ему богатырь,
И в глазах его помутнело...
А очнувшись, он понял:
летит высоко́,
Задевая за ясные звезды.
Вниз взглянул — голубые моря,
Словно чашки с водой небольшие.
Горы — с шапку всего.
Русла рек —
Нитки тонкие голубые...
Вскоре стало вдруг жарко богатырю.
Край земли недалек, верно...
Видит:
Еле живы шагают два брата его,
И коней за собой изможденных

В поводу ведут... Видно, что им
Не дойти до земли Тельбен-Кара.
Очи-Бала подъехал и громко сказал:
— Братья! Вам за всю жизнь не доехать
До земли Тельбен-Кара!..
Обратно домой
Поезжайте скорее. Пасите
Скот на лучших лугах
и народ
Не давайте в обиду!..
Злодею
Я сумею один отомстить!..
Так сказал Очи-Бала и дальше
Полетел....
Где стоял — виден след.
А куда
Конь порхнул — и следа не видно.
На Алтай бело-синий домой
Братья радостные повернули.

* * *

Черной ночью без сна и без отдыха днем
Очи-Бала летит по Алтаю
Вихрем легким...
В долине большой
Рыжий стал вдруг и левое ухо
К теплой черной земле наклонил,
Правым ухом стал в небе слушать.
Очи-Бала слезает с коня
И, припав на одно колено,
Говорит:
— Крылья рук моих, ног покой,
Что узнал ты, друг, что учуял?..
Отвечает конь:
— Гору сейчас
Перевалим, и там ты увидишь
У железной степи на краю,
Близ железного тополя —
с шишкой
На морщинистом лбу —
богатырь сидит —
Катыр-Уул...[17]
Его ты не бойся.

Ты вплотную к нему подъезжай,
Глядя прямо в глаза его злые.
Это — сторож Тельбен-Кара...
Так
Конь сказал и, не медля, помчался
Легкой иноходью...
За горой,
Близ железного тополя, кто-то
Вдруг коня за подпругу схватил.[18]
Очи-Бала взглянул:
с шишкой с гору
На огромном морщинистом лбу
Это Катыр-Уул его держит.
Не умевший сердиться, наш богатырь
Разъярился и конской плетью[19]
Катыр-Уула на части иссек,
Через тридцать хребтов перебросил.
Кончив с первым препятствием,
богатырь
Вытер пот и старательно в море
Вымыл плеть, сел на рыжку и вновь
Полетел через горы и степи.
Много-мало ль ехал — опять
Рыжий стал вдруг и левое ухо
К теплой черной земле наклонил,
Правым ухом стал в небе слушать.
Очи-Бала слезает с коня
И, припав на одно колено,
Говорит:
— Крылья рук моих, ног покой,
Что узнал ты, друг, что учуял?
Отвечает конь:
— Нас впереди
Ждет второе препятствие...
Это —
Тельбен-Кара надежный слуга —
Богатырь Дьер-Киндик...[20]
Он с арканом
В черной яме, как мертвый, лежит.
Если тут мы сумеем проехать,
То победа за нами.
А если нет, —
Жизни нашей конец...
Всё же смело

Подъезжай к нему...
Будет лежать,
Как умерший...
Гляди, не моргая.
Перепрыгну я через него,
И дневать мы поблизости будем,
Не страшась...
Далеко отъезжать
Нам нельзя, —
так ответил
Верный конь и помчался вперед.
Много-мало ли ехали — видит
Очи-Бала:
с арканом в руке
Богатырь Дьер-Киндик, словно мертвый,
На краю земли в яме лежит.
Сам огромный — с высокую гору.
Очи-Бала глядит на него, не моргнув,
Подъезжает вплотную и громко
Говорит:
— Кто ты будешь, силач?..
Почему ты молчишь, словно мертвый?..
Дьер-Киндик не ответил и не моргнул
Глазом даже...
Тогда Очи-Бала
Рыжку плетью стегнул и, перескочив
Через богатыря, на долине
Стал дневать...
Лишь на третий день
Дьер-Киндик поднялся...
Злой, лохматый —
К Очи-Бала пришел и спросил:
— На коне не встречался ли рыжем
Богатырь Очи-Бала?..
Семь дней его
Жду напрасно...
Вскочил разъяренный
Богатырь молодой... Закричал он:
— Тот, что ездит на рыжем коне,
Очи-Бала зовется — вот он! Это — я!
Разве я задолжал тебе или
Я родным твоим что-нибудь задолжал?
Для чего меня ждешь?!.
И за вóрот

Очи-Бала схватил силача.
Мало слов, чтоб о схватке жестокой
Рассказать...
Весь Алтай задрожал,
Гром поднялся до синего неба.
Эрлик-бий в подземелье оглох,
В небе струсили три Курбустана.
Целых семь лет — и ночью, и днем —
Шла борьба!..
Наконец, Очи-Бала,
Изловчившись, лихого врага
Оторвал от земли,
поднял в небо,
О железную гору врагом
Ударяет сразмаху!
И, посредине
Разорвав, удивленно глядит:
Зад врага ненавистного
пляшет лихо,
Часть передняя
громко поет:
— Нет, такой богатырь не родился,
Чтоб найти мою душу, убить...
Видя то, рассердился сильнее
Богатырь наш, но как извести,
Где найти ему вражью душу,
Он не знает...
Вдруг конь подбежал
К заду злого врага
и зубами
Он подошвы чугунные оторвал[21]
От сапог Дьер-Киндика...
Выпал
Из-под левой огромной подошвы — нож[22]
С желтой ручкой...
Схватив его быстро,
Богатырь в сердце вражье вонзил.
Разлилась кровь поганая морем,
Кости вражьи лежали горой...
— Вражьей крови не думал я видеть. —
Из-за братьев пришлось воевать.
Так сказав, богатырь окурился
Можжевельником...
В ручейке

Чисто вымылся,[23] шелком утерся,
Лег на солнышке отдохнуть.
А когда вновь собрался поехать,
Рыжий конь ему говорит:
— Злой Тельбен-Кара с войском несметным
Нам с тобою навстречу идет.
Сил нехватит у нас с ним бороться,
А стреляться — нехватит стрел.
Всё же ты, поборовшись немного,
Словно мертвый, потом упади.
Тут несметная злая орава,
Сам вожак ее —
спорить начнут.
— Я убил его, я! — будет каждый
Что есть мочи орать...
А из-под земли
В это время четырехкрылый
Беркут вылетит.
Если стрелой
Ты собьешь его, не прозеваешь,
То победа за нами...
— Спасибо, друг,
За совет тебе мудрый! —
Сказал Очи-Бала,
Крепко рыжего поцеловал
И вперед полетел легкой птицей.
Много-мало ли ехал —
На край горы
Прилетел...
За горой, над долиной
Видит — серый поднялся туман —
Это лошади так надышали.
Словно буйный бескрайний пожар —
Лица красные...
Это всё войско
Тельбен-Кара...
Недолго стоял
Незамеченным Очи-Бала.
Увидал его злой богатырь
И спросил своих слуг:
— А скажите,
Что виднеется там на хребте —
Человек или зверь?..
Отвечает

Богатырь один:
— Если куран,[24]
То рога не видны...
И на человека
Не похож, — головы не видать, —
Говорит богатырь, ухмыляясь.
— Нет, напрасно смеетесь, друзья мои!
Это едет на нас Очи-Бала.
Ну-ка, живо все — на коней
И за мной! —
Закричал Тельбен-Кара.
Сам вскочил на коня и повел
Войско черной бескрайней лавиной.
Очи-Бала взял меч стальной
В руку правую...
Крепко бобровую шапку
Натянул
и карьером влетел
В черный лес войска вражьего!..
Рубит
Беспощадно, но войско врага
Все равно не становится меньше.[25]
Груды тел...
Черной крови моря...
Самому Тельбен-Кара-кану
В девяти местах панцырь рассек.
Войска все еще много...
Тут вспомнил
Очи-Бала совет своего коня,
Черный меч уронил и, крикнув
«Умираю!» — упал на траву.
— Я убил его, я! — заорали,
Тучей сгрудились богатыри.
— Я убил его сам — что вы врете! —
Вдруг Тельбен-Кара-кан заорал.
Раскололась гора,
и четырехкрылый
Беркут вылетел из-под земли,
Стал кружить...
Следом вылез лохматый
Бог подземный — сердитый Эрлик,
Стал хвалить Тельбен-Кара-кана:
— Очи-Бала, что нес нам беду,
Ты убил!

Пусть большой и счастливой
Будет жизнь твоя на земле.
Сколько ханов на свете есть — будут
Все твоими рабами на век... —
Так кричал злой Эрлик.
В это время
Верной девятигранной стрелой
Богатырь убил черного беркута.[26]
Сразу
Рыжий конь ненавистного богатыря
И хозяин его — повалились.
Гриву — конь,
а хозяин его — рукава
Положили под головы.
Морем —
Кровь поганая;
кости — горой.
На коня Очи-Бала садится,
Едет войско врага добивать.
Пролетит один раз и уложит
Пятьдесят тысяч!
А в другой конец —
Шестьдесят тысяч сразу уложит!
У сердитого бога Эрлика
От испуга закрылись глаза,
Убежал в подземелье!
Другие
Кто-куда разбежались богатыри.
Уничтожив врагов, Очи-Бала
Ко дворцу Тельбен-Кара подъехал,
сказал
Трудовому народу:
— Живите
Вы спокойно и дружно теперь.
Ару-Чечен — жена Тельбен-Кара —
С чашей встретила богатыря
И на правое стала колено,
Косу правую смяла в руках,
Над богатою чашей сквозь слезы
Сказала:
— Молодой богатырь,
С мудрым сердцем, сверкающими глазами!
Злые ханы — виновны перед тобой.
Жены ханов и малые дети —

В чем повинны они?..
Пожалей меня,
Богатырь молодой, и за это
Буду вечно слугою твоей.
Класть под голову буду тебе подушку, —
Мою голову целой оставь.
Стлать постель под бедро твое буду, —
С белым светом не разлучай...
Пожалел Очи-Бала, не тронул
Ару-Чечен...
Разрушил дворец
И сказал трудовому народу:
— Из среды своей голову выбрав,
Здесь вы будете жить иль со мной
Вы поедете?
Вас принуждать
Я не буду... Решайте всё сами...
— Нет, мы здесь не останемся!..
За тобой
Все пойдем на Алтай твой счастливый!
Тельбен-Кара шиповником сек
Нас несчастных...
Света ясного солнца
Не видели мы... Не оставь,
Богатырь молодой!..
Отвечает
Очи-Бала народу, что вкруг него
Черным лесом шумит:
— Поезжайте
Вслед за мною и ночью, и днем!..
Ару-Чечен, жену Тельбен-Кара,
Взял с собой
и приехал домой.
Что же видит он?
Старшие братья —
Узун-Кара и Обо-Чечен,
Позабыв о работе, дерутся,
Саныс-канову делят жену.
Оба живы едва!..
Очи-Бала,
Разъярившись, пощечины дал
Старшим братьям и выругал громко,
Брату старшему отдал жену
Саныс-кана.

А среднему брату
Дал жену Тельбен-Кара —
Ару-Чечен.
Сделал братьев семейными
и построил
Два дворца для них!..
После сказал:
— Рукава, чтоб под голову класть,
Износились,
одеваться — шуба порвалась.
Поищу-ка себе средь народа
Друга я.
Есть два брата в горах,[27]
А у них есть сестра — к ним поеду.
Если в жены ее не возьму, —
Еще дальше проеду на полдень,
Где живет Кюлер-Отык-кан,
У него дочь посватаю. Если
И на ней не женюсь, то под землю,
Где два брата — Алмыс-Дилимис.
Их сестру тоже можно посватать.
Скоро, то через семьдесят лет
Возвращусь я домой.
Если долго,
То проезжу тогда девяносто лет.
Дольше этого ездить не буду.
Берегите на пастбищах скот,
Пусть живет весь народ наш богато...
Так сказав, богатырь
В миг надел боевые доспехи,
Взял седло, серебристое, как луна,
Взял узду, золотистую, словно солнце,
Коня рыжего заседлал.
Туго тридцать подпруг затянул
и, вложив
Ноги в бронзовые стремена,
Как долина широкой ладонью
Помахал на прощанье и полетел...
Где стоял — виден след, а куда
Прянул конь — и следа не видно!

* * *

Черной ночью без сна и без отдыха днем
Легкой птицей летит Очи-Бала.

Меч звенит, черный панцырь гремит...
Много-мало ль так ехал —
вдруг видит:
Посредине бескрайней степи
Ярким буйным огнем жестоким
Схвачен старый шалаш...
Говорит
Рыжий конь Очи-Бала:
— Подъедем,
Поглядим...
Богатырь молодой
К шалашу подъезжает... Не медля,
Полыхающий ярко шалаш
Разбросал черенком черной плетки.
Видит — вылез мужчина слепой,
Обожженными шарит руками.
А с другой стороны шалаша
Вышла женщина — тоже слепая.
— Кто ты, спасший от гибели нас?
Назови свое имя и руку
Нам подай, —
просят так старики.
— Я на рыжем коне ездящий,
Очи-Бала безвинный зовусь...
Старики восклицают радостно:
— Да ведь это же младший сын
Силача Катан-Кара...
Боролся
С Саныс-каном безжалостным ты —
Чья победа?
С Тельбен-Кара-каном
Воевал ты —
ну, кто победил?..
— Я врагов победил кровожадных, —
Отвечал богатырь молодой.
Старики тут сказали ему:
— Поскорее
Ты коня своего расседлай,
Пусть в степи бесконечной гуляет,
Травы сытные ест, воды пьет.
Да и сам отдохни...
Очи-Бала
Приглашение принял
и, расседлав,

В степь коня отпустил...
Словно поле,
Развернул он чепрак, дорогое седло
Положил себе в голову.
— Может,
Пищи нашей попробуешь? — так
Старики спросили Очи-Бала,
Подали полную чашку ячменных щей.[28]
Выпил их богатырь, и сразу
От стеснившего воротника
Отлетели все пуговицы!..
Рубашка
Порвалась на спине!..
В десять раз
Сил прибавилось вмиг и вырос
В десять раз!..
Говорят старики:
— Дай коню своему щей остаток.
Дал коню богатырь их, и тот
Враз длиннее стал на десять сажен,
Выше на три сажени вдруг стал.
Говорят старики после этого нежно:
— Друг наш! Правильно имя твое
Так:
на кроваво-рыжем коне ездящий,
Богатырь Кан-Толо[29].
Твой отец
Рано умер, тебе не успел он
Даже имени дать. Так и звался ты —
Очи-Бала...
Отныне же будешь
Богатырь, у которого крови нет,
Чтоб из ран текла, и в котором
Нет души умирающей!
Победишь
Шестьдесят грозных ханов Алтая.
Пред тобою все ханы земли
Будут в страхе дрожать!.. —
Так сказали
Старики эти добрые богатырю.
Их слова Кан-Толо окрылили.
И, коня заседлав, он хотел
Дальше в путь отправляться, но слышит —
Говорят старики:

— Еще слушай, сынок!
По пути тебе встретятся ханы —
Ильбис-Дилбис.
У них есть сестра.
Ты хотел ее сватать, но поздно.
Ее сватали трое богатырей
Эту девушку золотую,
Ну, а высватал Чонкыр-Кюлюк,
Тот, что ездит на пегом коне рысистом...
Не грусти, — много девушек на земле.
Ты другую найдешь, —
говорили
Старики, гладя ласково богатыря.
— Ой, старик, ты забыл! —
вдруг сказала
Жена мужу.
— Скорее отдай
Тот подарок, что сыну когда-то
Берегли мы...
Согбенный старик
Под постелью нащупал большое
Яйцо гуся и подал богатырю:
— Береги его, друг!
Если злая
Смерть приблизится, — это яйцо
Ты достанешь и съешь половину,
А другую — отдашь коню!..
Так сказав, старики вдруг исчезли:
Нет ни шалаша и ни очага,
Вся долина покрыта цветами,
Верный конь под седлом дорогим,
Кан-Толо — в дорогих одеждах.[30]
Сел на рыжку, помчался вперед.
Гор высоких хребты закачались,
Серой тучей вздымался песок.
— Ну, теперь-то мы непобедимы! —
Громко крикнул так богатырь.
— Нет, заранее вредно хвалиться, —
Строго рыжий сказал и вперед
Полетел легче птицы и ветра.
Много-мало ли ехали — видят след, —
Это богатыри проезжали:
Гор высоких прогнулись хребты,
Лес поломан, долины помяты.[31]

— Это сватов проехавших след.
Ильбис-Дилбис дворец скоро будет.
Как подъедешь к дворцу, то меня
Сам привязывай, друг, к коновязи.
Во дворец не входи впереди людей —
Держись сзади...
Будь вежливым, тихим, —
Так сказал рыжий конь Кан-Толо.
— Вот спасибо! —
сказал богатырь и снова
Поскакал...
Вскоре видит в степи
Караван, словно туча большая:
Верблюды с аракой, кони с мясом,
народ
Черным лесом...
— Куда это едут? —
У народа спросил Кан-Толо.
Отвечают: — Мы едем на свадьбу
Чонкыр-Кюлюк богатыря.
В сердце богатыря молодого
Защемило обидой,
убыстрил бег
Рыжки верного...
Вскоре въезжает
На вершину высокой горы.
И, привстав на стременах, он видит
Ильбис-Дилбис большие дворцы.
Быстрым ветром с горы той высокой
Кан-Толо подъезжает к дворцам.
У высоких дворцов — тьма народу.
Здесь веселые богатыри
Араку пьют;
там судьи, зайсаны
Веселятся.
А там во дворе —
Люди пешие бедные — кругом.
Никто Кан-Толо не заметил.
Он слез
С рыжки верного и, проворно
Привязав его, входит в дворец.
К очагу присел и что нового
Он спокойно спросил.
Ильбис-Дилбис тут

Подошли к Кан-Толо:
— Гость желанный,
Проходите вперед, — говорят.
Берут под руки нежно, проводят,
Садят рядом. Из чашечки золотой
Кан-Толо кумысом угощают,
Закурить из кисетов дают.
Но когда разгорелась беседа,
Вдруг поднялся большой богатырь —
Дельбеген семиглавый —
и громко
Заорал, засучив рукава:
— Ты, бессовестный, думаешь, что на свете
Конь твой рыжий быстрей всех других,
Из мужчин — ты всех в мире сильнее,
Не считаешь других за людей
И расхаживаешь так важно!..[32] —
Крикнул так, дал пощечины богатырю.
Кан-Толо, не умевший сердиться,
Разъярился...
Роняет из рук
Шубу пышную.
— Гриб вонючий!
Что ты тявкаешь попусту, пес?
Ты за что меня бьешь?!
Не вставая,
Кан-Толо мощной правой рукой
Стукнул наотмашь Дельбегена
И отшиб семь голов!..
Как шары
Все они покатились за двери.
Поднимается Чонкыр-Кюлюк,
К Кан-Толо подбегает:
— Откуда
Богатырь появился такой?
По щекам Кан-Толо ударяет...
Не стерпел богатырь молодой,
Встал он на ноги, вытолкал в двери
Чонкыр-Кюлюка на улицу...
Там
Продолжают бороться...
Как будто
Солнце скрылось за горным хребтом,
Закатилась луна... Наступила

Непроглядная страшная ночь.
Испугался народ:
кто был трезвым,
Тот пьянеет от страха,
кто пьяным был —
Отрезвел!
А жена Ильбис-кана
На коленях стоит, косы рвет:
— Из-за девушки убивать друг друга
Не давайте им! Разнимите скорей!..
Лошадями едва растащили
Кан-Карчыга и Кан-Карлагаш
Двух схватившихся яро...
Остались
Клочья панцыря в крепких руках
Кан-Толо...
Говорят тут два хана
Гостю, храброму богатырю:
— С мудрым сердцем,
сверкающими глазами,
Ты откуда приехал к нам, богатырь?
Отвечал он:
— Алтай поднебесный —
Моя родина.
Воду я пил
Из целебного моря большого.
Тот, что ездил на черно-мухортом коне,
Богатырь Катан-Кара — отец мой.
Конь мой — рыжий.
А имя мое —
Кан-Толо богатырь...
Себе друга
Поискать я поехал. У вас,
Слышал, девушка есть...
Посмотреть бы
Мне ее, —
отвечал Кан-Толо,
К рыжке, верному другу, подходит.
Конь зафыркал — из левой ноздри
Ташаур араки вылетает.
Богатырь его взял, и в руках
Стало семьдесят ташауров.
Фыркнул конь — и из правой ноздри
Вылетает вдруг ножка баранья.

Богатырь ее взял, и в руках
Стало семьдесят целых баранов:
Сверху жженого нет,
нет сырого внутри.
Богатырь во дворец их заносит
И заводит речь свата он.
У того, кто вина его выпил,
Стало на сердце радостно...
Вновь
Во дворце закипело веселье.
Поднялась Ильбис-кана жена,
Веселящимся громко сказала:
— Из двух мест к нам приехали женихи.
А невеста — одна. Мы не можем
Пополам нашу девушку разрубить.
Жениха выбирая, придется
Состязание нам провести.
Кто из трех состязаний сумеет
Выиграть два, тот невесту возьмет.
Состязания будут такими:
У кого будет меткой стрела,
У кого будет лошадь быстрее,
Кто окажется сам посильнее...
Согласились на это охотно
Женихи...
За железной горой
Виден тополь железный.
Задача:
Кто сумеет вершину сломить
Тому тополю меткой стрелою.
И вторая: вперед привезти
Листьев с тополя, что на закате,[33]
И травы с золотого хребта,
Что на севере...
А с востока
Из ядовитого озера привезти
Мелкий-мелкий песочек...
И третья:
Пнуть железную гору и пополам
Разломить ее сразу...
— Сначала
Мы стрелять будем, —
так заявил
Кан-Карчыга.

— Мы — первые сваты.
Взял он лук... Натянул тетиву.
Вот большая стрела пролетела
Через сорок высоких хребтов
И в болотную кочку воткнулась.
После выстрелил Кан-Карлагаш —
Средний брат...
Вот стрела пролетела
Пятьдесят хребтов
и воткнулась
В корень желтой рябины...
Стреляет
Младший брат — Чонкыр-Кюлюк...
Стрела,
Пролетев через семьдесят гор высоких,
В корень тополя крепко впилась.[34]
Вот последним из лука стреляет[35]
Кан-Толо, и живая стрела,
Сбив вершину, обратно вернулась
Вместе с нею к хозяйским ногам.
Все, кто видел это, дивились.
— Первая победа за Кан-Толо! —
Закричали все громко...
Большое
Началось тут веселье.
И Кан-Толо,
Неумевшего пить, научили
Араку выпивать...
Шестьдесят парней
В комысы перед ним заиграли,
Шестьдесят молодаек его
Песней радостной опьянили.
Опьянел до беспамятства богатырь
И, когда на минутку очнулся,
Слышит — ржет его верный конь,
Конь на привязи бьет копытом.
Словно речки из озера — слезы из глаз.
Горько-горько заржав, говорит он:
— Что ты бросился в горькую воду.
Дел труднейших немало...
Враги твои,
Может, к месту уже подъезжают.
Третьи сутки в пути...
Кан-Толо,

Услыхав это, к верному другу
Подбегает. Думал в седло вскочить,
Но не смог, а свернул только на бок
Золотое седло...
Тут в шубенке худой
Подбегает подслепый мальчишка:
— Ну, куда вы поедете — пьяный, куда?
Дайте лошадь!..
Я — трезвый — поеду!
Вы сидите и ждите здесь!
Кан-Толо
Не противился.
Птицы быстрее
Рыжий конь полетел...[36]
Ослабев,
Мальчик даже сознанье теряет,
А очнувшись, он видит, что перед ним —
Ствол могучего тополя золотого.
Только мальчик сумел наломать
Разных сучьев,
как ветром проворным
Рыжий дальше помчался, крича:
— Плеть с серебряной ручкой под гривой,
Этой плетью сразмаху ударь меня.
Мальчик взял эту плеть и сразмаху
Рыжку быстрого крепко стегнул.
Прянул конь —
из седла чуть не выпал
Мальчик...
Вскоре он видит — блестит
Под лучами гора золотая.
Мягкой черно-бобровой травы
Мальчик быстро нарвал и заметил
След в траве. Это Чонкыр-Кюлюк
И два брата его — за травою
Приезжали сюда.
Вражий след увидав,
Рыжий прянул лихим ураганом.
Вот и озеро ядовитое...
Здесь
Виден след трех соперников.
Быстро
Мальчик тут набирает песочка, и вновь
Рыжий мчится, как молния!..

Перегнал всех соперников он.
Ко дворцу Ильбис-Дилбис ханов
Подбегает, где ждет Кан-Толо,
А в руках у него — в девяносто сажен
Самый прочный ременный аркан.
Тучей серая пыль заклубилась —
Рыжий конь драгоценный летит.
Словно ножницы — чуткие уши
Режут облако...
Из-под копыт
Вылетает высокое пламя.
Вот он с коновязью золотой
Поравнялся...
Проворно бросает
На коня свой аркан богатырь.
Трижды шею обвил аркан.
Трижды
Вкруг большого дворца протащил
Конь хозяина.
Твердую землю
Вырыл ямой глубокой...
Сгреблась земля
Возле ног богатырских в высокую гору.
Все ж коня задержал богатырь.
Тут народ их встречает:
— Победа
За тобою опять, Кан-Толо!.. —
Так кричат все...
Мальчишку качают,
Сняв с седла, на широкой кошме,
И целебной водой его моют.
Когда мальчик пришел в себя,
богатырь
Поднял кверху его:
— Ну, спасибо!
Съездил в путь за меня,
быстрый выдержал бег
Рыжки верного...
Будем отныне
Мы друзьями с тобой навсегда!
Нарядив в дорогую одежду,
Садит мальчика рядом с собой,
И опять закипело веселье.
А соперники съехались ко дворцу

Через десять ночей только!..
Ханы
Много мяса готовят для них,
Араки — разливанное море.
Қан-Толо не берет араку,
Говорит: — Когда пью — забываюсь.
— Набуянить боишься? —
задорят его.
Не стерпел богатырь. Начал снова
Араку, да не чашками пить, —
Ташаурами целыми!..
Трое суток
Пьяным был Қан-Толо...
Налились
Яркой кровью глаза его...
Щеки —
Как железо каленое...
Той порой
Три соперника злых, три брата
Вкруг железной ходили горы:
И пинали, и ломом вздымали,
Но никак сшевелить не могли.
На четвертые сутки об этом
Разузнав, Қан-Толо закричал:
— Ах, бесстыжие!..
Грязным обманом
Вы победу надумали взять?!
Силачи, так давайте бороться,
Постреляемся, если богатыри!
Так сказав, Қан-Толо выбегает
Из дворца золотого.
Задел
Дверь слегка, и она разлетелась
В порошок!
Дернул коновязь он —
В пыль!..
Потом, разбежавшись, пинает
Семигранный железный хребет,
И летит он, как легкая бабка,
За семь горных хребтов и широких морей.
Қо дворцу прибежал и за ворот
Чонкыр-Кюлюка злого схватил.
Много-мало ль боролись —
ударил

О железную гору врага
Кан-Толо и порвал его в клочья.
Кан-Карчыга и Кан-Карлагаш,
Увидав это, скрылись скорее.
Разошедшийся богатырь,
Удержать себя сил не имея,
Стал безвинный народ убивать,
Пока конь его — верный товарищ —
В ледовитый не свез океан
И водою холодной не спрыснул.
Отрезвел богатырь и поцеловал
Друга верного — рыжку...
                    Обратно
Подъезжает к дворцу.
                    — Я не зря говорил.
Чтоб меня аракой не поили.
Пьяный буйным бываю. Прошу
Мне простить этот грех...
                    Не нарочно
Делал так. Подвела арака.
Тесть простил и богатую свадьбу
Стал готовить. К сестре повели
Ильбис-Дилбис отважного зятя.
Открывается дверь золотого дворца,[37]
И оттуда навстречу выходит
Молодая красавица —
                    Алтын-Чачак.[38]
Брови тонкие, черные косы...
Поздоровалась с братьями, с Кан-Толо.
Братья ей говорят:
                    — Дорогая
И единственная сестра!
С мудрым сердцем, сверкающими глазами,
Тот, что ездит на рыжем коне,
Богатырь тебя сватать приехал.
Вот — он. Хочет услышать твое
Слово искреннее...
                    Оглядела
Сквозь густые ресницы Алтын-Чачак
Кан-Толо и сказала:
                    — Благословите
Нас на вечную жизнь!..
                    С того дня
Пошло свадебное веселье.

Через три только года домой
Гости начали разъезжаться.
Если гость из далеких — с собой берет
Пищи на год.
А кто из близких —
Пищи вкусной на месяц берет.

**
*

Вот закончилась пышная свадьба.
Старшим братьям жены говорит
Кан-Толо:
— Там, где высватали невесту,
До седин головы не живут.
Есть хозяйство. Домой надо ехать
Поскорее...
Алтын-Чачак
В дорогие одежды оделась,
Заседлала лихого коня,
Попрощались со снохами, братьями.
На прощанье они говорят:
— Пусть же топчет подол твой сзади
Скот,
а спереди топчет — сын.
У дворов пусть коровы пьют,
у аила —
Пусть собаки лакают...
Домой
На коне своем верном рыжем
Кан-Толо
и Алтын-Чачак
На коне своем пегом — едут,
Звонко нежные песни поют.
И, заслушавшись песен этих,
Следом дикие козы бегут.[39]
Весел путь молодым.
Незаметна
Диких гор высота, глубина морей.
Половину пути пролетели,
Когда рыжка могучий вдруг стал:
Ухо правое к ясному небу
Поднял,
левое — наклонил.
Слез хозяин и — к рыжке с вопросом:

— Крылья рук моих, ног покой,
Что узнал ты, друг, что учуял?
Радость, горе ль нас ждет впереди?..
Отвечает конь:
— Радость и горе
Не узнал.
Но за этой горой
Нас враги ожидают лихие —
Кан-Карчыга и Кан-Карлагаш,
Младший брат на коне медно-буром —
Дьес-Кара...[40]
Услыхав это, Кан-Толо
Вмиг жену свою юную дорогую
Вместе с лошадью в ястреба превратил.
Сам же черно-бобровую шапку
До корней ушей натянул
И с горы посмотрел на долину.
И докуда хватал его взгляд —
Вражьим войском все было покрыто.
В казане большом мясо варилось.
Кипел пир веселый...
Три брата, три хана,
Сидя, в шашки играли...
Сказал
Младший брат, ухмыляясь:
— Я вижу
На вершине горы, на коне,
Что не больше ягненка, — героя[41].
Это кто же такой?..
— Милый друг! —
Говорят ему братья.
— Напрасно
Ты спешишь посмеяться над ним —
Не заставил бы плакать он.
Это —
Богатырь Кан-Толо, что убил
Брата старшего нашего...
В это время
Вихрем в черное войско влетел
Богатырь на коне своем рыжем,
Стал топтать и рубить врага...
Пролетит
В одну сторону —
сразу уложит

Пятьдесят тысяч войска!..
Назад
Пролетит на коне своем вихрем —
Шестьдесят тысяч ляжет врагов.
Дьес-Кара,
Увидав это, крикнул так громко,
Что Алтай задрожал! Ухватил потом
Кан-Толо за лопатки... Бороться стали...
Задрожала большая земля.
Расплескались моря. Наступила
Непроглядная страшная ночь.
Девять лет шла борьба. Стал слабее
Богатырь Кан-Толо. Стал руками он
Опираться на землю. Вдруг поднял
В небо ясное злой Дьес-Кара
Кан-Толо ослабевшего... Яро
Им ударил о гору железную он.
Вспомнил тут богатырь о подарке
Что слепой старичок подарил.
Съел яйцо Кан-Толо —[42]
и сразу
Сил прибавилось в нем!..
Хватает
Как стальными клещами врага.
Много-мало ль боролись — осилил[43]
Дьес-Кара, разорвал пополам
Богатырь Кан-Толо... Морем черным
Кровь из вражьего тела текла,
Кости горным хребтом возвышались.
Отдохнув, увидал Кан-Толо:
На бескрайней зеленой долине
Ильбис-Дилбис — два брата жены
И тот мальчик, что ездил на рыжке,
Вражью рать добивают...
Летит
Кан-Толо поскорее на помощь.
Подлетел и за косы схватил
Кан-Карчыга и Кан-Карлагаша,
Стукнул лбами и насмерть убил.
Уничтожив врагов, пищей лучшей
Братьев с мальчиком он угостил.
— Брата нет у меня, — будь мне братом.
Молвил мальчик тогда:
— Нет отца у меня, —

Будь отцом... На Алтай бело-синий,
На счастливую землю возьми...
Кан-Толо обнял мальчика нежно,
Горячо его поцеловал:
— Золотой мой! Пока целы будут
Наши черные головы —
Жить будем вместе;
из общей чашки —
Пить и есть,
и в одном седле
Будем ездить с тобой!..
В это время
Подъезжает Алтын-Чачак.
Богатырь поздоровался нежно
С молодою женой.
А потом
Усадил с собой мальчика.
Распростившись
С Ильбис-Дилбис,
поехал домой.
Где стояли их кони — след виден,
А куда они прянули — не видать.

* * *

На родимый Алтай бело-синий
Приезжает с женой Кан-Толо,
С милым мальчиком. Их встречают
Братья старшие и народ.
Братьев головы поседели,
Словно лебеди стали белы.
Зубы братьев родных пожелтели,
Словно желтые стебли травы.
О здоровье спросив, направляют братья
Кан-Толо в светлый новый дворец.
Чуть проехав, он видит:
построен
Золотой о шестидесяти углах
Небывалый дворец!..
А на солнце сверкает
Золотая высокая коновязь.
Говорит Кан-Толо: — Собирайте
Весь народ на богатый веселый той.[44]
Пусть народ хорошо погуляет...

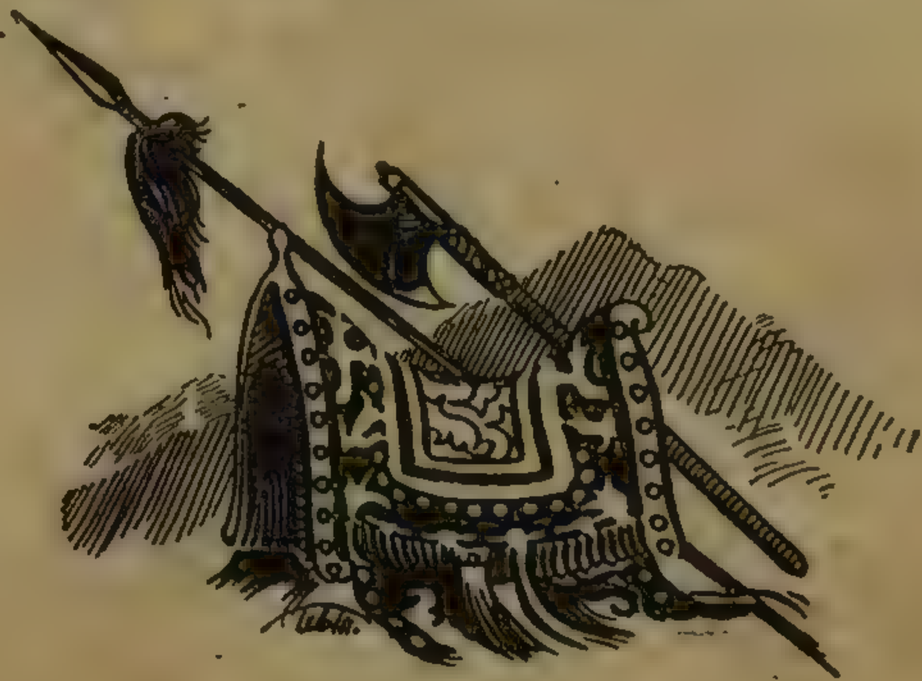
Вот собрался народ, и веселый той
Закипел-зашумел, не смолкая.
На десятом году всем гостям богатырь
Речь такую сказал:
— По Алтаю
С малых лет я брожу, беспощадно борясь
С злыми жадными ханами. Много встретил
Я надежных и верных друзей,
Но других мне дороже — вот этот
Мальчик тихий... Ни матери, ни отца
У него нет. Отныне он будет
Ведать всеми стадами моими.
Конь —
Рыжий, быстрый — конем его будет.[45]
Алдырбас-Мергеном[46] будем звать самого!..

**
*

Долго длилось большое веселье.
На пятнадцатом только году
Гости стали домой разъезжаться...
На Алтай бело-синий война
С той поры не заходит с мечом кровавым[47],
И без ханов там счастливо зажил народ.

**
*

Я кончаю... Где длинно чуть было,
То не я удлинял. А где коротко чуть,
То не я укорачивал — верьте:
Так от стариков все услышал я!

ЕСКЮС-УУЛ

У края долины жёлтой, как медь
(До конца ее птице не долететь),
Где медью кипят солонцы, как костры,
Жил бай Саныскан[1] на подоле горы.
Стада у него, как кустарник густой,
Богатство его, словно берег крутой.
Пастух, что у бая стада охранял,
Отца и мать давно потерял,
Владел он одним мухортым конем —
Ескюс-Уул, сирота кругом.
Взгляд его, как на небе звезда,
Ум глубок, как в реке вода,
Весь мир он пытливым умом охватил.
Он был пастухом, но охоту любил.
Хоть горек был труд и тяжел его век,
Но ставил ловушки он в руслах рек,[2]
По заячьим тропам, в лесу меж кустов
Он хитрый натягивал самолов.
И если зайца поймает в лесу,
Из мяса готовит наваристый суп,

Если же рыба в суген попадет —
На вкусное кушанье рыба идет.
К баю не шел за подачкой он в дом,
А жив был веселым своим умом.
— Ты — жадный! — бай говорил суров,
Но уши закрыты для байских слов.
Жизнью такой своего раба
Был недоволен сердитый бай.
«Жадный добычу находит сам,
Ущерб он наносит моим делам,
Прутьев не знала его спина,
Поэтому жизнь его так вольна!»
То Саныскан подумал и вот
Ескюс-Уула к себе зовет.
На спину обрушил ударов дождь:
— Моих табунов хорошо не пасешь!
Ты вздумал охотою промышлять!
Отныне ж не смей никогда забывать
Подарок мой щедрый. Возьми, получай! —
Вслед за плетьми приговаривал бай.
С этого времени дни сироты
Были печалью всегда налиты,
Он бы хотел по Алтаю ходить,
На зверя охотиться, рыбу ловить,
Но бая дозорные всякий раз
С него не сводили пытливых глаз.
А все ж он раскидывал сети в реках
И петли привязывал на горах.
И сети, и петли умело скрывал,
Знать о себе никому не давал.
Чтоб зверь его чуткий найти не сумел.
Издали он осторожно смотрел.
С песней печальной по лесу ходил,
Кто бы помог ему — не находил.
Ескюс-Уул однажды решил
Петли проверить в лесной глуши.
Зайцы попались в четыре, а та,
Верно, лисицей была занята,
Только добычу унес без следа
Серый волк неизвестно куда.
Ескюс-Уул, рассердясь, прибежал
К речке и сети поспешно достал....
Выдру, успевшую в сети попасть,
Волк у него ухитрился украсть!

Это увидев, Ескюс-Уул
Горькие слезы с ресниц смахнул,
В тяжкой обиде он громко рыдал,
Слово такое печально сказал:
— Вольной охоты мне бай не дает,
Тайной охоты мне волк не дает,
Где же тогда мое счастье живет,
Что ж оно скрылось, ко мне не идет?
Печаль шла за ним неотступно, как тень,
За месяцем месяц, за днями день...
Раз утром он видит, что нету коня
Там, где оставил на склоне дня.
В страхе Ескюс-Уул подбежал,
Взглядом повсюду коня он искал,
Видит — следы здесь оставил волк,
Тот, что коня у него увел.
Ескюс-Уул, хоть и добрым был,
Здесь в своем сердце он гнев ощутил:
— С баем напрасно тягаться мне,
С волком же серым я справлюсь вполне!
Он поскорей к шалашу подбежал,
Ноги железом свои подковал,
На голову шапку пока надевал,
Железный костыль он на волка сковал.
Сам он сказал себе: «Смертны мужи,
Как драгоценностям вечная жизнь
Им не дана!.. И коню умереть —
Золото вечно лишь может блестеть,
Мне же могилою волчья ли пасть,
Или под байскою плеткой упасть
Должен я... Равно предчувствуя смерть,
Буду за волком я гнаться теперь!»
Так подумав, Ескюс-Уул
Полы шубы за пояс заткнул,
На тяжкий костыль опираясь, пошел
По следу, который оставил волк.
Путь он к черной горе держал,
Байский табун охранять не стал.

* * *

Ни днем, ни ночью сна ему нет.
Там, где волк свой оставил след,
Ескюс-Уул безродный бредет,

Взбираясь на черной горы хребет.
К черной пещере след повернул,
Пошел туда же Ескюс-Уул.

**
*

Много ли, мало прошел он дорог —
Ескюс-Уул разобрать не мог.
Вдруг он увидел в пещеру вход —
Взгляд приковал ослепительный свод,
Шелк драгоценный повешен везде,
Шкуры звериные постланы здесь,[3]
Грязной рукой прикасаться нельзя,
Грязной ногой наступать нельзя!
Он смотрел на прекрасный узор,
Людей же нигде не нашел его взор.
Ескюс-Уул поражен этим был,
Выйти обратно совсем позабыл.
Висел там котел за ушки над огнем,
Жирное мясо варилось в нем.
Пищу увидев, Ескюс-Уул
Слюну набежавшую громко глотнул.
«Пока не придет сам хозяин сюда,
Я ни за что не пойду никуда!»
Так подумав, Ескюс-Уул
В бобровой постели, как дома, заснул.
Много ли, мало ли он пролежал,
Видит — желтый волчонок вбежал,
Сначала взглянул на котел над огнем,
На гостя в постели взглянул потом,
Всю пещеру он взглядом обвел,
Быстро обратно волчонок ушел.
Долго ли, нет ли пришлось подождать —
Входит в пещеру волчица-мать.
Взглянула она на котел над огнем,
На гостя в постели взглянула потом,
Взглядом пещеру внутри обвела,
Быстро обратно волчица ушла.
Ескюс-Уул, не мигая, смотрел,
Что это значит — понять не умел.
Немного спустя поседевший волк
В каменный этот аил вошел.
Ескюс-Уула он увидал,
Разом встряхнулся там, где стоял.

Волчья шкура исчезла вмиг —
Седоволосый предстал старик.
Былой красоты сохранились следы, —
Курчавились пряди седой бороды,
Плечи широкие — значит силён,
Из богатырской породы он.
Ескюс-Уула с улыбкой спросил:
— Как, сирота, хорошо ли жил?
Конь твой мухортый куда запропал?
Ты на подковы железные встал
И, подпираясь своим костылем,
Куда направился ты пешком?
Вопросы услыша, Ескюс-Уул,
Как на издёвку на них взглянул.
Быстро поднявшись, он строго сказал:
— Пойманных зайцев моих ты взял,
В сети попавшую выдру взял,
Ты же коня моего украл!
Над кем издеваешься ты теперь?!
Над кем насмехаешься ты теперь?!
Найду я слова говорить с тобой,
Сил наберу, чтоб пойти на бой!
Хозяин аила о том услыхал
И так с улыбкой ему отвечал:
— Не будь печален, не будь сердит —
Конь твой на пастбище сытый стоит,
Шкуры зверей, что убиты тобой,
В ящике чистом уложены мной.
Чтобы у бая ты мук не терпел,
На стойбище это прийти я велел.
Мне же с парнем хорошим таким
Хотелось бы вечно остаться родным.
Лучшего друга я ждал для себя,
Вот почему пригласил я тебя.
Ескюс-Уул, смягчившись, спросил:
— Почему же в пещере ваш тайный аил?
Где вашу землю родную найти?
Как ваше имя произнести?
Хозяин, услыша такие слова,
Ескюс-Уулу ответ давал:
— Бедный я, как и ты, человек,
Так же на баев работал свой век.
Много имел богатырских сил.
Дочь я единственную вскормил.

Баи ту дочь пожелали отнять,
Начали сватов ко мне засылать.
Дочь я добром не хотел им отдать —
Баи войну объявили тогда.
Ради спасенья дочери той
Вызвал на помощь туман я густой,
В этом тумане я дочку увел.
К этой земле я потом пришел.
Волком я стал и, как лютый зверь,
Хищной охотой питаюсь теперь.
Я за народом всегда наблюдал,
Друга найти постоянно мечтал.
Много лет ожидал я не зря
Такого могучего богатыря,
Встречи с тобой постоянно искал —
Ты, наконец, моим гостем стал.
Вот и сбылися мечтанья о том,
Чтоб встретился с другом я в доме своем.
Если понравится дочка — скажи,
Благословлю на счастливую жизнь.
Коль не по сердцу — дорогой любой
Можешь к себе возвратиться домой.
Ескюс-Уул, услыхав рассказ,
Мысли свои успокоил тотчас.
С этой минуты веселых речей
Дальше и дальше струился ручей.
Долгий, короткий ли срок проходил —
Снова заходят в красивый аил
Желтый волчонок с волчицей и враз
Волчий наряд отряхают тотчас.
Та, что казалась волчицей седой
(Морщины у глаз залегли бороздой,
Шерсть на висках серебрилась, как дым), —
Явилась внезапно старухою им.
Та, что волчонком казалась, — она
Направо посмотрит — как будто луна,
Налево посмотрит — как солнце тот взгляд,
Щеки цветами пионов горят.[4]
Как звезды ночные, сверкают глаза,
Слов для красы той найти нельзя,
Грязной рукой прикасаться не смей,
Алтын-Туулай[5] всех красавиц милей.
Обе, стряхнувши волшебный наряд,
Так перед гостем с поклоном стоят.

Каждый у каждого имя узнал,
Каждому каждый о всем рассказал,
К ним пододвинулся стол золотой,
Пища на нем возвышалась горой.
Тот, что имел одного лишь коня,
У отца и матери с первого дня
Пищи ни разу такой не вкусил,
Даже к губам ее не подносил.
Костью, что бай Санысқан обглодал,[6]
Мог лишь довольствоваться всегда...
После обильной еды и сластей,
После хороших открытых речей
Тот, кто аила хозяином был,
Ескюс-Уулу так говорил:
— Тайн у больших разговоров нет,
Стыда у великой беседы нет.
Взоры твои, словно пламя, горят.
Сердце и ум у тебя не молчат.
Вот что хочу я сказать, как совет:
Тот, кто мужчиной родился на свет,
Должен с годами жениться всегда,
Девочка замуж выходит всегда.
Думал, чтоб легче друг друга понять,
Должен об этом я вам рассказать.
Дочка моя Алтын-Туулай,
Друг мой Ексюс-Уул, узнай:
Пусть ваше пламя вместе горит,
Пусть и постель ваша вместе лежит —
Сердце отцовское так говорит...
Если согласны со словом моим —
За правые руки возьмитесь с ним,
В правую щеку целуйтесь скорей!
Ескюс-Уул услыхал эту речь,
Щеки пожаром зажглись у него,
Вмиг опустились ресницы его.
С места поднялся Ескюс-Уул,
Руку к Алтын-Туулай протянул:
— Благословил ваш родитель нас,
Руку теперь я прошу у вас!
— От матери, грудью вскормившей меня,
Твердого слова не слышала я.
Поэтому руку не смею подать,
Слово свое не могу сказать, —
Алтын-Туулай так ответ дала,

Матери слова с волненьем ждала.
— Мысли о том еще в давние дни
Были с отцом у меня одни.
Тот, кто стоит пред тобою, он
Нами самими сюда приглашен.
Ждем от тебя мы решительных слов,
Ты и не спрашивай нас, стариков! —
Седоволосая старая мать
Дочери так поспешила сказать.
Алтын-Туулай в это время в упор
На Ескюс-Уула направила взор.
Встретились жаркие взгляды двоих,
Молча они понимали их.
С этого времени пышный аил[7]
Праздник веселья большой посетил,
Когда же приблизился тоя конец,
Детям так говорил отец:
— Связаны жизни у вас меж собой,
Можете ехать теперь домой.
Каждый, что хочет — пусть то и возьмет,
Кочуйте туда, где народ живет. —
Зятю и дочери это сказал,
Из ящика зайцев и выдру взял,
Ескюс-Уулу их передал он.
И конь был мухортый ему возвращен.
Ескюс-Уул коня заседлал,
С приданным невесты тюки привязал.
Прощаясь, стали отца и мать
С нежностью в щеки они целовать.
Ескюс-Уул и Алтын-Туулай
Направились в дальний неведомый край.
Отец и мать выходили взглянуть,
Глазами детей провожая в путь.

***

Ескюс-Уул с женою своей
Много с тех пор перешли морей.
Много высоких скалистых гор
Перевалили они с тех пор.
Остановили коня своего
Они на подоле горы Ак-Тебо,[8]
Где недалек Саныскана кров,
Где тополь растет в шестьдесят сучков.

Тополь тот листвою богат,
Он стоит могуч и мохнат.
Если придет к нему сто табунов,
Скроются — видно не будет хвостов.
К нему прикочуют хоть сто семей —
Спрячется дым меж густых ветвей.
— Здесь надо жить,— так жене сказал
Ескюс-Уул и тюки отвязал.
Лунообразный огнива кусок
Взял он и яркий огонь зажег.
Не возразила Алтын-Туулай,
Сумку, где шкуры лежали, взяла.
Выдру достала из сумки той,
Шкуру за ноздри взяла[9] рукой,
Стала ее над землею трясти...
Взгляд не успеть бы перевести,
Как белоснежный, на шесть углов,
Белокошомный аил готов.
Был их аил красив и богат,
Словно луне он и солнцу брат.
Чаш дорогих непочатый край —
Тысячу тысяч гостей угощай,
Кушаний разных немало у них,
Только вот некому кушать их.
Алтын-Туулай молодая пошла,
Красную шкуру лисицы взяла,
Шкуру за ноздри поймала рукой
И подняла высоко над собой.
Только тряхнула — из шкуры летят
Одна за другой кобылиц шестьдесят,
За кобылицами под конец
Бело-каурый упал жеребец.
Гром загремел и, блестя, как заря,
Мигом доспехи богатыря
Вместе со сбруей коня золотой
На земь упали из шкуры той.
Заячьи шкурки четыре взяла,
Вместе держа над собой подняла —
Выпали десять коров и телят,
Не сосчитаешь овечьих стад.
Сутки одни не успели пройти,
Жизнь начала небывало цвести.
Ескюс-Уул с женою своей
Зажили счастливо с этих дней.

**
*

Радости дни незаметно прошли,
Байских три сына на гору взошли,
Луки охотничьи взявши с собой,
Все поднялись на хребет Ак-Тебо.
Тополь там в шестьдесят сучков —
В дождь защита для табунов,
В знойные дни холодок для стад.
Там белоснежный, на шесть углов,
Белокошомный аил предстал.
Трое хлестнули своих коней,
Чтобы подъехать к нему поскорей.
Вышел навстречу Ескюс-Уул,
Не унижаясь, на них взглянул,
В бок уперевшись рукою стоял,
Не брался за повод и шапки не снял.
Братья снова хлестнули коней,
Скачут в аил Саныскана скорей
И, не слезая с коней, сгоряча
Так Саныскану в тревоге кричат:
— О, наш отец, приключилась беда!
Тот, кто недавно стерег стада,
Чьи ребра виднелись меж рваных заплат,
Не скажешь словами, как стал он богат!
Невесту нашел, что подобна луне,
Аил построил он белый, как снег,
Конских не счесть у него табунов,
Много в стадах длиннорогих коров,
Словно кустарник, овечьи стада!
Нам счастье его удалось повидать...
Бай Саныскан это слышит и вот
Такой ответ сыновьям дает:
— Зачем, сыновья мои, так спешить?
Он долго не будет в веселье жить. —
Его, как худую собаку, убьем,
Жену-красавицу мы отберем!
Как это сделать, я вас научу,
Его уничтожить я сам хочу!
С этого времени бай Саныскан
Смерти Ескюс-Уулу искал.
Однажды охотиться уходил
Ескюс-Уул и жене говорил:
— Зовет меня в горы могучий Алтай,

Я долго пробуду, Алтын-Туулай.
Старший сын Саныскана узнал,
Что случай удобный уже настал.
К жене сироты в белоснежный аил
Гостем он добрым, немедля, прибыл.
Утром у двери оставил коня,
Пробыл в течение долгого дня,
Когда же спустилась полночная тьма,
Алтын-Туулай так спросила сама:
— Старший сын, я хотела бы знать,
Не собрались ли вы здесь ночевать?
Сын Саныскана ответил тотчас:
— Да, я хотел бы остаться у вас!
— Тот, у кого эти мысли живут, —
Алтын-Туулай отвечала тут, —
Пусть из аила он выйдет скорей,
Чтобы закрыть дымоход поплотней.
Сын Саныскана поспешно идет,
Чтобы закрыть побыстрей дымоход...
Вот уж зарею восток заалел —
Он дымохода закрыть не сумел.
Стыд возвратиться в аил помешал,
Он от позора домой ускакал,
Все, что в аиле случилось с ним,
Дома поведал он братьям своим.
Средний брат услыхал рассказ.
— Я поеду! — воскликнул тотчас.
Он на коня торопливо вскочил,
Вихрем помчался в далекий аил.
В небо ни разу в пути не смотрел,
Долго ли ехал — сказать не умел,
Видит — пред ним белоснежный аил,
Быстро подъехав, он двери открыл.
Алтын-Туулай приветствуя, он
Был красотою ее поражен.[10]
Утром он гостем в аил прискакал
И не заметил, как вечер настал.
— Средний сын, я хотела бы знать,
Не собрались ли вы здесь ночевать?
Сын Саныскана ответил тотчас:
— Да, я хотел бы остаться у вас.
— Тот, у кого эта дума живет,
Дверь на крючок пусть немедля запрет!
Сын Саныскана старался всю ночь —

Дверь запереть оказалось невмочь.
Видя сверкание нового дня,
Он, устыдившись, вскочил на коня,
Все, что случилось в аиле с ним,
Дома поведал он братьям своим.
Младший брат, услыхав о том,
С места вскочил в нетерпенье большом.
Он, как попало, коня заседлал,
В стремя ногой впопыхах не попал,
Нетерпеливо на лошадь вскочил,
Вихрем умчался в далекий аил.
Долго в дороге он был или нет,
Видит — аил перед ним, словно снег.
Он торопливо коня привязал,
В белый аил, как безумный, вбежал.
Когда обменялись приветом они,
С Алтын-Туулай — молодой жены —
Глаз не сводил и на миг один
Бая могучего младший сын.
Утром он гостем в аил прискакал
И не заметил, как вечер настал...
— Младший сын, я хотела бы знать,
Не собрались ли вы здесь ночевать?
Сын Саныскана ответил тотчас:
— Да, я хотел бы остаться у вас!
— Если вы думою полны такой —
Чайник покрышкой накройте вон той...
Сын порученье исполнить хотел —
Чайник накрыть до утра не сумел.
Видя сверкание нового дня,
Он поскорее вскочил на коня.
О том, как красавицей был посрамлен,
Братьям подробно поведал он.
Дивила их хитрость красивой жены,
Не зная, что делать, сидели они.

*
**

Меж тем Ескюс-Уул молодой
Весел с охоты вернулся домой.
Много он черных убил соболей,
Самых дородных убил зверей.
Алтын-Туулай из шкур дорогих
Красивой одежды нашила вмиг,

Из жирного мяса в котле над огнем
Вкусную пищу сварила потом.
Жизнь пошла без печали вновь —
Меж молодыми цветет любовь,
Не потухая огонь их горит,
Не остывая постель их лежит.
Так они жили, когда, наконец,
От Саныскана приехал гонец.
Ескюс-Уулу он так говорил:
— Утром, лишь только заря загорит,
Солнца покажется пламенный край,
В гости приказывал ехать бай!
Ескюс-Уул возражать не стал,
К баю приехать согласие дал...
И на заре наступившего дня
К байскому дому направил коня.
Стойбище он Саныскана нашел,
В байский аил он как гость вошел.
Быстро поднявшись навстречу ему,
Белую бай постелил кошму,
Гостя своим уваженьем дарил,
Гостя на лучшее место садил,
Лучшею пищей его угощал,
После с веселой улыбкой сказал:
— Ты на глазах моих рос, сирота,
Вырос и вот знаменитым стал.
Бедным ты был, а теперь с каждым днем
Слава растет о богатстве твоем.
Силу коня на бегах проверять,
Силу мужчин состязаньем решать —
Меряться силой хотим мы с тобой,
В спор откровенный вступаем с тобой.
Где-нибудь спрячься три раза, тебя
Трижды пусть ищут мои сыновья,
После они утаятся, троих
Ты будешь трижды отыскивать их.
Если тебе проиграют они,
Будут твоими богатства мои.
Если же ты проиграешь, то знай —
Должен отдать нам Алтын-Туулай.
Платы с тебя не возьмем мы иной,
Будет богатство, как прежде, с тобой.
Ескюс-Уул в раздумье стоял...
На состязанье согласие дал:

— Чем восставать против сказанных слов,
Будет по вашему пусть, я готов! —
Так Саныскану Ескюс-Уул
Молвил и к дому коня повернул.
Все, что увидел и что услыхал,
Дома Алтын-Туулай рассказал:
— Первому прятаться мне начинать...
— Где же? — с тревогой спросила жена.
— Здесь, между чашками и казаном
Места не сыщется разве потом? —
Так он Алтын-Туулай говорит
И, не волнуясь, спокойно сидит.
В страхе большом молодая жена
То покраснеет, то снова бледна.
Времени много прошло или нет,
Только послышался топот коней,
Вот к коновязи отряд повернул...
Это услышав, Ескюс-Уул
В месте укромном улегся и ждет,
Ставши мгновенно травою ойнот.[11]
Братья в аил белоснежный вошли,
Ескюс-Улa найти не смогли.
Утро прошло, наступила ночь,
Хитрость не в силах была им помочь!
Верно, хозяин покинул свой дом...
Братья с досадой вскричали втроем:
— Мы проискали напрасно, скажи,
Где ты укрылся и нам покажись!
Вновь превращенный Ескюс-Уул
Молвил: — Я здесь, но от вас ускользнул,
Место мое не смогли указать,
Где ж у троих у вас были глаза?
Молча стоят Саныскана сыны,
Ехать им нужно, а мысли темны...
— Ты поищи нас, черед за тобой, —
Так говорят, отправляясь домой.
— Как будешь розыски их начинать? —
Снова у мужа спросила жена.
— Между сумин посмотреть я решил, —
Ескюс-Уула ответ ей был.
— Между сумин их найти не мечтай, —
Мужу сказала Алтын-Туулай.
— К байскому дому начнешь подъезжать,
Будут стада у дороги стоять,

Между овец, обступивших кругом,
Лбами бараны столкнулись втроем.[12]
Близко к баранам тогда подъезжай,
И одного поскорее поймай.
Скажешь: «Мне нужен бараний рог,
Сделать к ножу моему черенок».
Быстро из ножен ты выхвати нож,
Байского сына в баране найдешь.
Это услышав, Ескюс-Уул
С радостным чувством коня повернул
К стойбищу бая и вот, наконец,
Видит, что стадо пасется овец.
В нем три барана столкнувшихся враз.
Ескюс-Уул, приблизясь, тотчас
Самого крупного крепко поймал,
Ножик из ножен спокойно достал:
— Эх, пригодится хороший рог
Сделать к ножу моему черенок!
Буду сейчас я рога отрезать...
Только что эти слова он сказал,
Руку с ножом не успел занести...
— Ой, мои уши скорей отпусти! —
Байского сына раздался крик,
Наземь свалился он в тот же миг.
С первой победой Ескюс-Уул
К дому обратно коня повернул.
«Видно, Алтын-Туулай, жена,
В свет необычной была рождена», —
Так он подумал. Приехав в аил,
Супруге Алтын-Туулай говорил:
— Я твой совет до конца исполнял,
Тем и победу я там одержал!

* * *

Долгий, короткий ли срок проходил —
Снова примчались нежданно в аил
Трое могучего бая детей
И привязали поспешно коней.
Ескюс-Уул со своею женой
Слова не молвили меж собой.
Он превратился в наперсток скорей
И притаился на пальце у ней.
Братья в аил белоснежный вошли,

Долго искали его, не нашли.
Грудь разрывал им дыханья прибой,
Сердце болело с досады такой.
И, утомившись напрасно, потом
В голос один закричали втроем:
— Где же теперь ты укрылся, скажи,
Выйди скорее и нам покажись!
— Здесь я, — он братьям в ответ говорит,
Возле жены, улыбаясь, стоит.
Это увидевши, три молодца
Быстро направились к дому отца.
Байские кони, как птицы, летят,
Байские дети назад не глядят.
— Где ж ты их будешь искать, отвечай, —
Мужа спросила Алтын-Туулай.
— Верно, в рогах у баранов опять, —
Муж ей шутливо решился сказать.
— Шутки сейчас от себя отдаляй, —
Так перебила Алтын-Туулай, —
К баю когда ты направишься, там
Прежде зайди-ка к его кузнецам,
У них три напильника будут лежать, —
Выбери средний для правки ножа.
Выслушав слово Алтын-Туулай,
Ескюс-Уул коня оседлал.
В дом Саныскана дорога лежит,
Вихрем он к байскому дому летит.
Много ли, мало ли ехал — не знал,
К стойбищу байскому он прискакал.
Кузницу видит Ескюс-Уул,
Тотчас коня он туда повернул,
Средний из трех он напильник схватил,
Только хотел по ножу провести —
— Ой, человека погубишь, смотри, —
Среднего брата послышался крик,
Сын Саныскана, от страха замлев,
Тут же лежал перед ним на земле.
Гордый своею победой второй,
Ескюс-Уул возвращался домой,
Песню веселую он распевал,
В песне Алтын-Туулай восхвалял.
— Мудрый совет был тобою мне дан,
Вновь побежден мною бай Саныскан! —
Так он, войдя в белоснежный аил,

Радостно юной жене говорил.
— Где же ты спрячешься вновь, отвечай, —
Мужа спросила Алтын-Туулай.
— Здесь, между чашками и казаном
Место мне, верно, найдется потом...
Только успел тот ответ прозвучать,
Байских коней слышен топот опять.
Трое могучих его сыновей
Спешились близко, у самых дверей.
Ескюс-Уул, притаиться спеша,
В сумку запрыгнул и лег не дыша,
Стал, словно брошенной чьей-то рукой,
Шапкой из лапок лисы золотой.
Трое в аил белоснежный вошли,
Искали, устали и вновь не нашли,
Время ушло и надежда притом,
В голос один закричали втроем:
— Где ты укрылся, Ескюс-Уул!
Нас ты сегодня опять обманул...
— Если меня не нашли вы сейчас,
Верно, глаза близоруки у вас, —
Вставши из сумки, хозяин сказал,
С хитрой улыбкой пред ними предстал.
Стыд этот вынести не было сил —
Братья покинули разом аил.
Мимо стремян попадая ногой,
Прятаться снова помчались домой.
После отъезда трех братьев опять
Мужа жена попросила сказать:
— Где же ты будешь искать их сейчас,
В третий, последний решающий раз?
Я их меж чашками буду искать,
И на пригоне, и в хлеве искать, —
Так ей Ескюс-Уул отвечал
И торопливо коня оседлал.
— Стой, муженек, ты поспешно не мчись,
Где их найти, я хочу научить, —
Мужу жена говорила в ответ,
Снова давая полезный совет, —
К байскому дому дороги ведут,
Три таволожинки близко растут.
Ты таволожинки в руку возьмешь:
«Вот черенок, мол, для плетки хорош!»
Чтоб срезать одну из них — вытащи нож,

Байского сына в ней тотчас найдешь.
С третьей победой вернешься домой...
Радостно муж попрощался с женой,
К баю поехал и сделал сполна
Все, что ему говорила жена.
Из таволожинок меньшую взял,
Ножик он острый из ножен достал,
— Вот таволожник хороший растет,
К плетке моей черенок подойдет!
— Ой, ты, дурной человек, погоди,
Ноги мои не руби, не губи, —
Младший сын Саныскана вскричал,
Тут же от страха на землю упал.
С третьей победой Ескюс-Уул
К дому обратно коня повернул,
В песне Алтын-Туулай восхвалял,
Ехал и словно на дудке играл.
— Алтын-Туулай, ты, как солнца свет,
Третий мне твой пригодился совет,
Снова победа осталась за мной,
Вместе врагов победили с тобой.
Жизнь мы спокойную нынче начнем,
С этого дня без беды заживем.

Три состязанья когда проиграл,
Бай Саныскан и покой потерял.
Спокойно ему не сидится днем,
Ночью не может забыться сном.
Все богатства и все стада
Даром бай не желает отдать.
— Нет, оборванца поганым рукам
Я добровольно богатства не дам!
Надо обманом собаку взять,
Надо его к Эрлик-бию послать,
Он от него не вернется назад,
Нашим богатством не будет богат.
Так Саныскан сыновьям сказал,
К Ескюс-Уулу гонца послал.
— Быстро поедешь, — гонцу говорил.
Вести посланец тотчас сообщил.
Ескюс-Уул возражать не стал,
К баю в аил в тот же миг прискакал.

Это увидев, жестокий старик,
Словно маслом помазал язык,
Хитрой усмешкой сверкнул его взор,
Ласково начал он свой разговор:
— Только поделим богатство с тобой,
Нужно устроить прославленный той,
Мы араку будем крепкую пить...
Я об одном тебя буду просить:
Если не трудно исполнить, — скажу,
Если же трудно, — тогда погожу.
— Я затруднений еще не встречал, —
Ескюс-Уул ему смело сказал.
— Как-то отец Эрлик-бию дарил
Два кувшина золотых[13] и забыл.
Ты все богатство мое заберешь
И кувшины для себя привезешь.
Если поедешь и сможешь отнять —
В них араку будем крепкую гнать,
Прибыль к богатству еще получай, —
Хитрый его уговаривал бай,
Словно лисица с пути он свернул...
Это услышав, Ескюс-Уул
Ехать согласие твердое дал,
Выйдя от бая домой ускакал.
Все, что увидел и что услыхал,
Дома Алтын-Туулай расказал.
— Что же, — сказала Алтын-Туулай, —
Нечего делать, мой друг, поезжай!
На вожака своего табуна,
Священногривого скакуна
Бело-каурого сядь поскорей,
Араку в шестьдесят ташауров налей,
Комыс на шесть язычков выбирай, —
Так говорила Алтын-Туулай,
В путь снаряжая... Но час наступил
Тот, что разлукой на родине был...
Юные муж и жена обнялись,
Крепко за правые руки взялись,
Поцеловавшись, простились они
И разлучились на долгие дни.
Отъехав от дома, Ескюс-Уул
Бело-каурого плеткой стегнул
Не с той стороны, что обычно стегал,[14]
Повод не с той стороны подобрал.

К царству подземному путь отыскал,
К темному входу, как вихрь, поскакал.
Там, где стоял, — есть следы от подков,
Уехал куда — не оставил следов.

**
*

Там, где копытом оступится конь,
Вспыхнув, колышется красный огонь.
Там, где ступает по твердой земле, —
Черного озера слышится плеск.
Где через горы дорога лежит —
Гнутся они под ударом копыт.
Ехал он ночью и сна не видал,
Днем он без отдыха путь продолжал.
Так доскакав до подземных дверей,
Шапку соболью надел до ушей,
Крепко подпруги Ескюс-Уул
На бело-кауром коне затянул —
Тридцать годов чтоб могли пролететь,
Но не могли бы они ослабеть!
С небом, луною и солнцем простясь,
С горным, лесистым Алтаем простясь,
На дно земли опустился он,[15]
Черной дорогою был приведен.
День или ночь — не поймешь ничего,
Мир полутемный вокруг него,
Пусто вдали и вблизи ни души,
Только долина без края лежит...
Долго он ехал и вдруг увидал —
Ветер листочек с березы сорвал,
Легкий слетел золотистый кружок,
К луке седла, опустившись, прилег.
Ехавший тихо Ескюс-Уул
С большим удивленьем на это взглянул.
— Милый мой, друг мой! — он вдруг услыхал,
Голос Алтын-Туулай прозвучал.
Вот она вся, как и там, на земле,
Здесь перед мужем сидит на седле.
Крепко она целовала его,
Нежной рукой обнимала его,
Голосом милым сказала, любя:
— Я к Эрлик-бию — хочу за тебя!
Ты здесь спокойно меня поджидай

И на слова мои не возражай.
Это Ескюс-Уул услыхал,
Даже и слова в ответ не сказал,
Смотрит — Алтын-Туулай, жена,
Бело-каурого скакуна
Вмиг обратила пометом сухим,
Мусором мужа оставила с ним.
Все ташауры с запасом вина[16]
Быстро в один превратила она,
Комыс с шестью язычками взяла,
Шелковым поясом обвила
И к Эрлик-бию направилась в путь,
Шубы подол не забыв подоткнуть.
Много ли, нет ли прошла, наконец,
Медный предстал Эрлик-бия дворец.[17]
Близко она подошла и стоит,
Желтая справа собака лежит,
Шесть у нее и ушей, и глаз.
Вторая — с другой стороны улеглась.
С семью ушами собака лежит,
Семью глазами собака глядит,
Черная, хмуро косится, ворча,
Острые зубы из пасти торчат.
Алтын-Туулай поспешила достать
Взятый курут[18] и собакам раздать.
В зубы схватили собаки курут,
Обе хвостом завиляли тут,
С лаской смотря на Алтын-Туулай,
Даже и тихий не подняли лай.
Вот подойдя ко дворцу поскорей,
Она ухватилась за скобку дверей.
Дверь на крючке!.. Что есть силы теперь
Тянет... Не дрогнет упрямая дверь!
Алтын-Туулай достает тотчас
Дудку — на ней шесть десятков глаз.
В руки ее, золотую, берет —
В шестьдесят голосов у ней дудка поет.
Вот в девяносто берет язычков
Комыс — в нем столько ж звенит голосов!
Слушая звон голосов золотых,
Две Эрлик-бия собаки больших
Вверх посмотрели, завыли враз,
Слезы ручьем побежали из глаз.
Конь Эрлик-бия на выстойке был,

Уха четыре он насторожил,
Бархатно-черный он радостно ржал,
Нетерпеливо по кругу плясал.
Вдруг открывается черная дверь.
Видит Алтын-Туулай теперь:
В доме сидит Эрлик-бия жена,[10]
Черным лицом повернулась она,
Грудь за плечо заложила назад,
Косы до самой земли висят,
Нижней губою касаясь груди,
Взглядом она мутноглазым следит.
— Та, что красиво играла сейчас,
Кто ты и как очутилась у нас?
Нечеловеческий голоса звук
Алтын-Туулай услыхала вдруг.
— Солнечно-лунный Алтай пожелал,
Чтобы посланцем сюда я пришла.
Дверь не смогла я открыть во дворец,
Дружеских не находила сердец,
Дудку тогда золотую взяла,
Грустную песню играть начала —
Сердце печалью полно через край, —
Так отвечала Алтын-Туулай.
— Женщина, та, что землей рождена, —
Ей Эрлик-бия сказала жена, —
Можешь войти во дворец ты сейчас...
И, как виденье, исчезла из глаз.
Входит Алтын-Туулай, наконец,
В медный, большой Эрлик-бия дворец.
Место она у огня заняла,
Медную трубку, набивши, взяла
И, Эрлик-бию отдав самому,
Слово такое сказала ему:
— Солнечно-лунный Алтай пожелал,
Чтобы его я посланцем была,
Бай Саныскан, чей в долине аил,
Выполнить дело одно поручил —
Как-то в далекие времена
Дали в подарок вам два кувшина,
Он приказал: «Отбери кувшины —
Мне самому они будут нужны!».
Брови сошлись Эрлик-бия грозней,
Так он спросил у собак-сторожей:
— Как человеку вы дали пройти,

Как к моей двери посмели пустить?
— Нас накормила обильно она,
Пища была необычно вкусна,
Пищи такой от тебя на обед
Мы не видали до старости лет.
Пусть же берет все, что хочет она,
Байскую прихоть исполнить вольна.
Мы ей худого не можем желать,
Нам ли дорогу ее преграждать?
Речи такие собаки вели,
Спину согнувши, спокойно легли.
Кровь прилила Эрлик-бию к глазам,
Голосом грозным он снова сказал:
— Уши не могут ответ услыхать,
Должен вопрос я опять повторять?
Алтын-Туулай, слыша возглас такой,
Мигом взяла ташаур с аракой,[20]
Звездоподобную чашку взяла
И до краев аракой налила.
Правую косу ласкает она,[21]
В правой руке ее чашка полна.
Песней ответ Эрлик-бию дает,
Полною грудью, как птица, поет:[22]
— «Пусть деревянная чашка сейчас
Чашей из золота будет для вас.
Аракой до краев эта чашка полна,
Пусть вам покажется сладкой она.
Беден на чашке узор в серебре,
Пусть же сверкнет, как звезда на заре.
Пусть арака, что с собой привезла,
Будет для вашего сердца мила.
Вашу красу мне невмочь описать:
Мягки, как шелк, бороды волоса,
Щеки волной покрывают они,
С хвоей кедровой могу их сравнить.
В ваши глаза посмотрю ли в упор —
Лишь добротою сияет их взор.
В сердце ли ваше мой взгляд упадет —
Будто бы солнце на небе встает.
Семьдесят ханских могучих сердец
Держишь в руках ты, великий отец.
Весь на земле живущий народ
Милостью, данной тобою, живет.
Надели медали вы из серебра[23] —

Ждать ли от вашего сердца добра?
Тот, кто владыкой царит над землей,
Будет ли милостив нынче со мной?
Имеющий семьдесят разных чинов,
Будет ли дать мне пощаду готов?
Будет ли мне, что землей рождена,
Милость великая ваша дана?
Черную мысль я в груди не несла.
Я, как гонец, от людей прибыла;
И не хотела вражды принести —
Жизнь лишь свою я желала спасти.
Если хотите, без ропота вам
Кровь свою тут же по капле отдам,
Если гонца не хотите прощать —
Жизнь я не стану свою защищать».
Услышавши этот чудесный напев,
Вмиг Эрлик-бий забывает свой гнев,
Тело слабеет от песни такой,
Взоры туманятся слез пеленой.
Сердце, что каменным было всю жизнь,
Вдруг под рукой, оживая, дрожит.
Чашу из золота он осушил:
— Вкусной такой араки я не пил.
И никогда еще в жизни моей
Песни не слышал, подобной твоей.
В час, когда пью я народа кровь,
Ярость в груди моей копится вновь,
Песня же эта, как луч для снегов —
Я, словно масло, растаять готов.
Все, что ты хочешь, с собой забирай,[24]
К дому иди на родимый Алтай,
Только моих кувшинов золотых
Не возвращай Санаскану ты.
Так он Алтын-Туулай сказал,
Вместе с женой араку выпивал,
Дальше повел разговор он такой:
— Бай Саныскан, как вернешься домой,
Спросит: «Когда кувшины отдавал,
Грозный Эрлик ничего не сказал?».
Ты на вопрос Саныскана тогда
Эти слова от меня передай:
«С шерстью, что дыбом встает над хребтом,
С торчащим из пасти зубастой клыком,
С желтой щекой возле длинных ушей,

С красной подпалиной возле бровей
Бархатно-черной собакою он
Пусть к моей двери прийдет на поклон».
То же, что баю, Алтын-Туулай,
Сыновьям и жене его ты передай.
Речь Эрлик-бий свою кончив, встает,
Два кувшина золотых подает.

***

Алтын-Туулай, молода и светла,
К мужу с богатой добычей пошла,
Его разбудила, коня подняла,
Мужа потом горячо обняла.
Крепко навьючивши два кувшина,
На бело-каурого сел он коня.
Алтын-Туулай, молодая жена,
Мухою стала, крылами звеня,
Голосом звонким она залилась,
К солнечно-лунной земле поднялась.
Песнею был Эрлик-бий побежден,
Хитростью женской обманут он.
Следом за нею и муж молодой
На бело-кауром помчался домой.
Вот и Алтай каменистый, лесной —
Оба с победой вернулись домой,
Из подземелья они поднялись.
Радостно конь драгоценный с земли
Щиплет траву. Молодая жена,
Выпив целебной воды, сполна
Все, что Эрлик ей сказал тогда,
Мужу спешила сейчас передать.
Оба отсюда на две стороны
Разной дорогой поехать должны.
Долго ли, нет ли Ескюс-Уул
Ехал и к байскому дому свернул.
Два кувшина золотых отвязал...
Бая на лоб вылезают глаза,
Шапка на землю упала, лежит,
Коса его кверху, подпрыгнув, торчит
Из горла его не идет вопрос.
Так, наконец, Саныскан произнес:
— Что, под землею живущий Эрлик
Велел передать мне, могуч и велик?

Ескюс-Уул отвечает тогда:
— Вот что велел он тебе передать:
«С шерстью, что дыбом встает над хребтом,
С торчащим из пасти зубастой клыком,
С желтой щекой возле длинных ушей,
С красной подпалиной возле бровей
Бархатно-черной собакою он
К двери моей пусть придет на поклон».
Бай эти речи услышал когда,
Голосом громким воскликнул: «Беда!»
Разом встряхнулся он, с места не встав —
Бархатно-черной собакою стал.
Черную землю обнюхал, потом
Он к подземелью пустился бегом.
Байских три сына и жены тотчас
Тоже собаками сделались враз.
В царство подземное путь их лежал,
Стойбище каждый навек покидал.

***

Жаден был бай и, как страшный зверь,
Должен он жить в подземелье теперь.
Баем униженный бедный пастух
Новую жизнь начал строить тут.
Много препятствий больших одолел,
Хитростей много распутать сумел,
Жадного бая сумел победить.
Мыслью единою стали жить
С этого дня и до наших дней,
Ездивший век на мухортом коне,
Пастух с женою Алтын-Туулай —
Больше не трогал их жадный бай.
Скот на подоле толпился у них,[25]
Некому было обидеть их!

СЫН-АРУ

Было это давно-давно, когда люди, ныне в народе старейшие, еще не родились, когда березы, ныне в лесу высочайшие, еще из земли не проклюнулись.

Жил на Алтае старый Анчи со старухой. Имели они двух лошадей и корову, по паре овец и коз. Три сына было у стариков, имена сыновей неизвестны. Была у них дочь мила и красива, звали ее Сын-Ару.

Ездил старый Анчи по горам и долинам, охотился, много зверей и птиц добывал, тем свою семью кормил. Старая мать не сидела дома: ходила она в аилы к баям, мяла овчины, шубы шила богатым, мехом и вышивкой их украшала. Была старушка большой мастерицей, трудом своим старику помогала семью кормить.

Когда сыновья подросли, стал их брать старик с собой на охоту, учил их метко стрелять, следы звериные распознавать. Словом, искусству охоты их научил. Старушка дочь свою обучала из шкурок меха выделывать, из мехов красивые шубы шить, узорной вышивкой и оторочкой украшать. Дочь свою мастерицей сделала, чтобы имя красивое Сын-Ару люди злословьем не опозорили, чтоб неумехой девушку не прозвали.

Выросли дети у стариков: три сына — славных охотника и дочь Сын-Ару — мастерица, ее рукоделью люди дивились, на красоту ее любовались. Старый Анчи со старухой, на детей глядя, гордились и радовались. Отец непрочь был среди народа ловкостью и силой своих сыновей похвастать, красотой и искусством дочери похвалиться. Все завидовали старикам, хвалили их сыновей и дочь.

Но старый Анчи со старухой успели цветами лишь полюбоваться, а спелой ягоды, ими выращенной, не отведали Старость их желанья опередила, смерть счастье их прервала. Первым в могилу старик сошел, за ним, убитая горем, жена последовала. Сыновья и маленькая Сын-Ару смерть родителей горько оплакивали, горевали: как теперь им, сиротам, жить, кто их доброму делу наставит?..

Похоронили отца и мать, вчетвером в аиле своем зажили.

Братья ездили на охоту, их добычи богатой всем четверым на еду и одежду хватало, да было чем и калан[1] зайсану уплатить, демичи[2] жадного одарить.

Сын-Ару аил стерегла, рукодельничала, в ее руке игла непрестанно сверкала. Свой пай в семью Сын-Ару приносила, братьям во всем помогала.

Дружно братья с сестрою жили. Если трудно где одному — все на помощь придут, если один заскучал — все его веселят.

Так и жили они. Стали стада их быстро плодиться, в аиле богатство множиться. У трех братьев по три шубы заведено. Став богатыми, братья стали добычу между собой делить, каждый стал для себя охотиться, сам пушнину свою продавать. Дружбу они завели с купцами; скупая пушнину у бедных охотников — с выгодой перепродавали. Разбогатели три брата.

Невест себе братья облюбовали: трех красавиц с богатым приданым, девиц ленивых и бестолковых. Богатство и красота невест братьев прельстили, на неумехах все трое женились. Устроили свадебный той. На тое гостями были все богатеи. Черное озеро вина было выпито, горы вареного мяса съедены. Во хмелю сварливые гости переругались, драчливые кулаки друг на друге испробовали. Собаки кости глодать устали, от мяса так разжирели, что на ногах не стояли, лёжа полаивали. Вот какой той был!..

С тоя все гости разъехались, все собаки разбрелись. Братья с женами молодыми в своих новых аилах зажили.

В старом отцовском аиле Сын-Ару осталась одна. После

шумного тоя братья три дня отдыхали, с женами молодыми тешились. На четвертый день на охоту уехали.

Три молодые жены в своих аилах, руки сложа, сидят. Одна Сын-Ару старается, за всех троих все делает: коров подоит, телят пососит,[3] снохам вкусный обед приготовит, в аилах все приберет, пылинки нигде не увидишь. Такая уж девушка Сын-Ару, без дела сидеть не любит. С ласковыми словами за снохами-бездельницами ухаживает.

Братья с охоты вернулись, много они лисиц пышнохвостых, выдр серебристых и соболей пушистых в суминах своих привезли. Не хвастаясь богатой добычей, не жалуясь на усталость, братья с коней сошли. Жены их молодые из аилов не показались, мужей не встретили. Одна Сын-Ару из аила выпорхнула, радостно братьев встретила, повод у каждого приняла, сумины с добычей в аилы внесла.

Пищей вкусной Сын-Ару угощает братьев, о новостях расспрашивает.

Три брата после жирной еды на мягких постелях выспались, жен молодых подзывают. Меха выдр и лисиц им отдают, шубы велят сшить, красивые шубы, шелком простроченные, большими пуговицами украшенные. А жены-неумехи отмахиваются, отфыркиваются:

— Мы из простых овчин шуб не шивали, а из мехов драгоценных совсем не сумеем. Да и не наше дело шубы строчить...

Сидят красавицы бестолковые, как пни обгорелые, перед мужьями, брезгливо меха от себя отбрасывают. Братья на жен разгневались, но сердца их от красоты женской размякли, шить шубы жен не заставляют. Меха отнесли в аил Сын-Ару-мастерице, чтоб она, между делом, сшила братьям шубы богатые. Сын-Ару, не сказав «не умею», не оговариваясь, что нет времени, за работу взялась. Быстро меха выделала, красивые шубы шьет. Так с этих пор и повелось: приедут братья с охоты, шкуры зверей сестре отдают, она из мехов одежды разные шьет. Хвалят братья золотые руки сестры, жен молодых за безделье корят, красавиц зовут неумехами.

Стало обидно это чванливым красавицам, злость на золовку в сердцах их копится, все больше они Сын-Ару ненавидят. Когда братья в тайгу уезжают, снохи до полусмерти девушку избивают. Поплачет она тихонько, обиду и боль перетерпит, братьям на снох не жалуется. Горькая жизнь у бедняжки, — а все от того, что она мастерица!

Однажды, когда на охоту братья уехали, снохи убить

Сын-Ару решили, только ума у них нехватает как извести половчее золовку. Голову ей отрубить — не успеет даже помучиться, сонную ее придушить — смерть уж очень легка. А снохам хочется предсмертными муками Сын-Ару насладиться.

Стояли возле аила Сын-Ару четыре стройных березы. После побоев жестоких Сын-Ару приходила к этим березкам поплакать.[4]

Никто, кроме белых берез, слез ее горьких не видел, горя ее не знал.

Когда закатилось солнце за синие горы, когда стада разлеглись в долине, а жители всех соседних урочищ уснули, снохи — три змеи — на Сын-Ару накинулись. Избили ее до полусмерти и чуть живую к четырем березам приволокли. К вершинам берез Сын-Ару привязали ее четырьмя шелковыми косами так, что в воздухе Сын-Ару повисла. В лицо ей злые снохи плевали, досыта наиздевались и спать пошли.

Слезы льет Сын-Ару, ветер ее над землей качает, голова от боли, как сухая сосна от жары, вот-вот растрескается.

На счастье ее братья с охоты быстро вернулись. К аилам братья подъехали, спешились, никто их встретить не вышел. Пришлось самим коней расседлывать, сумины с добычей в аилы нести.

Жены весело их встречают, притворно ласково с ними заговаривают.

Братья в аил Сын-Ару заглянули, сестры не увидели, забеспокоились.

Старший брат жене говорит:

— Когда с охоты мы возвращались, всегда Сын-Ару нас встречала, коней расседлать помогала, добычу в аилы вносила, жирной пищей нас угощала. Сейчас мы словно к мертвым аилам подъехали, никто нас не встретил. Куда Сын-Ару девалась?

Жена старшего брата усмехнулась ехидно, ответила:

— Откуда мне знать?.. Весь день Сын-Ару проплакала, вас укоряла, что замуж ее выдавать не хотите... Не убежала ли мужа себе искать, к чулмусу[5] свататься не ушла ли, — откуда мне знать?..

Братья сказанному подивились, стало им грустно, милую Сын-Ару им жаль.

Старший брат из аила вышел, возле дверей уселся, тоскливо запел:

«Черную, шелком крытую шубу мне
Кто теперь сошьет, Сын-Ару?
На вороном моем иноходце-коне
Кто будет ездить теперь, Сын-Ару?..

Красную, шелком крытую шубу мне
Кто теперь сошьет, Сын-Ару?
На красно-рыжем моем коне
Кто будет ездить теперь, Сын-Ару?..

Куда удалилась ты от аила,
Зачем покинула братьев?..
Если завелся на сердце милый,
Зачем ты скрыла от братьев?..

Разве я стал бы держать тебя —
Если милый есть человек?
Разве сказал я, что, не любя,
Ты проживешь свой век?..

Какая обида теснит тебе грудь,
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару!
Смягчи свое сердце и зло забудь,
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару!..»

Бедная Сын-Ару, голос старшего брата услышав, в ответ запела:

«За аилом моим стоят
Четыре березки, брат.
Брось на четыре березы взгляд,
Косами привязана к ним я, брат.

Замуж идти не хотела я —
Меня оболгали снохи.
Никого не искала себе в мужья —
Меня измучили снохи.

Ой, брат, мой любимый брат,
Словам несчастной поверь,
Уже близка моя смерть,
Спаси сестру свою, брат...»

Старший брат, слова и рыдания Сын-Ару услышав, ушам не поверил, сказал:

— Видно, душа бедной сестры ее голосом слух мой терзает!

Выхватил он из ножен нож, правое ухо себе отрезал и в аиле своем скрылся. Средний брат из аила вышел, тоскливо запел:

«Молодая береза весной опять
Зазеленеет своей листвой.

Молодые уходят в луга гулять,
Но приходят ночью домой.

Разве я тебя разлучал
С нареченным твоим, сестра?
Разве я тебя поучал
Незамужнею жить, сестра?..

Что ж обиделась ты на нас,
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару?..
Что ж не кажешь ты братьям глаз,
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару?..»

Голос среднего брата услышав, Сын-Ару, слезами обливаясь, снова запела:

«За аилом моим стоят
Молодые березы, брат.
Ты на них обрати свой взгляд,
К ним меня привязали, брат.

Не хотела другого себе я житья —
Лгут бесстыдные снохи.
Не искала себе никого в мужья —
Лгут лукавые снохи.

Много горьких я слез пролила,
Вы не видели слез моих, братья.
Сколько я принимала зла, —
Вам не жаловалась, братья.

Ой, мой средний любимый брат,
Сил моих нехватает.
Ой, скорей спаси меня, брат,
Я, как снежинка, таю...»

Средний брат, голос сестры услышав, отплевывается:

— Видно, чулмус голосом Сын-Ару меня донимает! — Средний брат правое ухо себе отрезал, в аиле своем скрылся.

Вышел младший брат — близнец Сын-Ару, грустный долго стоял, нежно запел:

«Тепло одного материнского чрева
Нас с тобою, сестрица, грело.
Сладость груди материнской одной
Ты делила, сестра, со мной.

Зачем же ты, Сын-Ару, сейчас
Юность свою унесла от нас?
Любовь свою и свиданья с милым
Зачем от меня, Сын-Ару, таила?!.

Вернись скорее, сестра, домой,
Будем есть из чашки одной,

Вернись скорей, Сын-Ару, вернись,
Новую вместе устроим жизнь.

Ой, Сын-Ару, Сын-Ару,
Где я тебя найду?
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару,
Дома тебя я жду!»

Так младший брат пропел и горько заплакал. Последние силы собрав, младшему брату в ответ Сын-Ару запела:

«Стоят за аилом четыре березы,
На них погляди, мой брат.
Привязаны к ним мои черные косы,
Взгляни на меня, мой брат.

Замуж идти мне пора не настала —
О женихе я, брат, не страдала;
Тайно от вас никого не любя,
Не опозорила я себя.

К белым березам я приходила,
Не с женихом повидаться милым,
Горе свое приносила к березам,
Горькие здесь проливала слезы.

Ой, мои косы, черны, густы,
Лучше бы им не расти!..
Ой, мой брат, неужели и ты
Не хочешь меня спасти?..»

Младший брат, голос сестры услышав, ушам своим не поверил, тоже отплевывается:

— Голосом бедной сестры злые духи меня терзают!

Младший брат нож обнажил, правое ухо себе отхватил и снова прислушивается.

Бедная Сын-Ару петь продолжала:

«Когда до волка вой долетает,
Он мчится скорей на звук,
Чтоб отыскать свою волчью стаю,
Все обнюхивает вокруг.

Голос мой слыша, два старших брата
Ушли в аилы свои обратно.
Рожденный со мной в одночасье, брат,
Ужели и ты вернешься назад?!.

Ужели и ты, проливавший слезы,
Не подойдешь к четырем березам?
Моим словам и слезам не веря,
Скроешь совесть свою за дверью?»

У младшего брата сердце заныло, он за аилы кинулся, Сын-Ару увидел. Четырьмя косами к вершинам берез при-

вязанная, девушка над землей покачивается. Младший брат, острый нож обнажив, одним ударом косы сестры перерезал, унес ее на руках в аил. Старшие братья с женами тотчас явились. Снохи бедной девушке слова сказать не дают, наперебой кричат:

— Каково за женихами-то бегать, скажи?..

— Попала в беду, так лучше помалкивай, не вздумай на нас вину свою сваливать!..

Жена старшего брата кричит:

— Два дня подряд, негодница, плакала, все кричала, что жених у нее есть, замуж хочется выйти!..

Жена среднего брата кричит:

— Братьев своих ругала, что замуж не выдают!..

Такой шум снохи подняли, что если б кто из ружья выстрелил, никто бы выстрела не услышал. Три брата рта раскрыть не могут, да и тридцать братьев трех баб горластых не перекричали бы!..

Братья женам своим поверили, Сын-Ару жестоко избили, по своим аилам разошлись. На сырой земле Сын-Ару, слезами обливаясь, лежала.

На теплых постелях с красивыми женами сладко выспавшись, братья утром жирно покушали, в тайгу на охоту уехали.

Жены их, злые дочери богачей, извести Сын-Ару снова готовятся. Думали, думали, какой смерти золовку предать, и так порешили: живой Сын-Ару в землю зарыть.

Пока Сын-Ару коров доила, пищу готовила, снохи возле ее аила яму в девять аршин глубиной вырыли, девять бычьих шкур заквасили.

Перед приездом мужей три снохи-волчицы бедную Сын-Ару схватили, до полусмерти ее избили и в яму девятиаршинную сбросили, девятью бычьими шкурами завалили, сверху землей засыпали.

Через три дня братья с охоты вернулись, большие сумины их туго добычей набиты. Никто у аилов братьев не встретил, поводьев не принял, с добычею не поздравил. «Будто вымерли все», — так братья подумали. Заходят в свои аилы, а жены их, как мертвые, спят.

Три дня в очагах огонь не горел, в аркытах чегень перекис, пена через края льется. Три дня недоенные коровы мычат, голодные телята арканы жуют.[6]

Братья еле жен добудились, спрашивают:

— Почему среди белого дня спите, почему коровы три дня не доены? Куда девалась опять Сын-Ару?

Жены их на постелях потягиваются, охают, будто от усталости кости разминают. Каждая мужу своему рассказывает: Сын-Ару три дня и три ночи покоя им не давала, все плакала да причитала, что-де милый у нее есть, что замуж охота. Выла, выла девка, на третий день куда-то сбежала. А бедные жены совсем уморились с золовкой, и первый раз за три дня им вздремнуть удалось...

Так жены трем братьям рассказывали, на Сын-Ару наговаривали...

Братья ласково жен пожурили, сами себе приготовили пищу. А вот коров доить некому — тут и Сын-Ару вспомнили. Старший брат из аила вышел, у дверей уселся, запел:

«Там, где трав зеленеет шелк,
Нежный, тонкий расцвел цветок.
Близко я к нему подошел,
Пожалел и сорвать не смог...

С детских лет ты со мной, сестра,
Подрастала, как тот цветок.
Радость жизни твоей, сестра,
Я бы отнять у тебя не смог...

Братски нежно любя, Сын-Ару,
Потерял я тебя, Сын-Ару,
Нет покоя мне, жизнь горька, —
Сердце жжет по тебе тоска.

Где ты, брату скажи, Сын-Ару,
И лицо свое покажи, Сын-Ару,
Сердце брата ты успокой, Сын-Ару,
Поскорее вернись домой, Сын-Ару!..»

Землею придавленный, голосок Сын-Ару глухо прозвучал:

«У моего аила,
Мой старший брат,
Вырыта мне могила,
Найди ее, брат!

Бычьи шкуры покровом
Меня придавили, брат,
Не будь же ко мне суровым,
Откинь их скорее, брат!

Лишили белого света
Злые снохи меня.
В душной могиле этой
Не проживу я дня...

Если услышал ты голос мой,
Старший любимый брат,
Спаси из могилы меня сырой,
Старший любимый брат!..»

Умоляющий голосок Сын-Ару услышав, старший брат ушам не поверил, отплевывался:

Голос сестры мне уши пронзил, видно, злой дух надо мною тешится!..

Нож обнажил старший брат, левое ухо себе отрезал и в аиле своем укрылся.

Вышел средний брат из аила и так запел:

«Зачем из озера воду пить,
Когда вода ключевая есть?
Зачем в одиночестве слезы лить,
Когда любящие братья есть?

Если ты полюбила, сестра, —
Не встал бы я на пути.
Если ты с милым ушла, сестра,
Где мне тебя найти?..

Если ты друга искать ушла,
Где он — брату скажи.
Если ты мужа себе нашла,
Кто он — брату скажи...»

Голос среднего брата услышав, со дна ямы девятиаршинной в ответ Сын-Ару запела:

«Милого я себе не ищу,
Измучили злые снохи.
Ни с кем чужим я жить не хочу —
Меня прогоняют снохи...

Возле дверей моего аила
Вырыта мне сырая могила.
Девять шкур мне служат покровом —
Слышишь ли, братец, мое ты слово?..

Или тебе изменяет слух,
Иль к моим ты рыданьям глух?
Скорее спаси — умираю, брат,
Скорей выручай — умоляю, брат!..»

Средний брат, несколько слов Сын-Ару расслышав, ничего не понял, левое ухо свое ножом отхватил, в аил убежал.

Младший брат, от тоски угрюмый, выходит, грустно поет:

«Отец, умирая, сказал: «Когда
К вам, мои дети, придет нужда,
Друг друга не забывайте!»

Мать, умирая, сказала: «Когда
На вас, мои дети, падет беда,
Друг друга не покидайте!»

Если бы отцовы забыл слова —
Была бы душа у меня черства.
Разве в груди моей сердца нет,
Чтоб материнский забыть завет?..

А ты, Сын-Ару, забыла, видать,
Что говорили отец и мать!..
Любовь свою от братьев таила,
Грустишь вдали от родных аилов.
Ой, Сын-Ару, Сын-Ару!..

Если ты друга искать ушла,
Где ты — братьям скажи.
Если ты мужа себе нашла,
Кто он — братьям своим скажи!..»

Последние силы собрав, бедная Сын-Ару младшему брату в ответ запела:

«Голос мой слышали старшие братья —
Из-под земли.
Сколь ни старалась их умолять я —
Оба ушли...

Возле аила я, брат, зарыта,
Шкурами бычьими я закрыта —
Освободи, брат!..

Правду тебе рассказать не в силах.
Совсем придушила меня могила —
Поторопись, брат!..

Спаси скорее, пока жива,
Выслушай правды моей слова —
Все расскажу, брат!..»

Младший брат, слова Сын-Ару расслышав, головой покачал:

— Видно, мне голос сестры бедной чудится...

Вокруг аила младший брат бродит, места себе не находит. Острым ножом левое ухо себе отсекает, а слова Сын-Ару о могиле из головы не выходят. Пошел младший брат к аилу сестры, у дверей свежую землю увидел. Носком сапога землю порыл, видит — хвост бычий торчит. Брат за этот хвост ухватился, дернул — целую бычью шкуру вытянул, за нею другую, третью, все девять шкур. Так он сестру нашел, из девятиаршинной могилы ее поднял, в аил на руках унес. Старшие братья с женами тотчас в аил прибежали. Три снохи горластые так заголосили, что слов не слышно. Мужьям рта раскрыть не дают, кричат:

— Сын-Ару, такая-сякая, бегала жениха искать, да вид-

но, женихи же над нею подшутили, под бычьи шкуры ее упрятали в яме... Так негодяйке и надо!..

Сын-Ару слова сказать не может, из глаз ее слезы льются. А снохи, не унимаясь, орут, так что и тридцати мужчинам их не переорать. У трех братьев от гама головы закружились. Снова женам они поверили, избили измученную Сын-Ару и у очага, давно потухшего, бросили, сами в аилы свои ушли.

Слезами умываясь, глаз не смыкая, ночь пролежала бедная Сын-Ару в холодном аиле. Что делать ей?.. Ходит в народе такая поговорка: объеденная кочка снова зазеленеет, а тот, кто объел ее, рано или поздно засохнет. Быть может и к Сын-Ару, обиженной, когда-нибудь счастье прийдет? Так Сын-Ару думала.

А снохи лукавые раньше мужей встали, к Сын-Ару сбежались, пинают ее лежащую, за волосы дергают, из аила гонят — со скотом управляться, пищу готовить. Милая Сын-Ару побои молча стерпела, слова снохам не вымолвила и за работу взялась. А снохи — три злых волчицы — около мужей увиваются, на Сын-Ару клевещут, братьев к ней близко не подпускают.

Братья, сладко поспав, жирно покушав, на охоту уехали. Три чулмуски, мужей проводив, советуются между собой, как Сын-Ару извести. Самим убить — люди узнают, позор дочерям богатеев будет. И порешили: так все подстроить, чтоб кто-нибудь из братьев убил Сын-Ару... За день до приезда мужей с охоты, три снохи на Сын-Ару кинулись, в оба уха ей расплавленного свинца налили. Бедная Сын-Ару оглохла. От боли горько она рыдает. От невыносимой боли язык у нее отнялся. Этого и хотели снохи.

Приехали братья с охоты, добычу сами в аилы внесли, сами коней своих расседлали. Притворно любезные жены их жалобами встречают:

— Сладу нет с вашей сестрой. На женихах она помешалась, с ума сходит. Сама себя искалечила, ничего слышать не хочет.

Братья в аил к Сын-Ару отправились. Горько бедная Сын-Ару плачет, слова не может вымолвить. Братья от нее ничего не добились, разгневались. Между собою советуются: что с упрямицей делать?

Старший брат говорит:

— Нехорошо братьям своей сестре мужа искать, — посмешищем для людей станем. А она, видно, этого хочет. Лучше прикончить ее самим, от позора избавиться.

Так и решили — убить Сын-Ару. Младшего брата сделать это заставили. Взял он бедную Сын-Ару за руку, в лес дальний повел.

По пути брат-близнец раздумывал: «Зачем я буду родную сестру убивать? Если ей суждено умереть, пусть погибнет не от моей руки, отдам ее во власть земли и воды». Так решив, младший брат ящик из досок сделал, в него Сын-Ару положил, наглухо ящик заколотил. В стаде быка поймал и тут же его зарезал, с быка словно с белки, шкуру через голову снял. В шкуру бычью ящик он затолкал, крепко концы заделал. За бычий хвост ухватившись, ящик к реке поволок. Напрасно бедная Сын-Ару его умоляла, к братскому сердцу взывала. Брат-близнец сбросил ящик в быстрый горный поток, дикая река его подхватила, вниз по течению помчала.

Младший брат вернулся домой, братьям сказал, что сестру убил, в лесу ее тело похоронил. Дикие волны реки Тюрген-су[7] ящик, подкидывая, мчат, о дикие камни его ударяют. Каждая скала смертью бедной пленнице угрожает. День и ночь провела Сын-Ару в своей пловучей могиле.

В это время на быстрой реке Тюрген-су семь молодых рыбаков рыбу ловили. Один из них бычью шкуру, по волнам плывущую, заметил, товарищам крикнул:

— Глядите, бык в Тюрген-су тонет, давайте его спасем!..

Тотчас другой молодой рыбак в поток в Тюрген-су кинулся, к тонущему «быку» поплыл. Зубами крепко за бычий хвост ухватился, на берег «быка» вытянул. Увидели семь товарищей, что это не бык, а ящик, бычьей шкурой обтянутый. Быстро шкуру разрезали, с ящика крышку сняли — встала из ящика Сын-Ару, всех красотой своей удивила.

Семь молодых рыбаков опешили, удивленных глаз с девицы не сводят, сами себе не верят, у каждого дума одна: «вот бы такую красавицу в жены взять!..» Семь товарищей между собой заспорили, семь друзей соперниками стали: кому девица в жены достанется?

Один из семи говорит:

— Друг друга нам не переспорить. У самой девушки спросим: кто из нас ей больше понравился? Тот и в жены ее возьмет.

Семь рыбаков, семь молодцов красавицу окружили, спрашивают, кто больше всех ей по сердцу.

Сын-Ару, головой покачав, печально им говорит:

— Слов ваших я не слышу...

Семь молодцов-женихов опешили: какая жена из глухой девицы, хоть и красавицы!..

Один лишь рыбак, тот, что спас Сын-Ару из волн Тюрген-су, говорит:

— Что ж, видно, счастье мое такое. Я ее из реки вытащил, я ее и в жены возьму. Пусть она и глухая, зато сильна и красива, хорошей работницей будет. Где мне, бедному рыбаку, жену лучше этой найти? Как-нибудь проживем...

Молодой рыбак к Сын-Ару подошел, ласково за руку ее взял, в свой аил проводил. Мать рыбака молодой невестке обрадовалась, как дочь ее обласкала. По бедности своей они той небогатый устроили, славно повеселились.

Тут новая жизнь Сын-Ару началась.

Понемногу дар речи Сын-Ару обрела, а чужих голосов не слышала.

Так они с мужем и жили, редко между собой разговаривая, плохо друг друга понимая. А руки у Сын-Ару — золотые, за что бы она ни взялась, все у ней выходило чудесно. Свекровь пред соседями невесткой не нахвалится. Молодой рыбак жену свою все больше любит.

Однажды Сын-Ару мужу нож подает, просит ей голову поскоблить. Муж охотно берется, пряди волос Сын-Ару перебирает. Тут и увидал он — в ухе Сын-Ару что-то сверкнуло. Берет рыбак шило, из уха жены слиток свинца вынимает. Сын-Ару от боли вскрикнула и вдруг одним ухом голос мужа услышала. Муж из другого уха свинец вынул, к Сын-Ару слух вернулся, лучше прежнего стал.

Оба они сильно обрадовались, впервые досыта наговорились. Счастью молодых конца не было.

Жизнь их светлей и радостней стала. Скот их на пастбищах стал размножаться, в аиле достатку прибавилось. Работа так и горела в руках молодых супругов. Через год Сын-Ару сынка родила, в аиле еще радостней стало. Сына нежно они растят, все время сыном любуются.

А младший брат Сын-Ару в этот год, о судьбе сестры своей беспокоясь, от тоски поседел, от горя сгорбился. Он ведь живую в поток ее бросил, что с нею сталось — не знал. Если б знал, что она погибла, может быстрее бы Сын-Ару забыл.

Охотничье счастье ему изменило, с охоты он часто с пустой суминою возвращается, бывает, что дома перекусить нечего.

Вот и решил он узнать — жива ли сестра, если погибла, останки ее найти, по-хорошему похоронить. Жене и братьям ничего не сказав, на поиски Сын-Ару он отправился, вниз по течению Тюрген-су поплыл.

Тоска его сердце сильнее гложет. Как зверь одинокий, он по берегам рыскает; как безумный — по волнам носится. Ночами плачет, а дни в поисках проводит. Обессилев, на мокрый камень повалится; слезами обливаясь, поет:

«Тюрген-су, каждый берег твой
Исходил я вдоль-поперек,
Но сестру мою ни живой
И ни мертвой найти не мог.

Тюрген-су, твои воды быстры,
Все я дно твое обыскал —
Утонувшей моей сестры
Не нашел я в твоих песках.

В чреве матери нам с сестрою
И тепла, и места хватило;
На земле, сестрица, с тобою
Жить всегда мне радостно было...

Старшие братья силой угроз
Сбили с ума меня, мужика —
Сестру мою милую я принес
В жертву тебе, Тюрген-су-река.

Ой, Сын-Ару, моя Сын-Ару,
Если ты встретишь убийцу-брата —
Пусть от твоей я руки умру, —
Достойной будет расплата!..»

Так тосковал и пел младший брат Сын-Ару и снова пустился в поиски.

Вниз по реке пробираясь, на берегу рыбачьи аилы увидел. Возле скал они приютились. Бегом к аилам он побежал и на пути повстречал старушку. Даже «якши-ба» ей не сказал, издалека закричал:

— Три года назад в реке утонула девица — сестра моя. Не видела ли сама, от людей не слыхала ли об утопленнице? Скорей, не томи, скажи!..

Старушка тотчас ему ответила:

— Знаю, сынок, знаю. Три года назад из реки Тюрген-су рыбаки наши девицу спасли. Глухой она оказалась.

Старая женщина рукой на один аил указала, своей дорогой пошла.

Туда и кинулся брат Сын-Ару, дверь распахнул — и сестру увидел. Как подкошенный он повалился, недвижим и

бездыханен лежит. Сын-Ару не скоро своего близнеца-брата узнала, а, разглядев, обрадовалась. Плакала и смеялась. Брат, наконец, очнулся; на коленях стоя перед Сын-Ару, прощенья у нее просил...

Добрая Сын-Ару про обиду забыла, вкусную пищу сварила, брата ласково угощает.

В это время вбежал в аил ее маленький сын. Сын-Ару сына подозвала и говорит:

— Налей, сынок, араки в чашку, дяде родному ее поднеси, да песенку ему спой.

— Какую песню дяде спеть? — мальчик у Сын-Ару спросил.

Мать на ухо что-то ему шепнула.

Сын Сын-Ару, держа в правой руке чашку, на правое колено опустился и звонко запел:

«Если ты не стыдишься, дядя,
Пей — аракою чашка полна!
Если ты не в обиде, дядя,
Чашку красную пей до дна!»

Видит племянник удивленный, что дядя красней чашки стал, от стыда готов сквозь землю провалиться. Слезы ручьями из глаз дяди хлынули. Рыдая, он с места вскочил и со всех ног из аила бросился. Больше его не видали.

А мальчик во след дяде глядел, с протянутой чашкой растерянный стоял.

— Скажи, моя мама, почему дядя сбежал? — у Сын-Ару мальчик спросил.

— У тебя все дяди такие стыдливые, — ему Сын-Ару ответила.

Мальчик с колена встал, чашку поставил, обиженно матери говорит:

— Видно, ты нехорошую песенку петь заставила, поневоле стыдно ему стало...

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛТАЙ-БУЧАЙ

Поэма записана Роглевой в 1940 году. Алтайский текст отредактирован П. В. Кучияком. Им же сделан и подстрочный перевод. Литературный перевод Александра Смердова.

«Алтай-Бучай» — один из самых распространенных сюжетов ойротского народного эпоса. Бытовал он, главным образом, в долине Катуни. Но впервые был записан у кумандинцев по р. Бие Ядринцевым и напечатан Г. Н. Потаниным в «Очерках Сев.-Зап. Монголии» (том IV, стр. 369).

Запись Ядринцева очень краткая. Сам Алтай-Бучай там назван именем его коня Демичи-Ерена. А на месте Аранaя и Шаранaя — сын неба Чахыр-Саян. Он убивает богатыря, а жену и дочь его берет себе.

Вторая запись, тоже краткая, но все же более подробная, была сделана Г. Н. Потаниным в с. Онгудай («Живая старина», 1916 г.). В этом варианте на месте дочери Алтай-Бучи — его сестра Эдиль-Коджиль. Жена богатыря носит имя — Эдиль-Джебиль. Сын — Кан-Сорыш. Аранай-Чаранай обитают в подземном царстве.

Во второй половине сказания повествуется о поездке Алтай-Бучи к Эрлику и о борьбе Кан-Сорыша с Каратты-каном. Но все это изложено очень конспективно.

Самая полная дореволюционная запись «Алтай-Бучыя» принадлежит Н. Я. Никифорову («Аносский сборник», стр. 2—30). Там жена богатыря носит имя Темене-Коо, а сын — имя Эркэ-Мондура. На месте дочери богатыря — его сестра Ермен-Чечен.

В конце сказания передана борьба сына Алтай-Бучыя с чудовищем Кара-Кула. Это чудовище здесь занимает место злого хана Каратты-кана.

Но все эти записи прозаические. Сейчас мы имеем первую запись «Алтай-Бучая» в стихах.

«Алтай-Бучай» и сейчас довольно широко бытует на Алтае. В Шебалинском аймаке его исполняет кайчи Сыгыр Мамаков. В Улаганском аймаке эту былину исполняет юный сказитель ученик пятого класса Балыктуюльской школы Язаров. Но они знают только первую половину этого произведения.

Н. У. Улагашев слышал поэму лет сорок тому назад от сказителя Чамчия, который приезжал из-за реки Катуни. В долине

Сары-Кокши поэму «Алтай-Бучай» никто не пел. Чамчий знал тоже только первую половину.

В настоящее время на Алтае не известен ни один сказитель, который мог бы спеть эту поэму полностью. Но и первая половина ее, которую мы публикуем здесь, представляет огромный интерес.

Н. У. Улагашев очень редко исполнял «Алтай-Бучая». Он даже отказывался петь поэму для записи и при этом сказал слова из легенды:

— Будешь петь про Алтай-Бучая, — другие сказания забудешь...

Вероятно, этим объясняются пропуски, встречающиеся в тексте Н. У. Улагашева.

Как создалась легенда о былине «Алтай-Бучай»? Не явилась ли она своеобразной байской диверсией, рассчитанной на вытеснение богатыря из памяти народа. Такая версия возможна. Ведь Алтай-Бучай — простой охотник, защитник народа, вольнолюбивый богатырь, освобождающий кочевников из ханского плена.

Надо сказать, что текст сказителя-орденоносца весьма существенно отличается от всех ранее известных вариантов «Алтай-Бучая» сильным социальным звучанием этой вещи, классовой ненавистью к врагам. Аранай и Шаранай здесь показаны не только как личные враги богатыря, но и как враги народа, поработители, покорившие всех жителей Алтая, кроме тех, которых оберегал Алтай-Бучай. Уничтожив ханов Араная и Шараная, богатырь освобождает плененный ими народ. Начинается счастливая, вольная жизнь, народное торжество.

Сюжет «Алтай-Бучая» известен у других народов Сибири. Так в Бурят-Монголии есть былина «Лодой-Мэргэн», близкая «Алтай-Бучаю». Вот что пишет о ней Н. Н. Поппе в статье «Некоторые проблемы бурят-монгольского эпоса»:

«...в патриархально-родовом и в феодальном эпосе врагом героя становится его жена. Примером такого произведения может служить ...былина «Лодой Мэргэн», в которой рассказывается, как в отсутствие героя его жена сходится с врагом его и помогает ему убить Лодоя. Но... верный конь привозит... небесную красавицу, которая оживляет героя. Тот женится на ней и едет мстить жене и ее любовнику. Этого рода произведения отражают... идеологию патриархального общества, в котором жены всегда являлись чужеродками... Добытая путем купли или умыкания жена не всегда любила своего мужа. Такого рода произведений, однако, немного: среди западных бурят известна лишь одна большая эпопея «Ирэнсэй», в которой рассказывается, что Ирэнсэя убила его жена, ставшая любовницей Мангатхая» («Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка». 1940 г. № 2, стр. 6—7).

Чтобы для читателя было ясно, в чем различие и в чем сходство текста Н. У. Улагашева с алтайскими вариантами, опубликованными ранее, мы в своих примечаниях остановимся на отдельных эпизодах, в которых различие или тождество представляет особый интерес.

Алтай-Бучай. Не переводится. В тексте Г. Н. Потанина — Алтай-Бучи. В тексте Н. Никифорова — Алтай-Бучый. Некоторые произносят — Алтай-Куучин.

В образе Алтай-Бучая наиболее ярко выражена мысль — богатырь есть олицетворение народа.

У Алтай-Бучая нет матери в образе какой-либо женщины. Богатырь рожден землей, а синонимом слова «земля» является слово «Алтай».

1 Эрбен-Чечен. Эрбен — словонаходчивая, чечен — красноречивая.

2 Дваран-Чечен. Дваран — нарядная.

3 Эркемел. От слова «эрке» — милый, любимец.

4 Анчи — охотник.

5 Бай-Чоокыр — собственное имя коня. Бай — богатый, нарядный, Чоокыр — пегий, полосатый, чубарый.

6 Кайчи-Дьерен — собственное имя второго коня. Слово «кайчи» имеет два значения: первое — певец, исполнитель героического эпоса; второе — ножницы. Дьерен — рыжий.

7 Камчи-Дьерен — имя третьего коня. Камчи — плетка.

8 Тайгыл — молодая, сильная, гривастая собака. По словам Г. Потанина — мифическая собака. Обычно собаку называют — «ит». Слово «тайгыл» употребляется только в тех случаях, когда о собаке хотят сказать с большим уважением к ней (сообщено П. В. Кучияком).

9 Два серых сокола. В вариантах Г. Потанина и Н. Никифорова на месте соколов — беркуты. В последнем варианте, кроме беркутов, у богатыря был еще белый сокол. Его Алтай-Бучый всегда брал с собой на охоту.

10 Зеркало. Ни в одном из старых вариантов Алтай-Бучая зеркала нет. Это объясняется, видимо, тем, что зеркало на Алтае широкое распространение получило сравнительно недавно. Металлические зеркала, известные из раскопок алтайских курганов, были только у богатых, у родовых князьков.

11 На тридцать уехал лет. В варианте Н. Никифорова — «на семь дней»

12 К хану, за Белый Алтай поезжай. По варианту Г. Потанина женщины написали письмо на крыле утки, по варианту Н. Никифорова — на крыльях двух уток.

13 Аранай и Шаранай. Смысл этих слов современным ойротам неизвестен.

14 Будет нашим теперь весь свет. Этой строчки нет в старых вариантах. Н. У. Улагашев рисует Араная и Шараная захватчиками, завоевателями, поработителями.

15 Могущество заключено. Имеется в виду душа богатыря, которая находилась в его больших пальцах. Душа Эркемела находилась в ногах. В данном случае душа отождествлена с силой богатыря.

16 Стрел, постреляться с ним — у нас хватит. По варианту Н. Никифорова Аранай и Шаранай даже боятся похвастаться вступить в бой с Алтай-Бучыем. Тогда жена и сестра успокаивают их, обещая отравить богатыря. При этом становится понятным, почему они заранее приготовили ядовитую араку. По варианту Г. Потанина яд они приготовили так: «взяли пот от работницы, от коня», взяли сок семидесяти цветов и все это смешали с крепкой аракой.

17 Спина Бай-Чоокыра под кладью выгнулась. В варианте Н. Никифорова: «Маралы и элики (косули—А. К.) навьючены, дорогие шкуры приторочены так, что только хвост да грива видны у коня».

18 Всю араку выпил. По варианту Н. Никифорова Алтай-Бу-

чый, предупрежденный конем о коварном замысле, отказывается принять чашку араки от родной сестры. Не берет и от жены. Тогда жена подходит к нему с грудным ребенком на руках и говорит:

— Попробуй один чоочой ради единственного твоего сына!

Только тогда Алтай-Бучый выпил.

[19] Черно-стальные ножницы. В старых вариантах этого эпизода нет. В тексте Н. Никифорова Алтай-Бучый говорит Аранаю и Шаранаю:

— Возьмите мой скот, возьмите мой народ и оставьте мне только жизнь.

Жена его приносит белый меч и подает Аранаю и Шаранаю. Этим мечом братья убивают богатыря.

Видя эту жуткую сцену, сын Алтая-Бучыя уполз на гору Сумер-Улан (по буддийской космогонии эта гора находится за семью рядами золотых гор, в середине семи морей, в самом центре мира). Мать побежала за ним и окликнула его:

— Хотя оставляешь меня, но пососи мои два сосца.

Ребенок вернулся к ней. Мать дала ему грудь и в это время ножницами отстригнула его ноги. Лишившись ног, ребенок все же успел уползти на гору Сумер-Улан.

[20] От ханов спастись успел. В оригинале пропуск. Эти строки внесены переводчиком.

По варианту Н. Никифорова Алтай-Бучый, предупрежденный конем о коварном замысле жены и сестры, не дал сестре привязать коня и отпустил его на волю.

[21] Упал. Оба коня упали с целью освободиться из плена, что им и удалось сделать.

[22] Град в пути их застиг. Гроза вызвана конем Бай-Чоокыром, который знал заклинания. В записи Н. Никифорова: «Темичи-Ерен гривой и хвостом сделал яду (заклинание, т. е. взмахнул хвостом и гривой—А. К.); спустил с неба белый снег глубиной до головы лошади».

[23] Ноги юного Эркемела. По записи Г. Потанина жена Алтай-Бучи в этом шалаше родила сына, своего первенца. Конь, явившийся в виде воробья, схватил ребенка, чтобы унести к его отцу. Мать отстригнула у ребенка одну ногу. Конь вернулся и унес эту ногу.

[24] Плетью не бейте. Этого эпизода в прежних записях нет. Видимо, он введен Н. У. Улагашевым, усилившим социальное значение этого произведения.

[25] Может, живую воду найду. В оригинале — «оживляющее лекарство». В записи Н. Никифорова конь говорит:

— Нужно искать то место, где Алтай-Бучый зародился. Только там можно найти оживляющее средство для мертвого богатыря.

[26] Мать-Земля. Здесь особенно ярко видны следы анимизма. В прошлом ойроты считали, что у каждой горы есть свой дух. Старшим над горными духами является дух земли. Вот это и есть Мать-Земля. По записи Н. Никифорова — Белая Старуха. Она — дух самой высокой на Алтае Белой горы. Эта старуха является матерью Алтай-Бучыя.

[27] Старая Мать-Земля. В оригинале — мамаша. В записях Г. Н. Потанина и Н. Никифорова эпизодов с лисой с Дельбегенем нет. Мать-Земля садится на коня и отправляется на небо.

Оттуда она привозит дочь Бурхана, девушку Ак-Таджи. Девушка перешагивает через кости богатыря, говоря: «Я не знала греха», и богатырь встает.

[28] Войска Араная и Шараная. По записи Н. Никифорова Аранай и Шаранай даже не думали собирать войска и выступать против Алтай-Бучыя. Они спрятались от богатыря под постели. Алтай-Бучый нашел их и втоптал в землю. Жену он разрезал на куски, а сестру привязал к хвостам четырех кобылиц «и дал разорвать на четыре части». По записи Г. Потанина сын Алтай-Бучи не дал убить мать. Тогда богатырь привязал изменницу-жену к хвостам девяти кобыл и отпустил их в степь.

[29] Алтаю покоя вы не давали. Этой речи нет ни в одной из старых записей. Может быть, те записи производились в присутствии какого-нибудь бая или зайсана и сказители не решались петь поэму так, как она была сложена народом, а сделали купюры. Но, возможно, что эти строки сложены позднее, в советское время.

[30] Чорго — деревянная изогнутая труба, по которой бежит арака из котла в кувшин.

[31] Бурхан-кан. По объяснению Б. Б. Басангова — праведный человек, достигший совершенства и ставший богом. Дословно — «праведник».

[32] Юлкер-кан. Юлкер — плеяды, кан—хан.

[33] Юлгерчи — сочинительница песен.

[34] Моя для тебя закрыта дверь. Этого эпизода нет ни в одной из прежних записей.

АЛЫП-МАНАШ

Поэму записал П. В. Кучияк в июне—июле 1939 года. С подстрочника Н. Г. Куранакова перевел И. Мухачев.

На ойротском языке поэма опубликована в 1940 г. На русском языке была напечатана в прозаическом изложении (А. Гарф и П. Кучияк. «Алтайские сказки», Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939 г.). Полностью публикуется впервые.

Н. Улагашев называет поэму «Алып-Манаш» «кузнецким» сказанием. Он слышал ее в молодости в селе Елей, Старо-Бардинского района, куда возил продавать бадан. Поэму пропел ему сказитель Яемат, приехавший туда из-под города Кузнецка. Яемат был бобылем, профессиональным сказителем. Он кормился тем, что приносили ему его слушатели.

[1] На чубаром коне ездящий. Сообщение о коне богатыря в ойротском эпосе всегда предшествует имени самого богатыря.

[2] Байбарак — собственное имя. Не переводится.

[3] Комыс — миниатюрный музыкальный инструмент. Комыс берут в зубы, по язычку его ударяют пальцем и дыханием регулируют нежный, вибрирующий звук.

[4] Эрке-Коо. Эрке — милая, коо — стройная, красивая, прекрасная. Это — часто встречающийся эпитет ойротских красавиц. Есть он и в монгольском эпосе.

[5] Алып-Манаш. Ойротские богатыри делятся на три ранга: батыр — богатырь, алып — великан, боко — силач. Смысл слова «манаш» ойротам неизвестен.

[6] Брови на северный лес. Сказитель сравнивает густоту бровей с лесом, растущим на влажных северных склонах гор.

[7] Кюмюжек-Ару — Чистая Жемчужина.

[8] Кыргыз-кан — Киргизский хан.

[9] Цветок маральника. Маральник — вечнозеленый кустарник на Алтае. Ранней весной обильно покрывается розовыми цветами.

[10] Ак-кан — Белый хан.

[11] Эрке-Каракчи. Каракчи — разбойница; красавица.

[12] С милой женой ласков не буду. По оригиналу: «Пока Ак-кана не сражу... к милой жене не вернусь».

[13] На бело-сером коне ездящий. В оригинале: «На крылатом бело-сером коне...»

[14] Вместе с ее очагом разожжен. Каноническая форма алтайского эпоса, означающая, что действующие лица родились в один и тот же миг.

[15] Аил — юрта из коры лиственницы.

[16] Лодка. Современным ойротам лодка мало известна. Через бурные реки они чаще всего переправляются вброд, вплавь, на коне или же на плотах. Потому и в эпосе ойротов лодка встречается очень редко. Обычно, богатыри на своих конях мчатся через реки, озера и моря. Кони так легко перепрыгивают через эти преграды, что копытами воли не касаются, хвоста никогда не замочат. Недаром в эпосе коня часто называют крыльями богатыря.

В двух томах ойротского эпоса, изданных за последние годы («Алтайские сказки», Новосибирск, 1937 г. и «Темир-Санаа», Новосибирск, 1940 г.), лодка появляется только два раза. На лодке плавает по морю красавица Суремея, будущая жена охотника Кулакчина («Темир-Санаа», стр. 166), да лисица-перевозчица перевозит через черное море трех девушек, за которыми гонится Алмыс-людоед («Алтайские сказки», стр. 58).

В бассейне Томи, откуда Н. Улагашев заимствовал поэму «Алып-Манаш», лодка давно стала одним из основных средств передвижения.

[17] Закатом ему казался. Богатырь мчался без отдыха. Дни и ночи так мелькали, что нельзя было отличить утра от вечера.

[18] Землю слушать стал. В оригинале: «Землю насквозь прослушивает».

[19] В звезду превратился. Традиционное превращение богатырского коня в ойротском эпосе. Кони богатырей часто разгуливают по небу. Некоторые звезды народ называет именами богатырских аргамаков или коней смелых охотников. Так, о созвездии Орион ойроты говорят: первые три звезды — три маралухи (самки оленей), четвертая звезда — охотник Когольдей-богатырь, пятая — лошадь охотника, шестая — стрела, седьмая — собака.

[20] Две золотых скалы стоят. Седло богатыря. Алып-Манаш спит, положив голову на седло.

[21] Толкан — мука, приготовленная из поджаренного ячменя. Толканом заправляют чай, в который, кроме сметаны или молока, кладут еще соль.

[22] Ханского дворца достигнув. В оригинале дворец назван золотым.

[23] Семиглавый Дельбеген. Людоед, самый отвратительный персонаж ойротского эпоса, действующий во многих народных поэмах и сказках. При упоминании сказителем имени этого чудовища нередко среди слушателей раздается возглас:

— Ну, без Дельбегена сказки не бывает!..

Сказители стараются создать образ Дельбегена таким, чтобы он вызвал у слушателей не только отвращение, но и смех.

Некоторые сказители изображают Дельбегена девяти и даже двенадцатиголовым. В словаре Вербицкого говорится, что каждая голова Дельбегена имеет особое назначение: первая голова поет, вторая — на дудке наигрывает, третья — воет, четвертая—шаманит, пятая — сказки сказывает и т. д.

Г. Н. Потанин, в свое время, со слов алтайца Почук записал о Дельбегене следующее:

«Джельбеген очень губил людей. Учь-Бурхан — то есть три бога посоветовались между собой, что делать. Солнце сказало: «я бы спустилось на землю, но от моего жара люди сгорят». Месяц сказал: «от жара, пожалуй, сгорят, но мой холод стерпят». Он спустился и застал Джельбегена евшим ягоды на черемухе: месяц схватил его вместе с кустом, посадил за пазуху и унес с собою на небо. От Джельбегенова прожорства уцелело только восемь человек; от них и расплодились вновь люди» («Очерки Северо-Западной Монголии», том IV, 1883 г., стр. 190).

Другой сказитель к этому добавил:

«Теперь Джельбеген сглатывает месяц: от этого бывает затмение». (Там же, стр. 191).

— Тень Дельбегена и сейчас видна на месяце, — говорят старики-ойроты.

В сказанье «Алтын-Мизе» («Аносский сборник», Омск, 1915 г., стр. 73) говорится о том, что на Алтае «есть семьсот ельбегенов, над семьюстами ельбегенами есть Сары-Ельбеген...».

В последнем случае под Дельбегенами сказитель подразумевал угнетателей ойротского народа — баев и зайсанов.

Слово «дельбеген» стало ругательным. Этим словом называли самых плохих людей — обманщиков, грабителей, эксплоататоров.

24 Оплывина — снежная лавина.

25 Будто трава, смялись. В оригинале: «Смялись, как солома в руке».

26 Начал писать. Этот мотив в ойротском эпосе встречается редко. Правда, почти все богатыри изображаются грамотными. Жены и родители их тоже грамотны. Но грамотность свою они, обычно, используют только для чтения «книги мудрости». Богатыри, пишущие письма, в эпосе встречаются редко. А если пишут они, то на дощечках или палочках. Это заставляет вспоминать название древней ойротской письменности — быдак-бичик. Быдак — сук дерева. Старики рассказывают, что знаки этой письменности походили на крючки и корявые сучья деревьев.

В Монголии есть ироническая легенда об изобретении подобной письменности. По этой легенде, ламы не могли изобрести письмо до тех пор, пока они не увидели старуху с палкой, предназначенной для выделки овчин. На палке были зарубки. Ламы решили, что это — указание свыше и «скопировали с палки монгольское письмо» (Г. Н. Потанин. «Очерки Сев.-Зап. Монголии» том IV, стр. 328—329).

Алып-Манаш пишет на крыле гуся. Это — выражение мечты о более совершенном письме, о способах пересылки посланий. В сказании об Алтай-Бучые («Аносский сборник», Омск, 1915 г., стр. 4) сестра его, изменница Ермен-Чечен, пишет письма на крыльях двух уток и отправляет их к врагам брата — Аранаю и Шаранаю.

Этот мотив знаком и русскому фольклору. Есть поговорка: «сорока на хвосте весть принесла».

В монгольском эпосе этот мотив тоже имеет некоторое распространение.

Так в глубине веков у разных народов зародилась и созревала идея голубиной почты, которая еще в начале нашей эры получила на Востоке большое распространение.

27 Белое лицо мое. В оригинале былую красоту своего лица Алып-Манаш сравнивает с радугой.

28 Ак-Кобен — Белый Хлопок.

29 Кан-Чурекей. Кан — кровь, чурекей — утка из породы чирков; зимородок.

30 Ташаур — кожаный сосуд с узким горлом. Здесь говорится о ташауре, украшенном золотом.

31 В яму опустил. Эпизод, встречающийся в других народных поэмах. В «Темир-Санаа» (стр. 24) мы находим такие строки:

Темносерый конь богатырский
На середину белой долины прибежал,
К семидесятисаженной яме подошел,
Из хвоста один волос
В глубокую яму опустил,
На одном волосе
Темир-Санаа из ямы поднял.

В поэме Н. У. Улагашева у коня отрывается хвост, и конь должен отыскать новый путь к освобождению своего друга.

32 Целебную пену надо достать. Эту пену алтайцы называют эрдине — волшебная драгоценность, талисман. По ойротским легендам, эрдине в виде пены можно найти в муравейнике и в виде шелковой ниточки — в гнезде иволги. Обладание этим талисманом приносит человеку счастье, богатство. В шелковую ниточку превращается Байым-Сур, жена богатыря Козын-Эркеша, чтобы спасти его от отравления. Она — эрдине своего мужа.

Богатырь Алтай-Бучый имел эрдине своих табунов. Это была серая кобылица.

Кроме этого, эрдине в ойротском эпосе имеет то же значение, что и «живая вода». В сказании «Алтын-Мизе» («Аносский сборник», стр. 104—105) конь достает белое эрдине с вершины железного тополя, чтобы вернуть жизнь своему богатырю, кости которого уже обросли мхом. Конь ударяет белым эрдине по костям, и богатырь встает, будто только что пробудившийся от сна.

33 Кюлер-бий. Кюлер — бронза, бий — начальник, господин, судья, чиновник.

34 Кам — шаман.

35 Солнце мое, Алып-Манаш. В оригинале:

Сердце мое, Алып-Манаш!
Солнце мое, Алып-Манаш!

36 У него жена остается. Здесь ясно видны пережитки далекого прошлого. По родовым обычаям ойротская женщина после смерти мужа не могла вернуться к своим родителям или выйти замуж за кого-либо по своему усмотрению. Она переходила по наследству к младшему брату мужа. У Алып-Манаша нет брата, и потому отец, якобы, умершего богатыря решил отдать вдову его близкому другу. Эти родовые пережитки существовали до

прихода советской власти и еще недавно с ними приходилось вести борьбу.

[37] С семьюдесятью двумя тетивами. В подстрочнике — лук с семьюдесятью двумя зарубками. Эта деталь часто встречается в ойротском эпосе. Некоторые переводчики эти слова объясняли так: «Зарубка делается для тетивы. Сколько зарубок, столько и нитей в тетиве».

Г. Н. Потанин о луке с зарубками говорит следующее:

«Чтобы натянуть лук, клали его на землю; на тело лука ставили вертикально тепке, деревянную линейку, на конце которой было несколько зарубок; потом тянули тетиву вверх, заставляя ее скользить по линейке сначала до первой зарубки, потом до второй» («Аносский сб.», стр. 34).

П. В. Кучияк сообщил нам, что Г. Н. Потанин неправильно употребил слово «тепке». Деревянную линейку с зарубками алтайцы называли — «чертки». Слово «тепке» означает бугорок на рогах сибирского козерога — тау-тэке. Старик Попоноев Саныбас рассказывал Кучияку, что из рогов тау-тэке алтайцы делали луки. Для этого рог распаривали и раскалывали пополам. При натягивании тетивы бугорки на рогах сжимались и превращались в своеобразные пружины. Число бугорков на рогах тау-тэке колеблется от 7—8 до 15—16. Чем больше бугорков, тем сильнее лук. Стрела, выпущенная из такого лука, сваливала марала. В коллекции Новосибирского краеведческого музея есть такой лук.

[38] С богатого ковра вскочил. По оригиналу — с девяти ковров, сложенных стопкой.

[39] Стальная сабля. В оригинале — сабля по форме своей сравнивается с луной.

[40] Тополь, как ремень, скрутил. Ак-кан навсегда остался в скрученном тополе.

[41] Тас-Таракай. Характерное для ойротского эпоса превращение богатыря в лысого, смешного, неопрятного старика. Встречается во многих поэмах и сказках (см. «Аносский сборник» и «Темир-Санаа», Новосибгиз, 1940 г.). Превращение в Тас-Таракая знакомо богатырям казахского эпоса. Так превращается в старика-пастуха («Тазша») Козы-Корпеш, когда он отправляется на поиски своей невесты Баян-Сулу.

В русских сказках на месте Тас-Таракая мы находим замарыша, в которого иногда превращается молодой и сильный человек. Это бывает обычно тогда, когда он после долгой отлучки возвращается домой и решает уличить неверную жену в измене, расправиться с ее любовником.

Один из любимых богатырей бурят-монгольского эпоса Гесер, отправляясь к своей изменнице жене, принимает образ странствующего ламы.

Тас — плешивый, покрытый коростами. Словом «таракай» алтайцы называют то место на высоких горах, где кончается лес и начинаются голые скалы.

[42] Токум — подседельный потник.

[43] Той — свадьба, пиршество.

[44] Чегедек — верхняя одежда замужней женщины, которую она была обязана носить всегда, пока жив муж.

[45] В богатую шубу одетый. По оригиналу — шуба на Ак-Кобене сияла, как луна.

[46] Соседей своих я угощу. В оригинале:

Из котла с семьюдесятью ручками
Семьдесят человек угощу.

47 Журавлиные перья и пух посыпались. В оригинале:

С темени журавля
Перья посыпались.

В варианте А. Гарф и П. Кучияка этот эпизод изложен так: «Стрела скользнула по темени журавля. С тех пор и поныне журавль живет с этой отметиной».

А в заключение сообщается:

«Алтайцы журавлиного мяса не едят.

— Эта птица, — говорят они, — хоть и поганой, но все же человеческой крови».

КОКИН-ЭРКЕЙ

Поэма записана П. В. Кучияком в 1940 г. Ему же принадлежит подстрочный перевод. Поэтический перевод Евг. Березницкого.

На ойротском языке опубликована в сборнике Н. Улагашева, изданном в 1941 году. На русском языке публикуется впервые.

Кокин-Эркей. Кокин — восторженный, эркей — милый, любимец.

1 Подмышкой коврово-зеленой горы. Гора покрыта лесом, словно ковром. «Подмышкой» — характерное для ойротского эпоса сравнение верховья узкой долины, в которой расположено стойбище богатыря.

2 С молнией схожий взор твой блестит. В оригинале конь, напомнив о средине жизни своего хозяина, говорит, что с молнией схожий взгляд богатыря уже начинает потухать.

3 Конь даже голову не повернул. В оригинале: «Конь хвостом взмахнул...» Впервые в ойротском эпосе конь самовольно уходит от своего хозяина и относится к нему столь непочтительно. Но и при этом он остается верным своему богатырю и задумывает сделать для него хорошее.

4 На звере. В оригинале — «кийик». В подстрочнике — «обезьяна». Думаем, что здесь — ошибка. П. Тыдыков в своем «Русско-алтайском словаре» (изд. 1926 и 1931 гг.) обезьяну переводит словом «алмын». У казахов под словом «кийик» известна дикая коза. В Горной Шории «ак-киик» — северный олень. На Памире «киик» — горный козел (алтайский тау-теке). Вероятно, и в поэме Н. У. Улагашева мы имеем дело с наименованием горного козла, заимствованным ойротами у других народов.

5 Родную сестру отыскать хочу. В оригинале:

«Если умерла — тело ее найти хочу,
Если жива — видеть ее хочу».

6 Далее в оригинале говорится, что дочку Ак-кана сватает младший сын Ай-кана (Месяца).

7 Боро-Телтей. Боро — серый, телтей — толстый.

8 Золотые котлы аракой полны. В оригинале: «В золотых котлах арака подогревается».

9 В шелковых шубах. В оригинале — «расшитых жемчугом».

10 Дьети-Деек. Дьети — семь, деек — обжора.

В сказке о трех Курбустанах, напечатанной в № 14 Томских епархиальных ведомостей за 1912 год, семь Дьеков выступают, как племянники Эрлика.

Слово «деек» в народе уже давно стало ругательным. Дееками на Алтае называли торговцев, сейчас называют капиталистов.

11 Не твой ли железно-чубарый конь. В оригинале дальше девушка говорит:

Все три приза конь получил —
От младшего из Семи Обжор меня избавил.

12 Дьелбис-Сокор. Дьелбис — дьявол, сокор — слепой.

13 Услышу зов. В оригинале:

Громко крикни:
Откуда услышать нельзя —
Я услышу.
Рукой взмахни:
Откуда увидеть нельзя —
Я увижу.

14 Хотел я ее отстоять в бою. В оригинале: «тридцать лет с ними бился».

15 Новый товарищ. В оригинале: «незнакомый молодой богатырь».

16 Анчи-Мерген. Анчи — охотник, мерген — меткий стрелок. По-монгольски — мэргэн. Из труда академика Б. Я. Владимирцева «Общественный строй монголов» известно, что слово «мэргэн» было титулом, который носили родовые вожди XI—XII ст. Позднее в Монголии мэргэнами называли владетелей улусов. Н. Н. Поппе в книге «Халха-монгольский героический эпос» (изд. Академии Наук СССР, 1937 г., стр. 45) пишет: «Образ мэргэна унаследован феодальным эпосом от эпоса родового общества... Образ мэргэна нам представляется демократическим». Сейчас от слова «мерген» производят слова «мергендю» — ударный и «мергендючи» — ударник.

17 Темир-Сагыш — Железный Ум.

18 Правой ногой он выдрят прижал. В оригинале: «Бронзовым сапогом он выдрят придавил».

Выдрята — души Темир-Сагыша и Темир-Боко. В ойротском эпосе мы часто встречаемся с таким положением, что душа богатыря находится не в его теле, а хранится где-то в другом месте, в тайниках. Отсюда — традиционные строки, сопутствующие появлению богатыря на поле действия:

Кровью он не истечет, —
У него крови нет.
Умереть он не умрет, —
У него души нет.

Так души ханов Еки-Деек (напечатано Еки-теек, но это ошибка) и души их лошадей хранились в золотом шестиугольном ящике. Ящик был в животе желтого медведя, скрывавшегося на пустынном острове среди желто-ядовитого моря. («Темир-Санаа», Новосибгиз, 1940 г., стр. 58).

Душа Тельбен-Кара-кана и душа его коня находились в четырехкрылом беркуте (см. поэму «Кан-Толо» в этой книге).

Душа Козын-Эркеша — алмазный нож, который он хранил в одной из своих девятирядных бронзовых подошв.

Характерно, что Кокин-Эркей, задумав покончить самоубийством, тоже достал из своей подошвы желтый нож. Это — его душа и душа его коня.

Подобные мотивы широко известны и другим народам. Кощей Бессмертный из русских сказок в этом отношении очень походит на ханов Еки-Деек. Смерть Кощея тоже спрятана очень далеко: на острове среди моря-океана стоит дуб, под ним зарыт ящик, в ящике — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо. Это яйцо и является смертью Кощея Бессмертного. Ивану-царевичу удается достать то яйцо. Он ударяет им по лбу Кощея, и Бессмертный падает замертво. По другому варианту, яйцо растоптала Руса-Руса, жена Ивана, которую Кощей пытался утащить к себе.

В ойротском фольклоре души злых ханов и богов, чаще всего, бывают воплощены в выдрятах или беркутах.

[19] Дьелбис-Сокор хану пришел конец. В оригинале этой строке предшествует: «Ездящему на росомахе косматой...»

[20] Ак-кана дочь. В оригинале перед именем Ак-кана сообщается, на каком коне он ездит. Говорится о коне и при упоминании Боро-Телтея. Как читатель уже мог убедиться, от этого правила ойротские сказители не отступают ни в каких случаях. Масть коня как бы приобретает значение прозвища или фамилии.

АК-ТОЙЧИ

Поэму записал П. В. Кучияк в 1940 году. С его подстрочника перевели Евг. Березницкий и А. Коптелов.

На алтайском языке поэма опубликована в сборнике Н. У. Улагашева, изданном в Ойрот-Туре. На русском языке публикуется впервые.

Этот сюжет, — менее разработанный и на русском языке изложенный в прозе, — мы находим в «Аносском сборнике» (стр. 222), в сказании «Алтын-Кучкаш». Там Белый Волк уносит младенца в золотую пещеру на Золотой горе (возле Телецкого озера есть Золотая гора — Алтын-Ту). К Алтын-Кучкашу, отцу мальчика, тотчас же являются из-под земли два Керь-Дьылана (два змея) и говорят:

— Когда-нибудь мы да сожрем твоего малютку! Твой малютка уже внесен в книгу Эрлика!

Герой сказания там носит имя не Ак-Тойчи, а Ару-Мандая. Ездит он на коне Таш-Курен (Бурый камень). Алтын-Тана там носит имя Алтын-Дюстюк (Золотое Кольцо). А имя Алтын-Таны дано матери героя.

Белый Волк там не брат мальчика, а горный дух.

Богатырь находит свою невесту не под деревом, а среди тех ста девиц, которые едут ему навстречу.

В подземном царстве он борется не с одним Карагулой, а с двумя.

В остальном вариант тождествен нашему, если не считать, что многих эпизодов в нем нет, многие смяты и что он не столь красочен и выразителен.

[1] Ак-Боко. Ак — белый, боко — силач.

[2] Алтын-Топчи — Золотая Бусинка.

[3] Узун-Кыдат. Узун — длинный, в данном случае — высокий, Кыдат — китаец.

4 Черный Эрлик-бий — злой бог. В эпосе имя Эрлика обычно употребляется только в сочетании со следующими словами: бий — начальник, господин; боко — силач, бос — упрямый, ада — отец. Без этих слов употребляется только тогда, когда человек хочет обругать кого-либо из людей именем самого злого, коварного и кровожадного из богов.

5 Марал — алтайский олень, молодые рога (панты) которого в течение многих веков используются тибетской медициной. В последние годы у нас в институтах эндокринологии из пантов марала начали приготовлять препарат пантокрин.

Маралы на Алтае разводятся в огромных загонах, «садах» — маральниках. Встречаются они и в диком состоянии, но охота на них запрещена.

6 Ульгень — добрый бог, обитающий, по ойротской мифологии, на седьмом небе.

7 Аркан — веревка из конского волоса.

8 За семь крепостных стен спрятал. Имеются в виду укрепления, построенные по семи концентрическим кругам.

9 Ребенка зубами схватил. Среди русских сказочников в Сибири популярен сюжет о воспитании мальчика филином.

10 Подземные норы он заваливал. Описание входов в ад Эрлика напоминает норы барсука. Известно, что, кроме главного входа в нору, у барсука много запасных входов и выходов — отнорков. В подземелье Эрлика ведут семьдесят семь пастей, или нор. Вот эти-то норы и заваливал Белый Волк. Вероятно, это и дало повод Потанину ошибочно утверждать, что для создания образа Эрлика прототипом послужил крот.

11 Уч-Курбустан — три бога, по ойротской мифологии — высшее божество. Хотя Уч-Курбустан, наряду с Ульгенем, считался добрым богом, в ойротском эпосе мы часто видим его, как врага людей, замышляющего какое-либо очередное злодеяние.

По сказке, напечатанной в Томских епархиальных ведомостях в 1912 году, три Курбустана — три брата, сидящие на золотых престолах. Братья любят выпить, погулять на свадьбах. Это — боги, созданные ойротами в древности по образу и подобию своему. Между прочим, и обстановка на небе почти ничем не отличается от жилья богатого ойрота. Там, как в юрте кочевника, есть даже мужская половина (юг) и женская половина (север).

Монгольская мифология ставит на место трех Курбустанов Хормусту-Хана. Как и все боги сибирских кочевников, он тоже — живая копия с ханов, баев и князьков.

12 Казан — котел, укрепленный на треножнике.

13 Кара-Кула. Некоторые произносят Кара-Гула. В подстрочном переводе было — «лев». Переводчик в данном случае, видимо, пользовался словарем, приложенным к «Грамматике алтайского языка» (Казань, 1869 г.), или словарем П. Тыдыкова (1926 г.) В обоих словарях слово Кара-Гула переведено как «лев». Но это неверно. Вот что пишет по этому поводу Г. Н. Потанин:

«Имя Кара-Гула встречается в сказках, как темная сила. Для обозначения льва оно стало употребляться, повидимому, только в позднее время, когда соседи, подошедшие к краю с юга, стали рассказывать, что есть на свете зверь, сильнее медведя. Алтайцы обратились к своим сказкам, нашли там Кара-Гулу и предположили, что зверь, о котором им говорят, и есть давно известный им Кара-Гула. Вероятно, вначале Кара-Гула было именем медве-

дя... Затем медведь получил другое имя, и Кара-Гула остался только в сказках, как сильное существо или как чудовищный зверь» (стр. 769).

Там же он пишет, что казахи Акмолинской области называли сильнейшим зверем на свете — кара-кулака (черное ухо). Величиной тот зверь с кулак, но «сила его превосходит силу медведя и тигра» (стр. 770).

Кара-Кула — один из семи (по другим вариантам — девяти) сыновей Мааны, матери всех зверей и хищных птиц. Кроме него Мааны родила: барсука, кошку, филина, росомаху, рысь, барса, тигра и улу (дракона).

Алтаец Санаш, живший в долине Чуи, говорил Г. Н. Потанину, что Кара-Кула — «зверь, похожий на лошадь».

В сказке «Алтын-Мизе», записанной от сказителя Чолтоша («Аносский сборник», Омск, 1915 г., стр. 65 — 106), говорится, что Кара-Кула стоит на небе, у дверей Уч-Курбустана. У нее есть сын — чернобурый жеребец. По другим вариантам, у нее три сына: чубарый жеребец с письменами на боках, рыжий и бурый.

Одни сказители называют Кара-Кула шестихвостым, другие рисуют его с восьмью клыками.

Сам Кара-Кула в сказке Алтай-Бучый («Аносский сборник», стр. 29) говорит, что он единственный, родившийся не от матери, а от земли. Там описывается битва богатыря с Кара-Кулой, окончившаяся клятвой о дружбе.

Рисуя образ Кара-Кулы, сказочник говорит, что у чудовища «на одном клыке насажены присохшие кости семидесяти богатырей; на другом клыке насажены присохшие кости шестидесяти коней».

В сказке «Аин-Шаин-Шикширге» («Аносский сборник», стр. 39). портрет Кара-Кулы дан такими штрихами:

«...внутри черного Алтая виднеется черная, как сажа, тайга (гора —А. К.)... оказалось лежит Карагула. Два глаза, как два черных озера. Как черная горка виден нос».

В сказке «Каратты-хан» (Г. Н. Потанин. «Очерки Сев.-Зап. Монголии», том IV, стр. 371) рассказывается о смерти Кара-Кула. Чудовище было убито богатырем по имени Кан-Улетэй. В репертуаре Н. У. Улагашева «Кан-Улетэй» есть, но запись его пока еще не осуществлена.

[14] Ак-Тойчи. Ак — белый, тойчи — устроитель свадеб, пиршеств.

[15] Тенери-кан — Небесный хан.

[16] Сердце твое полно ума. В старину ойроты считали, что ум человека находится в сердце.

[17] В сторону луны взмахнул. Заклинание. При помощи его низводится на землю снег и дождь. В «Алтай-Бучые» («Аносский сборник», стр. 3) Ермен-Чечен «простерла обе ладони; с неба пал белый снег глубиной до головы лошади».

[18] Судьбу свою сам решай. Богатырю было суждено умереть от мороза. Но он обманул свою судьбу, остался жив и теперь мог ехать, куда ему вздумается.

[19] Алтын-Тана — Золотая Пуговица.

[20] Злой Эрлик-бий украл. Еще недавно на Алтае об умерших говорили:

— Эрлик утащил.

Детям нередко давали некрасивые и даже скверные имена

(Собачье Ухо, Собачий Зад и т. д.), считая, что ребенка с таким именем Эрлик не захочет взять.

21 Теперь я уйду. Глаголы «ушел», «уехал» являются синонимами глагола «умер». Об умершем человеке ойроты говорят:

— Домой уехал.

22 В чоо-чойке, на звезду похожей. Чоо-чой — маленькая чашечка, наполненная аракой.

23 Темир-кан — Железный хан, по ойротской мифологии — ближайший помощник злого бога Эрлика.

24 Элче-Кедюкей. Элче — посланец. Кедюкей — не переводится.

25 На восьмирогом синем быке. Сам Эрлик обычно выезжает на девяти черных быках, впряженных в железную телегу.

26 Сокор-Кара. Сокор — слепой, кара — черный. Во многих ойротских народных произведениях Сокор-Кара выступает, как один из семи сыновей Эрлика.

27 В шелковых шубах. В оригинале говорится о шубах, расшитых жемчугом.

28 Калдан-Боко. Слово «калдан» не переводится.

29 Кожаную одежду дал. В оригинале — «илгин», кожа дикой косули. В летнее время многие ойроты и сейчас носят штаны из кожи дикой косули.

30 Семирядный дворец. Семь дворцов, построенных один в другом, как концентрические круги. Таковы все дворцы, встречающиеся в ойротском эпосе. Внутреннее убранство дворцов ничем не отличается от юрты.

31 На девяти каменных коврах. Эти ковры сложены стопкой, Темир-кан — на верху их.

32 Веялки. В оригинале — «одуш», ручная веялка, похожая на большую деревянную плицу. Этой веялкой подбрасывают зерно в воздух.

33 Как вкопанный, на месте застыл. В оригинале: «Как дерево затвердел».

34 Дьети Чолмон. Дьети — семь, чолмон — утренняя звезда, зарница.

35 Барын-Боко — непереводимое собственное имя.

36 Пятую дверь ногой вышиб. Зашел в пятый дворец, расположенный в центре всего здания.

37 Одус-Башту-Ок-Дьылан. Сложное имя — Тридцатиголовая, как пуля тонкая, змея. Некоторые переводят — гремучая змея, но это неверно. Самую маленькую из змей — огневку на Алтае и сейчас называют — ок-дьылан. О ней говорят, что она может тридцать раз пройти сквозь сердце человека.

Здесь Одус-Башту-Ок-Дьылан — сын Темир-кана. В других ойротских эпических произведениях он — младший и самый сильный из семи сыновей Эрлика.

38 На девятислойной чугунной долине. В оригинале «идирген» — место, приготовленное для конских бегов и для борцов. Вся долина была девять раз полита чугуном.

39 Прыгающие ворота. Вертикально расположенные ворота, находящиеся все время в движении.

40 Длинную бороду Эрлик-бия. О борьбе богатырей с Эрликом рассказывается в нескольких ойротских эпических произведениях: «Кан-Сулутай» («Сиб. огни» № 4—5 за 1940 г.), «Келер-Куш» (сб. «Темир-Санаа», Новосибгиз, 1940 г.), «Кара-Маас» (там же).

Богатырь всегда одерживает блестящую победу над грозным подземным богом.

41 Черно-стальную саблю. В оригинале говорится еще, что сабля — из стали, не знающей ржавчины.

42 Темене-Коо. Темене — большая игла, коо — прекрасная, стройная.

43 Омок-Мерген. Омок — резвый.

КОЗЫН-ЭРКЕШ

Поэма записана Павлом Кучияком. Подстрочный перевод — А. Каланакова. Поэтический перевод Евг. Березницкого.

На алтайском языке опубликована в сборнике Н. Улагашева, изданном в 1941 году. На русском языке печатается впервые.

«Козын-Эркеш» — отдаленный вариант «Кёзюйке и Баян», но происшедший, по всей вероятности, не от этой поэмы, а от казахской «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Подробно об этом — в примечаниях к следующему тексту. Здесь же отметим лишь, что «Козын-Эркеш» настолько отдаленный вариант названных выше поэм, что приобретает значение самостоятельного произведения.

В репертуаре Н. Улагашева есть поэма «Малчи-Мерген», по своему сюжету близкая «Козын-Эркешу». Так же, как богатырь Козын-Эркеш, пастух Малчи-Мерген, одержав победу в соревновании с соперниками-женихами, женится на дочери бая. Последний, не желая видеть бедняка своим зятем, приглашает его в гости, чтобы отравить аракой, смешанной с ядом, который выдерживали тридцать лет. Но Малчи-Мерген, не в пример своему двойнику Козын-Эркешу, не пьет отравы, а выливает ее в глотку злого тестя и его зятьев.

Учитывая, что поэма «Малчи-Мерген» еще не переведена на русский язык, мы в последующих примечаниях более подробно разберем ее сходство с «Козын-Эркешем». На алтайском языке поэма «Малчи-Мерген» опубликована в 1940 году.

Козын-Эркеш. Эркеш — миленький, Козын — незнакомое ойротам слово. Это — испорченное казахское «Козы», первая часть имени Козы-Корпеша.

В словаре Вербицкого: козы — ягненок, козе — надмогильная каменная плита, вертикально стоящая и врытая одним ребром в землю. Последнее вполне применимо и к нашему тексту, и к казахскому варианту «Козы-Корпеша и Баян-Сулу», так как Козын-Эркеш превращается в скалу, а на могиле Козы-Корпеша его возлюбленная Баян-Сулу воздвигает башню-памятник.

Конец поэмы «Козын-Эркеш» почему-то не был записан. О том, что богатырь и его жена превращаются в скалы, мы узнали от Н. У. Улагашева, когда работа над книгой уже была закончена и потому мы не могли внести этот корректив.

Байым-Сур. В поэме «Кёзюйке и Баян» на месте Байым-Сур мы видим девушку Баян, дочь того же Караты-кана, у казахов — Баян-Сулу. У ойротов слово «байы» означает разбогатеть. Байым-Сур — дочь богатых родителей. В словаре Вербицкого: Сур — образ, изображение, красоты. У казахов: сулу — красавица. Слово «сур» в нашем тексте может быть переведено и как красавица, и как скала, в которую Байым-Сур превращается в конце повествования.

1 Старик Ак-Боко жил. Ак-Боко — Белый Силач, богатырь. В данном случае слово «белый» говорит о возрасте персонажа и является синонимом слова «седой». Тем более, что и жена Ак-Боко, седая старуха, носит имя Белой Головы (Ак-Баш).

2 На своем Алтае охотился. Слово «Алтай» часто употребляется, как синоним — «земля».

3 На Чодон-коне ездящий. Чодон — конь с облезлым хвостом и вытертой гривой.

4 Словно сила во много раз выросла. Алтайские богатыри сильны тогда, когда они находятся в одном месте со своим конем. Конь — друг и советчик богатыря, его ближайший помощник в битвах.

5 Караты-кан — жестокий хан. В ойротском фольклоре Караты-кан — олицетворение жестокости, вероломства, злобы, насилия феодала над подчиненными, богатого над бедными. Поэтому сказители и не жалеют на портрет Караты-кана темных красок. Лицо у него черное, волосы черные, «словно лес густой торчат», «черные усы с бородой срослись». Когда все баи наряжаются в золотистые шубы, Караты-кан остается в своей черной шелковой шубе и в черной мерлушковой шапке. Чернота его подчеркнута белыми стенами золотого дворца.

Мать Козын-Эркеша была уверена, что сын не вернется живым от Караты-кана.

В ойротском фольклоре описываются последствия такого рискованного сватовства. Бедняка Когутэя, осмелившегося посватать седьмую дочь хана за своего приемного сына бобренка, Караты-кан приказал пополам разрубить, к седлу приторочить и домой отправить («Когутэй», Москва, 1935 г., стр. 56).

В нашей поэме мать, боясь потерять сына, пыталась остановить его и удержать от этой, по ее мнению, безумной затеи. Жестоко оскорбленная сыном, она произносит свое проклятие.

Это едва ли не единственный в ойротском фольклоре обостренный конфликт между матерью и сыном. Как правило, богатыри относятся к своим родителям с большой любовью, уважением, преданностью.

От Н. У. Улагашева записан вариант этого эпизода. В нем после 305-й строки находим следующее:

Снова Козын-Эркеш
Мать в аил привез;
Не слезая с коня, так сказал:
— Конь не золотой,
Когда-нибудь пасть должен;
Человек не серебряный,
Когда-нибудь умереть должен.
Если от руки Караты-кана умру,
Не жалей меня, не печалься,
Живой вернусь, —
Дорогую мать никогда не покину.
Почему молодому мне путь закрыла,
Желанье исполнить мешаешь?
Проклятьем меня не провожай,
Дорогу не загораживай!

Но при этом варианте становится непонятным крайний гнев матери, завершившийся проклятием своего родного сына.

В этом эпизоде — первые признаки совпадения «Козын-Эркеша» с «Козы-Корпешем и Баян-Сулу». Там мать тоже пытается помешать сыну в его поездке за невестой. Мать нанимает колдунью, которая сначала налетает на Корпеша верблюдицей, потом ложится рекой на его пути, встает густым лесом и, наконец, бежит по степи лисицей, чтобы сбить юношу с дороги.

6 Драгоценный конь красно-бурый. Конь — любимый персонаж алтайского эпоса. Его часто называют драгоценным. В поэме «Кан-Сулутай» («Сибирские огни» № 4—5 за 1940 г.) конь богатыря даже носит имя Эрдинэ (Драгоценность).

7 Словно в трубу трубил. В оригинале — «словно играл на сабыскы». Сабыскы делается из коры, снятой с талового прута; имеет 4—5 отверстий, заменяющих лады.

Шоор — большая дудка, срезанная в лесу.

Среди пастухов и охотников нередко встречаются люди, умеющие искусно подражать игре на шооре. Для этого свиста требуется ноготь большого пальца слегка сжать зубами.

8 Кодыр-Уул. В словаре Вербицкого: кадар — пасти; караулить; стеречь. Кодыр-Уул из поэмы Н. Улагашева и Кодар-Кул из казахской былины «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» — пастухи; вернее — надсмотрщики за пастухами.

9 Семь братьев живут. В оригинале приведено имя братьев — Дьети-Сабар (Семь пальцев).

10 Алтын-Сабар — Золотой Палец.

11 Вкусную пищу разложили. В оригинале: «аламыр чикир». В записях Н. Никифорова («Аносский сборник») — «алман чикир». В словаре, изданном в Казани в 1869 г., переведено — сахар-леденец. Чикир — сахар. Аламыр, вероятнее всего, яблоко. По-казахски яблоко — алма, по-монгольски — алима.

В других поэмах слова «аламыр чикир» переведены тоже, как «вкусная пища».

12 Чегень — квашеное молоко.

13 У порога белого дворца встала. Дворец Караты-кана сказитель называет то золотым, то белым. В оригинале слово «белый» употреблено, как — «светлый».

14 Второе испытание сам назначу. Традиционное состязание за право стать мужем красавицы-царевны нередко встречается в ойротском фольклоре. В поэме «Малчи-Мерген», когда герой приезжает к Арслан-кану сватать его седьмую дочь, отец девушки говорит: «Кто лучше всех споет, тому в жены дочь свою отдам». Одетый в рваную шубу, Малчи-Мерген начал свою песню — на сухих деревьях листья выросли, на камнях цветы расцвели. Он оказался победителем в соревновании певцов, и дочь хана выбрала его себе в мужья. Отец ее, подобно Караты-кану, «нижнюю губу прокусил, золотой костыль переломил» и закричал, чтобы молодожены «землю его не грязнили, аил его не поганили». Он решил во что бы то ни стало уничтожить зятя-бедняка. С этой целью он послал его на берег моря за синим быком, который являлся духом, хозяином моря. С помощью коня Малчи-Мергену удалось через девять лет победить синего быка и привести на ханское стойбище. Перепуганный тесть приказал немедленно отпустить быка и решил умертвить зятя в своем дворце.

15 Куда умчались — следов не видно — традиционная концовка в ойротском эпосе. Она известна и русским сказочникам. «Видели када седлал, а не видели куды поездку дал», — читаем

в сказке П. А. Петренко о богатыре Иване Яблочкине («Русские сказки Восточной Сибири», Иркутск, 1939 г.).

Н. Улагашев, нарушая традицию, отодвигает эту концовку и заменяет ее интересными строками о стрелках и силачах.

16 Желтый яд. В поэме «Малчи-Мерген» Арслан-кан тоже приглашает зятя в свой дворец, чтобы отравить его ядом, который выдерживали в течение тридцати лет. Но он посылает за зятем не посторонних людей, а своих шесть зятьев. Жена Малчи-Мергена так же, как жена Козын-Эркеша, предупреждает мужа, что отец ее задумал отравить зятя, и просит не пить араки из желтого ташаура.

В русском фольклоре этот мотив также широко известен. В Сибири был записан один из вариантов сказки о Кощее Бессмертном («Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела русского географ. о-ва», том I, 1902 г., стр. 86):

«...Кощей, отец-то ее, и узнал, что дочь вышла замуж, осердился, прилетел и вызывает его на бой... Вышел Иван; долго они бились, несколько месяцев; несколько раз отрубал Иван голову у Кощея, но она опять приростала, — бессмертный он был. Наконец, Иван-богатырь ослабел, и Кощей его убил. Стала дочь плакать и жаловаться, зачем он убил ее мужа... Жаль стало Кощею Ивана богатыря, достал он живой и мертвой воды и оживил его. Кощеева дочь ему и говорит: «Нам не будет житья от отца, — надо его убить».

Иван достает смерть Кощея и убивает его.

Караты-кан более жесток, чем его русский двойник, — у него ни разу не появляется никакого проблеска жалости к дочери и ее мужу. Караты-кан боится вызвать зятя на открытый бой и, задумав умертвить его, прибегает к коварству, которое, наряду со злобой и жадностью, является главной чертой его характера.

17 Для рук встречающих места недоставало. С такими почестями встречали, обычно, зайсанов. Люди, подхватывавшие зайсана под руки, назывались подлокотниками. Так же, как здесь, описывается и встреча Малчи-Мергена у дверей дворца его тестя: «Шестьдесят силачей прибежали, Малчи-Мергена под руки подхватили»...

18 Желтый яд выпил. Малчи-Мерген тоже хотел выпить чашку араки из желтого ташаура, но «крылатый вороной конь» прискакал к нему и напомнил о совете его жены. Богатырь рассердился на тестя и его зятьев, потребовал, чтобы они «рты открыли» и «как пни сидели», а сам взял желтый ташаур и поочереди всем влил яду. «Тут белый дворец ярким пламенем наполнился...» Тесть и его зятья сгорели, а Малчи-Мерген вернулся к своей жене и «зажил счастливо».

19 Коню твоему лучшей травы нарву. В оригинале:

Если не умру, всю жизнь тебе
Траву рвать буду;
Если не скончаюсь, сочные пучки
Рвать тебе буду.

Имеется в виду трава ойнот, которой алтайцы вместо портянок обертывают ноги.

Пучки — сочный стебель борщевика, употребляемый в пищу.

20 Зубчатая плеть. Плеть, в которой укреплены зубы и клыки животных.

[21] Моему коню не под стать. Подразумевается, что кони Козын-Эркеша и Кодыр-Уула в это время тоже ведут между собой борьбу.

[22] Родниковой воды мне зачерпни. Этот мотив — из поэмы «О Козы-Корпече и Баян-Сулу». В казахском варианте этого произведения красавица Баян-Сулу также требует, чтобы ненавистный ей Кодар (в некоторых вариантах Кодар-Кул, почти — Кодыр-Уул), коварный убийца ее жениха, достал холодной воды из глубокого колодца. Она говорит, чтобы он спустился в колодец по ее косе, к которой привязана лента. Когда Кодар опустился на дно,

Нож блеснул в руках девичьих,
Миг один — упала лента.

[23] Белым можжевельником окурила. Здесь, как и во многих других местах, «белый» — в смысле «чистый», «священный».

[24] Ульгень — добрый бог.

[25] Ульгень-бог дверь в небе открыл. Мотив, знакомый по «Темир-Санаа» («Темир-Санаа», стр. 21), только там вместо Ульгеня — Уч-Курбустан, т. е. три бога.

[26] Ни разу не обращался. Вежливое напоминание о том, что богатырь никогда не приносил жертву богу.

[27] Шестьдесят разных лекарств. Имеются в виду травы. Ойротский фольклор рядом с «целебной водой» ставит «живую траву». В «Малчи-Мергене» по приказу бая пастуху переломили ноги. Пастух дополз до «живой травы», пожевал ее, к ранам приложил, и кости его не только срослись, но стали в десять раз крепче прежнего.

[28] Алмазный нож. Здесь нож — воплощение души Козын-Эркеша.

[29] С бархатно-черным конем своим. В оригинале всюду — «бархатно-черный» конь, а не «черно-бархатный», как у переводчика.

[30] Живую стрелу пустил. В русском фольклоре часто встречаются «топоры-саморубы», «дубинки-самобои» и т. д. В алтайском эпосе их место занимает «живая стрела», которая, будучи один раз выпущена из лука, сама летит и валит зверей, а когда надо — поражает вражеское войско.

[31] Хана с ханшей одним ударом пронзил. Об уничтожении Караты-кана рассказывается во многих народных произведениях. И честь эта приписывается разным богатырям. Юскузек («Алтайские сказки», Новосибирск, 1937 г., стр. 189) вступил с ним в единоборство, продолжавшееся свыше десяти лет. Под конец схватки богатырь

...о горный хребет
Злого Караты-кана ударил,
Разорвал пополам...

Кускун-Кара-Маатыр («Когутэй», Москва, 1935 г., стр. 160) сделал так, что на землях Караты-кана не осталось ни одного человека. Хан, лишившись народа, который он эксплоатировал, через несколько дней умер голодной смертью.

[32] Черными ножницами састригает. Наряду с замечательными образами богатырей-мужчин, народ создал обаятельные образы женщин-богатырок. Младшая дочь старика Олокшина («Аносский сборник», стр. 31) заменяет своего отца и отправляется на вой-

ну. В стане военачальника девушку встретили смехом. Но, несмотря на это, она не покинула боевых рядов. Наоборот она совершила несколько доблестных поступков, узнала от врагов, где есть мост через море, и провела по этому мосту все войско. Но в дальнейшем повествовании сказитель отказался от мечты и, учтя современное ему положение женщины (сказание записано в 1912 г.), превратил девушку в юношу. О том, что это — отказ от мечты и уступка господствовавшим в то время взглядам на женщину, свидетельствует другое народное произведение — поэма «Алтын-Тууди», начало которой тождественно тому, что в «Аносском сборнике» говорится о младшей дочери старика Олокшина. Но в «Алтын-Тууди» нет превращения девушки в юношу. Там богатырша совершает множество выдающихся подвигов, равных тем, какие приписываются наиболее любимым богатырям. К сожалению поэма «Алтын-Тууди» на русском языке еще не опубликована.

Г. Н. Потанин, называя другие, родственные этому, сюжеты из монгольского и казахского эпоса, все сводит к женской мстительности за своих мужей или женихов и устанавливает параллель между этими героинями и княгиней Ольгой (Г. Н. Потанин «Ерке». Томск, 1916 г. стр. 62).

Поэма «Алтын-Тууди» убеждает нас в том, что здесь мы имеем дело с более высоким чувством, с желанием постоять за народ, сделать для него благое дело.

Даже в том примере, который приводит Г. Н. Потанин, не месть руководит младшей дочерью Олокшина, а желание заменить своего отца-старика.

Есть еще один образ богатырши в поэме «Кара-Маас» («Темир-Санаа», стр. 248). Имя ее — Алтын-Тана. Она смело вступает в единоборство с восьмиглазым Боодый-Бурханом. Ею руководит одно желание — освободить богатырей, которые попали в плен к врагам и стали ханскими пастухами и водоносами. Не задумываясь об опасности, она

...с коня спрыгнула,
За плечо Боодый-Бурхана
Крепкой рукой взяла.
Борьба у них завязалась,
Битва у них закипела,
Высокие горы разрушая,
Широкие моря расплескивая,
День и ночь без отдыха
Богатыри боролись.

Победа оказалась на стороне Алтын-Таны, представительницы народа.

33 Дорогой они ловушки ставили. Н. Улагашев в юности был охотником. Поэтому охотничьи мотивы в его репертуаре встречаются особенно часто.

34 Весело в трубы трубили. В оригинале — «играли на сабыске».

35 Мирно и счастливо жить стал. Есть иной вариант окончания поэмы, записанный тоже от Н. Улагашева. По этому варианту Козын-Эркеш, прожив дома шесть дней, стал жаловаться на головную боль. Конь его стоял с низко опущенной головой. Вскоре

и богатырь, и конь умерли. Смерть их наступила в одну и ту же минуту.

Байым-Сур сказала:

— Моя жизнь — вместе с Козын-Эркешем...

Взяла нож и зарезалась.

Это отождествляет героиню поэмы Н. Улагашева с девушкой Баян-Сулу из поэмы о «Козы-Корпеше и Баян-Сулу» в ее казахском варианте. Отец девушки Баян, как и отец Байым-Сур, носит имя Караты-кана. Совпадает также имя коварного соперника, убийцы героя поэмы: там — Кодар, здесь — Кодыр-Уул.

Все это — ясные доказательства того, что вторая половина «Козын-Эркеша» есть вариант второй половины «Козы-Корпеша и Баян-Сулу». Но иная национальная среда бытования придала этому варианту вид самостоятельного художественного произведения.

КЁЗЮЙКЕ И БАЯН

Поэма записана Роглевой в 1940 году. Запись отредактирована Н. Г. Куранаковым. Ему же принадлежит подстрочный перевод. Литературный перевод Евг. Березницкого.

Это самый популярный и любимый сюжет у тюркских народов Сибири. Впервые краткое содержание этой поэмы было записано на русском языке для А. С. Пушкина во время его поездки в Оренбургские степи («Временник Пушкинской комиссии», вып. III, 1937 г.), но в течение ста с лишним лет эта запись оставалась неизвестной.

В 1870 году поэма была опубликована академиком В. В. Радловым в его труде «Образцы народной литературы тюркских племен». Он записал ее у казахов.

В 1927 году поэма вышла в вольном переводе Г. Н. Тверитина. Это был первый поэтический перевод замечательного народного произведения на русский язык.

Отрывки поэмы, записанной в начале прошлого века от известного казахского акына Жанака, опубликованы в антологии казахской литературы «Песни степей» (Москва, 1940 г., стр. 74).

В казахских вариантах Кёзюйке носит имя Козы-Корпеша. Под тем же именем он известен башкирам. У таранчей он называется Бозы-Корпешем. У телеутов — Козика.

О бытовании этой поэмы у ойротов мы не нашли в литературе никаких упоминаний.

Узнав, что в репертуаре Н. У. Улагашева есть поэма, близкая к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», мы заинтересовались — не есть ли это прямое заимствование от казахов. Но выяснилось, что Н. У. Улагашев никогда за пределы своего района не выезжал и с казахами не встречался. Поэму он перенял от своего отца, который исполнял ее с молодых лет. Отец его всю свою жизнь провел в той же долине Сара-Кокши, от которой до ближайших казахских кочевий было более четырехсот километров.

Поэма «Кёзюйке и Баян» входила в репертуар Кобака Тадыжекова, Кыдыра Отлыкова и Сабака Боченова, которых Н. У. Улагашев считает своими учителями.

Василий Алексеевич Адуков, уроженец того же района, что и Н. У. Улагашев, сообщил нам:

— «Кёзюйке и Баян» у нас знали все. Особенно любили эту поэму юноши и девушки.

Н. У. Улагашев подтверждает слова Адукова.

— «Кёзюйке и Баян» вся чернь (тайга — **А. К.**) знает...

Ознакомление с текстом Н. У. Улагашева убедило нас в том, что поэма бытовала на Алтае в течение многих столетий. В ней мы видим многочисленные типичные черты ойротского героического эпоса и бытовую обстановку ойротов. Варианты поэмы, записанные от Н. Улагашева (о них будет сказано ниже), подтверждают, что поэма стала известна ойротам очень давно.

Академик В. В. Радлов о времени возникновения этой поэмы писал следующее:

«В основу сказания положено действительное событие, имевшее место, по всей вероятности, в конце XIII или начале XIV века. Явным доказательством этого служит памятник на могиле «Козы-Корпеча» и «Баян-Слу», находящийся в Семиреченской области, на 11-й версте от урочища Кзыл-Кия, по тракту от Сергиополя в Капал. Памятник конусообразной формы, сложен из красноватого гнейса и высотой достигает более 10 аршин. Он служит предметом особого почитания, и ни один казах не проедет мимо без остановки для того, чтоб не сотворить, хотя краткой молитвы за мятежных героев отдаленной романтической драмы».[1]

Этот памятник стоит и сейчас. Он хорошо виден со станции Тансык Туркестано-Сибирской ж. д. А сама станция названа именем одной из двух воспитанниц Карабая, отца Баян-Сулу.

Но большое количество вариантов этой поэмы, встречающейся, как видно, у всех тюркских народностей Сибири, заставляет думать, что здесь мы имеем дело с легендой, что древний памятник был воздвигнут с какой-то иной целью. А вариант Н. У. Улагашева, бытовавший в горах, превращает героев в скалы, приближаясь тем самым к последнему эпизоду русской былины «Как перевелись богатыри на Руси» и к армянскому Мгеру Младшему, ожидающему в скале «Когда разрушится мир — и воздвигнется вновь».

Исследователь казахского эпоса писатель Мухтар Ауэзов считает эту поэму наиболее древней из всех «лирико-эпических поэм» казахского народа и зарождение ее относит к XI—XII векам.

Казахский вариант поэмы наиболее полный и поэтически совершенный. Вероятно, он и наиболее древний.

В варианте Н. У. Улагашева говорится о том, что для угощения гостей были зарезаны верблюды. Это не типично для ойротов, жителей гор и лесов. Верблюдоводством ойроты не занимаются. Едва ли они занимались им в глубокой древности. Верблюд — обитатель сухих степей и пустынь, а не гор, покрытых лесом. В ойротском эпосе он упоминается очень редко. Исключением является лишь сказка о мыши и верблюде, широко известная всем тюркским народностям, да поэма Кокин-Эркей, где говорится о караване из двухсот верблюдов. П. П. Хороших, исследовавший орнамент ойротов, признаков верблюда в нем не обнаружил. На скальных «писаницах» он нашел верблюда, но только в районах, близких к Кош-Агачу, где кочевали казахи.

Упоминание о верблюдах в поэме «Кёзюйке», да еще о верблюдах, зарезанных для свадебного пиршества, свидетельствует о том, что в далеком прошлом ойроты заимствовали этот сюжет от казахов. Об этом свидетельствует также слово «ак-сагал» (белая

---

[1] Цитирую по предисловию к книге Георгия Тверитина «О Козы-Корпече и Баян-Слу», Кзыл-Орда, 1927 г., стр. 4.

борода). Интересно, что из нарицательного казахского слова (аксакал — уважаемый всеми старик) оно у ойротов превратилось в собственное имя столетнего старика.

В этой связи весьма интересна легенда, рассказанная Н. У. Улагашевым:

Давно когда-то в большом городе собрались люди, посланные разными народами; разговорились, у кого какие сказки есть. Ойрот рассказал про Кёзюйке и Баян. Всем понравилось. А тюрок сказал: «У нас тоже есть эта сказка и еще интереснее вашей». Рассказал. И все подтвердили, что его сказка интереснее.

Не подразумевается ли здесь под словом тюрок представитель казахского народа?

Необходимо отметить, что поэма «Кёзюйке и Баян» в жанровом отношении совершенно отличается от «Козы-Корпеша и Баян-Сулу». У казахов это — лирическая, бытовая поэма, где все дано в реальном плане, как действительные события жизни кочевников. У ойротов те же образы приобрели героические черты, оказались поднятыми до величия богатырей, исчезли бытовые детали и, взамен их, появились элементы сказочности, гиперболизации.

В Казахстане известно большое количество вариантов поэмы. В Ойротии она бытует также в нескольких вариантах. Публикуемая в этой книге поэма «Козын-Эркеш» является не чем иным, как очень отдаленным вариантом второй половины «Козы-Корпеша и Баян-Сулу». В ней встречаются эпизоды (умерщвление Кодыр-Уула) и персонажи из казахского текста, которых нет в «Кёзюйке». В свою очередь «Кёзюйке» приобрел эпизоды, характерные для ойротского эпоса. К таким отнесем отравление Караты-кана, Санынкана и их приближенных ядом, который они приготовили для ненавистного им гостя. Этот эпизод наиболее ярко разработан в ойротской поэме «Малчи-Мерген».

В репертуаре Н. У. Улагашева есть поэма «Албаты-Билек», весьма близкая к «Кёзюйке».

[1] Караты-кан. На месте Караты-кана в казахском варианте — Карабай, на месте Ак-кана — Сарыбай. В поэме Н. У. Улагашева «Албаты-Билек» на месте первого — Ак-кан, на месте второго — Ак-Сагал.

[2] Черную самку марала. В казахском варианте акына Жанака друзья встретили не маралуху, а косуль. Сарыбай не стал стрелять, боясь быть «виноватым в трудных родах жены», и уговаривал друга не стрелять косулю на-сносях. Но жадный Карабай не послушал его и убил косулю. В ней он «прострелил» дух Сарыбая, и последний тут же умер. Ни в одном из вариантов, кроме «Албаты-Билека», звери не произносят своих предсказаний.

[3] Лук свой, в дерево величиною. В оригинале говорится, что лук огромен, как сосна, и изогнут, как молодой месяц.

[4] Алтын-Сырга. Алтын — золотая, сырга — серьга.

[5] Старики на санях. Впервые в ойротском эпосе упоминаются сани. По всей вероятности, они внесены Н. У. Улагашевым, жившим по-соседству с русскими и с малых лет знакомым с санями.

[6] Оин — коллективный круговой танец с песнями.

[7] Баян. Объяснение этого слова мы находим у Г. Н. Потанина в его «Очерках Сев.-Зап. Монголии» (том IV, стр. 691):

«В Монголии часто встречаются урочища с сложными именами, первым членом которых стоит «баин», обыкновенно переводимое словом «богатый», например, Баин-ола, Баин-дзюрку (богатое серд-

це)... Это архаическое «баин» из монгольского в киргизский (в казахский — А. К.) переходит в форме баян; так когда-то калмыцкие урочища, впоследствии занятые киргизами, у последних носят теперь названия Баян-аул, Баян-джурек... Монгольское же баин «богатый» разговорного языка в киргизский перешло в форме бай»...

Баян-Сулу из казахского варианта, Баян из «Кёзюйке» и Бай-ым-Сур из «Козын-Эркеша» — дочери богатых родителей. Это подтверждает выводы Г. Н. Потанина.

В варианте Н. У. Улагашева «Албаты-Билек» девушка носит имя Алтын-Чачак (Золотая Кисточка).

8 Далеко погнал. В казахском варианте акына Жанака рассказывается о сорокадневном переходе Карабая через Голодную степь. Стада его берется провести Кодар, прослышавший о красоте дочери Карабая и о его богатстве. Доведя стада до Аягуза, Кодар остается управлять хозяйством Карабая и ждет, когда подрастет Баян-Сулу.

9 Почему ее не разыщешь? В варианте Н. У. Улагашева «Албаты-Билек» сообщается, что отец мальчика отдал отцу девушки в счет калыма свою лисью шапку и шелковую шубу. Ребята смеются над Албаты-Билеком и спрашивают: «Почему не возьмешь обратно опушку лисьей шапки и ворот шелковой шубы?»

10 Арчи — творог, оставшийся после выгонки араки. В варианте «Албаты-Билек» сын просит мать подать ему не арчи, а поджаренной пшеницы; говорит, что эта пшеница ему нужна для приманки диких гусей. Когда мать подает пшеницу, он сжимает ей руки. Козы-Корпеш в варианте Г. Тверитина просит у матери тоже жареной пшеницы.

11 Боевые доспехи твои. В поэме «Албаты-Билек» молодой богатырь превратил тополевый лист в золотую узду, в токум и в золотое седло, второй лист — в доспехи, лук и стрелы.

12 Арчимаки — переметные сумы.

13 Кровавая стрела выручит. Стрелы у ойротов были нескольких видов. Каждый вид стрел имел свое название. Г. Н. Потанин писал о стрелах следующее: «кастак, кайбур, согон, томор (тупые с шариком на конце; они не портят шкурки зверка), косту ок (с дырочками, свистящие; когда марал уходит, чтобы остановить, пускают эту стрелу, чтобы пролетела мимо его; изумленный свистом, марал останавливается и осматривается)». Тогда в марала пускают боевую стрелу — канду кастак. О такой стреле и говорится в тексте.

14 Через много морей переправились. Как и во всех предшествующих поэмах, в оригинале — «талай». В словаре П. Тыдыкова под этим словом находим — «море». Но Н. Никифоров и Г. Н. Потанин в «Аносском сборнике» (стр. 104, 109, 141, 148) четыре раза переводят — «река», «земляная река», «белая река» и т. д. В одном случае Г. Н. Потанин добавляет — «монг. «море», но берет это слово в кавычки. В фольклорных текстах мы нередко встречаем «текущее море». Как видно, под словом «талай» ойроты подразумевали не море в полном смысле этого слова, а огромную мореподобную реку. Г. Н. Потанин в одном месте так и переводит — «большая вода». Н. Ф. Катанов записал у хакасов: «У моря есть и устье, и исток».

15 С коня соскочил. В поэме «Албаты-Билек» эпизод остановки в пути совсем иной. Там юноша едет не один, а в сопровождении

сына и зятя. Остановившись у семи дорог, они строят каменный аил и начинают охотиться. В это время поднимается буря. Выясняется, что это шестьдесят силачей едут сватать Алтын-Чачак (Баян) за Кан-Куле. А сам жених, узнав о месте стоянки Албаты-Билека (Кёзюйке), объехал «по другой стороне горы, по другой стороне моря». Албаты-Билек просит сватовщиков сказать отцу девушки:

— Если он не вернет мне опушку лисьей шапки и ворот шелковой шубы, то я на стойбище его не оставлю крови, чтобы собаке лизнуть, не оставлю мяса, чтобы на иглу поддеть.

Через некоторое время начинается вторая буря — девяносто силачей скачут сватать девушку за Кюркюлдая, сына солнца. Потом проносятся девятьсот богатырей. Они едут сватать девушку за Сулук-Кара, хозяина семи морей. Всем им Албаты-Билек говорит то же, что и первым сватовщикам. Когда он приезжает к отцу девушки, там начинаются состязания, подобные тем, какие читатель найдет в поэме «Кан-Толо». Албаты-Билек победил всех и завоевал право на руку девушки. Тесть хотел отравить его, как Караты-кан своего зятя Козын-Эркеша, но конь во-время предупредил богатыря о коварном замысле.

В казахском варианте Козы-Корпеш через степи идет на север, куда увезена Баян-Сулу. Девушке много рассказывали о нем воспитанницы Карабая, и она ждет его. Она даже посылает ему навстречу девять традиционных подарков невесты. Пять подарков посыльный потерял по дороге. Этим местам степи даны названия подарков невесты. Так место, где упало украшение для головного верблюда каравана, называется Каркаралы. На стоянку Карабая Козы-Корпеш пробирается под видом старика-пастуха, покрытого паршой.

16 Злобную насмешницу бросил. В подлиннике рассказывается еще о прилете сороки. Но, так как этот эпизод тождественен предыдущему, переводчик опустил его.

17 Кто твой отец? В подлиннике: «Каким отцом ты рожден?».

18 В каком краю ты живешь? Традиционный разговор, обязательный в Ойротии между встретившимися путниками.

19 На краю серой степи. «Степями» в Ойротии называют большие, ровные и чистые долины среди высоких гор.

20 Сын бая Саныскана. В казахском варианте Г. Тверитина на месте сына бая Саныскана — калмычонок Кодар-Кул, усыновленный отцом девушки Баян-Сулу. Родители девушки умерли, и Кодар-Кул, управляющий всем хозяйством, настойчиво принуждает ее выйти за него замуж. В варианте Н. У. Улагашева утрачено имя соперника Кёзюйке.

«Козын-Эркеш» этим эпизодом ближе к казахским текстам. В этой поэме на месте Кодар-Кула стоит Кодыр-Уул, управляющий всеми стадами и табунами Караты-кана, отца девушки Байым-Сур.

21 Аркыт — огромный кожаный мешок, в котором квасят чегень.

22 Страшный мороз. Кёзюйке путем заклинания спустил на землю мороз и снег. Для этого, кроме песни, требовалось еще обе руки поднять к небу. Этот эпизод нередко встречается в ойротском эпосе («Алтай-Бучай», «Ак-Тойчи»). В «Когутэе» он почти тождественен нашему эпизоду. Там Караты-кан тоже всячески препятствовал браку своей дочери с бедняком Кускун-Кара-Матыром, а когда это не удалось — решил, путем коварства, уничтожить его.

Вернувшись к жизни, Кускун-Кара-Матыр проклял своего тестя и низвел на его земли глубокие снега. Не прошло и семи дней, как Караты-кан замерз со всеми своими родственниками.

23 Глаза твои, подобные звездам. В подлиннике глаза сравниваются с зарницей, Венерой (Чолмон).

24 Запела. В казахском варианте Козы-Корпеш, явившийся в юрту Баян-Сулу в образе Котыр-Таза (паршивого старика), поет три песни. Девушка отвечает ему одной, но длинной песней. Эпизода с ящиком там нет.

25 Шестисуставная коновязь. Столб с шестью зарубками для поводьев шести коней.

26 Бобров он добывал. Бобер — любимый персонаж ойротского эпоса. Нередко в бобра превращается богатырь или его конь. Последний делает это для того, чтобы подгрызть железный тополь. Еще не так давно бобры обитали в сибирских речках, но затем были истреблены охотниками. В ойротском эпосе бобер упоминается одновременно со зверями, в изобилии встречающимися на Алтае и в наши дни.

27 На белый расшитый ковер. Вот так же встречали Кускун-Кара-Матыра («Когутэй»). Когда его усадили на ковер, то он вместе с ним провалился в семидесятисаженную яму, на дне которой были укреплены копья и стрелы.

28 Стрелу пустил. В казахском варианте Г. Тверитина Кодар-Кул, окружив с отрядом калмыков спящего Козы-Корпеша, пронзил его ядовитой стрелой. П. В. Кучияк сказал о дряхлом старике: «Неизвестный старик. Видимо, это злой дух, охранявший стойбище Караты-кана». Мы этот эпизод рассматриваем, как еще одно свидетельство того, что в далеком прошлом поэма была заимствована ойротами у казахов. Кодар здесь совсем не упоминается, а эпизод сохранился. Ранение нужно было кому-то приписать. Так появился «неизвестный старик». Реальная обстановка уступила место сказочной, возникла гиперболизация, свойственная ойротскому эпосу.

Чулмусы — нечистые духи. Подробнее о них см. в примечаниях к «Сын-Ару».

29 ...дятел к Баян прилетел. В подлиннике: «бо́с-кара». Слово «бос» П. В. Кучияк переводит — упрямый, настойчивый. Дятел в подлиннике совсем не упоминается. Н. У. Улагашев рассказал нам, что бос-кара — серенькая птичка, меньше дятла. Клюв у бос-кара такой острый, что птичка продалбливает стены амбаров, в которых хранятся в тайге кедровые орехи. В казахском варианте Г. Тверитина скворец приносит Баян-Сулу вести от Козы-Корпеша, укрывшегося в урочище Шок-Терек. Скворец по ошибке залетает в рукав тетки Баян, и она начинает у него выщипывать перья. Скворец не выдает тайны. Но, умирая, он невольно произносит два слова: «Шок-Терек!». Тетка съедает скворца и сообщает Кодару, где находится Козы-Корпеш. Коварный Кодар находит возлюбленного Баян, злодейски убивает и голову его привозит девушке «в подарок».

30 Рыбой в реку уйду. Впервые в ойротском эпосе мы встречаемся с конем, который не умирает вместе со своим богатырем, а уходит от него. Это следует рассматривать или как новшество, внесенное в течение последнего столетия, когда отмер обычай погребать коней вместе с их хозяевами, или как свидетельство заимствования поэмы от народа, не знавшего таких погребений.

[31] На ноги встал. В казахском варианте Г. Тверитина появляется «старик суровый» и воскрешает Козы-Корпеша на три дня, которые юноша проводит со своей возлюбленной. Г. Н. Потанин упоминает о киргизском варианте, в котором Козу-Курпеч воскресает «по молитве сорока мулл». «Он едет к матери и находит, что его весь скот захвачен его слугою Джидыбаем, а мать обращена в служанку; он убивает Джидыбая; в это время подъезжает с многочисленным караваном Баян-Сулу; мать Козу-Курпеча выходит ее встретить, но от радости умирает» (Г. Потанин. «Очерки Сев.-Зап. Монголии», стр. 891). В варианте Н. Улагашева, вместо возвращения на родное стойбище, Кёзюйке посылает коня узнать о здоровье матери. И эпизод этот передвинут из конца поэмы в первую половину ее.

[32] Насквозь пронзила. В казахском варианте Г. Тверитина Баян-Сулу вбегает в памятник, который, по ее настоянию, воздвигнут на месте погребения Козы-Корпеша, достает из-за пояса кинжал, вонзает себе в сердце и падает на могилу своего возлюбленного. Этим и заканчивается поэма.

[33] Словно смола, растаял. В подлиннике игра слов: саныс — лиственничная смола, саныскан — сорока, Саныс-кан — хан Смола

КАН-ТОЛО

Поэму записал Павел Кучияк в 1939 году. Подстрочный перевод А. Каланакова. Поэтический перевод В. Непомнящих.

На ойротском языке поэма опубликована в сборнике Н. Улагашева. На русском языке печатается впервые.

[1] Ездящий на черно-мухортом коне. Как и в других алтайских народных произведениях, в «Кан-Толо» сообщение о масти коня, на котором ездит богатырь, всегда предшествует имени последнего. Сохранив эту форму в начале, переводчик в дальнейшем отказался от нее. Говоря о самих богатырях, он часто совсем не упоминает о их конях, неразлучных друзьях и мудрых помощниках.

[2] Узун-Кара — Высокий-Черный.

[3] Обо-Чечен — не переводится так же, как и имя его отца Катан-Кара.

[4] Очи-Бала — младшее дитя. Отец не успел дать мальчику имени и потому его назвали просто младшим сыном.

Младший сын в ойротском эпосе — самый сильный среди братьев. Таким является Очи-Курбустан — младший из трех богов-братьев («Аносский сборник», стр. 276). Таким является младший сын Эрлика — Ок-Дьылан. Такова младшая дочь старика Олокшина («Аносский сб.», стр. 32). Только она могла справиться с богатырским конем и выехала на войну. То же самое нужно сказать и об обаятельной богатырше Алтын-Тууди, самой младшей дочери старого богатыря.

Очи-Бала является единственным храбрым и сильным из всех сыновей Катан-Кара. Он унаследовал могущество своего отца.

Ударение в этом слове, как и вообще в ойротском языке, — на последнем слоге. Переводчик произвольно переносит ударение на слог «ба».

[5] Рыжий конь — молодой, могучий. В оригинале конь Очи-Бала всюду назван по имени — Аршин. Рядом с именем всегда стоит слово — рыжий. Переводчик нигде не приводит имени коня.

Кроваво-рыжий конь с этим именем — Аршин-Дьедер — встречается в сказанье «Алтын-Мизе» («Аносский сборник», стр. 68). Он рожден кобылицей Карагула, стоящей у дверей Уч-Курбустана. На том коне ездит богатырь Алтын-Мизе. Н. Улагашев знает «Алтын Мизе», но в его варианте конь не носит этого имени.

6 Взял за пышную гриву, к аилу привел. В оригинале: «Взял за оба уха»...

7 Саныс-кан. Саныс — сера (смола) лиственницы. На Алтае широко распространена привычка жевать эту серу. Сказитель, как видно, стремился придать имени хана унизительный оттенок. Тем более, что при быстром произношении оно звучало как «саныскан» — сорока.

8 Настежь дверь распахнул и присел к очагу. В золотые, светлые дворцы сказители переносят обстановку юрты: посредине — костер, возле стен — ковры.

9 Вот с кошемного мягкого трона. Слова «трон» в оригинале нет. Хан сидел на девяти коврах, которые были свернуты и сложены стопкой.

10 Птицей к морю на рыжке летит. В оригинале —

На Аршине, рыжем коне,
Богатырь к желтому морю направился.

11 По дороге поймал жеребенка. В оригинале: «Одну кобылицу поймал»...

12 В море бросив, стал удить. Алтайцы большинства районов Ойротии рыбной ловлей не занимались. И рыбацкие мотивы встречаются в их эпосе очень редко. Н. Улагашев всю свою жизнь провел в районе Телецкого озера и притоков реки Бии, где рыболовство алтайцам давно известно. Герои Н. Улагашева любят не только охоту, но и рыбалку.

13 Рыба кит. В оригинале: «кер-балык», т. е. «гнедая рыба», самая крупная, невиданная. Полного объяснения слова «кер» ни один рассказчик пока не дал. В сказании «Аин Шаин Шикширге» («Аносский сб.», стр. 41) сообщается, что Кер-Балык живет на дне моря Абра. Когда это чудовище выходит на поверхность и нижнюю челюсть кладет на землю, верхняя челюсть его подпирает небо. Богатырю, которого посылают за Кер-Балыком, говорят:

— Съезди, приведи его к нам. Нет у коров пороза (быка — **А. К.**), так мы его припустим.

14 Из нутра ее толпами хлынул народ. В оригинале: «Стаями ласточек народ вырвался».

Эпизод освобождения людей, проглоченных чудовищем, мы находим в нескольких ойротских народных поэмах. Так в одном из сказаний, еще не переведенных на русский язык, богатырь распарывает живот чудовищу Алмысу. Из живота Алмыса выходит народ, благодарит богатыря и начинает мирную веселую жизнь.

В поэме «Кара-Маас» богатырь убивает змей-людоедов, вспарывает им животы и освобождает «многочисленный народ» («Темир-Санаа», стр. 234).

В поэме «Боролдой-Мерген» («Алтайские сказки», Новосибирск, 1937 г.) лисица называет Алмыса Большим Человеком. Так на Алтае называли зайсанов. Это дает основание считать Алмыса, а равно чудовище Кер-Балык и змею-людоедку, олицетворением феодалов. В далеком прошлом народ в эпосе выразил свою мечту об освобождении от поработителей, родовых князьков.

[15] Без вожатых народ. В оригинале: «башчизы» — голова, проводник, передовой.

[16] Тельбен-Кара-кан — Черный хан. Слово Тельбен не переводится. В слове «кара» ударение — на последнем слоге. Переводчик в дальнейшем, опуская слово «кан», переносит в слове «кара» ударение на первый слог.

[17] Катыр-Уул. Уул — парень. Катыр — вероятно, испорченное «кодыр». См. примечания к поэме «Козын-Эркеш».

[18] Вдруг коня за подпругу схватил. В оригинале: «схватил за повод».

[19] Разъярился и конской плетью... Сказочный мотив уничтожения противника не оружием, а предметами обихода, одежды и т. д., широко известный по русской былине «Илья Муромец и Идолище». У Ильи вот так же «разгорелось сердце богатырское», и он

Схватил с головушки шляпу земли греческой
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы.

[20] Богатырь Дьер-Киндик — Пуп земли.

[21] Он подошвы чугунные оторвал. В оригинале: «Девять слоев чугунной подошвы»...

[22] Из-под левой огромной подошвы — нож. Подразумевается, что этот нож — душа Дьер-Киндика. До тех пор, пока не был найден и переломлен нож, нельзя было умертвить Дьер-Киндика.

[23] В ручейке чисто вымылся. В оригинале: «Целебной водой умылся».

[24] Куран — самец косули.

[25] Все равно не становится меньше. В оригинале:

На четыре стороны рубанет —
Войско вчетверо увеличится;
Пятьдесят раз мечом взмахнет —
Войско в пятьдесят раз прибавится.

Эпизод, знакомый по былине «Как перевелись богатыри на Руси».

Разгорелся на слова их млад Алешенька,
Разгонял коня ретивого,
Налетел на супротивников,
Разрубает пополам их со всего плеча:
Стало четверо — и живы все.
Налетел на них Добрынюшка Никитич млад,
Разрубает пополам их со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
И т. д.

Русские богатыри отступили и окаменели.

Очи-Бала, по совету своего вещего коня, нашел путь для уничтожения врага.

[26] Богатырь убил черного беркута. Беркут — душа Тельбен-Кара-кана, его коня и всего войска. Душа хана и его войска уничтожена, теперь богатырь с одного взмаха рубит по пятьдесят тысяч всадников.

[27] Есть два брата в горах. Оба брата носят одно имя Илбис-Дилбис. Слова эти на русский язык не переводятся.

[28] Подали полную чашку ячменных щей. В оригинале—«коче»,

суп из мяса и ячменной крупы, одно из любимых блюд алтайцев, особенно в Улаганском аймаке и в районе Телецкого озера, приготовляемое чаще всего к большим пиршествам. Сначала едят мясо, а потом уже хлебают суп или черпают из казана и пьют.

29 Кан-Толо — Полнокровный. Получение богатырем второго имени — довольно распространенное явление в фольклоре тюркских народов.

«В монгольских и восточно-турецких сказках нередко описывается обряд, которым отмечается переход богатыря из юношеского в более зрелый возраст. При этом богатырю дается новое имя. Так Гэсэр до этого обряда носил имя Джёро и только после обряда стал называться Гэсэром. Характер деятельности Гэсэра в эти два периода совершенно различен; до обряда это хитрый, шаловливый юноша, совершающий разные озорства... Во втором периоде Гэсэр рисуется степенным деятелем, совершающим подвиги, очищающим страну от злых и вредных чудовищ». (Г. Н. Потанин. Примечания к «Аносскому сборнику», стр. 282).

В алтайском фольклоре получение богатырем нового имени также встречается не впервые. Так Бобренок, приемный сын Когутэя («Когутэй», изд. «Academia», 1935 г., стр. 117), стал называться Кускун-Кара-Матыром. После этого он, приобретя еще большую силу, совершает ряд новых подвигов (убивает семиглавую змею и т. д.).

Кан-Толо с приобретением нового имени стал также сильнее, действительно полнокровнее. Свидетельством тому является его битва с вражеским войском.

Получая новое имя, богатырь становится бессмертным. Кускун-Кара-Матыр в письме, из которого он узнал свое имя, прочитал следующее:

Твоя красная кровь
Никогда не прольется.
Ты никогда не умрешь.
Всех семьдесят мудрых хитрецов
Ты победишь.
Шестидесяти алтайских мудрых хитрецов
Ты сильнее.

Эти строки почти тождественны тому, что говорит старик, давая герою поэмы Н. Улагашева новое имя.

30 Кан-Толо — в дорогих одеждах. По оригиналу появление этих одежд было столь неожиданным, что Кан-Толо не узнал сам себя.

31 Лес поломан, долины помяты. В оригинале —

Где кони копытами ступали,
Там озера плещутся.
Высокие хребты под ногами коней
В чистую степь превратились.
За богатырями сваты ехали,
Землю до седла коней пробороздили.

32 И расхаживаешь так важно. Дельбеген рассвирепел оттого, что Кан-Толо прошел в глубь дворца и сел «выше» всех, на самое почетное место. В оригинале говорится:

Через наши ноги шагаешь,
Нас за людей не считаешь...

33 Листьев с тополя, что на закате. По оригиналу — это особенный тополь, на котором есть хвоя и листья всех деревьев, растущих на Алтае. Богатырь должен привезти понемногу всей хвои и всех листьев.

34 В корень тополя крепко впилась. В оригинале: «В корень железного тополя, имеющего семьдесят ответвлений».

35 Вот последним из лука стреляет. В оригинале описывается лук: железный, с семьюдесятью двумя заплечиками. «Живая стрела» сама вернулась к богатырю. Это новый мотив. Обычно, за стрелой бежит конь и по возвращении жалуется, что хозяин очень сильно пустил стрелу, и он, конь, едва настиг ее. В поэме Н. Улагашева стрела приобретает все качества действительно «живой стрелы».

36 Птицы быстрее рыжий конь полетел. В оригинале —

Луноподобной птицы быстрее
Рыжий конь полетел.
Быстрее стрелы из лука
Богатырь промелькнул.

37 Открывается дверь золотого дворца. В оригинале —

Семистенного золотого дворца
Семь дверей раскрылись.

38 Молодая красавица — Алтын-Чачак. В оригинале —

Луны сияние — Алтын-Чачак,
Солнца сияние — Кюмюш-Чачак.

Алтын-Чачак — Золотая Кисточка. Кюмюш-Чачак — Жемчужная Кисточка. Таково сложное имя девушки. Всякий раз, когда речь идет о ней, имя ее произносится не сокращенно, как делает переводчик, а полностью.

39 Следом дикие козы бегут. В оригинале —

Звонкие песни запоют —
Горные бараны и маралы следом идут;
Дудки возьмут, заиграют —
Косули за ними гонятся.

40 Дьес-Кара — Медно-Черный богатырь.

41 Что не больше ягненка, — героя... В оригинале слова «герой» нет. Хан спрашивает:

— Что там — на коне-ягненке — за человек с ухо величиною?

42 Съел яйцо Кан-Толо. По оригиналу прежде, чем проглотить яйцо, богатырь крикнул:

— Трехпупая мать-земля,
Помощь мне подай!
Красную кровь мою пролить,
Тонкую душу разорвать помешай!

43 Много-мало ль боролись — осилил, В оригинале —

Дьес-Кара богатыря
Три раза под облака поднял,
О семигранный железный хребет
Со всей силой ударил, пополам перебил.

В это время конь Кан-Толо перегрыз шею коню противника и подошел к своему хозяину и другу.

44 Весь народ на богатый веселый той. В оригинале —

Кто далеко живет,
Тех письмами пригласите;
Кто близко кочует,
За теми гонцов пошлите.

45 Рыжий, быстрый — конем его будет. Богатырь отдал мальчику своего коня Аршина, на котором сам ездил в юности.

46 Алдырбас-Мерген — Непобедимый, Меткий Стрелок. Перед тем, как дать мальчику имя, Кан-Толо говорит:

— Имени он не имеет, —
Без отца и матери вырос.
Мяса и соли у него не было, —
Голодом дни коротал.

Эти строки переводчиком опущены.

47 С той поры не заходит с мечом кровавым. Дальше в оригинале — такие строки:

Длиннохвостые синие волки
Там не воют, на пастбища не заходят.

ЕСКЮС-УУЛ

Поэма записана П. В. Кучияком в 1940 году. С его подстрочника переведена Е. Стюарт.

Сюжет «Ескюс-Уул» очень популярен среди ойротов. Известен он и у других тюркских народов Сибири. У урянхайцев в Саянах он был записан Н. Ф. Катановым в 1889 году и опубликован в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен» (стр. 128).

У ойротов впервые записан Г. Н. Потаниным. Напечатан в его IV томе «Очерков Сев.-Зап. Монголии» (стр. 588). Там на месте волчьей пещеры мы находим золотой городок Алтын-хана, расположенный под рекой. В награду за спасение жизни Алтын-хан дает Ескюс-Уулу (по Г. Потанину парень носит имя «Ускезе-Ол») рябчика. Когда Ескюс-Уул возвращается в родную долину, рябчик становится девушкой, которая выходит за сироту замуж. Это — дочь Алтын-хана. Далее рассказывается о состязании в отыскивании спрятавшихся. Но вместо бая Саныскана и его трех сыновей мы видим там одного Карахана. Когда победа оказывается на стороне Ескюс-Уула, Карахан вызывает его на единоборство. По совету жены, Ескюс-Уул обращается за помощью к своему тестю, и тот дает ему стальной клин, в котором спрятана река. Этот клин Ескюс-Уул втыкает возле юрты Карахана, и по долине разливается вода. Река уносит Карахана со всем его имуществом к тестю Ескюс-Уула — Алтын-хану, водяному духу.

Запись Г. Потанина весьма кратка — все произведение уместилось на трех страничках.

Второй вариант — в стихах — был опубликован П. В. Кучияком в 1937 году («Алтайские сказки», стр. 139, поэма «Юскузек). П. В. Кучияк слышал поэму в детстве и юности от своей бабушки, известной на Алтае сказительницы Баргаа, и в 1935 году по памяти дал письменный текст.

«Юскузек» гораздо ближе к «Ескюс-Уулу» Н. Улагашева, чем вариант Г. Н. Потанина. Но и между двумя первыми текстами есть большое различие. По варианту сказительницы Баргаа, Юскузек не батрак, а бедняк. Родители, умирая, оставили ему корову, козу и кривоногого коня. На стойбище его приходят семь волков и угоняют корову, козу и коня. Юскузек идет по следам волков. Волки возвращают ему украденное у него и в придачу дают желтошерстого щенка. Щенок превращается в девушку, которая потом становится женой Юскузека. Выясняется, что она в свое время стала щенком, а братья ее — волками для того, чтобы спастись от врагов. Жену Юскузека увидел Караты-кан и был поражен ее красотой. Он решает отнять жену у бедняка и с этой целью затевает соревнование по отыскиванию спрятавшегося противника. Далее поэма усложняется рядом вводных эпизодов: Юскузек убивает трехголового змея и заводит дружбу с птицей Кан-Кередэ, которая во многом ему помогает. Под конец Юскузек находит своих родителей, которых Караты-кан давно увел в рабство. Поэма заканчивается победоносной битвой Юскузека с ханом и торжеством освобожденного народа.

Ни в варианте Г. Потанина, ни в варианте Баргаа нет путешествия жены Ескюс-Уула в подземное царство. Нет также интереснейшего эпизода с закрыванием дымохода, чайника и двери, эпизода, в котором Н. У. Улагашев так остро высмеивает полную неприспособленность байских сыновей к труду. В этом — особое значение варианта Н. У. Улагашева.

В репертуаре Н. У. Улагашева — три варианта «Ескюс-Уула», но остальные два еще не записаны.

Ескюс-Уул — Парень-сирота. Юскузек (в варианте Баргаа) — Сиротинушка.

[1] Саныскан — Сорока. В тексте Саныскан всюду назван баем. Вероятно, он не только бай, но и бий — начальник, потому что он отдает приказания.

[2] Ставил ловушки он в руслах рек. В оригинале: суген — запор из кольев.

[3] Шкуры звериные постланы здесь. В оригинале — шкуры бобров и шкуры мааны, матери зверей.

[4] Щеки цветами пионов горят. Имеются в виду лесные пионы («марьино коренье»). По-алтайски — чейне.

[5] Алтын-Туулай. Алтын — золотая, туулай, по словарю Вербицкого — длиннохвостый заяц. Есть слово туула — затмить. Думается, что имя девушки произошло от этого слова: она всех затмила своей красотой.

[6] Костью, что бай Саныскан обглодал. Этого мотива нет в варианте Г. Потанина. Там Ескюс-Уул — бедняк, Карахан не эксплоататор, а просто — плохой человек. В варианте Н. У. Улагашева мы видим и эксплоатацию, и классовую борьбу. Вероятно, вариант Г. Потанина прежде, чем он был записан исследователем, прошел «байскую цензуру». Но можно предположить и так, что все новое, что мы видим в вариантах Баргаа и Н. Улагашева, внесено позднее записи Г. Потанина, то есть в конце XIX и в начале XX веков, в годы наиболее острой и ожесточенной классовой борьбы.

[7] Пышный аил. В оригинале — каменный аил.

[8] Ак-тебо. Ак — белый, тебо — макушка.

[9] Шкуру за ноздри взяла. Сравни со скатертью-самобранкой.

Интересно, что у Н. У. Улагашева, который в юности был охотником, на месте скатерти самобранки появляется шкура выдры.

Жена Юскузека тоже накрывает богатый стол, но с помощью чего она это делает — остается неизвестным.

10 Красотою ее поражен. Братья по целому дню смотрят на красавицу и, пораженные красотою, забывают сказать ей что-либо. Так же передает красоту молодой женщины сказительница Баргаа:

Раб заходит в аил и, жену[1] увидав,
Позабыл, для чего он приехал.

В сказке «Шелковая Кисточка» («Сказки Алтая», Новосибирск, 1937 г., стр. 18) бедняк Балыкчи так засматривается на портрет своей жены — красавицы Шелковой Кисточки, что забывает ловить рыбу и работать по хозяйству.

11 Трава ойнот. Употребляется вместо портянок. В варианте Г. Потанина первый раз жена прячет Ескюс-Уула в медный сосуд с маслом, второй раз превращает мужа в кольцо, которое надевает себе на палец, третий раз — в иглу.

В варианте Баргаа жена Юскузека первый раз превращает мужа в кольцо, второй раз — в наперсток и третий раз — в прихватку для казана.

12 Лбами бараны... В варианте Г. Потанина первый раз Карахан превратился в подушку, второй раз — в верблюда, третий раз — в коня.

В варианте Баргаа Караты-кан первый раз превратился в напильник, второй раз — в лук и третий раз — в березу. При этом напильник надо было выбрать из трех напильников и березу из трех берез. Число три свидетельствует о том, что когда-то и здесь на месте одного Караты-кана было три человека, но имена их сказительницей позабыты. Все это дает основание считать вариант Н. Улагашева наиболее совершенным. Многого стоит здесь первое превращение байских сыновей. Они — бараны! Конечно, только баранами и могут быть люди, неспособные закрыть дымоход, положить крышку на чайник и опустить крючок двери.

13 Два кувшина золотых. Речь идет о кувшинах, в которые по деревянным трубам течет арака из котла.

В известной поэме «Алтын-Тууди», еще не переведенной на русский язык, девушка-богатырша тоже отправляется к Эрлику за кувшинами. Путешествие ее связано с очень многими препятствиями.

14 Не с той стороны, что обычно стегал. Стегнул по левому боку.

15 На дно земли опустился. В подземное царство, в ад.

16 Запас вина. В оригинале — араки.

17 Медный дворец. Во всех других поэмах дворец (или аил) Эрлика — железный.

18 Курут — сыр. Приготовляется из творога, оставшегося после выгонки араки. Сушится, вернее коптится, над костром.

19 Эрлик-бия жена. Впервые в ойротском эпосе дан портрет жены злого бога.

20 Мигом взяла ташаур с аракой. На Алтае до настоящего времени существует обычай, по которому ойрот, отправляясь в гости,

---

1 Жену Юскузека.

берет с собой ташаур араки в подарок хозяевам. В городе араку заменяют бутылкой водки. Видимо, это — один из родовых пережитков. Еще недалеко то время, когда все кочевники были обязаны поставлять араку своим зайсанам — родовым старшинам. Кроме этого, собирая народ на празднество, зайсаны приказывали, чтобы все ехали со своей аракой.

21 Правую косу ласкает она. В оригинале — «гладит».

22 Полною грудью, как птица, поет. Здесь песня употреблена как заклинание. А. М. Горький на съезде писателей говорил, что древние люди, слагая заговоры и заклинания, стремились «облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов»... Древние люди «заклинаниями» пытались действовать даже на богов. Это вполне естественно, ибо все боги древности жили на земле, являлись человекоподобными и вели себя так же, как люди: доброжелательно в отношении к покорным, враждебно — к непослушным, были — как люди — завистливы, мстительны, честолюбивы» (стенографический отчет, стр. 6). Поэма «Ескюс-Уул» является ярким подтверждением этих слов А. М. Горького.

23 Надели медали вы из серебра. В оригинале — «Шестьдесят серебряных медалей». В этой поэме имени Эрлика всюду сопутствует слово «бий» (начальник). Медали на груди злого бога еще более сближают его с образом начальника, чиновника.

24 С собой забирай. Обычно, богатыри, отправляясь к Эрлику за необходимыми предметами, забирают их после тяжелого боя. Никому, кроме Алтын-Туулай и девушки Алтын-Тууди, Эрлик не отдает своих вещей по доброй воле. Но и Алтын-Тууди победа не дается так легко, как Алтын-Туулай. Отдав кувшины, Эрлик бросается за ней в погоню и всячески пытается уничтожить ее.

Алтын-Тууди, поэма о которой бытовала в долине Куюма, и Алтын-Туулай — одно и то же лицо. Но первая половина поэмы «Алтын-Тууди» совершенно иная. Там образ девушки-богатырши дан в героическом плане.

25 Скот на подоле толпился у них. Молодым людям, вступающим в брак, обычно высказывают пожелание:

Аил ваш пусть детьми наполнится,
Подолы шуб ваших пусть обтопчет скот.

СЫН-АРУ

Сказку записал Н. Куранаков 30 мая 1940 года. Он же сделал и подстрочный перевод. Литературная обработка А. Смердова.

На ойротском языке сказка еще не опубликована. На русском языке печатается впервые.

Н. У. Улагашев слышал эту сказку в селе Елей, Старо-Бардинского района, от талантливого сказителя Яемата лет пятьдесят тому назад. Позднее она получила широкое распространение в восточной части Ойротии.

— Сказку «Сын-Ару» знает вся чернь, — говорит Н. Улагашев, имея в виду тайгу в междуречье Бии и Катуни.

Сюжет этой сказки хорошо знаком другим народам. Бытуют такие сказки и среди русского населения Сибири. А. В. Гуревич считает этот сюжет одним из самых популярных у сказочников

Западной Сибири. В его книге «Русские сказки Восточной Сибири» (Иркутск, 1939 г., стр. 29) есть сказка «Брат и сестра», записанная от талантливого сказочника П. А. Петренко. В первой части эта сказка очень походит на «Сын-Ару». Только там брат у девушки один. Женившись, брат попрежнему спрашивал сестру «во всяком деле». Жене стало «забедно». Руководимая обидой и злостью, она отравила коня и сказала на сестру своего мужа. Он не поверил. Тогда жена отравила корову и снова во всем обвинила неповинную девушку. Брат и на этот раз не поверил. Наконец, злая сноха задушила в зыбке своего ребенка и назвала золовку убийцей. Брат рассердился, завязал сестре глаза и увел ее в лес. Там он отрубил ей руки и оставил ее на голодную смерть. Но девушка выжила, выбралась из лесу и впоследствии вышла замуж. К ней вернулись руки. Родились дети.

Наилучшего, наиболее талантливого рассказчика этот сюжет обрел в лице Н. У. Улагашева. «Сын-Ару» нам кажется самой яркой и эмоциональной из всех сказок, близких ей по своему содержанию.

Сын-Ару. Сын — рослая, статная, ару — чистая.

1 Калан — налог, побор.

2 Демичи — помощник зайсана.

3 ...телят пососит. На Алтае телят не выпаивали, а подпускали к корове во время доения.

4 ...приходила к этим березкам поплакать. Береза — самое любимое дерево ойротов, считавшееся священным. В шаманском ритуале жертвоприношения употреблялась только береза. На березы развешивали шкуры убитых шаманами животных. Березовые ветки вкладывали в рот жертвенной лошади. Из березы делали тычки, к которым прикреплялись изображения богов.

Дети качались в люльках, сделанных из бересты. Новорожденным в подарок привозили из лесу ветки берез.

Сын-Ару верила, что береза, сопутствующая человеку во всей его жизни, поймет ее горе.

5 Чулмус — один из самых хитрых и злых духов. По ойротской демонологии, чулмусы — одноглазые, с большим носом. Обитают они в глубоких пещерах. Чулмусы могут послать человеку болезни, навести на его след убийцу, столкнуть с обрыва и т. д. Слово стало ругательным. Чулмусами называют хитрых, лукавых, и злых людей.

6 ...голодные телята арканы жуют. Чтобы телята не сосали коров, когда вздумается, их пасут отдельно от взрослого скота или держат на привязи.

7 Тюрген-су — быстрая вода.

РЕПЕРТУАР СКАЗИТЕЛЯ-ОРДЕНОНОСЦА Н. У. УЛАГАШЕВА[1]

Поэмы:

1. Алтын-Мизе
2. Ак-Боко
3. Ак-кан
4. Эрмен-Чечен
5. Эр-Самыр
6. Албаты-Билек
7. Ак-бий
8. Ескюзек
9. Курман-Тойчи
10. Тарлан-Коо
11. Кан-Алтын
12. Кан-Кюлер
13. Кан-Солон
14. Катан-Коо
15. Шокчы-Мерген
16. Кан-Кеглен и Кан-Юнюты
17. Суултай
18. Ескюс-Уул.
19. Ескюс-Уул.
20. Кан-Мидей
21. Ак-Кобок
22. Малчи-Мерген
23. Имей-Алтын и Шимей-Алтын.
24. Канза-бий.
25. Бого-черю
26. Шуна.
27. Кан-Улетэй.

Сказки:

1. Уч-Карындаш
2. Таарт-Дьелиш
3. Куук-Баш.

Кроме этого, в репертуаре Н. У. Улагашева есть несколько русских сказок: 1. Бакол Балезич. 2. Антон Антоныч. 3. Иванак («Конек-Горбунок»).

---

[1] В списке оставлены только те поэмы и сказки, которые не опубликованы на русском языке. Кроме произведений, вошедших в наш сборник, на русском языке были опубликованы четыре сказки Н. У. Улагашева: 1) «Чельмеш» — в газете «Алтайская правда» 18 мая 1939 г., 2) «Ырысту» — в книге А. Гарф и П. Кучияк «Алтайские сказки», Москва, Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939 г., 3) «Боро-Кучкаш» — там же, 4) «Три сестры» — в газете «Алтайская правда» 8 декабря 1940 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Переплет, титул, рисунки, заставки и концовки художника *И. В. Титкова*

Редактор *А. Л. Коптелов*
Технический редактор *В. И. Лукашевич*
Корректоры: *В. К. Герсони, А. А. Никулькова*

Сдано в набор 7/III 1941 г. Подписано к печати 16/IV 1941 г. Издание № 14. Индекс Х—2. Формат бумаги 84×108/32. Объем: 25,75 печатного листа. 26,435 учетно-издательского листа. Тип. знаков в печ. листе 39 тыс. Тираж 15000 экз. МН 24622. Цена текста 11 р. 90 к. Переплет 1 р. 75 к.

г. Новосибирск. Типография № 1 Облисполкома. Зак. № 38.

Внимание!

Кому попадет в руки эта книга „Алитай — Бучай!“ прошу возвратить Бригадиренко Владимиру. [illegible]

